

ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

В.В. БАРАБАШ
Г.А. БОРДЮГОВ
Е.А. КОТЕЛЕНЕЦ

**ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ В МИРЕ**

Учебное пособие

**Москва
2008**

Введение

Лекция 1. Предмет курса и его актуальность

Дополнительная часть

Лекция 1. Предмет курса и его актуальность

Россия и в XX, и в XXI вв. вызывает обостренный интерес и дискуссии. И, по всей видимости, более сильные, чем в отношении любой другой страны мира. Задача настоящего курса – показать, как создавались и создаются образы России исторической и современной, каким законам или закономерностям подчиняется создание образа страны и народа, что такое этностереотипы, как и почему они возникают, как порождают ксенофобию и как, наоборот, могут помочь в борьбе с ней.

На формирование образа любой страны и народа влияет соприкосновение с другими странами и народами. В результате складывается образ, как правило, не совпадающий с тем собственным образом, который создает для себя данный народ. Все эти образы с течением времени претерпевают изменения.

Каждый язык по-своему описывает окружающий мир, определяет особенности его восприятия. С этой точки зрения не существует двух одинаковых образов, даже если они определяются схожими понятиями, поскольку слова, обозначающие эти понятия, в разных языках имеют разное значение. Как известно, одни и те же понятия, синонимы, в различных языках не вполне совпадают. Поэтому каждый язык создает свою уникальную картину мира, которая не может целиком сохраниться при переводе на другие, даже очень близкие к нему языки.

У каждого народа есть свои устойчивые представления как о себе самом, так и об окружающих народах, странах и культурах. Образы стран и народов изучает наука *имагология* (от лат. *imago* – образ, вид). Она пытается определить, как изменяются образы одних и тех же стран и народов в различных языках и культурах. Имагология формализовала то положение, которое и прежде было хорошо известно литератороведам и искусствоведам. Любое литературное произведение, любой литературный образ, любое произведение искусства имеет бесконечное число интерпретаций, подавляющее большинство которых нельзя назвать ни безусловно верными, ни очевидно ошибочными. Отсюда проистекает принципиальная множественность образов не только явлений литературы и искусства, но и вообще всех явлений жизни.

В настоящее время *имагология* занимается в первую очередь исследованиями представления и восприятия национальных образов (этностереотипов), а также противопоставлений по линии «Свой – Чужой» в пространстве собственной и других культур.

По мнению многих культурологов и социологов, имагология теперь и сама активно конструирует новые образы, манипулируя сознанием. Один из основоположников имагологии чешский писатель Милош Кундера пишет:

“Потерпели крах все идеологии: в конечном счёте, их догмы были разоблачены как иллюзии, и люди перестали принимать их всерьёз. Коммунисты, к примеру, верили, что пролетариат в ходе капиталистического развития будет нищать все больше и больше, и когда однажды оказалось, что рабочие по всей Европе катят на работу в авто, они готовы были кричать, что реальность жульничает. Реальность оказалась сильнее идеологии. И именно в этом смысле имагология превзошла её: она сильнее реальности, которая, впрочем, давно уже перестала быть для человека тем, чем была для моей бабушки, жившей в моравской деревне и знавшей всё по собственному опыту – как печётся хлеб, как строится дом, как забивают хряка и делают из него копчёности, что кладётся в перины, что думает о мире пан священник или наш учитель; каждодневно она встречалась со всей деревней и знала, сколько совершено было в округе за последние 10 лет убийств; у неё был, так сказать, личный контроль над действительностью, так что никто не мог убедить её, что моравское земледелие процветает, когда дома нечего было есть”.

В этом своем качестве имагология превращается в имиджмейкерство, т.е. в создание средствами рекламы и пиар-технологий образов политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса, товаров и т. п. для успешной продажи на рынке.

По мнению Кундеры, социологи зачастую становятся проводниками влияния имиджмейкеров. Действительно, опросы общественного мнения становятся решающим инструментом имагологической власти. Имагологи бомбардируют людей вопросами: «прибыльна ли французская экономика? будет ли война? существует ли во Франции расизм? а расизм - это хорошо или плохо? кто самый великий писатель всех времен? Венгрия в Европе или в Полинезии? кто из государственных мужей мира наиболее сексуален?». Опросы общественного мнения – это «перманентно заседающий парламент, цель которого продуцировать правду, причем самую демократическую правду, какая когда-либо существовала. И поскольку власть имагологов никогда не окажется в разладе с парламентом правды, она всегда будет жить по правде, и, хоть все человеческое, как известно, недолговечно, я не могу представить себе, что могло бы сломить эту власть».

«Имидж» (англ. *image*) – это образ человека, явления, товара, формируемый с целью оказать эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию в желательном для заказчика направлении.

Точно таким же образом создается имидж страны и народа, как для внешнего, так и для внутреннего потребления. Как правило, это делается в политических целях, и в качестве заказчика выступает правительство. В качестве же исполнителей выступают имиджмейкеры (англ. *imagemaker*) – творцы образов. При этом образ народа создают как «свои» так и «чужие».

«Свои», обычно представляющие партии, находящиеся у власти, стремятся создать максимально позитивный образ страны, как для своих избирателей, так и для внешнего мира. Последнее призвано помочь проведению внешней политики и сделать страну привлекательной для инвесторов. «Чужими» же в данном случае внутри страны нередко могут выступать представители оппозиции, заинтересованные в смене правительства.

Однако до создания негативного образа страны в ходе естественной политической борьбы за власть дело доходит сравнительно редко. Как правило, это случается лишь в тех случаях, когда правящий режим является тоталитарным или авторитарным, и сместь его методами парламентской демократии оказывается невозможным. Тогда смена режима оказывается возможна либо в результате массовых революционных выступлений, либо военного переворота, либо, в крайнем случае, в результате внешней военной интервенции, как это произошло с тоталитарными режимами Германии, Италии и военно-авторитарным режимом Японии в ходе Второй мировой войны или с авторитарным режимом Саддама Хусейна в Ираке в результате англо-американской интервенции.

Во всех этих случаях создание негативного образа режима косвенно ведет к созданию элементов негативного образа страны. Цель этих действий – обеспечить внешнюю поддержку свержению диктатур. Внешний же образ «чужой» страны создается сравнительно редко и обычно является негативным. Это происходит в случае, если между странами происходит война или острый внешнеполитический конфликт, вроде «холодной войны», развернувшейся после Второй мировой войны между СССР и его бывшими западными союзниками. В ходе войны максимально негативный образ противника создается, прежде всего, для населения своей страны. Пропаганда же на население враждебного государства обычно не направлена на создание негативного образа Чужой страны и Чужого народа в целом, поскольку в таком случае она не имела бы никакого эффекта.

В этой пропаганде упор делается на разделение народа и ведущего войну правительства, которое, естественно, изображается в самых мрачных красках. В пропаганде же на иные страны, не вовлеченные в конфликт, создается негативный образ врага, но с учетом его восприятия иностранцами он отличается от того, который создается внутри Своей страны.

Во время межгосударственных конфликтов, пропагандой данного государства для внутреннего и внешнего потребления создается образ Чужой этнической общности как некультурной, жестокой, все

члены которой наделены всеми мыслимыми пороками. Причем, этот образ распространяется обычно на всех без исключения представителей другой национальности.

Есть примеры и по созданию положительного имиджа другой страны. Это происходит обычно тогда, когда после долгих лет вражды прежний противник превращается в союзника. Так происходило, например, в отношениях между Францией и Германией в 1950-е годы.

В создании как положительного, так и отрицательного образа исключительно важную роль играют *стереотипы*, использование *стереотипного мышления* людей, без которого, как считают психологи, трудно воспринимать окружающий мир. *Стереотип* (речь идет о социальном стереотипе) – *схематический, стандартизованный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью*. *Стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий или сложившегося опыта; составная часть установки*.

На протяжении многих десятилетий в само понятие «стереотип» вкладывалось исключительно негативное содержание, т.е. он был синонимом устаревших и предвзятых представлений, связанных с предрассудками. Отсюда в последнее время весьма часто можно услышать, что развитое общество должно работать над преодолением сложившихся стереотипов, потому что они отрицательно влияют на отношения между странами и народами.

Сами по себе стереотипы не хороши и не плохи. В принципе надо стремиться очищать стереотипы от тех деталей, которые очевидно противоречат действительности. Однако слишком быстро сменить стереотип невозможно. Даже при помощи самых мощных средств, например, с помощью телевидения. Попытка же агрессивно и быстро навязать новый стереотип может вызвать обратную реакцию в виде стремления сохранить прежний стереотип, даже если он вопиюще противоречит действительному положению вещей. И создать стереотип, полностью отвечающий действительности, никому еще не удалось.

По всей вероятности, человеческая психика имеет потребность в сохранении некоторых стереотипных черт, независимо от их истинности. Главное в стереотипе – это его устойчивость, а не соответствие истине. В большинстве случаев вообще нельзя с уверенностью сказать, в чем он соответствует, а в чем не соответствует действительности.

По мнению американского социолога Уолтера Липпмана, который в 1922 году ввел сам термин «стереотип», человек, пытаясь постичь окружающий мир, создает в своей голове картину тех явлений, которые непосредственно никогда не наблюдал. Позднее, когда он непосредственно сталкивается с данными явлениями, сложившийся стереотип все равно влияет на их восприятие. По Липпману, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает образ тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек получает ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Такие представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума и существующих в данном обществе традиций. Липпман полагал, что в большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы склонны воспринимать эту информацию в форме стереотипов.

Если личный опыт человека противоречит стереотипу, то большинство людей либо просто не замечают этого противоречия, либо считают его лишь некоторым исключением, подтверждающим правило. Только люди, интеллектуально продвинутые при столкновении стереотипа с реальностью, изменяют свое восприятие окружающего мира. Даже если человек сам непосредственно сталкивается с данным явлением (например, знакомится с представителем другого народа или живет какое-то время в другой стране), существующий стереотип сильно влияет на его восприятие, и на преодолении в тех его черт, которые не отвечают действительности, все равно требуется определенное время. В ряде же случаев человек предпочитает оставаться в рамках стереотипа, сознательно игнорируя те черты реальности, которые ему

противоречат, или, убеждая себя в том, что они имеют лишь второстепенное значение и не должны кардинально менять сложившийся образ.

Стереотипы экономят мыслительные усилия человека. Они позволяют воспользоваться готовым клише восприятия того или иного явления, освобождают от необходимости дополнительных мыслительных усилий для формирования собственного мнения. В условиях современного информационного взрыва человек не имеет физической возможности самостоятельно изучить все больше значимых для него явлений. Объем информации растет значительно быстрее, чем растут наши возможности, в том числе с помощью сверхмощных компьютеров, для обработки новой информации. Не говоря уже о том, чтобы ее усвоить и активно использовать. Поэтому легче полагаться на существующие стереотипы. Однако это открывает большие возможности для манипуляции сознанием, особенно со стороны тех, кто владеет СМИ.

Кроме имагологов, стереотипы изучают психологи, социологи, социальные (культурные) антропологи, историки, литературоведы и лингвисты. В частности, можно учитывать работы И.В. Следзёвского и его школы, в которых соотносится проблема формирования политической культуры и стереотипов восприятия, роль мифологического сознания, выработки образа врага в условиях социокультурного кризиса. Выход на психологическую основу (когнитивную психологию) имеют и работы школы В.М. Сергеева, в которых изучались рациональные элементы политического сознания. Авторы этой школы, несмотря на расхождения с коллегами школы Следзёвского, склоняются к одному: нельзя понять политическое сознание без обращения к глубинным психологическим основаниям, без изучения природы бессознательного.

Стереотипы фиксируют стандартное для каждой из существующих культур отношение к ценностям общества. Психолог А.Г. Асмолов в книге «Психология личности» подчёркивает двойственность стереотипа как одну из основных его характеристик. С одной стороны, стереотипы выступают как нерефлексируемые способы решения проблемы в рамках социальной группы, с другой, они выступают как социотипическая характеристика личности, проявляющаяся в столкновении с другой культурой.

Не утратила своего значения и концепция психологического развития человека, разработанная советским психологом Л.С. Выгодским при участии его учеников А.Н. Леонтьева и Л.Р. Лурия. В разработке своей культурно-исторической теории они основывались на опыте гештальт-психологии, французской психологической школы (прежде всего, Ж. Пиаже), а также структурно-семиотического направления в лингвистике и литературоведении («формальная школа»). Несмотря на то, что указанная теория традиционно использовалась отечественными учёными при изучении детской психологии, она имеет универсальное значение. Согласно теории, главная закономерность развития психики состоит в *интериоризации* (принятия информации в свой внутренний мир) структуры его внешней, социально-символической (т.е. опосредованной знаками) деятельности. В итоге прежняя структура психических функций как «натуральных» изменяется – опосредствуется интериоризированными знаками, психические функции становятся «культурными»

Образы народов также именуются национальными или этническими стереотипами (греч. *ethnos* – народ, *stereos* – твердый, *typos* – отпечаток). Различают эндо (внутренние)- и экзо (внешние) этностереотипы. Эндоэтностереотип – это то представление о своем народе, которое свойственно ему самому. Экзоэтностереотип – это то представление о данном народе, которое свойственно другим народам.

Каждый народ имеет свое устойчивое бытовое представление о других народах на уровне обыденного сознания.

Об англичанах принято говорить, что они невозмутимы в любой, самой опасной ситуации.

О немцах, что они пунктуальные.

О французах, что они влюбчивы и легкомысленные.

О китайцах, что они трудолюбивы.

Мы говорим «типичный американец», «типичный англичанин», «типичный русский», имея в виду определенный набор свойств, опирающийся на сложившийся в данный момент национальный стереотип. Таким образом, национальные стереотипы, являясь собирательными, условными образами,

отражают этнические и культурные особенности народа, специфику национальной психологии и традиции обоих народов, как того, в отношении которого создается стереотип, так и того, который данный экзостереотип создает. В конечном итоге, любой экзостереотип является результатом взаимодействия культур двух народов.

Многие этнические стереотипы, бытующие в современном человеческом сознании, существует уже на протяжении нескольких десятилетий и даже нескольких веков. Еще в 1822 г. А.С. Пушкин так определил свойства народности:

"Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу".

Фактически здесь описаны свойства этностереотипа. Образ мыслей и чувствований составляет глубинный культурно-психологический склад народного мышления. Он менее ощутим, но от него труднее всего избавиться. Обычаи, поверья, привычки, наоборот, лежат на поверхности. Они подвержены гораздо более быстрым историческим переменам.

Эндоэтностереотипы, как правило, в целом позитивны, хотя отдельные несущественные недостатки в портрете собственного народа могут быть вполне допустимы, а иногда даже выходят на первый план. А вот экзостереотипы могут быть как преимущественно позитивными, так и преимущественно негативными. Это зависит как от исторической памяти, так и от современного характера отношений между странами и народами.

Этностереотипы как в обыденном языке, так и в научной литературе часто называют национальными характерами. Синонимом национального характера выступают «менталитет» или «ментальность» народа. Особенности национального характера, или менталитета, познаются нами главным образом через этностереотипы. При этом эндостереотипы часто идеализируют нравственные качества своего народа, тогда как экзостереотипы часто искажают образ другого народа из-за незнания его обычаяв и особенностей его быта. В большинстве случаев оказывается невозможным проверить, насколько черты того или иного этностереотипа соответствуют действительности, присущи ли те или иные черты национального характера всем представителям данного народа, их большинству или меньшинству.

Например, утверждение, что немцы (руssкие, китайцы, англичане и т. д.) – пьяницы, легко проверяется статистикой потребления спиртного на душу населения жителями той страны, где этот народ составляет большинство, и ее сравнением с аналогичной статистикой для других стран и народов. А вот как проверить, добрый ли данный народ или злой, трудолюбивый или ленивый, гостеприимный или скупой? Очевидно, что данные качества не могут быть свойственны всем представителям данного народа. Ведь в каждом народе есть люди добрые и злые, трудолюбивые и ленивые и т.д. Объективных критериев определения, каких людей больше, равно как и критериев того, кого считать добрым, злым, трудолюбивым или ленивым, не существует. И уровень экономического развития страны, в частности, в показателях душевого ВВП (Валового Внутреннего Продукта), нельзя считать сам по себе показателем высокого уровня экономики данного народа. Слишком многое зависит от особенностей и уровня социально-экономического развития страны, наличия природных ресурсов и других факторов. Можем ли мы определить, например, кто более трудолюбив, средневековый французский крестьянин или современный американский клерк?

К национальному характеру обычно относят уникальные психологические особенности данного народа (нации). Однако объективно можно установить только тип темперамента, свойственный большинству представителей того или иного этноса. Черты же национального характера – это всего лишь этноэндостереотип либо этноэкзостереотип. В то же время, если некоторые черты национального характера устойчиво повторяются не только в эндостереотипе, но и в целом ряде экзостереотипов данного народа, то можно с большой долей вероятности предположить, что эти черты действительно являются частью данного национального характера. При этом, однако, нельзя исключить, что большинство экзостереотипов либо отражают эндостереотип, либо являются производными от одного из экзостереотипов, которые ранее других сформировался у одного из народов, а потом был заимствован другими.

Первое эмпирическое исследование этностереотипов было проведено в 1933 г. в США Д. Кацом и К. Брейли среди 100 студентов Принстонского университета. Они предложили выбрать из списка 84 личностных черт по пять наиболее характерных для десяти этносов и этнических групп: белых американцев, афроамериканцев, англичан, ирландцев, немцев, итальянцев, евреев, китайцев, японцев, турок. Обнаружилась высокая степень согласия в приписывании некоторых черт тем или иным этническим группам. Например, 84% испытуемых считали, что афроамериканцы суеверны, 78% — что немцы способны к наукам и т.п.

В начале 1950-х годов по инициативе ЮНЕСКО было проведено широкомасштабное исследование с целью определить:

- 1) как представители одной страны воспринимают народы других стран;
- 2) какие факторы определяют их восприятие.

Для опроса были выбраны те страны, где в населении резко преобладают представители одного этноса. Это — Австралия, Англия, Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, США. Таким образом, полученные данные можно было интерпретировать как этностереотипы, характерные для представителей данного народа: англоавстралийцев, англичан, американцев, норвежцев и т.д. Для опроса не годилась, например, Бельгия, где два основных народа, фламандцы и валлоны, имеют почти одинаковую численность.

Участникам опроса предлагалось выбрать из 13 определений те, которые, по их мнению, характеризуют русских, американцев, англичан, французов, китайцев и их самих. Разница между положительными и отрицательными ответами фиксировалась в виде так называемого «знаменателя дружественности».

Этностереотипы также выявляются на основе анализа прессы и художественной литературы. Следует отметить, однако, что этнические стереотипы определяются, главным образом, посредством проведения социологических опросов. При этом, как правило, респондентам предлагается выбрать из предлагаемого набора характеристик те, которые наиболее подходят для того или иного народа. Однако лишь в редких случаях респондентам позволяют дать собственные характеристики народам, не предлагая им заранее никакого списка. Ясно, что в первом случае социологи, так или иначе, сами влияют на формирование стереотипов, задавая определенные клише.

Опрос, проведенный в июне 2005 г. Центром межэтнического взаимодействия «Диалог» среди 505 нижегородских студентов, главным образом, русских, которым предлагалось назвать первую пришедшую в голову ассоциацию, возникающую при упоминании каждой из 10 национальностей, дал такие результаты:

русских считают, в первую очередь, алкоголиками,
украинцев — любителями сала,
евреев — иудеями, хитрыми и жадными,
азербайджанцев — торговцами на рынке, прежде всего арбузами,
с чеченцами ассоциируются война и боевики,
с татарами — ислам и татаро-монгольское иго,
цыган называют кочевниками, живущими в таборе,
чувашей наградили нелестным эпитетом бестолковый,
удмуртами почему-то самая значительная часть опрошенных (20%) считает оленеводами, живущими в чумах на севере,
курдов-йезидов связали в первую очередь с Кавказом, а не с Курдистаном, и назвали беженцами и борцами за свободу.

В целом в стереотипах преобладали негативные или нейтральные характеристики. Что показательно, отрицательной оказалась главная черта этноэндостереотипа — русских. Положительных

характеристик почти не было. Получается, что к Своим, по крайней мере, на уровне стереотипов, русские относятся так же плохо, как и к чужим.

Следует учитывать, что одни и те же качества разными народами в разные времена оценивались по-разному. Например, немецкий практицизм самими немцами оценивается, безусловно, положительно, русскими еще и в XIX веке оценивался скорее отрицательно. Наоборот, русская бесшабашность, самими русскими воспринимаемая скорее как положительная черта, у европейцев вызывала, как правило, отрицательные эмоции.

Механизмы формирования стереотипов, в том числе этнических, изучены далеко недостаточно. Ведь они формируются на подсознательном уровне. И, как мы уже говорили, главную роль в формировании стереотипов играет телевидение, киноиндустрия, печатные СМИ. Сейчас к ним присоединился и Интернет, который нередко распространяет стереотипы не на один, а сразу на несколько народов, которые имеют общие элементы истории и культуры и воспринимаемые данным народом как нерасчлененное целое. Вот, к примеру, взятая из Интернета пародия на негативный стереотип народов Прибалтики у русских в советское время:

«Прибалты живут в Прибалтике. Они все фашисты, по-русски не говорят. Если спросишь у прибалта, как пройти на вокзал, он делает вид, что не понимает. Или нарочно объясняет неправильно. Прибалты тихие и вежливые. У них темперамента нет. А женщины развратны. Прибалтам разрешается слушать джаз и рок. У прибалтов хорошее пиво. Они его пьют в специальных пивных барах со специальными пивными коржиками. Прибалты любят порядок. У них всюду чистота. Когда прибалт видит, как русские бросают мусор, он начинает шипеть что-то по-прибалтийски. Прибалты очень гостеприимны. Они живут на хуторах. Там у них свое хозяйство, никто не пьет, а по воскресеньям все ходят в Костел. Со снабжением у прибалтов – не так как у нас. У них со снабжением хорошо. Молочные продукты в ассортименте, всякие сырки в шоколаде, колбаса. Прибалты все ездят на машинах по дорогам. У них дороги в отличном состоянии. В войну прибалты были против нас, а потом Сталин прибалтов всех сослал в Сибирь. Поэтому потом прибалтам разрешили слушать джаз и рок. Но все-таки иногда прибалты убегают за границу на лодках».

Здесь отдельные положительные черты стереотипа призваны лишь оттенить главную отрицательную черту – будто бы существующую ненависть прибалтов к русским и ко всему русскому. Даже такие положительные черты, как хорошее пиво, хорошие пивные, хорошее снабжение мясными и молочными продуктами, возможность слушать джаз, должны подчеркнуть (а в пародии все черты стереотипа выступают особенно резко) то, что все это отсутствовало в советской России. Наличие же у прибалтов всех этих благ цивилизации должно было, по логике данного стереотипа, лишь усиливать ненависть русских к прибалтам.

Естественно, правительства почти всех стран заинтересованы, чтобы их страна и народ имели позитивный имидж в мире. Однако целенаправленная кампания на государственном уровне по созданию позитивного облика страны и народа не могли проводиться раньше конца XIX века. Тот же Милан Кундера, к примеру, утверждает:

«Философы могут убеждать нас, будто безразлично, что думает о нас мир, что действительно лишь то, каковы мы на самом деле. Но философы ничего не смыслят. Поскольку мы живем с людьми, мы не что иное, как то, за кого люди нас принимают. Думать о том, какими нас видят другие, и стараться, чтобы наш образ был по возможности более симпатичным, считается своего рода притворством или фальшивой игрой. Но разве существует какой-нибудь прямой контакт между моим и их Я без посредничества глаз? Разве мыслима любовь, если мы не озабочены тем, каков наш образ в мыслях любимого? Когда нам становится безразлично, каким нас видит тот, кого мы любим, это значит, мы его уже не любим... Наивная иллюзия думать, что наш образ лишь видимость, за которой скрыто наше Я как единственное истинная сущность, независимая от глаз мира. Имагологи с крайней циничностью открыли, что это как раз наоборот: наше Я лишь простая видимость, неосозаемая, невыразимая, туманная, тогда как единственная реальность, даже слишком легко осозаемая и выражимая, это наш образ в глазах других. И что самое худшее: ты не властелин этого образа. Поначалу ты стремишься сам нарисовать его, затем хочешь хотя бы влиять на него

и его контролировать, но все тщетно: достаточно одной злонамеренной формулы, чтобы тебя навсегда превратить в жалкую карикатуру...".

Итак, образами стран и народов занимается наука имагология. Она изучает образы не только стран и народов, но и, в принципе, любых товаров. Таким образом, как это ни парадоксально, образ страны или народа (этностереотип) превращается в товар. В зависимости от заказчиков, этот образ может быть как положительным и отрицательным, однако его конструирование и последующее бытование зависят отнюдь не только от воли заказчика, но и от непредсказуемых особенностей человеческого подсознания и от опыта общения народов.

Тема I. Основания интерпретации образов своего, иного, чужого, врага

Лекция 2. Генезис образов Чужого и Своего. Факторы, влияющие на эти образы

Лекция 3. Этностереотипы и национальный характер, ксенофобия

Список литературы

Дополнительная часть

Лекция 2.

Генезис образов Чужого и Своего. Факторы, влияющие на эти образы

Данная лекция посвящена тому, как и когда возникают образы Чужого, как складывается противостояние по линии Свой-Чужой, каковы причины возникновения такого противостояния, какие факторы влияют на его развитие.

Картина мира того или иного этноса становится фундаментом культурных стереотипов. Анализ стереотипов помогает выявить различия в национальной культуре того или иного народа. Этностереотипы (национальные образы) одной из важнейших своих задач имеют четкое отделение Своего от Чужого. Противостояние по линии Свой-Чужой существует, возможно, почти столько же лет, сколько существует человечество. Разделение людей на племена, роды и семьи положило начало этому противостоянию, обусловленному соперничеством в борьбе за ресурсы выживания.

Позднее появилось разделение человека на расы, а потом и на языки и этносы (первоначально языковое и этническое деление совпадало). При этом сегодня расовое разделение осознается порой более глубоко, чем разделение этническое. Например, афроамериканцы являются субэтносом (этнической группой) американцев, по существу образуя с белыми американцами один народ, практически не отличаясь от них по языку и имея с ними общую культуру. Однако браки между белыми американцами и афроамериканцами – явление гораздо более редкое, чем браки белых американцев с немцами и поляками – представителями других народов.

Между прочим, американские расисты традиционно утверждали, что негры стремятся в первую очередь к равенству в сфере сексуальных отношений с белыми, и оправдывали расовую дискриминацию опасениями, что их жены и дочери тогда, не дай Бог, будут иметь секс с неграми. В действительности же, как еще в 1944 г. доказал шведский социолог Густав Мюрдаль, для афроамериканцев на первом месте по значимости стояла экономическая дискриминация, на втором месте – юридическая, на третьем месте – политическая, на четвертом – стремление к равенству в сфере общественного обслуживания, на пятом – право на вежливое и уважительное отношение со стороны белых, и только на шестом месте – право на сексуальные отношения с белыми.

После окончания Второй мировой войны в связи с подъемом движения за права афроамериканцев на первое место выдвинулась проблема юридической, а на второе – политической дискриминации. Сексуальное равноправие же по-прежнему осталось на последнем месте. Это, в частности,

свидетельствовало о том, что предубеждение существовало и существует также и со стороны негров по отношению к белым, что также объясняет незначительное число межрасовых браков и тогда, когда всякая дискриминация была отменена.

С помощью категорий Свой-Чужой люди упорядочивают собственный жизненный опыт. Этот опыт подсказывает людям, что они создают не только материальный мир, но и мир человеческих взаимоотношений, которые регулируются обычаями, традициями, законами и нормами, относительно уникальными для определенных национальных и культурных сообществ. А при контакте с прежде незнакомой культурой ее носитель автоматически определяется как Чужой, причём преимущественно с негативной окраской. В России, например, сейчас сугубо негативный образ Чужого существует не только по отношению к иностранцам, но и по отношению к выходцам из ряда российских регионов, особенно кавказских.

В памяти каждого формируется три образа:

личный образ, т.е. тот образ, в котором человек видит самого себя;
образ Своей общности – семейной, этнической, социальной;
образ Чужого – народа или социума.

Чем больше эти три образа разнятся между собой, тем больше проблем возникает в отношениях между людьми. Если личный образ сильно отличается от образа Своего, то возникает конфликт индивидуума со своим обществом, тем более острый, чем больше расходятся стереотипные представления о себе и Своих. А вот если прямо противоположными оказываются стереотипы Своего и Чужого, это создает почву для конфликта, в результате которого такое противостояние еще больше усиливается.

В процессе осознания людей себя отдельным этносом, отличным от других, происходит противопоставление по линии «мы» -- «они», формируются образы Своего и Чужого. Это видно, в частности, при сравнении названий, которые народ дает самому себе и получает от других народов. Так, самоназвание немцев – *deutsch* – означает люди. Для русских же «немцы», в первоначальном значении, «немые», т.е. не говорящие по-русски. Первоначально «немцами» называли всех иностранцев, и только в XVI веке это название закрепилось за выходцами из Германии, составлявшими самую многочисленную иностранную колонию на Руси и, в частности, в самой Москве, где они населяли так называемую Немецкую слободу.

Социологами давно подмечено, что при ответах на вопросы, касающиеся образа Своего, респонденты в большей мере ориентируются на конкретных людей из числа своих знакомых и их вполне реальные жизненные ситуации, тогда как при ответах на аналогичные вопросы относительно образа Чужого они ориентируются прежде всего на существующие стереотипы, даже если у них есть знакомые представители данного народа.

В многовековом диалоге между различными народами следует различать реальные дипломатические, политические, экономические и культурные контакты и культурную рефлексию по поводу этих контактов. Именно в процессе рефлексии формируется образ Чужого и Своего, в том числе и применительно к культурному пространству.

Образы Чужого, как правило, имеют реальные основания в историческом прошлом и настоящем, однако отбор свойств для конструирования образа задается современной конъюнктурой. Этностереотип ориентируется на некий идеальный образ народа, к которому обычно приближается образ «своего» народа. Образ же «чужого» народа может быть нейтрален по отношению к идеалу или, в случае непосредственного военного столкновения превращаться в абсолютный антиидеал.

В народной картине мира существует Свое и Чужое пространство, которое населяют человеческие существа и демонические персонажи фольклора. Она признает наличие Своего и Чужих языков, традиционных обрядов и укладов жизни. Чужой может быть плохим или хорошим, но он в лучшем случае может быть только Иным, но не своим.

В древности и Средневековье этностереотипы основывались на образах традиционной культуры, имеющих фольклорно-мифологическое происхождение. В то же время, этностереотип – это всегда значительно обобщенный и упрощенный образ Своего или Чужого.

Люди неизбежно воспринимают и оценивают чужие обычаи, традиции, формы поведения, прежде всего сквозь призму своих собственных обычаев и традиций, знакомых им с детства. Это происходит помимо их воли, на подсознательном уровне.

Каждый народ пытается осознать собственную уникальность, свое место в истории и культуре. На основе этого формируется его *идентичность*. Люди знакомятся не только с письменными источниками, фиксирующими исторические факты, не только с материальными памятниками своей и чужих культур, но и являются носителями (иной раз бессознательно) фольклорно-мифологической памяти, религиозных верований и национальных традиций духовной культуры. В народной культуре отношение к представителям других этносов, как правило, этноцентрично. Свои традиции, религия, обычаи и, главное, язык считаются единственными «правильными» и «истинными». Подобный этноцентризм на подсознательном уровне свойственен всем народам мира и является неотъемлемой частью их идентичности.

Фольклорно-мифологическая трактовка образа Чужого, в свою очередь, зависит от того, как воспринимается представитель иного этноса. Если он несет опасность, то он отвергается. Если этого нет, то Чужой может быть принят в Свое общество, на него могут распространяться существующие обряды, обычаи, нормы и законы, он может принять господствующую в данном обществе религию и выучить язык.

Как предполагает культуролог С.Ю. Неклюдов, уподобление Чужого зооморфной нечистой силе может иметь глубокие психологические корни в самой ранней эпохе первобытности:

«...В истории человеческой культуры есть момент, когда “невыделение из природы” сменяется противопоставленностью ей, а фигура животного – именно в силу его “партнерской” близости к человеку и морфологического сходства с ним – способна породить жуткий демонический образ “чужого в своем”: природного, звериного, приступающего из-под человеческой личины в виде хвостов и копыт (которые, быть может, тем страшнее, чем привычнее в повседневной жизни), покидающего ее в облике мелкой или крупной твари (обычно также хорошо знакомой), либо, наконец, овладевающего этой личиной, чтобы вторгнуться в нее в столь уязвимый человеческой мир. Согласно народным поверьям, демонические персонажи отличаются чрезвычайной похотливостью и охотно вступают в любовные отношения с человеком (что, как правило, имеет для жертвы самые дурные последствия)».

В славянской традиции как отличительные признаки Чужого расцениваются веснушки и рыжий и черный цвет волос. Иногда Чужим приписывают некоторые звериные черты, например, наличие небольшого хвоста. Этот же признак может быть также соотнесен с нечистой силой. Чужим обычно приписывают склонность к магии и колдовству, которые способны принести вред. Не случайно в древности Чужие в мифах наделялись нечеловеческими или не вполне человеческими чертами, дабы яснее отличить их от Своих. Отсюда – предания о людях-великанах, о людях с песьими головами, одноглазых циклопах и даже о племенах амazonок. Чужих в мифах обычно наделяли длинными и грязными волосами, дурным запахом, им приписывали людоедство. Позднее же эти мифические черты распространяли и на вполне реальные народы.

Чужие обычаи кажутся странными, нелепыми, для себя они выглядят порой унизительно. И это вполне естественно. Русскому и финну покажется странным целоваться прилюдно на улице, что вполне естественно для итальянца или француза. Те, в свою очередь, могут найти русских или финнов чересчур холодными, неулыбчивыми. Подобные различия вытекают не только из различий темпераментов, но и из различий и всего прошлого культурного опыта. Проблема возникает лишь тогда, когда неприятие или настороженное отношение к чужим обычаям перерастает в устойчивую негативную психологическую установку по отношению к данному Чужому, становится этническим предрассудком или предубеждением.

На всех уровнях мифологизация образа "чужого" сочетается с "бытовым" знанием о соседях, основанном на повседневном общении. Этнические стереотипы способствуют интеграции этнического сообщества. Стереотип не только удовлетворяет психическую потребность человека в экономии

познавательных усилий, но и сплачивает этнос по отношению к Чужим. При встрече же двух цивилизаций каждая из них пытается поставить другую в контекст своей собственной истории, найти Чужому нишу в собственной исторической и религиозной традиции.

В процессе контакта с незнакомой культурой носитель этой другой культуры сам воспринимается как Чужой. Своя культура и обычаи воспринимаются как естественные, а чужие – как неестественные, нарушающие Богом данный порядок вещей. В значительной мере это касается пищи. Французы едят лягушек, китайцы и корейцы – собак, китайцы, японцы и корейцы – трепангов, жители Индонезии – саранчу и других насекомых.

Образ Чужого часто приспосабливается к нуждам и интересам Своего, чтобы оправдать завоевание Чужого, его порабощение, эксплуатацию или подчиненное положение в Своем обществе. Различия между Своим и Чужим проходят, прежде всего, по линии расы, языка, этнической и культурной принадлежности.

Расовые различия, как правило, предопределяют формирование негативного образа Чужого, причем это происходит уже на уровне индивидуального и коллективного бессознательного и мало зависит от правительственные и иных централизованных усилий по формированию положительного образа Чужого. Следующим по уровню влияния на формирование образа Чужого является *язык*, который, как правило, указывает, и на иную этническую принадлежность Чужого. В тех случаях, когда два народа говорят на одном языке, отношения между ними обычно складываются как достаточно благожелательные.

В качестве примера можно привести взаимоотношения народов, говорящих на английском языке, к единству которых в свое время призывал Уинстон Черчилль, или взаимоотношения между немцами, австрийцами и германо-швейцарцами. Исключение происходит тогда, когда соседние народы говорят на одном и том же языке, но придерживаются разных вероисповеданий. В качестве примера можно привести острую вражду, неоднократно приводившую к кровопролитию между панджабцами-сикхами, панджабцами-индуистами и панджабцами-мусульманами.

Близкие по языку народы склонны создавать более позитивные образы Чужого, тогда как по отношению к народам, которые говорят на языках, принадлежащим к другим языковым группам и семьям и абсолютно нами не понимаемым, мы, при прочих равных условиях, создаем более негативные образы.

На образ Чужого еще более резко влияют *религиозные и конфессиональные различия*. В языческой древности они, как фактор отчуждения, не играли большой роли. Тогда верования и любые проявления религиозности были тесно связаны с этнической принадлежностью и самостоятельного значения почти не имели. Только с появлением мировых религий противостояние по религиозной линии начало набирать силу. Речь идет о противостоянии христианства и ислама, противостоянии между различными направлениями внутри христианства и ислама, противостоянии ислама с буддизмом и местными азиатскими религиями, преследованиях иудеев в христианских и мусульманских странах. Нередко проходили кровопролитные войны между соседними народами или гражданская война внутри одного народа. Можно вспомнить, например, религиозные войны между католиками и протестантами (гугенотами) во Франции XVI-XVII веков.

Сегодня в рамках борьбы с международным терроризмом противостояние ислама и христианства еще больше актуализируется. Для мусульман образ Чужого становится образом христианина вообще и наделяется атрибутами нечистой силы, что вполне вписывается в религиозное мировосприятие подавляющего большинства мусульманского населения. Между тем, в мусульманской традиции Чужого, в отличие от Чуждого, следует просветить и увлечь в ряды «уверовавших», но без применения насилия. Однако при этом необходимо жесткое культурное обособление Своего от Чужого. Также и традиция исламской взаимопомощи требует, чтобы человек сначала помог Своим и лишь потом Чужим. Такой жесткой последовательности нет в христианской традиции. Сегодня же христиане для мусульман все больше превращаются из Чужих в Чуждых. Последние же есть порождение сатаны, и в борьбе с ними допустимы все средства.

Европейский образ жизни, основанный на прогрессе технических средств, также осознается мусульманской улицей как нечто Чуждое, враждебное исламу. В христианских же странах, где нет разделения между Чужим и Чуждым, образ Чужого все больше становится образом террориста-мусульманина.

Географический фактор также влияет на формирование образа Чужого. Если речь идет о соседнем народе, но отделенном серьезными географическими барьерами – труднопроходимыми горами, пустынями, широкими реками, то контакты с ним вплоть до сравнительно недавнего времени были затруднены, что делало его образ как Чужого довольно неконкретным. Если же географических барьеров не было, в пограничных областях с давних пор образовывались большие группы смешанного по этническому составу населения. Образ Чужого в этих условиях становился вполне конкретным, но если между представителями двух народов в пограничных областях складывались недружественные отношения, то этот образ становился негативным. Чем теснее становится контакт между народами, тем более усложняется, наполняется конкретным содержанием, приобретает неоднозначный облик восприятие Чужого или Иного.

Географический фактор играл существенную роль в формировании национальных образов в ряде регионов мира вплоть до середины XX века. В дальнейшем развитие транспортного сообщения, распад колониальной системы и массовые миграции населения из бывших колоний в метрополии во многом уничтожило действие географического фактора в традиционном смысле слова. Теперь стереотипы Чужого в значительной мере определяются на основе иммигрантов из этой страны, поселившихся в стране Своего. Возникающий образ Чужого при этом носит резко негативный характер, так как местным населением мигранты чаще всего воспринимаются как конкуренты в борьбе за рабочие места, вне зависимости от того, имеет ли место такая конкуренция на самом деле. Один из примеров этого – выходцы из Средней Азии в современной России. Вообще, чем больше отличаются друг от друга народы по культурно-бытовому и хозяйственному укладу, тем больше негативных черт приобретает образ Чужого, тем труднее становится народам понять и принять друг друга.

Итак, образ Чужого бывает разным на протяжении истории человечества. Его противопоставление образу Своего изменяется в зависимости от необходимости борьбы за ресурсы и характера взаимоотношений между двумя народами. Образ Чужого может быть нейтральным или отрицательным. Степень отрицательности образа зависит от остроты межрасовых, межконфессиональных, межэтнических и межгосударственных противоречий.

Лекция 3.

Этностереотипы и национальный характер, ксенофобия

В этой лекции речь пойдет о соотношении понятий этностереотипа и национального характера, о влиянии негативных этностереотипов на развитие ксенофобии. Наряду с определением ксенофобии рассматривается вопрос о воздействии противопоставления Своего Чужому на распространение ксенофобии в обществе и факторах, влияющих на этот процесс.

Непонимание Чужого основывается на том, что два народа всегда имеют разную сумму знаний, разные обычаи и традиции. Даже одинаковые качества национального характера, например, трудолюбие, влюбчивость или храбрость у разных народов наполняются разным содержанием. Точно также одни и те же понятия в экзо- и эндо- стереотипах, касающиеся одного и того же народа, могут иметь разное содержание. Точно так же одни и те же жесты в разных культурах могут иметь прямо противоположное значение.

Например, для русского, как и для большинства европейских народов, кивок головы вперед на языке жестов означает согласие, а кивок головы из стороны в сторону – возражение. У болгар же, наоборот, кивок головой вперед означает возражение, а кивок из стороны в сторону – согласие.

Все народы в мире обладают тремя видами знаний.

Первый вид знаний называется общечеловеческим и свойственен всем людям на земле. Все они знают и однозначно понимают, что такое солнце, небо, Луна, вода, воздух и т.п.

Второй вид знаний может быть назван региональным. Жители тропиков могут не знать что такое снег, а жители северных широт, в свою очередь, могут не иметь никакого понятия, как выглядит и какого вкуса плод манго.

Третий вид знаний относится к знаниям специфически национальным (этническим). Они являются уникальными и свойственными только данной национальной (этнической) культуры. Только эти знания позволяют правильно расшифровать свойственные данной культуре стереотипы.

Так же и иностранный предпочтительнее изучать в тесной связи с реалиями связанных с ним стран и культур, иначе невозможно достичь точного перевода на этот язык слов и образов родного языка, равно как и точно перевести на этот последний иностранные слова и выражения. Многие явления в национальной культуре оказываются непосредственно связаны с произведениями литературы и искусства, без знания которых понять их оказывается невозможно.

Несмотря на индивидуальность характера отдельной личности, и исследователи, и общественное мнение обычно рассматривают некоторые общие черты характера некой этнической группы в качестве национального характера. Фактически под национальным характером подразумевается стереотипный набор качеств, приписанных одному народу им самим, а также другими народами, как враждебными, так и дружественными.

Исследователи нередко говорят о национальном характере как о совокупности реальных черт нации. В него включают: самосознание, привычки, вкусы, традиции, связанные с национальными чувствами, национальную культуру, быт, национальную гордость и национальные стереотипы в отношении к другим народностям.

Интересно проследить изменение значений одних и тех же национальных имен в течение времени и в различных культурах. Так, имя Михель, в честь небесного покровителя Германии архангела Михаила, было очень популярным среди немцев в Средние века и стало нарицательным. Выражение *der deutsche Michel* встречается впервые в письменных источниках 1541 году, как синоним обычного немца во вполне положительном смысле. Однако уже в XVIII веке это имя в качестве нарицательного приобрело негативную коннотацию и стало употребляться в значении «дурак, простофиля».

В свою очередь, в русских народных сказках имя Иван обычно подразумевает дурака. Между тем, во Вторую мировую войну русские солдаты использовали имя «Фриц» в качестве нарицательного обозначения всех немцев, тогда как в Германии это имя в нарицательном смысле никогда не использовалось. В свою очередь, немцы называли русских во Вторую мировую войну «Иванами», используя это имя в качестве нарицательного, но без присущего ему в русском фольклоре значения «дурак, простофиля».

Весьма рельефно этностереотипы выявляются в так называемых «международных» анекдотах, где представители разных наций, поставленные в одинаковые стандартные ситуации, ведут себя в соответствии с существующими представлениями об основных чертах их национального характера. Характерным является следующий британский анекдот:

«Рай там, где повара – французы, механики – немцы, полицейские – англичане, любовники – итальянцы, а организуют все швейцарцы. А ад там, где повара – англичане, полицейские – немцы, любовники – швейцарцы, механики – французы, а организовано все итальянцами».

Здесь эндостереотип – британский, и он, как и все остальные экзостереотипы, содержит одну позитивную и одну негативную черту. Однако позитивная черта относится к профессии, более престижной с общественной точки зрения. Это вообще характерно для эндостереотипов, где обычно отрицательные черты относятся к менее значимым в социальном смысле. Показательно также, что отрицательная черта немцев здесь – что они плохие полицейские, в немецком эндостереотипе, наверняка, имеет позитивное содержание. Ведь немцы плохие полицейские, с точки зрения других народов, только потому, что они

слишком строгие. С точки же зрения самих немцев, строгость полицейских – это позитивная черта, ибо полицейский и должен быть строг с правонарушителями, иначе порядка не будет.

Образ Чужого, как уже подчёркивалось, сейчас создается преимущественно с помощью телевидения и кинофильмов. Вплоть до начала XX века главную роль в его формировании играли карикатуры и комиксы, а затем, вплоть до середины XX века, ведущая роль перешла к кинофильмам и радио. Неслучайно еще в 1900 году русская газета «Новое время» отмечала:

«Карикатура есть наилучший способ представить конкретно какую угодно отвлеченную идею и внушить ее толпе, недоступной отвлеченностям. Она дает понять глазам образ того, идею чего ум едва ли разумел бы без этой наглядности».

Можно согласиться и с мнением российского историка Н.А. Ерофеева:

«На уровне бытового сознания существование у каждого народа национального характера не вызывает сомнений, является как бы аксиомой. Особенно часто эта мысль возникает во время пребывания в чужой этнической среде, даже самого краткого... У наблюдателя невольно возникает вопрос: случайны ли эти особенности и отличия или они проистекают из одной общей и глубокой причины и коренятся в особой природе данного народа, его особом национальном характере? Может быть, поняв этот характер, мы без труда поймем все особенности данного народа? Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа, и даже его истории».

В эмоциональной сфере противопоставление Своего, уютного и понятного, Чужому, непонятному и враждебному, задает способы познания и оценки реальности, трансформируя ее восприятия в соответствии с целями пропаганды.

По отношению к Чужим, проживающим в Своей стране, например, по отношению к кавказцам в России (к ним относят не только выходцев из государств Южного Кавказ, пусть даже имеющих российское гражданство, но и выходцев из титульных народов российских республик Северного Кавказа), обычно формируется устойчивый негативный стереотип. Их считают "гостями", причем неблагодарными. Особенно это характерно для сознания представителей титульной нации. В печати и в быту можно встретить следующие антикавказские суждения:

"Лица кавказской национальности на русской земле гости, так и ведите себя соответственно",

"Вы должны каждый день благодарить нас за то, что мы дали вам возможность жить на нашей мирной земле",

"Мы им дали приют, работу и кров, они должны молиться на нас", и т.п.

Кавказцев обвиняют в терроризме. Обыватель видит в них боевиков, а чиновник – источник легких взяток. Приезжих чужаков обвиняют в скупке земли и домов, в вытеснении коренного населения с местных рынков. Это характерно не только для России, но и для всех государств, где существуют значительные по численности иммиграントские общины. Часто новых иммигрантов никто не ждет, никто не занимается их легализацией и социальным обустройством. Это повышает уровень преступности среди соответствующих фактов, а это, в свою очередь, только укрепляет негативные стереотипы.

Получается замкнутый круг. Его можно разомкнуть, только работая над преодолением сложившегося образа врага и предоставляя иммигрантам возможности для легального существования. Необходимо создавать на всех уровнях государственной власти и общественной жизни обстановку терпимости и толерантности по отношению к представителям всех этнических, религиозных и расовых групп населения.

В едином негативном образе Чужого (врага) может одновременно слиться как ненависть к политике враждебного государства, так и ненависть к этнической общности, данным государством представляемая. Нередко образ врага теряет черты конкретного народа и становится воплощением абстрактного зла. Однако при возникновении острого межэтнического или межгосударственного конфликта этот образ быстро насыщается конкретикой.

Те, кто поддерживают негативные стереотипы Чужих, руководствуются принципами волчьей стаи, где чужаку нет места, и он должен быть уничтожен или изгнан, чтобы не разрушать сложившуюся иерархию. В современных мегаполисах чужое порой воспринимается уже как некая иррациональная сила, угрожающая самому существованию человека.

Американский социолог Ю. Хартли опросил большую группу средних американцев об их отношении более чем к десятку народов. Среди этих народов были три, которые никогда не существовали на свете. Однако все эти три несуществующие народы получили единодушные отрицательные характеристики. Абсолютно незнакомые названия указывали на абсолютную чуждость этих вымышленных этносов американцам, и поэтому они воспринимались крайне негативно. Хорошо известны примеры, как одно и то же качества у Чужих называются скопостью, а у своих – бережливостью. Другой пример таких определений-перевертышей – агрессивность и напористость.

Малые этнические группы, и в особенности те из них, которые в прошлом или в настоящем подвергались этнической или расовой дискриминации, обнаруживают большую степень внутригрупповой солидарности и взаимопомощи, чем большие нации. Дискриминация сама по себе способствует такому сплочению. Предубеждение большинства создает у членов такой группы острое ощущение своей исключительности, своего отличия от остальных людей. Свойственная же таким меньшинствам групповая солидарность неизбежно приобретает негативную коннотацию в этностереотипах по отношению к ним.

Этнические предубеждения ограничивают сферу общения между представителями разных этносов и мешают установлению между ними доброжелательных отношений, ведут к взаимному отчуждению, порождающему новые проблемы.

В то же время диалог народов и цивилизаций, в какой бы форме он ни происходил, – в форме войны, противостояния, конфликта или в форме сотрудничества и взаимовлияния, он всегда происходит в рамках познания Своей и Чужой культур.

Многие исследователи полагают, что негативные образы Чужого, особенно применительно к Своим национальным меньшинствам и к соседям, являются следствием наличия непреодолимых социальных трудностей, которые общество вымешивает на других народах и группах, прежде всего слабейших.

*Под ксенофобией (от греч. *xenos* – чужой, посторонний, и *phobos* – страх) понимают негативную психологическую установку, выражющуюся в иррациональном страхе и ненависти к Чужим – людям иного народа, расы, веры, выходцам из других регионов и социальных групп.*

В то же время, ксенофобия нередко оправдывает враждебное отношение к Чужим вполне рациональными свойствами. Им приписываются некоторые правдоподобные свойства, либо гипертрофируются реально существующие. И тем не менее, ксенофоб резко делит мир на Своих и Чужих, не признавая полутонов. Отрицательные черты отдельных Чужих переносятся на всю Чужую общность и становятся основанием для презрительного и враждебного к ней отношения. Ксенофобами, как правило, становятся выходцы из наименее обеспеченных и маргинальных слоев общества, проигрывающие социальную конкуренцию и со Своими, и с Чужими в своем обществе.

Так же в первую очередь подвержены ксенофобии люди с невысоким уровнем интеллекта, а также подростки, у которых еще не сформировалась жизненная позиция, и у которых негативный стереотип Чужих формируется под влиянием взрослых.

Нередко ксенофобией заражены и сотрудники правоохранительных органов, которые предпочитают квалифицировать преступления на почве расовой, национальной или религиозной ненависти как обыкновенное хулиганство. Естественно, что ксенофобия вызывает ответную реакцию со стороны Чужих, которые замыкаются в своих общинах и стремятся ограничить к минимуму свое общение с иной культурой. Все это ведет к росту межэтнической напряженности. Нежелание понять другую культуру ведет к ксенофобии и расизму, и эти чувства быстро становятся общими для обеих групп. В случае же, если ксенофобия становится государственной политикой, дело может закончиться депортацией или геноцидом Чужих.

А как давно зародилась ксенофобия? Здесь мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что она возникла тогда, когда возник человек разумный. Другие, наоборот, считают, что на заре бесписьменной человеческой истории конкуренция между популяциями не была еще столь велика, племена не так часто сталкивались друг с другом, а тем более с племенами иной расы, и объективных основ для ксенофобии еще не было. Тут можно заметить, что в Европе первые европеоиды несколько тысяч лет сосуществовали с другими разумными гоминидами, неандертальцами, не уступавшими им по уровню интеллекта и социального развития, но резко отличавшихся по физическому облику. Однако до сих пор не найдено никаких свидетельств, что между европеоидами и неандертальцами были какие-либо столкновения. Возникновение ксенофобии, по мнению ряда исследователей, относится уже к тому периоду, когда возникли разные языки, и возросла численность человеческих популяций в обитаемых районах Земли. Затем она была усиlena возникновением различных религий, особенно мировых.

Даже много лет живущие в Чужой стране и хорошо овладевшие ее языком, нередко многое у Чужих все равно не понимают только потому, потому что применяют к Чужому мерки Своего. Русский писатель-эмигрант Василия Янковский, большую часть жизни проживший в Париже, справедливо утверждал:

«Прискорбно, что даже Герцен, проживший всю зрелую жизнь на Западе, все же ругал европейцев за мещансскую скрупульность, узкую методичность, за умеренность и расчетливость. В самом Герцене было много ямщичьего удальства, как, впрочем, и в жандармах, увозивших его на тройке в Пермь или Вятку... Несомненно, что лучшие русские западники во главе с Герценом единодушно отталкивались от мнимой европейской скрупульности. И это доказывает, что они не поняли многое на чужой стороне, проживая там знатными иностранцами. "Широта и размах" в аграрной, нищей, крепостной России вселяли радость в сердца изгнанников; даже противники славянофилов начинали уверять, что православный Восток еще скажет этим "лавочникам" последнее спасительное, христианское слово, которое прозвучит убедительно, несмотря или вопреки свисту вдохновенных отечественных кнутов и шпицрутенов».

Янковский приводил следующий характерный пример:

«Когда в Англии я впервые услышал от джентльмена, покупавшего в лавке трубку: "Нет, это слишком дорого для меня. I can't afford it..." – я вздрогнул и покраснел от стыда: подумайте, при даме сознался в своей неполноценности! Нам с детства внушали, что порядочный кавалер может себе позволить все! Деньги не помеха, если нужно - украдет, убьет».

Этот пример доказывает, что для успешных контактов даже человеку, много лет прожившему в Чужой стране, надо хорошо знать не только язык, но и культурно-бытовую среду другого народа. Однако как раз те культурно-бытовые элементы, которые прямо противоречат тем, что приняты у Своего народа, усваиваются особенно тяжело.

Именно этнические стереотипы, устанавливая жесткие границы между культурными мирами, мешают их взаимопроникновению. Этому можно противопоставить лишь формирование ценностных установок на диалог и взаимодействие этнических и конфессиональных сообществ. Данной цели могут служить фольклорные и этнографические экспедиции, выставки, обмен музеинными экспозициями, театрально-концертная деятельность, демонстрация фильмов, перевод литературы.

Главным же является создание положительного образа Чужих в национальных СМИ. При этом в многонациональных странах абсолютно бессмысленно требовать от национальных меньшинств признания титульной нации в качестве Своей, что было бы равносильно ассимиляции данного меньшинства. Например, для нерусских народов Российской империи, даже воспринявших православие и в значительной мере русский язык, образ русского все равно оставался образом Чужого.

Часто негативные представления о Чужих в современном мире формируются государством и элитами. Как отмечает российский этнолог Э.А. Паин, наиболее действенной формой политических манипуляций массовым сознанием оказывается упаковка реальных и мнимых обид и "образа врага" в этническую оболочку – не просто чужой, а этнически чужой, не просто обижают, а потому, что имеют злой умысел против данного народа.

Образ врага нередко используется для консолидации народа. В России, например, в этом качестве в последние годы используется образ США. В 1990-е гг. и в 2001-2002 гг., по данным ФОМ и ВЦИОМ, более половины россиян положительно относились к США, а отрицательно, соответственно, 13% и 20%. В 2006 г. дружественной страной назвали США только 5% опрошенных. Врагом же сочли Америку 37% опрошенных. Только 22% опрошенных сочли влияние США на Россию положительным, а отрицательным – 58%.

В то же время, по данным исследования Левада-центра, 72% респондентов положительно оценивают экономическую систему США, тогда как китайскую – 67% респондентов, а российскую – всего лишь 30%. По данным ВЦИОМ, в 2006 году 40% опрошенных назвали НАТО врагом, тогда как не согласились с этим мнением 34%.

Образ врага усиливает патриотические чувства и делает общество более управляемым. В условиях кризиса у людей возрастает тяга обрести чувство защищенности в составе группы, этнической, культурной или социальной. В этих условиях растет число субкультур, построенные на отрицательных основаниях противопоставления Чужим. Как показывает исторический опыт, образы чужого, врага для групповой идентификации оказываются эффективнее, чем положительные.

Двойственное отношение к Чужому сложилось в странах массовой иммиграции. Значительная часть общества выступала за ограничение иммиграции, особенно азиатской (поскольку все эти страны принадлежат к европейской цивилизации), и рисовала неприглядный образ чужаков. В то же время, многие американцы, австралийцы выступали за ассимиляцию иммигрантов, их скорейшее включение в местное общество, и рисовали образ Чужого в стиле «доброго дикаря».

Оппозиция Свой – Чужой имеет универсальный характер. Она действует не только в отношениях между странами и народами, но также в сферах политики, экономики и культуры. Причем, и здесь образы Чужого конструируются по тем же принципам, как негативные этностереотипы Чужого. Оппонентов здесь также уподобляют нечистой силе, указывают на их умственную и моральную неполноценность, их опасность для общества и государства.

Между «своей» и «чужой» культурой может происходить процесс аккультурации. *Под аккультурацией понимают взаимное влияния разных культур, когда все или часть представителей одной культуры (реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора).*

Обычно аккультурации подвергаются иммигранты, прибывшие в страну массовой иммиграции. Результатом аккультурации как двустороннего процесса, влияющего на обе группы, может стать как восприятие чужой культуры, так и возникновение реакции отторжения, когда группы иммигрантов стремятся замкнуться в мире своей религии и культуры. В целом аккультурация мыслится как процесс двусторонний, в ходе которого культура-донор также заимствует у культуры-реципиента, прежде всего в сфере кулинарии и одежды.

На процесс аккультурации иммигрантов и их интеграции в принимающие общины влияет уровень мигрантофобии, уровень образования иммигрантов, их способность найти свою социально-экономическую нишу, а также способность усвоить язык и некоторые основные обычаи страны пребывания, необходимые для интеграции как в профессиональном, так и в бытовом отношении. По наблюдениям американских психологов и антропологов, первое поколение иммигрантов еще воспринимает принимающее общество как Чужое. Второе поколение еще помнит о прежних этнокультурных ценностях, но противопоставляет им в качестве Своих уже американские культурные ценности. Третье же поколение иммигрантов в лучшем случае помнит о своем этническом происхождении, но прежняя этническая культура для них уже, безусловно, Чужая.

В то же время отдельные иммигрантские группы, в случае если они значительно отличаются от основного народа принимающей страны в языковом, религиозном и культурно-бытовом отношении, в течение длительного времени (на протяжении двух-трех поколений и даже больше) остаются лишь интегрированными в принимающее общество. Они сохраняют язык, основные культурные ценности прежней родины и воспринимают язык и культуру принимающей страны лишь в минимально необходимом объеме

для бытовых и деловых целей. В США, например, такая длительная интеграция характерна для китайцев и выходцев из латиноамериканских стран. В этом случае получается ситуация Чужого в Своем или Своего в Чужом, в зависимости от степени адаптации иммигранта к условиям принимающей страны.

Такая ситуация создает проблему двойственной идентичности и, соответственно, двойственности, размытости для и мигрантов образа Своего и Чужого.

Далеко не всегда даже негативный образ Чужого приводит к развитию ксенофобии в обществе. Степень распространения ксенофобии зависит от степени социального расслоения в обществе, наличия в нем маргинальных элементов, государственной пропаганды национальной исключительности, наличия экстремистских партий и групп, от степени активности власти в борьбе с проявлениями ксенофобии. Распространению ксенофобии способствуют как культурные и психологические, так и социальные и экономические факторы.

Литература к Введению и I теме:

- Белова О.В. Чужие среди своих. Славянский образ "инородца" в приметах и легендах // Родина, 2001, № 1.
- Белянин Е.Н. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура / Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
- Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
- Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М.: Наука, 1982.
- Ефименко А.В., Шевцов В.В. Образ чужого в европейской культурной традиции // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ. 1998-2001 гг. Томск, 2001.
- Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб, 2001.
- Когнитивная психология. Отв. ред. Ломов Б.Ф. М., 1986.
- Кон И.С. Психология предрассудка. О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир, 1966, № 9.
- Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ "другого" в культуре. М., 1994. С. 8-18.
- Кордуэлл М. Психология. А-Я. Словарь-справочник. М., 2000.
- Кроз М., Ратинова Н. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 414 (Труды по русской и славянской филологии). Т. 28. С. 3-36.
- Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.
- Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 6—43.
- Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 1. С.94-104.
- Паин Э.А. Традиционализм – национализм – ксенофобия // Этнопанорама. 2004. № 1. С. 11-18.
- Петухов Л. Образ чужого: Джон Буль и русская политическая сатира периода англо-бурской войны // Историк и художник, 2007, № 1 (11).
- Сахурия И.Д. О роли религиозного фактора в формировании Образа Чужого // Современная Россия и мир: альтернативы развития этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

- Трапавлов В. "Белый царь": образ монарха и представления о подданстве у народов России XV--XVIII вв. М., 2007.
- Шеремет В.И., Зеленина Л.В. Ислам и христианская Европа. Экскурс в развитие взаимных представлений // Вестник РАЕН. 2006. Т. 6. № 2.
- Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Янковский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983.

Тема II. Формирование образов России исторической

Лекция 4. Киевская Русь, Московская Русь и Российская империя

Лекция 5. Образ Советского Союза

Лекция 6. Образ современной России

Список литературы

Дополнительная часть

Лекция 4.

Киевская Русь, Московская Русь и Российская империя

Что знали за рубежом, в других странах об исторической Руси с момента первого упоминания о ней в письменных источниках и до революции 1917 года? Как изменялся образ Руси и России в зависимости, как от внешнеполитических обстоятельств, так и от внутренних процессов. Какое влияние на имидж страны оказывали контакты между россиянами и иностранцами, взаимное влияние культур, заимствования элементов западноевропейской культуры?

Когда мы говорим о восприятии России в мире, то, прежде всего, имеем в виду те ее устойчивые образы, которые сложились в западном мире. В этот мир входят Европа, США, британские доминионы, Израиль. Что же касается остального мира, то там какие-то сведения о России в более или менее значительном объеме стали поступать лишь в конце XIX века. Именно к этому времени относится формирование определённого образа России в Японии и Китае. В большинстве же других стран этот образ формируется только после Второй мировой войны.

Российские исследователи Александр Куланов и Василий Молодяков справедливо утверждают, что как ни велики были бы усилия по формированию образа страны и сколь ни могущественны были бы организации, которые этим занимаются, все-таки образ создается стараниями конкретных людей в головах вполне реальной целевой аудитории: народа, людей, нас с вами.

Первоначально образ Руси создавали хронисты, которые встречались с немногими представителями этого государства, посещавшими Западную Европу. Позднее пришло время западноевропейских путешественников, посещавших Русь по торговым и дипломатическим делам и оставившим свои записки. А вот более или менее массовые контакты европейцев с русскими начались только в XVIII веке.

Стереотипы восприятия нашей страны стали формироваться на Западе вскоре после создания Древнерусского государства. В 839 году в Берлинских анналах было отмечено прибытие в Ингельгейм к франкскому императору посольства «от народа Рос», государство которого, возглавлявшееся «каганом Россов» (титул был заимствован у хазар), располагалось где-то на пути из варяг в греки. Послы возвращались из Византии и просили пропустить их через территорию империи франков, так как прямой путь на родину им преграждали печенеги. Однако император, быстро выяснив, что послы являются шведами, т.е. теми же норманнами, перед набегами которых тогда трепетала вся Западная Европа,

заподозрил в них лазутчиков и распорядился задержать. Так что первые ассоциации, связанные с Русью, оказались у западноевропейцев негативными.

В дальнейшем Русь стала более или менее регулярно фигурировать в западноевропейских источниках только с XI века. В ней видели соперника, прежде всего Литва, Польша и Ливонский орден, а позднее – Швеция.

Западноевропейцы также заимствовали данные о Руси из византийских источников. Например, в Западной Европе оказалась Брюссельская хроника – византийская летопись конца XIII в., где содержалось описание окончившегося неудачей похода Руси на 200 кораблях на Константинополь 18 июня 1260 г. Тогда Русь с невероятной жестокостью разгромила окрестности византийской столицы. Уже письмо от 28 сентября 865 римского папы Николая I византийскому императору Михаилу III содержало упоминание о недавнем разграблении окрестностей Константинополя язычниками. А венецианский посол Иоанн Диакон, бывший в конце X века в Константинополе, утверждал, что кораблей было 360, и прямо называл Русь норманнами. В целом на Западе складывалось представление о Руси как об агрессивном и варварском народе.

Такие же представления о Руси (руссах) существовали и на арабско-персидском Востоке. В 944 г. отряд руссов захватил персидский город Берда на Каспии. Это событие отразилось в труде историка Ибн Мискауиля. Он писал: «Слышал я от людей, которые были свидетелями этих русов, удивительные рассказы о храбрости их и о пренебрежительном их отношении к собранным против них мусульманам». А персидский поэт Низами так запечатлел руссов в поэме «Искандер-наме», созданной в начале XIII в.: «Рус, жадный к битвам... пустился в море и на палубах своих судов совершил вторжение... Этот народ опустошил всю территорию Берда... Это нечто иное, как разбойники, подобные волкам и львам. Они никогда не предаются веселию пиров... Они овладевают странами и покоряют города...».

До XV века Русь, довольно часто посещавшаяся купцами с Востока, была почти закрытой страной для Запада. Западные купцы и другие путешественники попадали в Москвию по большей части случайно и с риском для жизни. Большинство русских княжеств не представляло торгового интереса для европейцев в XI-XIII веках, а потом они оказались под властью враждебных Европе монголов. Исключением были довольно тесные торговые связи Великого Новгорода с городами и государствами Севера Европы, но они по большей части относились уже к XIV-XV векам.

При формировании европейского экзостереотипа России больше внимания уделялась тем чертам, которые отличали Россию от Европы. А таких черт было немало. Как полагает исследователь Александр Кустарев, в сравнении с Европой и Азией Россия не знала долгой и изощренной культурной традиции. У нас отсутствуют сопоставимые с ними накопления овеществленного труда. Сравните Нотр-Дам с Кижами. Сравните церковно-монастырскую интеллектуальную и даже ремесленно-художественную продукцию средневековой России и средневековой Европы. Почти никаких следов умственной и духовной жизни. Российское православие – религия без теологии, сплошная литургия. Отсутствуют сильные коллективные или корпоративные агентуры – города, автономная церковь, цеха, сословия. Нет ничего, кроме институтов насилия самого простого типа – военно-покорительных княжеских дружин, воспроизводящих по мере их стабилизации (по большей части краткой) порядки патриархальной «большой семьи».

Россия рядом с остальной Европой к концу XVII века почти то же самое, что варварская кельто-германская Европа рядом с Римом в эпоху его расцвета.

Различие Европы и России осознавалось и подчеркивалось на Западе на протяжении веков. Можно согласиться с Д.В. Карнауховым по поводу того, что зарубежные историки, обращавшиеся к изучению российской истории, нередко были носителями принципиально иных цивилизационных ценностей, иных традиций и подходов к интеллектуальной деятельности. А от историков, а еще ранее – от хронистов и путешественников, оставивших записки о своем путешествии на Русь, черпала сведения о России широкая общественность.

К примеру, в хронике поляка Яна Длугоша (создана около 1480 года) немало внимания уделяется внимание истории русских земель, которая излагается главным образом по данным русских

летописей. Но в этой хронике происходящее на Руси ставится в польский контекст. Длугош предложил новое толкование этнонима Русь, возводя его от прародителя Руса, который, в свою очередь, был потомком прародителя поляков Леха. Киев был основан "польским языческим князем Кием. Упоминаемых Нестором полян, живших в районе Киева, хронист считал одним народом с польскими полянами. По мнению российского историка Б.Н. Флори, одна из задач Длугоша состояла в том, чтобы дать историческое обоснование присоединения древнерусских земель к Польскому королевству, Этот акт восстанавливал древнюю связь между отдельными частями некогда единого народа.

И в дальнейшем отношение к России и русским в большой степени зависело от политической конъюнктуры. В случае если Московская Русь или Российская империя были союзниками того или иного западноевропейского государства, например, в войне против Наполеона, образ России и русских в общественном мнении очищался от негативных черт. В период же противостояния, например, в годы Крымской войны, наоборот, приобретал резко негативные, даже карикатурные черты.

Образ России, как и любой другой страны, никогда не был однородным и общим. Даже при общем негативном восприятии России в те или иные эпохи находились влиятельные люди, которые относились к России или нейтрально, или вполне положительно. Российский историк А.И. Рогов обращает наше внимание на то, что в высказываниях автора "Хроники всего света" польского историка XVI в. Вельского "нет никакой вражды и неприязни к России и, наоборот, нередко проявляется симпатия к ней". Вельский сознательно смягчал слишком резкие отзывы и оценки России, взятых из трудов предшественников.

В рамках национальных историографий, вплоть до XVI века включительно, о других народах писали только в связи с историей своего собственного народа. Настоящий интерес к Руси в Европе возник только после падения Византии. В Москве, собирающейся вокруг себя восточнославянские земли, увидели потенциального союзника против растущей турецкой экспансии. Великий князь Иван III женился на проживавшей в Италии византийской принцессе Софье Палеолог, с которой приехало в Московскую Русь немало итальянцев и греков.

В связи с Ливонской войной в Польше, Швеции и других европейских странах возник острый и устойчивый интерес к Московской Руси, впервые попытавшейся вмешаться в большую европейскую политику и получить обширный выход к Балтийскому морю. Польша с конца XVI века стала главным ретранслятором образов России на другие страны Западной Европы. Как полагал историк М.А. Алпатов, Польша служила теми воротами, через которые чаще всего западное влияние достигало России. Польские историки действительно привлекли внимание к истории русских земель, значительная часть которых оказалась в составе Речи Посполитой. Первый русский историк В.Н. Татищев приписывал внимание польских историков к западным русским землям "коварству" поляков, будто бы стремившихся тем самым отделить "московитов" (жителей Московской Руси) от «русских» (православного населения Литвы и Польши).

Это противопоставление остается актуальным вплоть до настоящего времени. Сейчас на древнерусское наследие в равной мере претендуют Россия и Украина. Причем каждое из государств не без оснований считает себя наследницей Киевской Руси. Многие историки и публицисты России и Украины искусственно удревляют возраст своих народов, называя население Киевской Руси соответственно русскими и украинцами. На самом же деле речь идет об отдельном древнерусском этносе, сложившимся в XI веке, после того, как Русь приняла от Византии православие. Потомками этого этноса являются русские, украинцы и белорусы.

Рубеж XVI-XVII веков был тем переломным моментом, когда Западная Европа внезапно увидела на своих восточных окраинах вместо порабощенной татарами страны «быстро возмужавшую огромную империю во главе с Москвой». По-настоящему же Европа познакомилась с Россией в эпоху Петра I, который в конце XVII века первым из российских самодержцев совершил большое европейское путешествие. В более или менее массовом количестве русские, представлявшие почти исключительно имущие классы населения, дворянство и крупное купечество, стали попадать в Европу уже при преемниках Петра.

В европейской мысли большое внимание уделялось происхождению этнонимов «Русь» и «русские». Тем самым политики, историки и литераторы стремились определить происхождение народа. Так, обращаясь к происхождению названия «Руссия», посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн в начале XVI века писал: «Одни утверждают, будто она получила имя от некоего Русса (Russus), брата или внука Леха, князя польского, который якобы был и князем Руссов; по мнению же других, ее имя происходит от одного очень древнего города, по имени Русс (Russum), недалеко от Новгорода Великого». Однако большинство полагает, что «Руссия получила название через изменение имени, от Роксолании. Но Московиты отвергают мнения лиц, утверждающих это, как несогласное с истиной, полагая, что их страна издревле называлась Россия, как народ рассеянный или разбросанный; на это указывает и самое имя ее». И далее Герберштейн со всей определенностью подчеркивал: «В самом деле, Россия на языке русских значит разбросанность или рассеяние, что истинно, об этом с очевидностью свидетельствуют разные народы, и доселе еще перемешанные с жителями ее, и различные области, повсюду смешанные друг с другом и взаимно пересекаемые. Далее, читавшим Св. Писание известно, что словом “разбросанность” пользуются даже и пророки, когда они говорят о рассеянии народов. Все же находятся люди, которые почти на таком же основании выводят имя Руссов от Греческого и даже от Халдейского корня, именно от течения, по гречески “роус”; или, так сказать, от распрыскивания по каплям, по арамейски Resissaia или Ressaia».

Руссия для Герберштейна была совокупностью всех древних восточнославянских земель, только в процессе исторического развития разделенных политическими границами. «Из государей, которые ныне повелевают Руссией, — подчеркивал он, — первый великий князь Московский, владеющий большей ее частью, второй — великий князь Литовский, третий — король Польский, который ныне властвует и над Литвой». Так австрийский посол прокомментировал раздел в XIV веке между Великим княжеством Литовским и Польским королевством западных земель Киевской Руси.

В этих же записках Герберштейна есть рассказы о живущих на севере Руси «людях с песьими головами», о «четвероруких людях», о «людях, умирающих на зиму и воскресающих весной». Последние мифологические примеры можно объяснить хотя бы тем, что Герберштейн ехал от Смоленска до Москвы три недели и встретил за это время только две несожженные деревни, а количество трупов, валявшихся вдоль дороги, к концу путешествия уже перестало удивлять посла. Австрийский посол обратил внимание и на то, что в летописных известиях утверждается, что варяги жили где-то за морем, без указания, где именно. Сам он, будучи в Москве, безуспешно пытался получить ответ на этот вопрос. Исходя из того, что в древности Балтийское море именовалось также Варяжским, Герберштейн допускал, что Рюрик с братьями и дружиной могли выйти из Швеции, Дании или Пруссии.

Им была выдвинута и другая гипотеза, согласно которой Рюрик с братьями вышли из граничившей с Любеком Вагрии, которая якобы была населена вандалами, которые употребляли, по его представлениям, «русский язык и имели русские обычаи и религию». То, что в действительности Герберштейн имел в виду вагров-славян, следует из его пояснения об употреблении ими «русского» (славянского) языка.

Гипотеза Герберштейна повлияла на многих немецких и польских историков. Тогда же, в XVI веке, она была воспринята польским историком Стрыйковским, который считал вероятным, что на Руси «по причине общих границ правили либо шведские, либо датские, либо прусские князья».

В XVII веке территория Московской Руси значительно возросла, прежде всего, за счет включения Левобережной Украины — «Малой Руси». На Западе это усиливало право Московии быть «Руссией», «страной руссов» (Russland) и правопреемницей Киевской Руси. Так, в 1695 г. во втором издании трактата Людвига «Новая архонтология» к этой характеристике добавлен список «московских царей» от Рюрика, Игоря и Святослава до Петра I и его старшего брата Ивана V. Однако лишь к концу царствования Петра Россия стала частью системы европейских государств и заняла место разгромленной в Северной войне Швеции среди великих держав.

В отношении Московского государства стали употребляться главным образом этнонимы «Россия» и «русские». Официальное употребление дипломатами и писателями наименований «Московия»,

«Московское государство» становилось все более анахроничным, и российские власти требовали, чтобы их страну называли Россией. Так, в 1713 году А.Д. Меньшиков требовал от русского посланника в Дании В. Долгорукова: «Во всех курантах печатают государство наше Московским, а не Российским, и того ради извольте у себя сие престеречь, чтоб печатали Российским, о чём и к прочим ко всем дворам писано».

В 1742 году в «Лексиконе» Цедлера можно было прочитать о том, что «Россия (Russland, Rusland, Russia), или Москва, Московия (Moscau, Moscovia)» была названа крупнейшим государством Европы. В словаре «Руссы или Россы» (Russi oder Rhossi) характеризовались как «могущественный сарматский народ, который выступил уже в IX веке и своими нападениями доставлял немало хлопот восточным императорам». После рассказов о походах руссов/россов на Константинополь в статье отмечалось, что «этот народ подчинил себе большое количество других народов», хотя упоминания о нем до IX в. отсутствуют.

К тому времени Российская империя играла уже важную роль в системе европейских держав, с ее влиянием считались, стремились узнать об этой стране как можно больше. Тем более, что русская армия вскоре грозно заявила о себе на полях сражений Семилетней войны.

Польские, немецкие и другие западноевропейские историки-создатели образа нашей страны выделяли две Руси – Московскую и Польско-литовскую. Во «второй России», входившей по большей части в Великое княжество Литовское, русы, или православное восточнославянское население – прямые наследники Киевской Руси – составляли в середине XV в. не менее 40% жителей княжества. Западнорусский (или старобелорусский) язык сохранял здесь статус государственного до исхода XVII века, когда был заменен польским. На протяжении XVII-XVIII веков практически вся «вторая Русь», за исключением Галиции, оказалась включена в состав Российской империи.

М.А. Аллатов выделил несколько этапов в истории "русской темы" в европейской историографии. Первый этап был связан с эпохой Киевской Руси, второй этап совпал с "эпохой феодальной раздробленности Руси и татарской неволи", третий этап пришелся на период формирования централизованного русского государства и русского самодержавия в XVI веке. Запад искал контактов с Россией в связи с перемещением торговых путей, возникновением турецкой угрозы, обострением межконфессионального противостояния в связи с Реформацией, и в процессе сближения формировался особый взгляд на русскую историю, существенно отличавшийся от исторических представлений восточнославянских интеллектуалов.

В свою очередь, немецкие историки, прибывшие в Россию в начале XVIII века, дали первую научную теорию происхождения древнерусского государства, с применением приемов исторической критики. Эта теория, излагавшаяся в сочинениях на немецком и латинском языках, вскоре стала популярна в Европе.

Норманнская теория импонировала европейцам потому, что утверждала тесную связь правящей на Руси династии с Европой. Г.Ф. Миллер, начав издавать в 1732 г. "Sammlung russischer Geschichte", поместил там извлечения из списка Радзивиловской летописи, содержащей Повесть временных лет, предварив их небольшим вступлением. Там он, упомянув варягов, пояснил, что не считает это имя собственным. Не соглашаясь с теми, кто возводил его к древне-готскому Warg-Wolf (волк), Миллер настаивал, что варягами в IX - X вв. именовали норманнов, "которые, возможно, так называли себя при первом прибытии на русский берег и, тем самым, дали повод тому, что в дальнейшем это слово, из-за незнания северного языка, рассматривалось как имя собственное".

В варягах он видел, прежде всего, выходцев из норвежского королевства, что подтверждается, по его мнению, обширными связями Руси с Норвегией в последующие столетия. Об этом многое говорит Снорри Стурлусон (XIII в.). В примечании к тексту летописи Миллер указал, что на Русь были приглашены три брата "варяжской национальности" – Рюрик, Синеус, Трувор.

На самом деле норманнская теория в своей основе родилась еще в XVII веке в Швеции, но общеевропейское распространение она получила только после трудов Миллера, Байера и Шлётцера, перенесших её на русскую почву. Из России она распространилась по всему миру.

В 1844 году немецкий историк, работавший в России, А.А. Куник, вновь приведший в пользу норманнской теории целый ряд лингвистических данных, а также новых фактов из истории славянских и северных древностей, назвал "первым норманистом" шведа Петра Петрея де Ерлезунда. Его книга «История о великом княжестве Московском» в 1614-1615 гг. вышла в Стокгольме. В 1620 г. она была переиздана в Лейпциге, но широкой известности в Европе не получила. Петрея первым утверждал, "что варяги вышли из Швеции...".

Зарождение норманизма в шведской историографии XVII века было вызвано антирусской направленностью внешней политики Швеции того времени, претендовавшей на политическое господство в балтийском Поморье. Еще в 1580 году в Стокгольме была разработана "Великая восточная программа", направленная на то, чтобы поставить "всю русскую внешнюю торговлю" под свой контроль. По словам Куника, в период времени, начиная со второй половины XVII столетия до 1734 года, шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX века основою учения о норманнском происхождении варягов-руси. Именно они отождествили летописных варягов с византийскими "варангами" и "верингами" исландских саг, а слово "варяг" выводили из древнескандинавского языка. Скандинавскими также полагали имена первых русских князей. Указали они и на якобы существующую лингвистическую связь между именем "Русь" и названием части береговой полосы шведской области Упланда Roslagen, что напротив Финского залива. Искали и основу финского наименования шведов *ruotsolainen* в словах *ro* -- "грести" и *rodher* -- "гребец".

Г.З. Байер ввёл в научный оборот Берлинские анналы и закрепил своим авторитетом крупного европейского ученого норманнскую теорию в русской науке. Он выдвинул тезис о том, что "русские не умели создать даже своего государства, им его создали варяги – предки тех самых шведов, победой над которыми так кичатся русские". Байер писал: «А я утверждаю, что варяги русских летописей были люди благородного происхождения из Скандинавии и Дании, которые служили на жалованье у русских, были их сподвижниками в войне, сопровождателями их царей, сберегателями их границ... и что по ним русские называют варягами всех вообще шведов, готландцев, норвежцев и датчан».

Байер справедливо отрицал легендарную родословную русских царей, в допетровские времена возводившуюся к римскому императору Августу. По словам М.А. Алпатова, именно Байер «первым начал высвобождение древнейшей русской

истории из тумана легенд». При характеристике механизма формирования "внешнего" исторического образа Руси представления иностранных наблюдателей стали важной страницей в национальной историографии. В ней содержатся "повествования ее зарубежных друзей и врагов как людей, стремившихся понять незнакомый им народ и его страну".

Однако взгляд на русскую историю извне во многом случаен. Он формировался под воздействием прагматизма и абсолютизации ценностей западноевропейской цивилизации, с которыми порой механически сопоставляются аналогичные русские явления.

Значительную роль в восприятии России на Западе сыграл немецкий историк А.Л. Шлётцер, многие годы проработавший в российских архивах. По его мнению, вне цивилизации осталась огромная территория, которую должны освоить славяне. Однако последние находились в состоянии своеобразной «спячки», пока их не «разбудили» норманы, сыгравшие в «третьей волне цивилизации» роль катализатора. Норманы сами не имели высокой культуры, культурный импульс шел из Царьграда через Древнюю Русь. Согласно Шлётцеру, возникновение в России монархии являлось классическим примером общественного договора. В «Изображении русской истории» Шлётцер дал следующую периодизацию русской истории:

- «Россия рождающаяся» — период от «призыва варягов» до смерти князя Владимира (862–1015);
- «Россия разделенная» — от смерти Владимира до установления ордынского ига (1015–1216);
- «Россия утесненная» — от установления ордынского ига до Ивана III (1216–1462);
- «Россия победоносная» — от Ивана III до Петра I (1462–1725);

- «Россия цветущая» — с 1725 года (13).

Эта периодизация русской истории впоследствии закрепилась в западноевропейской историографии.

Некоторые норманисты (в частности, Миллер) в дальнейшем отказались по политическим причинам от мысли о норманнском происхождении Рюрика. По этому поводу Шлётцер заметил, что «обстоятельства... преобразили историю в политическую

науку: почему и должно было часто приоравливаться к политическим, хотя и бесполезным видам».

Действительно, антинорманизм в России всегда имел только политическое, а не научное значение, будучи со временем Ломоносова основой пробуждающегося российского патриотизма.

В отличие от немецких коллег, историки-французы, писавшие о России, не ставили задачи беспристрастного и квалифицированного изложения материала. Вольтер ввел термин «философия истории». По просьбе императрицы Елизаветы он согласился написать «Историю царствования Императора Петра Великого». Она была издана только в 1810 г.

Вольтер, конечно, не знал России и основывался только на документах, которые готовили для него Миллер, Ломоносов и другие историки. Шлётцер отмечал, что в книгу проникло «бесчисленное множество неверно описанных бессмертным поэтом происшествий», поскольку «по собственному Вольтерову признанию, известно, что ему не хотелось рыться в кипах получаемых им бумаг, почему, не рассматривая, отдал их в

Публичную библиотеку». Первым и весьма язвительным рецензентом Вольтеровой рукописи стал М.В. Ломоносов.

Еще более негативную реакцию вызвали сочинения Ж. Кастера, П.-Ш. Левека, Н.-Г. Леклерка, Г. Сенака де Мельяна, К.-Л. Рюльера и других французских авторов, писавших об истории России XVIII века. Почти все эти сочинения были запрещены в России по политическим причинам.

В Англии Россию вплоть до XVIII века знали, главным образом, из трудов путешественников, а не историков. Поскольку в XVIII и первой половине XIX века Соединенное Королевство было самой развитой из западноевропейских стран в экономическом и политическом отношении, то российское влияние на эту страну оказалось минимальным. Торговые контакты были ограниченными, а отыскать русская знать предпочитала во Франции и Германии. Среди русского дворянства в первой половине XVIII века преобладал немецкий язык. Правда, во второй половине века он был вытеснен французским. Английский же язык стал более или менее распространяться в России лишь с конца XIX века, но в гимназиях до 1917 г. его так и не начали преподавать. Не удивительно, что заимствований из русского в английском языке сравнительно немного — всего 67 слов. Наиболее распространенными и используемыми в отрыве от русской истории и российских реалий оказываются такие слова, как *tsar*, *pogrom*, *apparatchik* и *intelligentsia*. Такой объем меньше, чем заимствования из японского, иврита, греческого или арабского, хотя немного превышает заимствования из португальского. Эта картина примерно отражает реальное экономическое, да и культурное значение России для Англии вплоть до середины XIX века.

Россия, официально открытая для Англии только в середине XVI века, то есть почти одновременно с открытием Америки, была страной, относящейся в географических представлениях англичан к категории суровых и северных. Экспедиция Ричарда Ченслера, благодаря которой началась торговля с Московской Русью, предпринималась как крайне опасное путешествие к замерзающим морям. Его назначением было преодоление английского торгового кризиса за счет завоевания новых северных рынков. Записки Ченслера стали первым материалом для описания русских англичанами и, соответственно, для оформления базовых региональных мифов.

Ченслер делал упор на северную суровость Московии и московитов: «Я думаю, что под солнцем нет людей, способных к такой суровой жизни, какую ведут русские — повторяет он несколько раз на протяжении своей книги. — Русские по природе способны к суровой жизни, как в путешествиях, так и на месте».

Обратил он внимание и на уникальные особенности собственности и власти. Даже при первом контакте, демонстрируя гостеприимство, русские, по свидетельству Ченслера, не могли обойтись без высочайшего дозволения: "Они добровольно предлагали новоприезжим гостям съестные припасы и не отказались бы от торговых сношений, если бы не чувствовали себя связанными религиозно соблюдаляем обычаем не покупать иностранных товаров без ведома и согласия своего короля". Ченслер с удивлением заключал: "В этой стране нет собственников". У крестьян ничего нет, все во власти Бога и Князя, тогда как англичане привыкли говорить: "Это во власти Бога и моей". Ценность свободы, как подчеркивал Ченслер, русские воспринимают иначе: "Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на свободе, если бы только там не было сильного битья. В тюрьме они получают пищу и питье без работы, равно как и милостыню от благорасположенного к ним народа. На свободе же они ничего не получают". Англичанин обратил внимание на русскую плутоватость, оправдывая её крайне жестоким обращением с заключенными: "Этот народ по природе склонен к обману, только сильное битье обуздывает его". Отметил он и специфику русского отдыха: "Думаю, что нигде не бывает большего пьянства".

Ченслер писал о Руси как о стране огромной, несметно богатой продуктами, людьми, товарами, могущественной в военном и государственном отношении. При этом условия жизни характеризовались им как нищета, бесправие и рабство. В то же время московитов английский путешественник описывал как сильных, бесстрашных, но покорных власти. Нигде прежде он не видел такого контраста роскоши и нищеты.

Те же образы, с особым упором на беспробудное пьянство, развивались и сэром Джеромом Горсеем, который прожил на Руси почти два десятилетия с 1573 по 1591 г. Этот предпримчивый купец составил первый русско-английский словарь. Русский язык он охарактеризовал как необычайно красивый, благозвучный и богатый. А вот у русских как народа он отметил типично варварские черты: угрюмость, грубость нравов и одежды.

Путешественник и географ Адам Олеарий в XVII веке беспристрастно записывал, что русские не знают свободы, зато хотят полной воли, но *svoboda* – это *libertas*, а *volia* – совсем не то же самое, что *voluntas*. Неудивительно, что еще в начале XVIII века англичанин Ричардсон называл русских «бородатыми детьми».

По результатам Петровских реформ Россия радикально изменила свой образ в глазах западной цивилизации. Блестящие военные победы, статус морской державы, бурный промышленный рост, реформа всех институтов власти – вот далеко не полный перечень преобразований, сформировавших, в конечном счете, имидж Российской империи, государства, без которого в дальнейшем была уже немыслима мировая политика.

С петровских времен резко возросло число иностранцев, посещавших Россию. Сотни и тысячи их оставались у нас на службе на длительное время. В европейских странах в то время бурно развивалось книгопечатание, быстро росла грамотность населения. Образ России теперь распространялся на гораздо более широкие круги европейского населения. Как правило, иностранные путешественники не знали русского языка, и сведения о России получали от представителей русской элиты, владеющей иностранными языками.

Французский журналист Жан Батист Жозеф де ла Мартинье, известный под псевдонимом Бретон, писал о России в первой четверти XIX века, выделяя два основных предмета русской культуры – водку и топор. Он утверждал: «Русские – люди с самым крепким в мире здоровьем. Если бы не их пагубное пристрастие к водке, они жили бы так же долго, как библейские патриархи». По мнению де ла Мартиньера, «топор – это любимый инструмент русских». Он слышал рассказы, будто русские способны выполнить топором самые тонкие столярные работы, и заключал: «Если бы крестьяне вдруг научились писать, то наверняка чинили бы перья топорами». Французский журналист обратил внимание и на русские бани, полагая, что «из-за частых парных бань дворяне и богатые люди подвержены множеству болезней, которые укорачивают их жизнь».

Писавший в одно время с де ла Мартиньеом баварский посланник в России Карл Рехберг, наоборот, особенно восхищался русской баней, которую, со ссылкой на летопись Нестора («Повесть

временных лет») он назвал «древнейшим русским обычаем». Рехберг утверждал: «Русские часто проводят в банях больше двух часов, повторяя по многу раз одни и те же действия. Многие натираются луком, чтобы лучше потеть...». Характерно, что западные путешественники обращали внимание на архаичные обычай и черты быта, которые в Западной Европе представлялись уже экзотикой.

В конце XVIII – первой половине XIX века в Западной Европе вышло несколько этнографических описаний России, с иллюстрациями, изображавшими представителей различных народов, населявших империю. Здесь можно назвать книгу «Россия, или Нравы, обычай и костюмы жителей всех провинций этой империи» Жана Батиста Бретона, «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» немецкого натуралиста и путешественника, академика Петербургской академии наук Иоганна Готлиба Георги, «Этнографическое описание народов России» немецкого ученого Густава-Теодора Паули и «Народы России, или Описание нравов, обычай и костюмов различных национальностей Российской империи» Карла Рехберга. Авторы этих книг подолгу жили в России, достаточно много путешествовали по империи и хорошо знали, что жизнь в провинции существенно отличается от той, которую можно наблюдать в Москве и Петербурге. Благодаря этим трудам, к середине XIX века в Европе утвердилось представление о России как о многонациональном государстве, населенном, в том числе, и азиатскими народами. Однако стереотип России по-прежнему относился только к русским как к титульной нации.

Французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин известен как автор самой знаменитой книги о России. Маркиза пригласили, чтобы «пропиарить имидж» России на Западе. Но он ответил «черной неблагодарностью». В своем сочинении «Россия в 1839 году» автор признавался: «Страна эта так устроена, что ни один иностранец не может разъезжать по ней не только беспрепятственно, но даже просто безопасно без прямого вмешательства представителей власти. Надеюсь, вы узнаёте восточные нравы и восточную политику, что скрываются здесь под маской европейской воспитанности. Союз Запада и Востока, с последствиями которого сталкиваешься на каждом шагу – отличительная черта русской империи. Недоцивилизация везде создает формальности; цивилизация утонченная уничтожает их; это как высшая учтивость, которой чужда всякая натянутость. Русские до сих пор верят в действенность лжи; и мне странно видеть это заблуждение у людей, столько раз к ней прибегавших... Не то чтобы их ум был недостаточно тонок или проницателен; но в стране, где власть до сих пор не поняла преимущества свободы даже для себя самой, люди подвластные поневоле пугаются ближайших последствий искренности, создающей иной раз некоторые неудобства. Не могу не твердить каждую минуту: все здесь, и народ, и сильные мира сего, вызывают в памяти византийцев».

Маркиз писал: «Если мерить величие цели количеством жертв, то нации этой, бесспорно, нельзя не предсказать господства над всем миром». Он же полагал, что «русский народ безмерно ловок: ведь эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... Тот, кто сумел бы глубже проникнуть в промыслы Провидения, возможно, пришел бы к выводу, что война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными». По мнению де Кюстина, в России наблюдается «ужасающее соединение европейского ума и науки с духом Азии...». И здесь же восторженный панегирик Петербургу: «Невозможно без восторга созерцать этот город, возникший из моря по приказу человека и живущий в постоянной борьбе со льдами и водой... даже тот, кто не восхищается им, его боится – а от страха недалеко до уважения». Рабами в России являются не только простолюдины, но и сановные аристократы: «Увидев русских царедворцев при исполнении обязанностей, я тотчас поразился необычайной покорности, с какой они исполняют свою роль; они – своего рода сановные рабы. Но стоит монарху удалиться, как к ним возвращаются непринужденность жестов, уверенность манер, развязность тона, неприятно контрастирующие с полным самоотречением, какое они выказывали мгновение назад; одним словом, в поведении всей свиты цесаревича, как господ, так и слуг, видны привычки челяди». При этом жестокость власти не только не осуждается, но даже приветствуется: «Царь в России, видно, может быть любимым, если он и не слишком щадит жизнь своих подданных».

Русский революционный публицист Александр Герцен назвал сочинение де Кюстина самой занимательной и умной книгой, написанной о России иностранцем, хотя признал, что француз «смешал Россию с правительством». Недаром царское правительство постаралось организовать целую антикюстиновскую кампанию в Европе. Российский министр просвещения граф Сергей Уваров писал: ««В Париже, где при соблюдении некоторых предосторожностей все покупается и при наличии определенной ловкости все продается, следует найти знаменитость, писателя с репутацией, который не принадлежит ни к крайне правым, ни к крайне левым; писателя серьезного, обладающего авторитетом в сферах политической и литературной. Надлежит связаться с ним напрямую и не только начертать ему план сочинения, но (и это главное) предоставить ему все необходимые материалы».

К этой кампании даже думали привлечь Оноре де Бальзака, но потерпели неудачу. Никакого влияния на западное общественное мнение оказать не удалось. Де Кюстин же после посещения России из убежденного консерватора, противника представительного правления, превратился в столь же убежденного либерала. Он первым ввел в оборот выражение «потемкинские деревни», прижившееся потом и в России, и на Западе. Маркиз утверждал: «Россия – империя каталогов: если пробежать глазами одни заголовки – все покажется прекрасным. Но берегитесь заглянуть дальше названий глав... Да и вся нация, в сущности, не что иное, как афиша, расклеенная по Европе, обманутой дипломатической фикцией».

Стереотипной чертой российского образа на Западе со времен де Кюстина остается сочетание несочетаемого. С тех пор на Западе стало традиционным одновременно восхищаться Россией и бояться ее. Этот страх уменьшился после поражения Российской империи в Крымской войне, вновь возрос после того, как в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. русские войска приблизились к Константинополю, но ослаб после поражения России в войне с Японией. Тогда многие европейские публицисты увидели в России барьер против новой «желтой опасности», а австрийский поэт Рудольф Грейнц написал песню о крейсере «Варяг», героически сражавшемся с желтолицыми чертями». Русский перевод этой песни остается очень популярным в России.

Позднее русофobia на Западе оказалась связана со стремлением к экспорту революции. Западные наблюдатели все более убеждались, что в России бескрайние просторы и природные богатства в виде пашен, лесов, имущества знати контрастируют с такой нищетой народа, которой не найти ни в Польше, ни в Германии, ни в Англии, ни во Франции.

Поражало европейцев отсутствие у большинства русских имущества и гораздо меньшее, чем у европейцев, стремление сберечь собственную жизнь. «То, что невозможно заставить сделать европейца, русский сделает легко, лишь перекрестившись и простиившись с товарищами», – писал один из иностранцев во времена Петра I. Как подчеркивают российские журналисты Дмитрий Стаков и Андрей Кротков, непредсказуемость, нестабильность, иррациональность, неспособность к самоконтролю, неумеренность во всем многими на Западе рассматриваются как наиболее характерные русские черты. Доброта и милосердие русских и те вызывают опасения. Ведь даже с самыми благими намерениями Россия может задушить в своих «медвежьих объятиях». Немудрено, что идея необходимости контроля над Россией подобно тому, как каждой женщине якобы необходим контроль со стороны мужчины, со времен Шпенглера представляется Западу вполне разумной и естественной.

Образ России на Западе на протяжении веков, несомненно, эволюционировал. Тем не менее, он всегда представлял собой причудливое сочетание реальных фактов и уже сложившихся стереотипов. На Западе всегда приветствовали то, что считали позитивным в российской действительности, а именно то, что приближало Россию к западным стандартам жизни. Речь шла о введении демократических институтов, европейских стандартов быта, гражданских свобод, уважение к праву частной собственности и т. п. После того, как Петр Великий «прорубил окно в Европу» и распространил западную культуру повседневности на имущие классы населения, Россия стала восприниматься как часть западного мира, пусть и периферийная. Процесс распространения западных бытовых стандартов на остальное население занял значительное время и окончательно завершился только при Советской власти. Тем не менее, с петровских времен между Россией и Западом уже не существовало культурного барьера. На Западе приветствовали реформы Александра II, Октябрьский манифест Николая II, Февральскую революцию.

Однако российская история с избытком давала и примеры того, что вызывало неприятие и резкое осуждение на Западе. Это и деспотия самодержавия, это и бесправие и нищета основной массы населения, это и неуважение к священному праву частной собственности. Такие черты российской жизни помогали основной массе западных обывателей утвердиться в приверженности к ценностям и идеалам, противоположным российским.

В периоды либеральных реформ российское общество (особенно в лице своей интеллигентской и культурной элиты), равно как и российское государство ощущали свою тесную связь с европейской культурой, с Западом. На Западе же «русофилы» рассматривали такие периоды как возвращение России на широкую дорогу европейского развития, с которой она часто сходила под влиянием Востока – татаро-монгольского наследия своей государственности.

А вот западные «русофобы», напротив, органическим для развития России считали те периоды, когда в стране господствовали режимы, сходные с восточными деспотиями. Среди российской интеллигенции, равно как и среди политической и экономической элиты, всегда было сильно ощущение принадлежности к «цивилизованному миру», к развитым странам, которые отождествлялись с Западом. В годы либеральных реформ они верили, что Россия – это страна, которая вот-вот станет полноправной частью западной цивилизации. На Западе в такие периоды Россия воспринималась как страна, отставшая от ведущих стран Запада и теперь стремящаяся наверстать упущенное. В это время она обычно не рассматривалась в качестве угрозы западному миру. Такая ситуация складывалась в период «дней Александровых прекрасного начала», когда Александр I тяготел к либеральным реформам, так и не осуществленным, и возвышал М.М. Сперанского. Так было в период реформ Александра II. Тогда угрозу для себя Запад почувствовал только после победоносной для России русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Так было во время экономических реформ С.Ю. Витте и издания написанного им же Октябрьского манифеста. Так было и тогда, когда, подавив первую русскую революцию, П.А. Столыпин начал осуществлять аграрную реформу, призванную создать класс крестьян-собственников. На Западе очень надеялись, что такая политика предотвратит новую революцию и даст толчок развитию рыночной экономики, сделав Россию привлекательной для промышленных инвестиций.

В то же время восприятие России на протяжении многих веков было для Запада неким средством собственной идентификации. Со времен маркиза де Кюстина мерзости российской жизни служили для утверждения идеалов демократии и либерализма.

Итак, более или менее отчетливые представления о России и русских в Западной Европе сложились только в XVIII веке и отличались достаточно большой устойчивостью. Имидж России носил по преимуществу негативный характер. В ней видели, прежде всего, агрессивного соседа, а также страну, отличающуюся от большинства европейских стран отсутствием гражданских свобод и уважения к правам личности и собственности. В последующем данный стереотип откладывал свой отпечаток на восприятие СССР и новой, постсоветской России.

Лекция 5.

Образ Советского Союза

С приходом к власти в России большевиков в 1917 г. началось противостояние двух общественно-политических систем – советской коммунистической и западной демократической (в советских терминах «капиталистической» или «буржуазно-демократической»). В этой лекции речь пойдет о том, как изменился стереотип России в новых условиях и как он зависел от внешнеполитической конъюнктуры и ужесточения или, наоборот, либерализации политического режима в Советском Союзе. Кроме того, будет показано, какие средства внешнеполитической пропаганды применяла Москва для создания благоприятного имиджа СССР, какие события советской жизни оказывали как позитивное, так и негативное влияние на восприятие страны в мире.

С советских времен сложился набор овеществленных стереотипов, связанных с образом России и сохраняющихся вплоть до наших дней. Так, в английском языке список существительных, наиболее часто сопрягаемых в англоязычных текстах с определением "русский", получится весьма показательным: "правительство", "революция", "народ", "президент", "рулетка", "оборона", "история", "официальные лица", "шпион", "балет", "нефть", "водка", "медведь".

Из этого перечня к советским временам можно уверенно отнести слова «правительство», «революция», «народ», «оборона», «история», «официальные лица», «балет», «нефть». Для сравнения: прилагательное "итальянский" чаще всего употребляется с гораздо более нейтральными или однозначно позитивными словами "правительство", "ренессанс", "ресторан", "стиль", "опера", "искусство", "футбол", "печать", "вино", "музыка".

Совпадает только одно слово – «правительство». При этом в отношении стереотипа итальянцев ни одно из существительных не несет негативной коннотации. В случае же с Россией и русскими явно негативную коннотацию имеют слова «шпион» и «рулетка». Кроме того, в большинстве случаев негативный смысл имеют слова «нефть» (как средство энергетического шантажа Запада), «медведь» (как символ чего-то неуклюжего и угрожающего агрессией), «водка» (как символ беспробудного пьянства), «оборона» (олицетворение угрозы со стороны советского ВПК) и «революция» (как символ опасных социальных потрясений). Безусловно, положительное значение имеет слово «балет».

Фигура русского в английских анекдотах – это, как правило, сильно пьющий персонаж, космонавт, берущий с собой в полет водку и спички, борец-тяжеловес, которого можно победить лишь благодаря невероятному стечению обстоятельств, несчастный, не знающий, что такое говяжий стейк, богач, нечаянно оказавшийся владельцем британского национального достояния. Из этих образов к современности можно отнести только последний, тогда как первый и второй, несомненно, принадлежат еще советской эпохе.

Таким образом, на Западе до сих пор преобладают представления о России, сложившиеся в советскую эпоху, в том числе и негативные стереотипы, восходящие к эпохе «холодной» войны.

Как известно, уровень благосостояния советских людей значительно уступал западноевропейскому, североамериканскому или японскому. Однако материальный достаток в сознании общества шёл вторым планом по отношению к идеологическим ценностям. Господство безальтернативных СМИ позволяло власти ограждать население от «идеологически опасных источников информации». В сознании большинства людей образ СССР строился на таких общезначимых ценностях, как бесплатные жильё, образование, медицинское обслуживание, отсутствие безработицы. То, что на Западе в образе Советского Союза эти черты отнюдь не преобладали, подавалось советской пропагандой как доказательство того, что правящие круги Запада, будто бы контролирующие СМИ и формирующие общественное мнение, «нас не любят».

На Западе же в эпоху НЭПа, который сами большевики рассматривали как временное тактическое отступление, всерьез надеялись на трансформацию СССР, сначала экономическую, а затем и политическую.

В своей внешней политике, опираясь на стремление деятелей мировой культуры к восстановлению связей с представителями культуры России, советское правительство с первых лет своего существования добивалось изменения общественного мнения в странах Западной Европы и Северной Америки в пользу отмены блокады и установления дипломатических отношений с СССР. Внутри же страны создавался образ поддержки всех советских инициатив «мировой прогрессивной общественностью». Политическое руководство СССР, а затем и России уделяло и уделяет большое внимание формированию своего позитивного имиджа в глазах мирового общественного мнения. При этом не учитывалось, что имидж правительства неотделим от внешнеполитического образа страны. При этом отдельные образы советской пропаганды оказывали существенное влияние на западное общественное мнение.

Например, Ленинград периода между двумя мировыми войнами успешно вписывался в образ страны, как город революций, открывший эпоху движения к новой цивилизации, преодолевающую

историческую пропасть между Западом и Востоком. Интересно, что в современной России практически также, за исключением революций, позиционируется Санкт-Петербург, причем с привлечением исторической традиции еще с петровских времен. Интересно, что первым событием в СССР, получившим положительный отклик в европейских странах, стало празднование в Ленинграде в 1925 году 200-летия Академии наук, в котором участвовали 130 ученых из 21 страны мира. Однако позитивный образ Ленинграда как научного и культурного центра не мог в полной мере преодолеть негативное отношение в западном общественном мнении к массовым репрессиям, охватившим СССР в 30-е годы.

В 30-е годы Советский Союз посетили популярные и влиятельные на Западе писатели: Бернард Шоу, Анри Барбюс, Эмиль Людвиг, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Рафаэль Альберти, Андре Жид, Андре Мальро. Лишь двое последних не дали обмануть себя советской пропаганде и опубликовали весьма критические очерки советской жизни. Беседы Сталина с Людвигом и Уэллсом были тогда же напечатаны как в советской, так и в западной периодике. Эти писатели, убежденные Сталиным, в своих статьях отрицали, в частности, массовый голод в СССР как следствие колLECTивизации. Слухи об этом голоде отражались в иностранной печати и сильно вредили положительному имиджу Советского Союза. Но наибольший шум наделала книга Жида «Возвращение из СССР». Французский писатель поставил под сомнение стахановское движение, утверждая, что раз норму можно перевыполнить в несколько раз, значит, норма сильно занижена. Вместе с тем, энтузиазм советских людей вызвал у Жида искреннее восхищение. Он также показал удручающую бедность советской жизни в сравнении с французскими стандартами, с которой контрастировала роскошь, в которой жила советская элита. Главное же, Жид усомнился в справедливости обвинений, выдвинутых против оппонентов Сталина на московских процессах. Он также свидетельствовал: ««Сомневаюсь, чтобы в какой-либо другой стране мира, даже в нацистской Германии, человеческая мысль была бы более порабощена, запугана и терроризирована».

Книге Жида советские пропагандисты противопоставили книгу Фейхтвангера «Москва 1937». Там оправдывались фальсифицированные политические процессы над бывшими деятелями анти-сталинской оппозиции и утверждалось, что они прошли с полным соблюдением юридических норм. Немецкий писатель-эмигрант восхищался планом реконструкции Москвы: «Никогда еще город с миллионным населением не строился так основательно по законам целесообразности и красоты, как новая Москва. Бесчисленные маленькие вспыхивающие точки и линии показывают: здесь будут школы, здесь больницы, здесь фабрики, здесь магазины, здесь театры. Москва-река будет проходить здесь, а здесь пройдет канал Волга-Москва. Тут будут мосты, а здесь под рекой пройдет тоннель, там протянутся пути для подвоза продовольствия, а вот здесь - для всякого рода другого транспорта, отсюда будем регулировать водоснабжение города, отсюда электроснабжение, а тут будет теплоцентраль». Это был камень в огород Жида, утверждавшего, что увиденные им здания, за редким исключением, уродливы и совершенно не гармонируют друг с другом.

Фейхтвангер также привел слова Сталина о том, что тот против собственного культа, но ничего не может поделать с излишним усердием руководителей низших уровней и с энтузиазмом масс. Однако по мере того, как реальные внешнеполитические акции СССР вступали в противоречие с образом его как миролюбивой страны, голоса советских друзей на Западе звучали все глуше.

В то же время в мире сохранялось противоречивое мнение по поводу того, что представляет собой Советская Россия. С одной стороны, на него влияли отзывы тех иностранцев, которые смогли побывать здесь, в большинстве случаев увидели лишь пропагандистскую витрину советского рая. С другой стороны, те немногие, кому посчастливилось выбраться из ГУЛАГа и благополучно попасть на Запад, а также несколько высокопоставленных советских перебежчиков, вроде Б. Бажанова, Г. Беседовского, Г. Агабекова и Г. Люшкова, опубликовали мемуары, в которых раскрывалась изнанка советского рая. Они рассказывали о тяжелом положении народа, массовых репрессиях и голоде, фальсификации политических процессов и моральном разложении советской верхушки.

Следует отметить, что довольно многочисленная (по числу названий) русская эмигрантская пресса в странах Запада практически не оказывала влияние на западное общественное мнение. В отличие от свежих советских перебежчиков, белоэмигрантам довольно редко предоставляли свои полосы европейские и американские газеты. Исключение составляли те русские писатели и журналисты, которые

свободно владели европейскими языками и публиковались в местной прессе. Отметим Марка Алданова, чьи политические обзоры часто публиковались во французской прессе и, безусловно, влияли на французское общественное мнение в негативном для СССР духе.

Что же касается Льва Троцкого, наиболее видного противника Сталина из числа коммунистов, высланный из СССР в 1929 г., то он не оказывал существенного влияния на западное общественное мнение из-за своей одиозности для большинства политических сил и органов прессы. Троцкий оказывал влияние лишь на ряд коммунистических партий Европы и Америки, где у него было немало сторонников.

Интерес к Троцкому проснулся только в 1937 году в связи с московскими процессами над бывшими оппозиционерами. На одном из них один из подсудимых, бывший сторонник Троцкого Юрий Пятаков рассказывал, как летел с ним на встречу в Осло из Германии в декабре 1935 года. Троцкий в интервью западным газетам категорически отрицал факт этой встречи, и его правота была полностью доказана. Выяснилось, что в декабре 1935 году ни один самолет на аэродром Осло не приземлялся. К критике Троцким московских процессов стали прислушиваться. Кроме того, западные корреспонденты, присутствовавшие на процессах, в большинстве своем усомнились в обвинениях, предъявленных подсудимых. Зато в истинность этих обвинений поверили ориентировавшиеся на Сталина компартии.

Были и отдельные критические статьи западных журналистов, побывавших в СССР с краткосрочными визитами. Так, американский медиа-магнат Рой Говард, побывавший в Москве в марте 1939 года, после возвращения писал в газете «Нью-Йорк уорлд телеграмм»: «Если судить о Советском Союзе по Москве, которая является витриной страны, то он двигается по нисходящей кривой. За последние два года, по общему мнению, тысячи политических, военных и экономических руководителей были расстреляны, сосланы или ликвидированы тем или иным путем. В результате этого наблюдается дезорганизация в военной области и в промышленности, страх, скрытность и чуранье иностранцев в тех кругах, которые были задеты последней чисткой».

Говард писал о том, что шпионы, осведомители и агенты-провокаторы наводняют Москву до такой степени, что в ней всякий человек является подозрительным. Иностранные посольства содержат специальные штаты электротехников из подданных своих стран. Единственная обязанность этих электротехников заключается в периодических осмотрах всех помещений с целью обнаружения диктографов, устанавливаемых агентами НКВД. Таких диктографов обнаруживают множество. Недоверие, тайна и подозрение окутывают всю обстановку вечным липким туманом. Это, конечно, не ново, но с точки зрения сегодняшнего дня положение, по-видимому, является наихудшим за последние десять лет...

Советский Союз, делал вывод американский магнат, является темным пятном на новой европейской карте. Ни одна газета и даже официальное советское агентство ТАСС не дают картины жизни в масштабе всей страны так, как к этому привыкли американские читатели. В СССР факты, касающиеся населения и не касающиеся политики или правительства, не считаются новостями в американском смысле. Поскольку каждый существует для государства, то действия отдельных лиц не считаются важными, если они не связаны или не задевают государство. Какое-либо событие, имеющее большой интерес для данной местности, освещается местной газетой. Но подробности этого события не сообщаются остальной печатью, если только это не содействует славе Союза Советских Социалистических Республик. В результате аккредитованные дипломаты и иностранные корреспонденты выписывают десятки газет, выходящих в городах, разбросанных по всей стране. Из этих газет они выбирают такие единичные факты, какие имеются относительно того, что происходит вне Москвы. С точки зрения газетной информации Москва и Кремль представляют всю Россию. Если в результате этого картина, преподносимая внешнему миру, является неверной, как это часто и происходит, то в этом повинна, прежде всего, система. До тех пор пока управляет так или иначе диктаторское правительство, невозможна адекватная информация о том, что происходит среди 175-миллионного населения крупнейшей на земле страны.

Постоянно аккредитованные в Москве западные корреспонденты, сознавая свою зависимость от советских властей и опасаясь высылки, давали, как правило, более лояльные корреспонденции. Они в своем большинстве ухитрились не заметить массового голода и репрессий 30-х годов. Так, известный американский журналист Вальтер Дюранти, с начала 20-х годов проживавший в Москве, в 1933 году не

заметил катастрофического голодомора, унесшего жизни миллионов крестьян, и на страницах «Нью-Йорк Таймс» отрицал бесспорные факты.

Зато подробно московские корреспонденты западных изданий освещали экспедиции к Северному полюсу, сверх дальние перелеты советских летчиков, спасение «Челюскина» и т.п. Такого рода события, как и гастроли советских артистов на Западе, создавали информационные поводы, способствовавшие укреплению благоприятного имиджа Советского Союза и вытеснявшие с газетных полос сообщения о голоде, нищете и репрессиях.

В конце 1930-х годов на негативный имидж СССР повлияла постоянная демонстрация двойных стандартов в советской внешней политике, в том числе пакт Молотова-Риббентропа, советское вторжение в Польшу, агрессия против Финляндии и оккупация Прибалтийских государств. Эти акции сильно снизили популярность Москвы, в том числе и у левонастроенной общественности, включая коммунистов. Именно агрессия против Финляндии привела к исключению СССР из Лиги Наций. Загадочность и непредсказуемость внешней политики многие годы определяли образ СССР как государства, угрожающего целостной системе западных либеральных ценностей.

Сегодня довольно трудно представить себе, как выглядел СССР в конце тридцатых годов в глазах Запада. Официальный сталинский тезис о довоенной миролюбивой внешней политике СССР продолжает существовать в России и как официальная догма, и как часть массового советского сознания. На западе жуткий образ довоенной сталинской диктатуры был впоследствии заслонен образом СССР – победителя нацизма и союзника по антигитлеровской коалиции.

Представить, какими глазами Запад смотрел на СССР до июня 1941 года, помогает книга «Сталин в свете прессы и карикатуры», выпущенная в Германии в 1941 году. Тогда СССР превратился из друга и союзника Германии в смертельного врага, и теперь немецкая пропаганда опять сделала Советский Союз своей основной мишенью. В книге были собраны карикатуры на Сталина не только из немецких, но также из английских, американских, испанских, итальянских и русских эмигрантских газет. Самая популярная тема карикатур – «Сталин-убийца». Итальянская «Stampa Sera» изображает Сталина в виде дьявола, который подбрасывает в адскую топку огромными лопатами людей и оружие. На рисунке из «Washington Daily News» от 4 декабря 1939 года изображена огромная свинья с головой Сталина, стоящая в луже крови. Рисунок называется «Эволюция медведя». На рисунке из шведской газеты «Sondagsnisse-Strix» стоит Сталин с окровавленным серпом в руке. За ним смерть с косой задумчиво говорит: «Не лучше ли было бы взять его серп?».

Парижская газета «Возрождение» опубликовала пародию на туристский рекламный плакат: «Посетите пирамиды в СССР». На рисунке Сталин приглашает посмотреть на горы черепов. Польская карикатура из журнала «Mucha» изображает, как к Сталину, подписывающему очередной приговор обращается подчиненный: «Товарищ Сталин, не могли бы Вы оставить парочку старых большевиков, на случай, если пятилетний план не будет выполнен?». На рисунке из итальянской газеты «Popolo d'Italia» от 2 января 1937 г. колонна оборванных людей бредет сквозь глубокий снег к горизонту над которым вместо солнца висит серп и молот с надписью «Сибирь». Подпись – «Внутренние советские миграции».

«Chicago Daily Tribune» 22 июня 1937 года порадовала читателей портретом Сталина в пижаме, который, обливаясь потом от ночных кошмаров, пытается спрятаться под кровать. Точно так же в немецком журнале *Nachtausgabe* от 22 августа 1941 года Сталин отбивается от окружающих его привидений на фоне уходящего к горизонту моря крестов. На другом немецком рисунке Сталин с ужасом смотрит на себя в зеркало, окруженный призраками Троцкого, Зиновьева, Радека и других. Подпись: «Что? Больше никого не осталось для следующего показательного процесса?» («Pommersche Zeitung», 2 февраля 1937).

Хорошо представлена в сборнике тема советской агрессии против Финляндии и Прибалтики. На одной американской карикатуре 1940 года изображен крест в виде серпа и молота. На нем распята фигура с надписью «Финляндия». На молоте сидит гриф с головой Сталина, который держит во рту лавровую ветвь. На французском рисунке Сталин, сидя в луже крови и с капающей изо рта кровью никак не может

дотянуться до бокала с надписью «финский шербет». На луже надпись – 200 000 убитых - именно таким числом оценивали советские жертвы финская сторона.

Представление Запада о роли Сталина в мировой политике хорошо передает карикатура из «Chicago Daily Tribune» от 25 апреля 1940 года. Драка в клубах пыли с надписью «Воюющие нации», рядом стоит Сталин и, пряча за спиной кинжал, ждет, кому бы воткнуть его в спину.

Ситуация коренным образом изменилась после германского нападения на СССР. В Англии, США, в оккупированных Германией и нейтральных государствах Европы на Красную Армию стали смотреть как на ценного союзника и даже спасителя Европы от нацистского ига. Естественно, стал формироваться положительный имидж СССР. Советские плакаты, и в частности, знаменитый плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», неоднократно публиковались в 1941-1945 годах в Англии и США, а также в Китае, Иране, Мексике и других странах. Все это способствовало росту популярности СССР в мире. Слова об «абсолютной диктатуре», распявшей маленькую демократическую Финляндию, были быстро забыты. Советский Союз представлялся верным союзником западных демократий, мужественно сражавшимся с общим нацистским врагом и приносящим в этих сражениях неисчислимые жертвы. Преступления нацистов в глазах общественного мнения как Англии и США, так и нейтральных стран затмили прежние преступления сталинского режима.

Весьма показательно, что когда в конце 1943 года, накануне Тегеранской конференции, в США демонстрировался фильм американского режиссера Ф. Копры «Битва за Россию» из серии «Почему мы воюем?», то из него были изъяты документальные кадры о вступлении советских войск в государства Прибалтику, поскольку эти действия СССР осуждались американским общественным мнением.

Теперь Советскому Союзу прощалось все, даже преступление в Катыни. Когда весной 1943 года немцы раскопали катынские могилы и обвинили Советский Союз в убийстве более 10 тысяч польских офицеров, руководители Англии и США очень мало сомневались в том, что это преступление – сталинских рук дело, однако публично предпочли солидаризоваться с советскими утверждениями, согласно которым это преступление совершили немцы. Такую же позицию заняла и английская и американская пресса. О советской ответственности за Катынь во время войны в Англии и США писала только пресса, издававшаяся польскими иммигрантами. Изменение позиции здесь произошло только после того, как в 1946 года на Нюрнбергском процессе Катынь была исключена из списка преступлений, инкриминируемым главным военным преступником, а в 1947 году расследование, проведенное комиссией Конгресса США, доказало советскую ответственность за Катынь. Это совпало с началом «холодной войны» между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции и очень хорошо легло в новый негативный имидж СССР.

Важнейшим следствием разгрома фашистской коалиции явилось бурное развертывание национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, что привело к распаду колониальной системы. И в этой связи образ СССР в глазах мировой общественности стал отождествляться со страной-победительницей фашизма и страной-освободительницей народов. Корреспондент «Санди экспресс» Д. Гарвин, например, утверждал: "Под руководством Сталина и его генералов Красная Армия превзошла прежде совершенные ею чудеса".

В феврале 1943 года в Англии широко отмечалось 25-летие Красной Армии. Митинг в лондонском Альберт холле с участием видных представителей правительства и всех партий, равно как и деятелей искусства (Джона Гилгуда, Лоуренса Оливье и др.) был организован министерством информации. То же министерство рекомендовало издателям задержать публикацию антисоветского произведения Джорджа Оруэлла «Ферма животных». Зато в Англии и США большую популярность приобрели как произведения русских классиков, так и советских писателей – М. Горького, В. Катаева, М. Зощенко, К. Федина и др.

Пик советской популярности Советского Союза в Англии и США пришелся на дни Сталинградской победы, когда стало ясно, что поражение Германии и ее союзников уже не за горами.

Чтобы улучшить и без того весьма неплохой имидж СССР на Западе, Сталин в 1943 году распустил Коминтерн и согласился на восстановление патриаршества, сделав некоторое послабление

Русской православной церкви. Эти мероприятия должны были продемонстрировать европейской и американской общественности и правительствам, что Советский Союз больше не занимается экспортом революции и преследованиями за религиозные убеждения (последняя тема была особенно актуальна в США).

Дипломатическая подготовка к возможному после победы над Германией противостоянию с СССР началась на Западе еще в конце войны. Как отмечает российский историк Д.Н. Замятин, внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 годах оперировало, как минимум, тремя геополитическими образами СССР, которые восходили генетически к образу Российской империи. Два из них явно противостояли друг другу: образ европейской державы с традиционной внешней политикой и образ агрессивной полуазиатской державы, нацеленной на конфронтацию. А третий был достаточно противоречивым и объединял некоторые черты двух первых; для него также был характерен поиск устойчивых мистических основ, которые влияли на традиционный геополитический образ Российской империи-СССР.

Одновременное существование трех главных геополитических образов привело к тому, что территориальные претензии СССР на Прибалтику и Восточную Пруссию, равно как и на собственную сферу влияния в Восточной Европе, вызывавшие недовольство европейских государств, находившихся в союзе с США, до поры до времени казались естественными и приемлемыми для американских политиков.

После окончания Второй мировой войны образ Советского Союза на Западе постепенно начал меняться к худшему. Фултонская речь Черчилля в марте 1946 года фактически возвестила о начале «холодной войны». Ухудшению имиджа СССР способствовала не только поддержка Советским Союзом практически всех политических режимов, противостоявших западным представлениям о будущем мира, но и культивируемая в советском обществе атмосфера подозрительности к любому приезжавшему в страну иностранцу. Влияние оказывала и развернутая во второй половине 40-х и в начале 50-х годов кампания по борьбе с «бездонными космополитами».

Два блока с антагонистическими системами вели идеологическую войну, главными инструментами которой были пропагандистские органы. С их помощью правящие элиты противоборствующих сторон убеждали граждан своих государств в обоядной враждебности, утверждая в массовом сознании негативные образы друг друга.

На Советский Союз переносились стереотипы, сформировавшиеся столетия назад по отношению к России. Не случайно в 1951 году, в разгар «холодной войны», в США был издан сокращенный перевод книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» с предисловием тогдашнего директора ЦРУ генерала Беделла Смита. Он утверждал, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанным о Советском Союзе». Любопытно, что вышедшая тогда же, в начале 1950-х годов книга известного американского журналиста Юджина Лайонса называлась «Народы СССР – наши секретные союзники».

В методах конструирования позитивного образа СССР с советской стороны в послесталинское время произошли существенные изменения. Если Сталин и его соратники почти не покидали советские пределы (после Второй мировой войны исключение делалось в основном для стран, вошедших в советскую сферу влияния), то сменивший его Никита Хрущев, а позднее Леонид Брежnev и Михаил Горбачев стали активно ездить по миру, неоднократно посещая и ведущие страны Запада. В целом это позитивно влияло на образ СССР, доказывая западной общественности, что коммунистические лидеры вполне могут быть человеческими в общении. Правда, порой экспансивность и грубость Хрущева, равно как и дряхлость Брежнева в последние годы его правления вызывали обратный эффект.

Однако в целом негативный образ СССР стал постепенно меняться к лучшему еще в начале 60-х годов, когда после Карибского кризиса Хрущев предпринял первые попытки к разрядке международной напряженности. Зато Брежневу на протяжении целого десятилетия, с конца 60-х по конец 70-х, удалось проводить довольно эффективную политику «детанта» с Западом.

Наряду с традиционными средствами создания положительного имиджа в виде балета, оперы, фольклорных ансамблей вроде «Березки», в эпоху «оттепели» появились и новые средства. Настоящим прорывом в плане демонстрации открытости советского общества стало проведение Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 года. Впервые в советской истории десятки тысяч молодых людей из всех стран мира оказались за «железным занавесом». Они смогли подробно узнать жизнь советских людей благодаря общению с советскими сверстниками.

Большую роль в улучшении имиджа СССР сыграли успехи советской космонавтики, запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 году и первого человека в космос в 1961. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» на следующий день после полета Юрия Гагарина писала: «Русским удалось полностью опровергнуть идею о том, что Соединенные Штаты находятся впереди Советского Союза в области науки и техники. Эта идея была опровергнута уже тогда, когда Советский Союз вывел на орбиту свой первый искусственный спутник. Сейчас она полностью похоронена». А видный английский астроном Бернард Ловелл, комментируя полет Гагарина, заявил: «Это — величайшее достижение науки в истории человечества. Мне кажется знаменательным, что стране, которая всего лишь каких-нибудь 30 лет назад была в основном неграмотной, удалось осуществить эту огромную задачу».

На самом деле технологическое превосходство США ни тогда, ни в дальнейшем не было утрачено, а успех советской космической программы объяснялся тем, что она являлась прицелом военного ракетостроения. А вот эта военная составляющая советской космической программы, отнюдь не скрывавшаяся Никитой Хрущевым во время его публичных выступлений (он, в частности, утверждал, будто баллистические ракеты в СССР производят так же легко, как сосиски на мясокомбинате), вызывала у публики на Западе не восхищение, а страх перед советским ракетно-ядерным ударом. Так, еще в августе 1961 года, принимая в Кремле космонавта № 2 Германа Титова, Хрущев говорил, адресуясь к Западу: «у вас нет 50- или 100-мегатонных бомб, у нас есть бомбы мощностью свыше 100 мегатонн. Мы вывели в космос Гагарина и Титова, но мы можем заменить их другим грузом и направить его в любое место на Земле». На самом деле таких возможностей у Москвы тогда еще не было, но на Западе, из-за крайней закрытости советского общества и, в особенности, его военных программ, ясного представления об этом еще не было.

На фоне хрущевских признаний мало кто в мире верил пропагандистским утверждениям, будто советская космическая программа направлена исключительно на изучение и освоение космического пространства в интересах науки и народного хозяйства. Тем более, что уже первая советская МБР Р-7, на самом деле обладавшая минимальными боевыми возможностями и развернутая в единичных экземплярах, была успешно использована для создания на Западе иллюзии ракетного превосходства СССР. Таким образом, советский ракетно-космический фактор играл двоякую роль в формировании имиджа страны на Западе, вызывая одновременно восхищение и страх. Триумф советской космонавтики в значительной мере был окрашен в панические тона и стимулировал наращивание американского ракетно-ядерного потенциала США.

«Ядерный страх», возникший в США после того, как Трумэн объявил, что у СССР тоже есть атомная бомба, после советского прорыва в космос и Карибского кризиса только укрепился. Американские эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не столько советские атомные и водородные бомбы и ракеты, сколько та паника, которая возникла бы в случае войны.

Главным результатом деятельности, как советского пропагандистского аппарата, так и самого Хрущева стало изменение международного имиджа страны в глазах мирового общественного мнения. Стереотип восприятия Советского Союза как закрытого общества, сформировавшийся при Сталине, стал постепенно разрушаться. Процесс этот остался незавершенным, но его значение нельзя недооценивать. Публичное осуждение Хрущевым Сталина и его политики репрессий на XX съезде, заявление о приверженности принципам мирного сосуществования и политике разоружения воспринимались западной общественностью на ура. В Западной Европе и в Северной Америке широкие массы населения поверили, что опасность мировой термоядерной войны с приходом Хрущева значительно уменьшилась.

Советская внешнеполитическая пропаганда при Хрущеве активно изучала и заимствовала опыт западных пропагандистских служб, прежде всего, США. Для формирования положительного образа Хрущева на Западе были задействованы пресса, радио, телевидение. Формирование международного имиджа Хрущева был первым советским целевым пиар-проектом, целиком ориентированным на западную аудиторию. В нем использовались как успехи в реализации советской космической программы, так и провозглашенный Хрущевым курс на разоружение. Последний имел чисто пропагандистский характер, поскольку провозглашенная Хрущевым программа всеобщего разоружения не предусматривала никакой системы контроля. Однако на западное общественное мнение эта программа оказала благоприятное для СССР воздействие. В дальнейшем опыт, приобретенный во времена Хрущева, использовался для пиара всех советских руководителей, от Брежнева до Горбачева.

Пика популярности в мире имидж Хрущева достиг в конце 1959 – начале 1960 годов, после визитов в США и Францию. Благодаря усилиям Хрущева и его пропагандистов образ Советского Союза приобрел в глазах западного общественного мнения ряд положительных черт. Никита Сергеевич приобрел репутацию «миротворца», хотя никаких существенных соглашений с Западом тогда достичь не удалось. Вскоре последовали шпионский скандал с американским пилотом Пауэрсом, сбитым под Свердловском, и Карибский кризис.

Хрущев много работал над своим имиджем, использовал свои природные актерские качества и способность к самопрезентации. Импульсивность и эмоциональные вспышки советского лидера, дававшие повод упрекать его в непредсказуемости, часто были обычными имиджевыми трюками. Открытость и демократизм также являлись частью имиджевой стратегии Хрущева. Он охотно встречался с западными журналистами, устраивал пресс-конференции, давал интервью, и при этом следил за тем, чтобы его жесты, поступки, высказывания имели соответствующий резонанс.

Ряд личных качеств Хрущева благоприятно работали на его образ, в их числе стремление к лидерству, коммуникабельность, прагматизм. Другие качества Хрущева – недостаток образования, нетерпимость к чужому мнению, комплекс «груза прошлого» и др. могут рассматриваться как факторы, негативно влияющие на процесс формирования его образа за рубежом.

Пропагандистам приходилось преодолевать западные стереотипы восприятия Хрущева. За ним закрепилась репутация специалиста по сельскому хозяйству, что затрудняло его позиционирование как первого лица государства и специалиста в международных делах. Негативное влияние оказывало и то, что его воспринимали на Западе как сталинского «наследника» и нового советского диктатора. Стиль поведения Хрущева, представшего перед западной публикой в образе «рубахи-парня», резко контрастировавшего с мрачным и строгим Сталиным, способствовал формированию позитивного образа Советского Союза. Однако совмещение в одном лице двух имиджевых позиций – «коммуниста №1» и «полномочного представителя государства» («товарища» и «господина») не только создавало дипломатические проблемы, но и вызывало подозрения относительно того, что свои турне советский лидер использует для пропаганды, направленной на мирный экспорт революции.

Преодолев советскую традицию, новые биографы придали облику Хрущева «для мира» значимые для зарубежной аудитории черты, например, наличие семьи, которая путешествовала вместе с ним. Однако информации личного свойства о советском премьере было по-прежнему недостаточно, из-за этого его международному имиджу не хватало черт, формирующих доверие аудитории.

Он был хорошим оратором, умел находить для массовой аудитории ясные и доступные формулировки. По утверждению российского историка С.А. Зубкова, «неординарные способности к самопрезентации и безусловные актерские качества сделали Хрущева, по признанию западной прессы, «исполнителем главной роли в международном политическом спектакле» и «самым блестательным шоуменом мировой сцены». Но эти достоинства, годившиеся для советской аудитории, зачастую не работали перед аудиторией зарубежной. Хамство и грубость Хрущева, угрозы типа «мы вас закопаем», стучание ботинком по трибуне в ООН сильно ухудшили его имидж после 1960 года. Он немного изменился к лучшему после преодоления Карибского кризиса 1962 года и заключения договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах в 1963 году, но прежней популярности на Западе Хрущев уже не вернулся.

В период «оттепели» стали развиваться личные контакты россиян с представителями западного мира. Иностранный туризм и встречи иностранных граждан с советскими руководителями, хозяйственниками, деятелями науки и культуры стали важным каналом формирования позитивного образа СССР в мире. С другой стороны, гораздо больше советских граждан, по сравнению со сталинской эпохой, стали посещать зарубежные страны в составе делегаций или в качестве туристов. Все это рассматривалось западными экспертами как поворот к большей открытости советского общества. Эти наблюдения были одной из составляющих формирования позитивного образа страны в мире.

В социалистических странах, где многократно повторялись лозунги типа «С Советским Союзом – на вечные времена!», образ СССР сформировался сугубо положительным, по крайней мере, на уровне СМИ. Оппозиционно настроенная к коммунистам часть населения относилась к СССР негативно за его поддержку местных коммунистических режимов, однако эти настроения оставались в глубоком подполье. Ненависть к Советскому Союзу выплеснулась наружу во время революции 1956 года в Венгрии и сохранилась у значительной части населения после ее подавления, хотя и не могли проявляться открыто. В Чехословакии, где еще с царских времен сохранялось хорошее отношение к России и русским со стороны большинства населения, после событий 1968 года появилась обида на Советский Союз, задавившего «пражскую весну».

Что же касается Албании и Китая, коммунистических стран, с которыми у советского руководства в начале 60-х годов возник острый конфликт, то там положительный имидж СССР старанием местной пропаганды был очень быстро заменен на отрицательный. Это было тем более легко сделать, поскольку контакты с советскими людьми у албанцев и китайцев на добрых два десятилетия почти полностью прекратились.

Советское вторжение в Афганистан в конце 1979 года, вылившееся в многолетнюю партизанскую войну, привело к созданию устойчивого негативного имиджа Советского Союза и в мусульманских странах. Против СССР был введен ряд санкций, а ведущие западные державы и ряд мусульманских государств бойкотировали Московскую Олимпиаду 1980 года.

Это во многом свело на нет эффект от пропагандистских усилий, направленных на то, чтобы представить Московскую олимпиаду как торжество советской внешней политики, как демонстрацию роста престижа СССР в мире. Перед Олимпиадой Москва превратилась в витрину Советского Союза. В магазинах появилось большое количество потребительских товаров, в том числе импортных. Из столицы на время Олимпиады были депортированы все нежелательные асоциальные элементы.

Негативный стереотип восприятия СССР на Западе сохранялся вплоть до второй половины 80-х годов. «Холодная война» достигла кульминации. Прежний страх перед советской ядерной мощью, приглушенный в годы разрядки, появился вновь. В марте президент США Рональд Рейган, выступая перед Национальной ассоциацией евангелистов, назвал СССР «империей зла», позаимствовав образ из «Звездных войн» Джорджа Лукаса. Президент заявил: «При обсуждении предложений о замораживании ядерного вооружения я настоятельно прошу вас избегать соблазна гордыни, соблазна необдуманно объявить себя превыше всего и навесить ярлык виновности в равной степени на обе стороны, игнорируя исторические факты и агрессивные порывы империи зла, чтобы просто назвать гонку вооружений гигантским взаимонепониманием и тем самым устраниться от борьбы между справедливостью и несправедливостью, между добром и злом».

Образ «империи зла» тут же нашел свое подтверждение, когда 1 сентября советское ПВО сбило над Сахалином южнокорейский пассажирский лайнер «Боинг-747», и погибли все 269 человек, находившиеся на борту. США и ведущие западные державы ввели в связи с этим санкции против советской гражданской авиации. В западной прессе прошла мощная антисоветская кампания. Американский президент Рональд Рейган назвал происшествие «преступлением против человечества, которое никогда не должно быть забыто», «актом варварства и нечеловеческой жестокости». Пресса приводила трагедию с «Боингом» как доказательство «бесчеловечности» советской военной доктрины. Имидж Советского Союза упал до одной из самых низших отметок за всю историю, особенно на фоне продолжающейся афганской войны и отказа Кремля пойти на компромисс по поводу размещения в Европе ракет средней дальности. Советский

лидер Юрий Андропов заявил по поводу инцидента с «Боингом» в узком кругу: «Людей, конечно, жалко, но наша служба ПВО действовала правильно». Заметим, что только во время визита в ноябре 1992 года в Сеул президент Борис Ельцин признал ошибочными действия советского военного командования и выразил глубокое сожаление по поводу гибели самолета и его пассажиров.

Вскоре после инцидента с «Боингом» опасения по поводу Советского Союза на Западе уменьшились. Очевидная дряхłość, даже по сравнению с «поздним Брежневым», и неспособность из-за тяжелых болезней полноценно управлять страной советских лидеров Юрия Андропова и Константина Черненко, что перестало быть тайной для западных наблюдателей, уменьшили страх перед агрессивными действиями, поскольку в советской системе власти такие акции могли предприниматься только с санкции первого лица.

После провозглашения Михаилом Горбачевым политики перестройки и нового мышления имидж страны начал меняться, став максимально благоприятным за всю историю СССР. После первой встречи с Михаилом Горбачёвым в 1986 году Рейган публично заявил о том, что больше не считает Советский Союз «империей зла». Очень скоро слова «гласность» и «перестройка» вошли в большинство европейских языков. В десятилетний юбилей горбачевских реформ президент Римского клуба Р.Д. Хохляйтнер заявил: "Перестройка – наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира".

На Западе приветствовали согласие Горбачева на вывод из Европы советских ракет средней дальности в обмен на обязательство США не размещать такие ракеты на Европейском континенте, одобрялось введение основных элементов свободы слова в рамках гласности и демократизации общественно-политической системы. В западных столицах приветствовали вывод советских войск из Афганистана, завершившийся в начале 1988 года. В высшей степени благоприятно было воспринято на Западе возвращение из ссылки академика Андрея Сахарова, освобождение всех политических заключенных, прекращение преследований диссидентов. Телефонный звонок Горбачева Андрею Сахарову 15 декабря 1986 года с объявлением об окончании его ссылки был воспринят на Западе как настоящая сенсация и как знаковое событие, свидетельствующее о серьезности начавшихся перемен.

Мир приветствовал Горбачева за отказ от подавления силой «бархатных революций» в государствах Варшавского договора, согласие с объединением Германии и выводом советских войск из Восточной Европы. Стиль и манера поведения Горбачева очень импонировала западной публике. Сравнительно молодой и энергичный руководитель на фоне воспоминаний о совсем недавно правивших страной немощных старцев смотрелся весьма выигрышно. В западной прессе его наградили уменьшительно-ласкательным прозвищем «Горби». Для западного общественного мнения Горбачев стал сильно улучшенным вариантом Хрущева, без грубости, хамства и дремучей необразованности последнего, и олицетворением нового Советского Союза, стремящегося перестроиться на принципах уважения общечеловеческих ценностей.

Во время встречи на Мальте в 1989 году президент США Джордж Буш-старший прямо сказал Горбачеву: «Общественное мнение в США поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также Вашу роль в развитии плuriалистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен».

Бывший британский посол в Москве сэр Родерик Брейтвейт вспоминает, что «у Горбачева было все: новые идеи, энергия, хитрость, честолюбие и непреклонность, необходимые политику, чтобы взобраться по скользкому шесту на вершину власти. У него также хватало мужества мыслить неординарно... Величайшая заслуга Горбачева состоит в том, что он облегчил России переход на путь глубокого исторического преобразования.... Терять империю больно, но ядерная война была бы еще больней».

На Западе Горбачев до сих пор остается глубоко чтимым политиком. Он снял с Запада психологическое напряжение «холодной» войны, и Советский Союз перестал внушать страх. Закономерным стало присуждение Горбачеву Нобелевской премии мира за 1990 год. В связи с этим британская «Таймс» писала: «Многие ветераны «холодной» войны, в том числе Маргарет Тэтчер и президент Буш, поздравили

Горбачева с тем, что он осуществил то, к чему так долго стремился Запад: демонтаж советской империи... Чтобы ни случилось в дальнейшем, своими достижениями мирового масштаба г-н Горбачев более чем заслужил не только Нобелевскую премию мира, но и благожелательного вердикта самой истории».

Таким образом, в 1985-1991 гг. произошел радикальный перелом отношений между Западом и СССР, переход от образа врага, "империи зла" к образу партнера. В целом можно констатировать, что в западном восприятии СССР соотношение критического и благожелательного варьировалось в разные эпохи и в разных странах. Это зависело это от внешнеполитической и внутриполитической конъюнктуры и от международной ситуации в целом. Например, в 20-е годы в Германии Советский Союз воспринимался как потенциальный союзник против Версальской системы, и в образе СССР превалировали положительные черты. Напротив, после прихода нацистов к власти Советский Союз был одним из главных врагов на международной арене, а поддерживавшиеся Москвой германские коммунисты – главным внутренним врагом. Поэтому советский образ в германской прессе, поставленной под контроль министерства пропаганды, быстро превратился в карикатурный. Критика Москвы была прекращена после заключения пакта о ненападении 23 августа 1939 года, однако позитивный образ Советского Союза отнюдь не создавался. Преобладали нейтральные материалы. А 22 июня 1941 года антисоветская пропагандистская кампания в Германии, разумеется, возобновилась с невиданным прежде размахом.

Советский коммунизм укреплял людей Запада в приверженности демократии, рыночной экономики и охране прав личности. В то же время, у той части западной общественности, которая симпатизирует левым партиям и социалистическим идеям, в 1920-е годы советский эксперимент вызывал большой интерес, и надежду, что в случае его успеха нечто подобное можно будет повторить в европейских странах и США. Однако уже к середине 30-х годов насильтвенная коллективизация, голод, всеобщий дефицит и террор убедили большинство западных наблюдателей, что советский опыт для их стран никак не подходит, что основательно дискредитировало социалистические идеи марксистского образца среди широких масс населения на Западе, но не среди интеллектуальной элиты. Окончательное же развенчание «большевистского эксперимента» в глазах западной общественности произошло в 1956 году, когда Хрущев огласил на XX съезде партии доклад о сталинских преступлениях, который, несмотря на его секретность, вскоре был опубликован на Западе.

Естественно, в своем восприятии России Запад никогда не был беспристрастным. Россия и Советский Союз всегда были для западных стран не только партнером, союзником или соперником (в зависимости от обстоятельств), но и неким культурным и политическим символом, знаковой фигурой на мировой геополитической доске.

Советский Союз на Западе по преимуществу не любили, зато прониклись горячей любовью в годы горбачевской перестройки.

Лекция 6.

Образ современной России

В этой лекции мы остановимся на особенностях образа современной России и его трансформациях за более чем полтора десятилетия существования постсоветского государства и о зависимости данных трансформаций от российской внешней и внутренней политики.

Распад СССР отнюдь не приветствовался западными руководителями, так как означал усиление нестабильности в мире и создание вакуума силы на постсоветском пространстве. Однако уже весной 1991 года, когда сепаратизм Прибалтики и ряда других советских республик уже стал вполне явным, а Литва даже провозгласила в одностороннем порядке независимость, западные наблюдатели стали понимать, что Советский Союз долго не просуществует. Запад приветствовал Ельцина за то, что он не пытался сохранить Союз силой и согласился на вывод российских войск из республик Прибалтики. США и Западную Европу вполне удовлетворило то, что распад СССР прошел практически мирно, в отличие от Югославии, без серьезных военных столкновений. Ельцин также заслужил признательность западных правительств и общественности за то, что он обеспечил вывод советского ядерного оружия из государств СНГ.

В то же время западную общественность шокировали эпатажные выходки президента Ельцина во время визитов на Запад – невыход из самолета в Ирландии для встречи с руководством этой страны в 1994 году, дирижирование оркестром на торжествах по случаю завершения российских войск из Германии и другие аналогичные инциденты. Ельцин никогда не пользовался на Западе той же популярностью, что и Горбачев, хотя Ельцину простили расстрел здания Верховного Совета в октябре 1993 года. Президент США Билл Клинтон даже назвал это событие «победой демократии». Простило западное общественное мнение Ельцину и победу на в значительной степени недемократических президентских выборах 1996 года, когда наблюдалось колossalное неравенство кандидатов в доступе к СМИ, когда в пользу Ельцина был задействован как административный ресурс, так и деньги олигархов, когда были зафиксированы существенные фальсификации в пользу кандидата партии власти.

В апреле 2007 года, после кончины первого президента России, британская газета «Индепендент» назвала его «человеком, победившим коммунизм». Канцлер Германии Ангела Меркель охарактеризовала Ельцина как «крупную фигуру на российской и международной политической арене, смелого борца за свободу и демократию и подлинного друга Германии». А президент США Джордж Буш-младший назвал Ельцина «деятелем исторического масштаба, служившим стране в период величайших перемен, сыгравшим ключевую роль в момент распада СССР и способствовавшим созданию основ демократии в России».

Подводя итог политической деятельности Ельцина, газета «Вашингтон пост» писала в октябре 2007 года, к двадцатой годовщине выступления будущего российского президента на октябрьском 1987 года пленуме ЦК КПСС, положившей начало его противостоянию с Горбачевым: «У Ельцина бывали огромные взрывы творческой энергии, чередующиеся с периодами болезни, алкоголизма и ухода от дел. Он мог сплотить вокруг себя страну, а затем исчезнуть, передав бразды правления своим коррумпированным соратникам. Он умел говорить красноречиво о свободе, но был склонен к авторитаризму и не выносил критики. Он говорил о реформах, но отдал промышленность страны в руки небольшой группы олигархов. Он закончил «холодную» войну (строго говоря, это сделал все-таки Горбачев – авт.), но начал новую и ужасную войну в Чечне».

Восприятие Ельцина Западом та же газета оценивала не менее критично: «В эти годы восприятие Ельцина Западом колебалось не менее шизофренично. Сначала его считали опасным выскочкой: Джордж Буш-старший открыто отказался с ним встречаться. Потом он встал на броню танка в центре Москвы, призвал народ сопротивляться заговорщикам – и Запад повернулся на 180 градусов, назвал его героем и заключил в свои объятья – в том числе, и буквально. Обниматься с Ельциным любил канцлер Германии Гельмут Коль. Билл Клинтон вел кампанию за переизбрание Ельцина. Международный валютный фонд создал для России новые виды кредитов исключительно для того, чтобы иметь возможность дать Ельцину денег безо всяких условий. Однако даже в те дни, когда они с Клинтоном подолгу гуляли по лесам в окружении многочисленных телекорреспондентов, было ясно, что Ельцин бросает семена того отката от демократии, который мы наблюдаем в России сегодня. В годы его правления деньги МВФ переводились на тайные банковские счета. Сначала Ельцин распустил КГБ, а потом по-тихому восстановил его, чтобы следить за своими противниками. Несмотря на риторику ельцинской эпохи, в России по сей день нет того, что большинство из нас называет свободной рыночной экономикой. Хотя мы провозглашали Ельцина демократом, он не оставил после себя какого-либо подобия работоспособной демократии».

Как легко убедиться, в отличие от Горбачева, деятельность Ельцина на Западе получила довольно противоречивые оценки. Интерес к России постепенно падал. После объединения Германии Москва перестала рассматриваться как угроза Западу. Страх перед советской военной мощью исчез. Однако Россия так и не стала привлекательным бизнес-партнером (за пределами энергетического сектора), перспективной экономикой для масштабных инвестиций. К середине 90-х годов криминализация российского бизнеса, возвышение российской исполнительной власти за счет законодательной и особенно судебной привели к тому, что на Западе возобладал негативный образ России. Его символом стала «русская мафия», к которой причисляли всех криминальных авторитетов из бывшего СССР, независимо от их настоящей национальной принадлежности.

Переломным стал 1995 год. Война в Чечне подняла волну официальной критики в адрес наших властей, а наплыв российских бандитов в Америку скомпрометировал россиян в глазах простых обывателей. Наконец, российский финансовый крах 1998 года окончательно смыв былой глянец с образа "страны, совершившей побег из тоталитаризма в демократию". Сыграло, в частности, свою роль и то, что в результате дефолта пострадали многие мелкие западные инвесторы.

Германский журналист Герман Тёрч писал в 1995 году: «Мы не знаем, что произойдёт в Европе в ближайшие годы, даже в ближайшие месяцы. Но мы уже можем исключить кое-какие сценарии, которые вытекали из поражения советской империи. В России не будет гармоничного порядка по общим законам демократии и рынка. Россия не станет либеральным правовым государством в обозримом будущем. Щедрая помощь извне не сможет заставить русскую нацию сделать огромный скачок, необходимый чтобы покрыть за несколько лет или десятилетий отсталость как минимум в два века в своем социально-политическом развитии. Этого не может быть и, кроме того, это невозможно».

Западная общественность с недоумением взирала на российских миллиардеров и миллионеров, приобретших свои состояния, по западным меркам, незаконным путем. Эти олигархи, предпочитающие жить по преимуществу на Западе, откровенно сорили деньгами, что вызывало растущее раздражение западной общественности и прессы.

В западном обществе по отношению к России сохраняются многие стереотипы времен «холодной войны». В 2003 году по заказу РИА "Новости" агентством "Мори" в Англии и США были проведены опросы на тему «Что в первую очередь приходит вам в голову, когда вы слышите слово "Россия"?».

В Англии:

- на первом месте оказались "холод, снег, меховые шапки, теплая одежда",
- на втором месте -- "политика, коммунизм, Сталин, Ленин, Троцкий",
- на третьем -- "обнищание, длинные очереди",
- на четвертом -- "Москва, Кремль",
- на пятом -- "водка, алкоголь, пьянство",
- на шестом -- "мафия, преступность, жестокость",
- на седьмом -- "вооруженные силы, Красная армия, КГБ".

В Соединенных Штатах:

- первое место заняли слова "коммунизм" или "крах коммунизма" и «политика»,
- второе место -- "холодная война, гонка вооружений, КГБ",
- третье место -- "холодная погода, снег",
- четвертое место -- "коррупция, преступность, мафия, насилие",
- пятое место -- "Москва, Кремль",
- шестое место -- "водка, алкоголь, пьянство".

Нетрудно убедиться, что подавляющее большинство ассоциаций со словом Россия восходит еще к советской эпохе и носит отчетливо негативный характер. Интересно, что у россиян ассоциации со словом «Россия» и «русский» оказались совсем иными. В числе устойчивых, стереотипных ассоциаций с образом России московские студенты (преимущественно русские по национальности) в начале XXI века в первую очередь упоминали мороз, шапку-ушанку, балет, водку, Сибирь, Кремль. В политической сфере наиболее часто ассоциирующиеся с Россией словами оказались «коммунизм», «олигархи», «коррупция». К позитивным чертам образа России студенты, прежде всего, отнесли природные ресурсы, благодаря которым поддерживается устойчивый интерес к России в мире, а также богатое культурное наследие. В целом положительно оценивались ими российской военной мощи и способность России противостоять американскому влиянию.

Негативный образ современной России существует сегодня не только в США и Западной Европе, но и в Японии. Здесь он имеет более глубокие корни, связанные с советским нападением на Японию в самом конце Второй мировой войны и продолжающимся территориальном споре о принадлежности Южно-Курильских островов. Так, управляющий директор Департамента японистики и интеллектуальных обменов Японского фонда Комицу Дзюнъэцу признавал в 2005 году, что в «Японии очень плохой образ России», но ответственность за это возложил на российское правительство, которое не работает над улучшением имиджа своей страны.

Как отмечают российские японоведы А. Куланов и В. Молодяков, главный парадокс заключается в том, что богатая и благополучная Япония, тратит немалые средства для создания положительного имиджа страны и ее народа во всем мире. Россия же, чей образ в Японии все еще остается образом нищей страны, где люди готовы работать за миску риса, а по улицам городов бродят белые медведи, на государственном уровне не прикладывает практически никаких усилий, чтобы выглядеть в глазах японцев лучше.

В то же время опрос, проведенный в 2006 году компанией Harris Interactive в США и пяти европейских странах, показал, что большинство опрошенных жителей Франции, Германии, Италии и Испании считает Россию больше партнером, чем конкурентом. В США и Великобритании ситуация противоположная: здесь большая часть респондентов видят в России прежде всего конкурента, но не врага. Эти результаты говорят о том, что каких-либо серьезных антироссийских предубеждений, и в случае позитивных изменений в российской политике положительный имидж России может легко укорениться в массе европейцев и американцев. Характерным также является то, что западная общественность к русским (россиянам) относится лучше, чем к России.

Российская власть внимательно следит за реакцией Запада по поводу развития современной России. В июле 2004 года Владимир Путин на встрече с российскими послами заявил: «Против России проводится спланированная акция по дискредитации... Представления о России, существующие в странах вашего пребывания, часто далеки от реальности – сказал Путин послам. – Нередки и спланированные кампании по дискредитации страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса». Отныне перед послами стоит задача по формированию позитивного имиджа России за рубежом, в создании благоприятных представлений о внутренней и международной политике России, ее истории и культуре. По словам Путина, имидж России надо улучшать, прежде всего, в странах СНГ, а также в США, Европе, Китае, Индии и Японии. Президент призвал разработать материалы о России для каждой страны, с учетом ее национально-культурных особенностей.

Заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков утверждал в 2006 году: «От того, как мы будем относиться к своей стране, зависит отношение к нам иностранцев. Кстати, зарубежные политологи всегда относят Россию к семерке государств – мировых лидеров, а это значит, что к нам относятся с уважением, как бы наши конкуренты не старались создать иной имидж России». А Сергей Ястржембский полагает, что на Западе Москве «нужно наладить доставку информации, как ее видим мы, на тех языках, на которых говорит мир, а не полагаться на профессиональную объективность западных журналистов, которые отсюда дают информацию под определенным соусом».

Приведём в этой связи обзор мнений ведущих журналистов и политологов России.

Например, журналисты Сергей Соловьев и Владимир Матицен считают, что «все попытки создать новый образ России с помощью классических шедевров, а также традиционных напыщенных кокошников и матрешек не удаются. «Имиджевая революция» ничего, кроме недоверия, не вызвала, и на Западе нашу страну продолжают воспринимать как страну медведей, морозов и терактов».

Глеб Павловский признает: «Образ России сейчас действительно во многом негативен. Западные страны бесконечно шарахаются от образа России – этакого плохого неисправимого ученика, который должен учиться, но постоянно прогуливает уроки и пропускает экзамены. Это, безусловно, опасный момент, и мы должны его постоянно учитывать. Сейчас в мире спрос на bad Russia (плохая Россия). Основательно исправить эту ситуацию нам не удастся, пока не сложится новый мировой порядок».

Александр Гольц считает, что «сколько бы прокремлевские аналитики ни говорили о возросшем международном авторитете России, на самом деле он очень невысок. Москву не уважают, ее моральный авторитет равен нулю. Но ее и не боятся, потому что в Кремле достаточно разумны, чтобы даже не пытаться предпринять военные усилия, которые могут рассматриваться как угроза».

Борис Кагарлицкий, директор Института проблем глобализации, по поводу зарубежного образа России отмечает: «Проблема негативного имиджа страны в том, что Россия слишком сильно об этом имидже заботится. На самом деле у России, как и у любой периферийной страны, не может быть равного веса со странами-лидерами. Это азбука капитализма. А российская элита постоянно пытается вести себя, как подобает наследникам великой империи. У России имидж не негативный, а анекдотический».

О.В. Зегонов, исходя из материалов Международного информационного агентства «Франс пресс», выделил основные темы, вокруг которых строится сегодня, прежде всего, в западных СМИ, освещение событий в России. Это личность российского президента, вопросы прав человека и свободы слова, проблемы ксенофобии и расизма, Чечня, в частности, и Северный Кавказ в целом, «силовые» тенденции в развитии российского государства. К этой «пятерке» ключевых тематических фильтров, через которые традиционно проходит весь новостной материал из России, с недавнего времени добавились темы «энергетического оружия, используемого в политических целях», двоевластия после президентских выборов, а также тема пугающей западную общественность деятельности российских спецслужб. Эти три условно «новых» сюжета на самом деле являются продолжением первых пяти: обвинения России в использовании энергетических ресурсов для достижения политических целей, например, плавно вытекают, в глазах многих иностранных журналистов и редакторов, из истории компании «ЮКОС».

По общему мнению, сильно подпортило имидж российской власти убийство в Лондоне бывшего сотрудника ФСБ Александра Литвиненко. В частности, стал известен тот факт, что во время тренировочных стрельб бойцы спецподразделения "Витязь" вели огонь по мишеням с изображением человека, как утверждали командиры, "просто очень похожего" на Александра Литвиненко. Лондонская «Таймс» писала: "Даже для таких не склонных к сантиментам структур, как различные российские разведывательные ведомства, использование для тренировочных стрельб спецназа фотографии убитого неделей ранее диссidenta-эмигранта кажется чем-то экстраординарным". По мнению этой газеты, дело Литвиненко «добавило свой штрих к российскому образу "бандитского государства" в тот самый момент, когда западные политики начали всерьез беспокоиться по поводу новых самоуверенных действий авторитарного правительства России за рубежом и зависимости Запада от этого раздражительного партнера в жизненно важных энергетических потребностях».

Российские власти склонны относить не слишком благоприятный образ России, складывающийся на Западе, на счет тех, кто его там профессионально создает. Так, в июле 2006 года московский мэр Юрий Лужков заявил, что негативный образ России на Западе формируют советологи, работавшие еще во времена СССР. Он сокрушался по поводу того, что «российскую политику продолжают анализировать на основе тех самых вековых стереотипов, представлений о том, что для России якобы характерны «авторитаризм», «имперскость», «экспансия». Это объясняется тем, что формирующие образ России на Западе бывшие советологи стремятся «оживить страхи западных обывателей перед «дремучей Россией» и освоить десяток-другой грантов на спекуляциях вокруг «возрождения советского Франкенштейна» и наступления «конца времен», которые якобы тут же и случатся, как только российское государство еще немного окрепнет». И это происходит в то время, «когда Россия обрела реальную силу». Два месяца спустя тот же Лужков утверждал, что на Западе целенаправленно формируется негативный образ России. Мэр привел в пример изданный на Западе путеводитель по Москве, представляющий столицу России в самом мрачном свете, несмотря на то, что только в 2006 году Москву посетили 3,5 млн. туристов. Формирование негативного образа Москвы Лужков счел частью той системы взглядов, которая культивируется в отношении России на Западе.

Действительно, образ страны формируют работающие в ней корреспонденты, а также эксперты из научного сообщества. Последние, в большинстве своем, начинали научную карьеру еще в советские времена. Однако и корреспонденты, и бывшие советологи, переименованные теперь в «россиеведов» и

«кремлинологов», все-таки отталкиваются от реальных фактов российской внутренней жизни и внешней политики. Конечно, трансляторы образов России зачастую находятся под влиянием стереотипов, сложившихся еще в годы «холодной войны». Но их сохранению немало способствуют реальные факты российской жизни. Ведь имидж страны формируется благодаря деятельности власти, бизнеса и общества. Как отмечает генеральный директор Совета по национальной стратегии Валерий Хомяков, «есть три основных критерия, которым должна соответствовать страна, чтобы современные западные соседи стали ее уважать: свобода слова, стабильная экономическая ситуация и возможность инакомыслия». Из этих компонентов в России в последние годы имеется только экономическая стабильность.

Часто в качестве примера удачных имиджевых кампаний приводят Западную Германию и Японию после Второй мировой войны. Этим странам за сравнительно короткий срок изменить негативные образы военного времени, сложившиеся в странах-победительницах, на позитивные. Однако главным здесь были не удачные пиар-кампании, а реальная демократизация японской и германской политических систем.

К плюсам России в восприятии западных бизнесменов относятся красивые женщины, русская душевность, возможность испытать настоящий экстремум во всем – от путешествий до бизнеса, а также возможность обойти закон. Последнее, впрочем, одновременно считают и минусом. К минусам также причисляют пьянство, необязательность, неумение ценить свое и чужое время, низкий уровень безопасности, низкий уровень сервиса, возможность обойти закон, тотальное неуважение прав человека, несвободную прессу и хамство. Характерно, что почти все минусы относятся к деятельности государства, тогда как плюсы по большей части относятся к чертам русского национального характера.

Негативно повлиял на имидж России фактический запрет российским чиновникам участвовать в Российском экономическом форуме в Лондоне в апреле 2007 года. Путину в британской печати приписали фразу: «Незачем ехать в Лондон, к чему общаться с политэмигрантами?». Вслед за чиновниками отказалось ехать на форум и большинство российских бизнесменов. А ведь Лондонский форум как раз служил хорошей площадкой для общения российской элиты с британской прессой и призван был способствовать созданию положительного образа России на Западе как страны, привлекательной для инвестиций. Тем более, что британские деловые издания занимают ведущие позиции в Европе.

Общественное мнение в Европе, и особенно в Англии, не слишком симпатизирует современной России. Так, исследовательская группа YouGov провела опрос, согласно которому около трети британских бизнесменов считают отношения с российскими партнерами «сложными и ухудшающимися», еще треть характеризует их как «напряженные и недружелюбные». Больше половины опрошенных согласны с распространенным мнением о незаконности доходов российских бизнесменов.

Западноевропейцам и американцам бросается в глаза в современной России колоссальный разрыв между богатством и бедностью, невысокий уровень жизни большинства россиян. Это способствует сохранению негативного имиджа. Ведь сегодня немногие в России могут обеспечить себе тот уровень жизни, который считается нормальным на Западе. Там покупка жилья, автомобиля, качественных продуктов питания «не бьет по карману» и не считается роскошью.

Писатель Виктор Ерофеев скептически оценивает усилия властей по улучшению международного имиджа России. Он отмечает, что «за последнее время образ России на Западе достиг рекордно низкой, если не сказать катастрофической отметки». Ерофеев утверждает, что между Россией и Западом «можно уже говорить о новой версии «холодной войны» – «имиджевой войне». На этой имиджевой войне Кремль рассматривает себя как жертву агрессии, а западные СМИ, соответственно, оказываются наиболее активными ее агентами. Впрочем, можно также сказать, что Запад спустил на Россию свору мелких, молодых и злых собак – своих новых союзников из числа бывших республик и сателлитов Советского Союза: они подняли лай, а их хозяин стоит в стороне и удовлетворенно потирает руки. В общем, Кремль возмущен и обижен до глубины души, как ребенок. Он ничего плохого не делал!

-- Как не делал! – в свою очередь возмущается Запад. – А кто выкручивает руки соседям с помощью газа: Грузии, Украине, а теперь и Белоруссии? Кто устраивает этнические чистки тем же грузинам? Кто убил независимую журналистку Политковскую и на глазах у всего мира отравил Литвиненко?

Кто сворачивает демократические свободы в России? Кто ведет двусмысленную игру в Иране? Кто, наконец, на лыжных курортах Европы устраивает отвратительно шикарный бордель?

Кремль пункт за пунктом отвергает все обвинения. Соседей он не обижал – это чисто коммерческий вопрос, к тому же на территориях, которые являются зоной политических интересов России. Убийства выгодны оппонентам Кремля и, видимо, заказаны политическими эмигрантами. Ну и так далее, в том же духе, вплоть до борделя в Куршевеле... В ходе такой пропагандистской кампании весь мир еще раз, видимо, убедится в том, что Россия – это не только Газпром, но и прекрасный теннис, прекрасные музыканты, а также это родина Кандинского, Достоевского, Рахманинова и Пастернака. И, действительно, такая Россия есть, и с такой Россией никто не спорит. Но зачем же все время прятаться за эту великую Россию?... Россия устала от поучений Запада, а Запад устал от русских скандалов. Имиджевая война – это форма глубокого взаимного разочарования, преодолеть которое сможет только новое поколение русских политиков».

Эффективность имиджевых кампаний, проводимых российскими властями, пока что не очень велика, и это признают как в России, так и на Западе. Борис Райтшустер, шеф московского бюро немецкого журнала "Фокус" и автор книги о Владимире Путине, утверждает: «Я думаю, что очень хорошая репутация у русских людей, в Германии очень хорошо относятся к русским. Плохая репутация у русских политиков. Второе, я хочу сказать, что меня как немца вообще вся эта дискуссия удивляет, потому что нас, например, имидж страны не настолько волнует, и для меня очень странно, что это так болезненно воспринимается (в России). Может быть, это какие-то комплексы. Думаю, что и американцев это не так уж волнует. Понятие "имидж" в моих глазах очень "совковое", потому что у нас в Германии об этом даже не думают, мы думаем, что изменить, что лучше сделать. Я думаю, не надо рекламу улучшать, а надо продукт улучшать, товар, а не рекламу».

На имидж России особенно большое негативное влияние оказали и знаковые преступления, связанные с известными личностями. Тут можно назвать убийство редактора русской версии журнала «Форбс» Пола Хлебникова, убийство корреспондентки «Новой газеты» Анны Политковской. По поводу убийства Пола Хлебникова "Нью-Йорк Таймс" писала в июле 2004 года, что оно " стало жестоким подтверждением того, что закон и уважение к свободе еще не утвердились в России. Оно свидетельствует, что убийство по-прежнему считается нормальным и безнаказанным способом сведения счетов и обогащения, а у Кремля нет реальной заинтересованности в том, чтобы изменить ситуацию. Свободная пресса не враг России, и Запад – тоже. Пол Хлебников писал об олигархах и преступности, потому что верил, почти наивно, что Россия действительно хочет стать нормальной страной, а ее президент действительно хочет знать, что в государстве происходит не так. Многие люди, как и Пол, хотели бы помочь России, но когда власть обрушивается на институты, играющие ключевую роль в формировании свободного общества, у нас возникает вопрос: а можем ли мы чем-то помочь и следует ли это делать?".

Автор этой статьи Сергей Шеман признавался: "Я отношусь к числу тех бывших московских корреспондентов, людей русского происхождения, которые перед лицом всей критики относительно и ЮКОСа, и происходящего в Чечне, и удушения свободы СМИ все равно продолжал говорить о том, что, посмотрите, где Россия была 15 лет назад, это все равно сложный период и Путину надо справиться с хаосом, с засильем олигархов и так далее. А сейчас мне говорить это гораздо труднее – после смерти друга".

Существует ряд журналистов и политологов в Европе и США, которые вину за негативный имидж России на Западе склонны возлагать не только на российские власти, но и на правительства своих государств. Например, известный американский историк и политолог Стивен Коэн утверждал в июле 2006 года, что « с начала 1990-х годов Вашингтон, как при демократах, так и при республиканцах, придерживается по отношению к постсоветской России двух диаметрально противоположных курсов одновременно: один – декоративный и внешне дружелюбный; второй – реальный и все более безответственный». «Декоративный» включал в себя демонстративный отказ от целей эпохи «холодной» войны и лозунг установления «стратегического партнерства и дружбы с Россией». По словам Коэна, «символом этого курса становятся рассчитанные на публику дружеские встречи американских и российских

президентов - сначала «Билла с Борисом» (Клинтона с Ельциным), потом «Джорджа с Владимиром» (Буша-младшего с Путиным)».

Реальный же политический курс, как пишет Коэн, свелся к тому, что «Вашингтон беззастенчиво пользуется ослаблением России после 1991 года, руководствуясь принципом «победитель получает все». Эта политика, сопровождающаяся нарушением обещаний, высокомерными нотациями и требованиями односторонних уступок, выглядит даже более агрессивной и бескомпромиссной, чем линия США в отношении коммунистического СССР. Резкая антироссийская направленность этого курса заставляет всерьез усомниться в двух тезисах, которые американские официальные круги и СМИ преподносят как некие аксиомы: о том, что нынешнее «похолодание» в американо-российских отношениях вызвано внутренней и внешней политикой Путина, и о том, что «холодная» война завершилась полтора десятка лет назад. Первая «аксиома» полностью лжива, вторая - правдива лишь наполовину: «холодную войну» прекратила только Москва, но не Вашингтон».

Коэн утверждает: «Путину удалось создать себе имидж человека, радеющего о каждом гражданине России. Президент делает это вопреки желанию злостных чиновников и олигархов разворовать и разграбить все в России. В этом Путин, этакий виртуальный президент, преуспел не менее знаменитого волшебника из страны Оз. Президент дает каждому россиянину надежду получить то, что он хочет получить более всего, и прежде всего – «восстановить справедливость». Однако эти качества второго российского президента – еще не повод «подвергать Россию анафеме», как выразился Горбачев. Коэн с сожалением отмечает: «Влиятельные редакционные страницы пестрят выступлениями воскресших ортодоксов «холодной войны» во главе с Washington Post, чья непрекращающаяся демонизация путинской «автократии» и «грубого неоимпериализма» напоминает ушедшую в прошлое «Правду» на Потомаке». А в передовой статье консервативной New York Sun сегодняшние американо-российские отношения вообще представлены как «дуэль до смерти одного из участников, возможно, в буквальном смысле».

Коэн полагает, что в случае, если подобная антироссийская кампания продолжится, то Кремль рано или поздно также перейдет к конфронтации со всеми вытекающими отсюда опаснейшими последствиями для всего мира.

Ныне Россия для Запада – не просто одна из великих держав (а в недавнем прошлом – одна из двух мировых сверхдержав). Она всегда отражала страхи и надежды различных сегментов западного общества. После краха советского коммунизма в 1991 году Россия в большей степени, чем любое другое постсоветское государство, укрепляет Запад в его чувстве превосходства его политической и экономической моделей развития. Вместе с тем, опыт России усилил сомнения на Западе в пригодности демократии и рыночной экономики для всех стран мира.

Значительная часть западной элиты разделяет антироссийские настроения не только вследствие существующих стереотипов и недостатка достоверной информации о России, но и вследствие восприятия России как страны, культурно и ментально чуждой Западу и проводящей антizападную политику. Вряд ли следует определять позицию этой части элиты как «русофобию». В XXI веке в чистом виде русофобия встречается редко. Гораздо чаще речь идет об определенном отборе фактов в СМИ, призванном расставить определенные акценты, чтобы создать негативный образ России, отвечающий сложившимся на Западе мифам и стереотипам.

Американский политолог Гордон Хан подчеркивает большую роль в формировании негативного образа современной России той группы западных ученых и политиков, которые полагают, что российская политическая культура и ментальность тормозят развитие демократии в стране. По их мнению, без смены политической культуры Россия всегда будет оставаться авторитарной империей, склонной к экспансии и противостоящей Западу. По мнению Хана, ряд экспертов концентрируют внимание на тех аспектах российской жизни и политики не в силу их реальной значимости, а потому, что они укладываются в выдвинутые ими концепции. При этом они совершенно искренне убеждены в объективности своей позиции, полагая, что, как пишет политолог, «открывают Западу глаза» на подлинную Россию, помогая понять суть этой страны, якобы затуманившую теми, кто «игнорирует реальность».

Сегодня подавляющее большинство жителей западных стран очень мало знает о России и не интересуется ею. В советское время интерес к нашей стране на Западе, да и во всем мире был значительно большим. Хотя на рубеже 1980-1990-х годов беспрецедентные общественно-политические трансформации, происходившие в России, привлекли к ней внимание (причем, безусловно, благожелательное), в конечном счете, период этот оказался сравнительно коротким. Сейчас место «холодной» войны в умах западной общественности заняли проблемы борьбы с международным терроризмом, стремительно дорожающая нефть, войны в Ираке и Афганистане, израильско-палестинский конфликт, иранская ядерная проблема, растущая экономическая мощь Китая.

Как показал социологический опрос, проведенный в 2003 году в США, интерес к России и российской проблематике характерен для довольно ограниченных слоев общества. Лишь половина опрошенных американцев высказывала какие-то конкретные суждения о России. Для остальных наша страна явно не относилась к объектам сколько-нибудь устойчивой рефлексии. По оценке исследователей Фонда «Общественное мнение», американцев мало интересуют актуальные новости из России. «Образ нашей страны в американском сознании, -- констатируют они, -- во многом опирается на события исторического прошлого».

Есть немало косвенных свидетельств, позволяющих утверждать: в восприятии России рядовым западным обывателем в последнее десятилетие преобладает безразличие, а не симпатии или антипатии. Интерес западного обывателя к России носит эпизодический характер. Как правило, он обостряется в связи с конкретными – чаще всего сенсационными и не способствующими улучшению репутации нашей страны событиями внутренней и внешней российской политики.

В то же время, новые геополитические реалии, отражающие укрепление роли России в мировой политике и мировой экономике, ведут к оживлению антироссийской риторики. Стремление России вернуть утраченные после распада Советского Союза позиции и проводить курс, продиктованный ее собственным пониманием национальных интересов, вызывает все большее раздражение многих западных политиков. В этой ситуации манипулирование образом России и спекуляции вокруг ее репутации часто становятся одним из способов противодействия подобным усилиям.

Вместе с тем по мере восстановления Россией статуса одной из ведущих держав мира происходит не только усиление «обличительной» тональности в западных трактовках новых тенденций российской политики или же процессов внутриполитического развития страны. Часть политической и интеллектуальной элиты Запада начинает болезненно реагировать на действия своих политиков и бизнесменов по отношению к России – особенно в тех случаях, когда они продиктованы соображениями реализма. Такая политика подвергается критике как недопустимое повторство отступлению официальных российских властей от принципов демократии и либеральной рыночной экономики. Это – отражение обостряющегося в сегодняшней общественно-политической жизни Запада конфликта между ценностным и прагматическим подходом к внешнеполитическим проблемам.

Журналисты Сергей Соловьев и Владимир Матизен приводят отзывы посетителей о российских выставках. Они сетуют, частности, что «в Бельгию привезли только столичное искусство, очень пафосное». А заголовок статьи «Нью-Йорк Таймс» об экспозиции «Россия!» в Нью-йоркском Музее Гуггенхайма не без иронии гласил: «Смотрите, Россия – круто и богато!!!» По этому поводу обозреватель британской «Сан» заметил, что трудно представить выставку «Испания!» или «Англия!» А «Нью-Йорк мэгэзин» констатировал: «Все это кажется слишком официальным», поскольку «русское искусство на стенах Музея Гуггенхайма похоже на баржу, которую тащат репинские бурлаки – от икон до концептуалиста Кабакова, четко по хронологии, без противоречий и сложных вопросов. Только куда они ее тащат – непонятно».

Перестроенное искусство, которое по-своему пыталось поставить «последние вопросы» и указать на мерзости российской жизни, уступило место пейзажам XIX века и яйцам Фаберже, призванным продемонстрировать иностранцам вечную и величественную Россию. Бельгийско-голландский архитектор и художник Вильям Ван Генюхтен с тревогой заметил в интервью российским «Новым Известиям»: «Еще немного, и к российской культуре будут относиться как к азиатской – традиционной, централизованной и

фольклорной. Россия, конечно, обладает большими богатствами. Но сегодня важнее интеллектуальный и креативный потенциал молодой культуры».

Та же картина получается и с экспортом российских фильмов. Здесь тоже царит сплошной позитив, который не собирает большой аудитории и не вызывает положительных отзывов в прессе, кроме тех, что специально организованы. Кстати, организация заказных положительных статей о России в зарубежной прессе является важным средством создания положительного образа нашей страны. Наград же на западных фестивалях удостаиваются те фильмы, которые дают отнюдь не благостный образ России. Так, лауреатом Роттердамского кинофестиваля стал фильм Ильи Хржановского «4», который многие критики и чиновники в России назвали «очернительским», и который имел в нашей стране очень ограниченный прокат. Повышать имидж России за счет популяризации фильмов, подобных фильмам Хржановского, российская власть явно не хочет.

В трактовке российской темы представителями разных политических сил то и дело выявляются коренные различия в понимании внешнеполитических приоритетов Запада, заключающихся для одних во всемерном содействии расширению сферы демократии, а для других – в обеспечении конкретных стратегических и экономических интересов самих западных стран. И хотя риторика по поводу недопустимости принесения ценностей демократии в жертву прагматическим интересам приобщения России к антитеррористической коалиции и обеспечения доступа Запада к ее энергетическим ресурсам существенного влияния на практическую политику западных лидеров, похоже, не оказывает, она, конечно же, служит далеко не лучшим фоном для восприятия России массовой аудиторией.

К тому же, и значительная часть россиян отнюдь не в восторге от того, что происходит в нашей стране. Весьма показательно, что при ответе на вопрос: «Какое чувство по отношению к стране возникает у вас чаще всего – гордость или стыд?» в ходе общероссийских социологических опросов 2002 и 2006 годов, большинство россиян предпочло «чувство стыда» «чувству гордости» (39% против 26% в 2002 году и 38% против 26% в 2006 году).

На создание положительного образа современной России в последние годы выделяются значительные средства. По некоторым сведениям, только на информационно-имиджевое сопровождение встречи Большой восьмерки в Петербурге летом 2006 года было потрачено около 15 млн. долларов. А год спустя 11 млн. долларов были выделены на кампанию по улучшению имиджа государственной компании «Газпром» за рубежом. Кроме того, 6 млн. долларов тратится на государственную пропаганду положительного образа России за рубежом. В США аналогичные расходы, по некоторым оценкам, составляют около 1 млрд. долларов. По оценкам ряда экспертов, кампания по улучшению имиджа России, ориентированная на главные страны и регионы мира, потребует от 1 до 1,5 миллиардов долларов ежегодно и займет от 3 до 20 лет.

В 2005 году на содержание телеканала «Russia Today» было выделено 30 млн. долларов. Вещающий на зарубежные страны, он призван стать российским аналогом американской CNN (последняя, правда, частная, а не государственная компания). Заметим, однако, что новый телеканал осуществляет круглосуточное вещание на страны Азии, Европы, Северной Африки и Северной Америки, но из зоны его вещания исключены Южная Америка и Африка южнее Сахары. Эти регионы не относятся к приоритетным с точки зрения геополитических и экономических интересов России.

Продвижению положительного образа России на Западе служит и журнал «Russia Profile», издаваемый РИА «Новости» в Москве на английском языке. Главный редактор журнала Андрей Золотов убежден: «Конечно, имидж начинается с политики. Конечно, имидж начинается внутри страны. И никто не может его ни за какие деньги сделать принципиально другим: "а я буду такой!". Но при этом, конечно, определенные представления, сила стереотипов о России на Западе существует».

Деятельность различных структур, участвующих в создании позитивного имиджа России, пока еще не планируется и не координируется должным образом. Нет единого плана, общих целей и грамотно разработанной программой действий. Государственный орган, который мог бы осуществлять на себя

координация и планирование, до сих пор отсутствует. Возможно, он будет создан в рамках администрации президента.

Литература ко II теме :

- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII - первая половина XIX в.). М., 1985.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII - XVII вв. М., 1973.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII - первая четверть XVIII века. М., 1976.
- Вайнштейн Г.И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас, 2007, №1 (51).
- Виноградова И. Образ России за рубежом: Как отпиарить родину // Известия, 14 июля 2004 г.
- Зорин В.А. В космосе советский человек (Космос и политика). М.: Международные отношения, 1961.
- Зубков С.А. Формирование международного имиджа Н.С. Хрущева 1955-1964 гг. Автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2007.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 1-2. М.: Клуб семейного досуга, 2007.
- Карнаухов Д.В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV-XVI вв. (Источники и историография исследования) // История и историки, 2005. №1.
- Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007.
- Кустарев А. Россия и Европа // «Неприкосновенный запас» 2007. №1 (51).
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Динамика образа России и циклы реформ-контрреформ // «Неприкосновенный запас» 2007. №1 (51).
- Лебедев В. История приходит с Запада // Чайка. № 7 (90), 1 апреля 2007 г.
- Малкин В.И. The Sud'ba of Dusha // «Неприкосновенный запас». 2007. №1 (51).
- Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. №№ 2,3.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI- XVIII веков, СПб, 1999.
- Наринский М.М., Поздеева Л.В. и др. Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне. 1941-1945. М.: Наука, 1995.
- Паперный В. Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве // Неприкосновенный запас. 2003. № 4 (30).
- Поздеева Л.В. Лондон - Москва: Британское общественное мнение и СССР. 1939 – 1945. М.: Наука, 1999.
- Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ): Сборник статей / Сост. В. Б. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Семененко И.С. Культура, общество и образ России // «Неприкосновенный запас». 2007. №1 (51).
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития. (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. 2006. № 6. - С. 110-124.
- Соловьев С., Матицен В. Глянцевая Русь. Положительный экспортный имидж России вызывает на Западе недоверие // Новые известия. 2005, 26 октября.
- Стахов Д., Кротков А. Имидж России. Как быть любимой // Огонек. 2002. № 8.
- Тарасенко М.В. Военные аспекты советской космонавтики. М.: Новости, 1992.
- Фомин В.В. Варяжский вопрос в творчестве М.А. Алпатова // История и историки. 2004. №1.
- Хмельницкий Д. Сталин глазами Запада // День. 2004, 17 мая.
- Юнгблуд В. Т. "Образы российской империи" и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: Экономика. Политика. Идеология.

- 1998. № 6.

Тема III. Факторы и границы конструирования образа России

Лекция 7. Государственная политика и национальные интересы

Лекция 8. Старо-новые мифы о России. Роль культуры, городской среды и повседневности

Лекция 9. «Русский мир» и диаспора, соотечественники за рубежом

Список литературы

Дополнительная часть

Лекция 7.

Государственная политика и национальные интересы

Имиджевые проекты, осуществляемые государством, не могут не учитывать объекты политического позиционирования, а также отношение к транслируемым ценностям, экономического уклада и строя жизни. Поэтому в данной лекции мы рассмотрим некоторые направления конструирования имиджа страны, прежде всего, имиджа власти и проводимой ею политики, а также трудности, с которыми Россия сталкивается при продвижении своего образа на Западе.

Вопрос о том, какие цели преследуют государства, целенаправленно формируя имидж своей страны, по-разному решается экспертами. Некоторые из них видят причину этого всамоценности благоприятного имиджа. В рамках этого направления Ганс Моргентау выделяет три типа внешней политики:

1. политика *status quo* (сохранение власти);
2. политика империализма (усиление власти);
3. политика престижа (демонстрация власти).

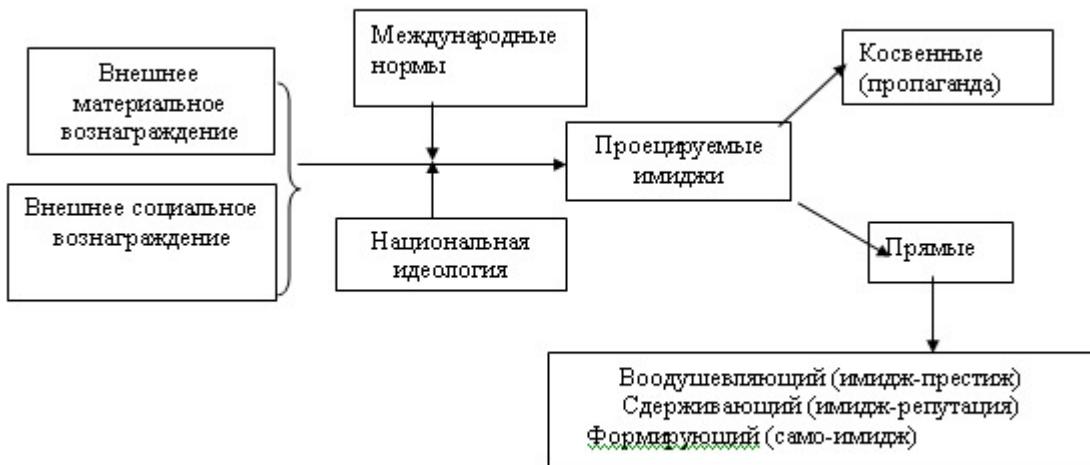
Цель политики престижа, к примеру, заключается в том, чтобы впечатлить *другие* страны той мощью, которой в действительности обладает страна, или же мощью, несуществующей в действительности, но в которую должны поверить.

Для другой группы экспертов ключевым моментом в осмыслиении причин создания благоприятного имиджа государства выступает понятие «репутации». Джонатан Мерсер определяет репутацию как совокупность характерных черт, на основе которых возможно «предсказать или объяснить будущее поведение». Из этого определения следует, что правительства стран считают свою репутацию важным фактором в силу того, что, по их мнению, другие опираются на нее для предсказывания их последующих действий.

Однако представители обеих групп экспертов не дают заслуживающего внимания ответа на вопрос о том, что является основой формирования национального имиджа государства. С точки зрения первых, правительства, подобно отдельным людям, по своей природе стремятся к созданию имиджа силы. По мнению вторых, правительства принимают решение о том, какой имидж им нужен на данный момент, в

зависимости от сиюминутной ситуации. Если требуется предотвратить враждебные действия со стороны другого государства, они, скорее всего, прибегнут к формированию имиджа твердой, непоколебимой державы. Если же необходимо добиться сотрудничества с другими странами, будет создаваться имидж партнера, заслуживающего доверие. Таким образом, как мы видим, одни эксперты считают национальные имиджи не меняющимися с течением времени, тогда как другие рассматривают имидж государства как явление, полностью зависящее от ситуации.

Многие специалисты по имиджу пытаются составить оптимальную модель формирования политического имиджа государства. К примеру, исследователь из Китайской Академии социальных наук Х. Янг предложил следующую её схему:



По этой схеме, мотивами формирования того или иного имиджа государства являются:

- внешнее материальное вознаграждение;
- внешнее социальное вознаграждение.

Материальное вознаграждение представляет собой выгоду для государства — привлечение иностранных инвестиций, выгодные договоры о сотрудничестве и т.п. Мотивом может выступать и нежелание подвергнуться внешнему материальному наказанию, под которым подразумеваются различные экономические санкции государства имидж-носителя, военные действия и т.п.

Под «внешним социальным вознаграждением / наказанием» понимается позитивное / негативное отношение других стран к стране имидж носителю. Данное явление можно причислить к мотивам целенаправленного формирования имиджа государства в силу того, что позитивное/негативное отношение других стран к стране имидж — носителю напрямую связано с признанием легитимности правительства страны имидж — носителя на территории страны. Уважение и престиж за рубежом укрепляют положение правительства в самой стране, тогда как негативное отношение вносит существенный вклад в потерю правительством поддержки со стороны народа.

Помимо вышеперечисленных мотивов, на формирование политического имиджа страны оказывают влияние такие факторы как общепринятые международные нормы и господствующая национальная идеология. При этом в случае эволюции международных норм и национальной идеологии политический имидж также претерпевает некоторые изменения.

Известно, что на частном, индивидуальном уровне границы образа той или иной страны зависят от воспитания и образования, от впечатлений при её посещении и личного опыта общения с людьми, от влияния моды и т.д.

Иное дело образ официальный. На этом уровне формируются требования, предъявляемые к имиджу страны, определяется его «экспортное» содержание и защита от сторонних вмешательств, направленных на возможную корректировку.

Однако надо иметь в виду, что ревностное отношение власти к тому, как должна выглядеть Россия в зеркале мировых СМИ на практике нередко укрепляет иностранных журналистов в стремлении использовать иные образы, прибегать к «контрэпитетам». Давно замечено, когда государство берет на себя все «имиджевые риски», не стоит удивляться тому, что и критика направлена в основном в его сторону.

Но даже относительно лояльное отношение со стороны СМИ к информационным поводам предполагает наличие трех компонентов:

- восприятие контекста, в котором происходят события;
- мнение о распространителях информации;
- степень открытости источников для прямой эксклюзивной работы.

Как мы уже подчеркивали в лекциях второго блока нашего курса, восприятие России европейскими государствами неоднократно изменялось в критические моменты истории, например, в условиях войны, выбора того или иного военно-политического союза. Воздействие множества факторов зависело от заинтересованности в поддержке, участия в том или ином союзе. Прошлое и сегодня остается неизменным фоном текущей политики. Это отчётливо проявляется в последние годы на примере Украины и Грузии. Но это явление последних лет. Глубокая же память характерна, к примеру, для Польши и восточных земель Германии, старшее поколение которых вспоминает преступления РККА против мирного населения в 1944-45 гг. В Японии не забыли нарушение СССР пакта о ненападении, разгром Квантунской армии в 1945 году, захват Курильских островов. В Южной Корее значительное число интеллектуалов обвиняет СССР/Россию в развязывании войны 1950-53 гг. и расколе страны на две части.

Долгое время единое понимание имиджа новой России, по признанию многих экспертов, отсутствовало. Не было стратегии его формирования, в том числе внутри страны. Как полагает политолог из Российской академии государственной службы Лидия Тимофеева, для этого необходимы коллективные размышления над новыми образами, над тем, какие ситуации для чувства гордости можно предложить людям вместе с такими советскими достижениями, как полет Гагарина и победа над фашизмом.

И здесь крайне важно подчеркнуть, что решающую роль на формирование образа страны оказывают различные аспекты её гуманистического, социально-политического, экономического состояния. То есть имидж имеет подчиненный, вторичный характер. В свою очередь, имидж нельзя неразрывно связывать с понятием «пиар». Правда, некоторые эксперты рассматривают пиар как исключительно информационную проблему, которую можно решить, ничего не меняя в самой стране.

Не случайно известный резонанс вызвало нетривиальное заявление бывшего помощника президента РФ Сергея Ястржембского: «Имидж упал и не отжался, а для того, чтобы он отжался, надо что-то предпринимать» (январь 2007 г.). В качестве «чего-то», что надо предпринимать, он предложил создавать как можно больше положительных новостей, причем не в рамках разовых кампаний, а на регулярной основе. «Мы должны понять, что национальный имидж – это серьезная работа, которая не ограничивается одноразовыми услугами различных СМИ», – подчеркнул Сергей Ястржембский. Возникла дискуссия – что же важнее, создание положительных новостей, которым еще неизвестно кто поверит, или кардинальные изменения чего-то в самой стране?

В этой связи «Независимая газета» напомнила читателям одну историю, которую любил рассказывать государственный министр по экономическому развитию и структурным реформам Грузии Каха Бендукидзе, когда еще жил в России. По его словам, дело было в начале 90-х на совещании крупнейших отечественных предпринимателей, которое собрал у себя тогдашний премьер-министр Виктор Черномырдин. Вопрос был тот же самый: как улучшить имидж страны, как заставить иностранных инвесторов безбоязненно вкладывать в нее деньги? Бендукидзе выдвинул свое предложение: для этого необходимо сделать только одно – улучшить экономическую ситуацию в России. На что ему весьма резко заметили, что собрались тут не шутки шутить, а обсуждать серьезные проблемы пиара в масштабах всей страны.

Итак, важно не забывать, что пиар – не более чем средство коммуникации, доведения до заинтересованного адресата информации, которая может изменить его отношение к субъекту. Главное – наличие такого информационного материала, который можно доводить, а не то, кто и как будет это делать.

В этом отношении принципиальным был рубеж тысячелетий, который чётко обозначил обретение Россией стабильности. Определились внешнеполитический курс страны, концепция многополярного мира и многовекторной дипломатии, евразийская стратегия сотрудничества. Всё это нашло отражение в принятых в 2000, а затем в 2008 годах основополагающих документов для российской внешней политики. К ним относятся Концепция внешней политики РФ, Концепция национальной безопасности, Военная доктрина и Доктрина информационной безопасности. В концепции внешней политики России отмечается: «Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации... На передний план выдвигается задача формирования за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней. Неотъемлемым элементом соответствующей работы должны стать целенаправленные усилия по широкому разъяснению за рубежом сути внутренней политики России, происходящих в стране процессов. Актуальным становится ускоренное развитие в Российской Федерации собственных эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом».

В июле 2008 года Президент РФ Дмитрий Медведев, выступая на большом совещании в МИД РФ, отметил, что Москва намерена впредь строить международные отношения по-деловому, не обращая внимания на идеологию. В частности, приоритетным является развитие сотрудничества с быстроразвивающимися странами, такими как Китай, Индия, Бразилия. Россия будет адекватно реагировать на размещение элементов ПРО в Европе и считает нарушением международных норм провозглашение независимости Косово в нарушение положений ООН. Россию беспокоит то обстоятельство, что до сих пор не создана современная система коллективной безопасности. "Прежде всего, стоило бы проинвентаризировать то наследие, которое нам досталось, включая Хельсинский акт и основные документы взаимодействия Россия-НАТО" -- отметил Д.А. Медведев, подчеркнув, что в их основе заложены базовые принципы безопасности. Если эти принципы сохранили свое универсальное значение, надо честно ответить, почему они перестают универсально применяться. Если же эти принципы не отвечают сегодняшним требованиям, "надо думать о строительстве новой архитектуры, которая бы находилась бы в реалиях XXI столетия".

Согласно Концепции национальной безопасности, национальные интересы России представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. И государственные деятели исходят из того, что хорошая политика – это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый национальный интерес. Причём, национальный интерес кардинально отличается от общественного интереса. Национальные интересы обеспечиваются внешней политикой, а общественные интересы – внутренней. Они не должны ни противопоставляться, ни сливаться. В странах, переживающих переходный период своего развития, наблюдается не только рост взаимовлияния национальных и общественных интересов, но и усиление приоритета вторых над первыми.

Именно такая ситуация характерна сегодня для России. В этой связи разделение в Концепции национальной безопасности РФ национальных интересов на интересы во внутриполитической и международной сферах является правомерным.

Интерес – это отношение потребности к условиям ее реализации. В частности, национальный интерес проявляется через сознательную деятельность лидеров, отражающую потребности государства. Чем более активно и целеустремленно политические лидеры позиционируют национальные интересы, тем более четкий образ государства формируется в сознании собственной и зарубежной общественности.

Важнейшим приоритетом национального интереса является включение страны в мировую систему экономического развития, поскольку в процессе глобализации выявились почти абсолютная

закономерность: ни одна страна не способна добиться серьезного экономического роста и роста благосостояния населения без растущего вовлечения в мировую экономику.

В чем же состоят сегодня приоритетные национальные интересы России? Эраст Галумов, директор Института актуальных международных проблем РАН, систематизировал их так:

Во-первых, в обеспечении территориальной целостности и независимости Российского государства.

Во-вторых, в построении рыночной экономики, основанной на товарном производстве, с перспективой широкого выхода отечественных товаров на мировой рынок.

В-третьих, во всемерной демократизации общественной жизни и в утверждении подлинного народовластия.

В-четвертых, в создании условий для свободного развития и проявления индивидуальности каждой личности, реализации ее духовного потенциала.

В-пятых, в активизации интеграционных процессов со странами – членами СНГ.

В-шестых, в упрочении положения на международной арене мира и безопасности.

В-седьмых, в усилении миротворческой роли России.

Эраст Галумов предложил также ключевые пункты для конструирования внешнеполитического имиджа РФ и его продвижения:

-Россия – гарант безопасности и устойчивого развития государств СНГ;

-Россия – центр евразийского пространства, мост между цивилизациями, расами, культурами, континентами;

-Россия – форпост на пути проникновения терроризма и наркобизнеса в Европу.

Культивируя международный имидж гаранта стабильности в евразийском регионе и связующего цивилизационного моста, России важно показать, насколько прочна она сама и надежны её намерения. Для этого, опираясь на практические достижения в сфере укрепления мер безопасности и доверия среди союзников по СНГ и партнёров в Европе и Азиатско-Тихоокеанского региона, необходимы:

-целенаправленное и разнообразное коммуникативное воздействие на различные социальные группы и слои населения зарубежных государств;

-поддержка прессы и общественных движений, объективно способствующих укреплению международного положительного имиджа России;

-всестороннее сотрудничество со странами, борющимися с глобальными проблемами XXI века.

По мере преодоления кризисных явлений и стабилизации обстановки в сфере российской внешней политики стали оформляться новые институциональные структуры, ответственные за налаживание общественных и культурных связей и международное сотрудничество. Среди них назовём Управление по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами при Администрации Президента Российской Федерации, Комиссию Общественной палаты Российской Федерации по международному сотрудничеству и общественной дипломатии. Активизируется деятельность Российского центра международного научно-культурного сотрудничества при МИД РФ (Росзарубежцентр).

Перед этими структурами поставлена задача поставлена задача работы над улучшением образа нашей страны за рубежом. С этой целью разрабатывается и реализуется беспрецедентное количество проектов, начиная от экономических форумов и заканчивая научными конференциями, художественными выставками и крупномасштабными медиа-проектами.

Основными направлениями публичной дипломатии становятся постоянный диалог, информационная работа и планирование имиджевых кампаний. При этом, как пишет политолог В.А. Кононенко, в отличие от пропаганды для публичной дипломатии главным является не только донесение своей точки зрения, но и выстраивание доверительных отношений с аудиторией. Для этого не требуется принуждать противоположную сторону к согласию (как это делается, например, военным путем или

посредством экономического давления), а достаточно убедить в том, что сотрудничество в ее же интересах. Инструментом подобного убеждения является soft power («мягкая сила») – одна из категорий, характеризующих мощь государства наравне с военным или экономическим потенциалом. Механизм soft power был впервые описан американским профессором Джозефом Наем в книге «Обреченные вести за собой». Главное преимущество «мягкой силы» перед военной или финансовой мощью государства Джозеф Най видит в способности привлечь кого-либо благодаря ценностному содержанию внешней политики, а не простому набору материальных рычагов давления.

Но как оценить эффективность государственной имиджевой кампании? Как избежать подмены механизма «soft power», основанного на диалоге и убеждении, жесткой государственной пропагандой?

В этой связи полезно обратиться к классификации разработанных государственных проектов по формированию благоприятного имиджа России в мире, которую предложила М. Гамалеева.

Экономические проекты. Одна из традиционных форм – экономические форумы. Наряду с государством активная роль принадлежит российскому бизнес-сообществу. Цели: формирование благоприятного инвестиционного климата, интенсификация экономического сотрудничества, формирование представления о России как о надежном и стабильном партнере.

Культурные, научные, образовательные проекты. В этой сфере Россия традиционно занимает увереные позиции.

Социальные проекты. Россия ориентирована на широкое участие в различных социальных международных проектах, начиная от активного участия в программах по борьбе со СПИДом и наркоманией, заканчивая гуманитарной помощью населению стран, пострадавшим от стихийных бедствий.

Спортивные проекты связаны, прежде всего, с попытками России стать центром проведения спортивных мероприятий планетарного масштаба. Участие Сочи в тендере на право проведения зимней Олимпиады 2014 года увенчалось успехом. Но кроме этого, спорт действительно выступает посланником страны в мире. Впечатляющие спортивные достижения (особенно в самых популярных видах), симпатичные рекордсмены (Александр Попов), выдающиеся атлеты (Александр Карелин) и очаровательные победительницы соревнований (Алина Кабаева, Светлана Хоркина) действительно способны в значительной степени влиять на образ страны. В первую очередь, это проявляется, конечно, на Олимпийских играх, включая и Олимпиаду-2008 в Пекине. Однако немаловажное значение имели и запоминающееся выступление сборной России по футболу на чемпионате Европы 2008 года, и завоевание Кубка УЕФА футбольными клубами ЦСКА и «Зенит» в 2005 и 2008 гг.

Проект «Празднества». Придание торжествам, приуроченным к празднованию особо важных исторических дат, официального статуса общественно-политического мероприятия высокого уровня и организация в рамках торжественных мероприятий неформальных встреч с лидерами мировой политики. К наиболее значимым проектам в данной сфере стоит отнести празднование 60-летия Победы, 300-летия Санкт-Петербурга и 1000-летия Казани.

Медийные проекты. Среди крупномасштабных медиа-проектов – «Открытая Россия», «Валдайский клуб», а также уже упоминавшиеся «Russia Profile» и «Russia Today».

Пионером в этой сфере можно считать совместный проект МИДа и РИА «Новости» «Открытая Россия», в рамках которого организуются пресс-конференции и обсуждения текущих событий в стране и внешней политики России. Причем, на них приглашаются не только МИДовские чиновники, но и ведущие ньюс-мейкеры. С 2004 года собирается «Валдайский дискуссионный клуб», в котором ежегодно встречаются иностранные эксперты и журналисты. Они приглашаются Кремлем на встречи с высокопоставленными представителями российской политики. С начала 2005 года выходит еженедельный журнал на английском языке «Russia Profile», в котором представлены аналитические материалы о политических и экономических процессах в России. С конца 2005 года начал свое вещание англоязычный телеканал «Russia Today» для зарубежной аудитории. Сейчас у «Russia Today» есть несколько зарубежных корпунктов – в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Иерусалиме, Каире и Нью-Йорке.

Другой проект по улучшению имиджа России – Trendline Russia – был запущен в 2005 году «Российской газетой» и РИА «Новости». Сейчас проектом полностью занимается «Российская газета». По словам руководства РГ, главная задача «Российских трендов» состоит в формировании позитивного образа России за рубежом. Продукт, по словам зам. гендиректора «Российской газеты» Евгения Абова, представляет собой шесть-восемь полос вкладки «Российской газеты» в «четырех ведущих газетах мира». Это Washington Post, Daily Telegraph, Times of India (одна из крупнейших газет Индии) и «одна из болгарских газет». Материалы готовят сотрудники «Российской газеты». Проект был замечен, а сейчас находится в стадии перезапуска. Средства на проект выделяет «Российская газета» из собственной казны, но сумма не оглашается. Известно, что в прошлом году «Единая Россия» добилась того, чтобы на развитие «Российской газеты» были дополнительно выделены из бюджета почти \$100 млн. (2,6 млрд. рублей).

Проект «Церковная дипломатия». Об этом проекте также стоит рассказать специально. Реанимирование российскими властями, в общем-то, традиционного в исторической ретроспективе направления для российской публичной политики может оказаться весьма продуктивным в связи с возрастающим влиянием религиозного и этнического фактора в мировой политике.

К проектам подобного рода можно отнести трехдневный визит патриарха Алексея II в Латвию в мае 2006 года. Алексей II, уделивший большую часть времени политическим переговорам на высшем уровне, пребывал в Латвии не только в качестве религиозного деятеля, главы РПЦ, но и в качестве парламентера – общественного дипломата с миссией «примирения» двух государств и подготовки политического диалога России и Латвии. В этом ряду и Всемирный религиозный саммит в Москве в июле 2006 года. Подобная представительная межрелигиозная встреча, собравшая 150 представителей различных конфессий более чем из 40 стран мира, прошла впервые в мире. Причем, участники саммита обсудили не только религиозные вопросы, а наиболее серьезные проблемы и вызовы современного мира: терроризм и экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, эпидемии, наркомания, бедность, экология и воспитание молодежи. И итоговый документ, выработанный на форуме, был направлен лидерам стран «большой восьмерки» накануне саммита в Санкт-Петербурге.

Однако еще больший эффект на мировое сообщество произвело преодоление одного из болезненных раздоров внутри русского православного мира, воссоединение Русской Православной Церкви Заграницей (или Русской Зарубежной Церкви) с Московским Патриархатом, т.е. – с Церковью-матерью, а через неё – со всей полнотой вселенского православия. К сожалению, восстановление утраченного единства – событие редкое не только в религиозной истории, но и в гражданских летописях нашего народа. И вдвойне значимо, что первый импульс на новом этапе сближения верующих двух юрисдикций исходил от верховной власти России – непосредственно от главы страны, выступившего, таким образом, вполне легитимным преемником восточнохристианской традиции «симфонии» Церкви и государства.

Напомним, что разделение Зарубежной Церкви с Церковью в Отечестве восходит к 1920-м годам. Большинство духовенства, ушедшего в эмиграцию вместе с белыми, не приняло курса оказавшегося во главе Русской Церкви митрополита Сергия на сотрудничество с большевистской властью. «Декларация» Сергия 1927 года, а ещё больше требование к зарубежным священнослужителям заявить о лояльности к Советам, вызвали раскол. Так возникла «Русская Церковь в изгнании», всегда заявлявшая о своей непримиримости к богочеловеческому режиму. Не создавая особой Поместной Церкви, «зарубежники» подчёркивали, что являются лишь временно самоуправляющейся частью Русской Православной Церкви, «пленённой» на родине. После падения коммунистической власти были объективно созданы условия для воссоединения, но скорому решению дела мешали накопившиеся взаимные предубеждения и недоразумения. Например, некоторые зарубежные богословы истолковали политику митрополита Сергия как еретическое искажение или даже предательство христианства. Было сформировано мнение, что в Русской Церкви господствует «сергианство» – представление о возможности любых, даже догматических, вероучительных компромиссов с безбожниками.

С июня 2004 по октябрь 2006 года комиссии провели восемь совместных заседаний, половина из которых состоялась в Москве, а остальные – в разных странах русского рассеяния: Германии, Франции, США. Работа комиссий стала настоящим каноническим свершением: были обсуждены вопросы, на

протяжении десятилетий вызывавшие горечь и раздражение у обеих сторон, и выработаны взаимоприемлемые решения. Среди основных тем диалога были: определение статуса Русской Зарубежной Церкви как самоуправляемой части единой Поместной Церкви, прославление мучеников, отношения Церкви и государства, Православия и инославия, проблема экуменизма. По признанию архиепископа Марка, «исходные позиции были порой диаметрально противоположными, и всё же мы смогли выработать общий язык».

Важнейшей вехой, определившей стремление подавляющего большинства русской эмиграции к церковному воссоединению с Отечеством, стал IV Всезарубежный собор, происходивший в мае 2006 года в Сан-Франциско. После принципиального одобрения им курса на единство Русской Церкви, соответствующие решения, серьёзно продвинувшие вперёд процесс сближения, были выработаны очередным зарубежным Архиерейским Собором. Зримым символом грядущего единства стал совместный проект Берлинско-Германской епархии Зарубежной Церкви и Ставропольской и Владикавказской епархии Московского Патриархата по возведению монастыря и реабилитационного центра в Беслане. Сложная и деликатная работа комиссий находилась под пристальным вниманием прессы.

1 ноября был опубликован подготовленный комиссиями и одобренный обеими Синодами проект Акта о каноническом общении, согласно которому Зарубежная Церковь, не теряя самоуправления, признаётся неотъемлемой частью Поместной Русской Церкви под омофором Патриарха Московского. Акт был принят митрополитом Лавром «купно с членами Архиерейского Синода» 18 апреля 2007 года в Нью-Йорке и Патриархом Алексием II «купно с членами Священного Синода» 16 мая 2007 года в Москве. 17 мая 2007 года, в Праздник Вознесения Господня, в Храме Христа Спасителя состоялось подписание Акта о каноническом единстве.

Воссоединение разделённых братьев по вере естественным образом означает укрепление позиций Церкви – как внутри страны, так и за её пределами. И религиозные люди разных конфессий, и неверующие принимают во внимание тот факт, что теперь Русское Православие становится духовной силой международного масштаба (отчасти сопоставимой с Римско-Католической Церковью). Особое значение восстановление канонического единства в Русской Церкви имеет для многочисленной и влиятельной русской диаспоры в США, состоящей отнюдь не только из этнических великороссов, а, прежде всего, из людей русской культурной ориентации (так, сам владыка Лавр является по происхождению подкарпатским русином из Словакии).

Однако осуществление перечисленных проектов, формирование и укрепление имиджа России связано с трудностями, которые возникают в текущей жизни страны и политике власти. Разберем, к примеру, ситуацию с трагедией Беслана в Северной Осетии, когда Россия предстала перед глазами всего мира в крайне противоречивом виде. Расстрел сотен детей на фоне беспомощных действий политиков и силовиков надолго вписался в видеоряд репортажей из России. 25 государств Европейского союза попросили от Москвы разъяснений. Однако российская власть истолковала это как давление, как непонимание Западом существующих там проблем, либо как сочувствие террористам. Вполне объяснимо в этой связи был тот факт, что МИД РФ посчитал циничным призыв ЕС к российским властям предоставить информацию о том, как могла произойти трагедия в Беслане. «Все страны должны сотрудничать, чтобы избежать трагедий, подобной этой. Мы хотели бы также узнать у российских властей, как эта трагедия могла произойти», – говорилось в заявлении министра иностранных дел Нидерландов Бена Бота, председательствующего тогда в ЕС. Тут же голландский посол был вызван в МИД РФ, где ему было выражено «крайнее недоумение» российской стороны. Посол обещал проинформировать свое правительство и выразил соболезнования.

Этот скандал, безусловно, создал неблагоприятный фон для дискуссий с Евросоюзом, включая переговоры об упрощении визового режима, с которыми Москва связывала особые ожидания. Были совершены и другие шаги, требующие разъяснения. С одной стороны, Москва впервые созвала Совет Безопасности ООН, чтобы подвергнуть осуждению террористический акт, совершенный на ее территории. С другой стороны, российские власти не комментировали предложения о помощи, прозвучавшие от многих государств и в принципе вытекающие из обязательств стран – участниц антитеррористической коалиции.

Официально не было объявлено, какого рода содействие предлагалось, какая помошь принята или не принята, и по какой причине. Глава МИДа не выступил с публичными заявлениями на этот счет.

И такие ситуации нередко возникают в различных областях жизни. Трудно представить, например, что парадные отчеты о скоростном строительстве спортивных сооружений в Сочи смогут перебить в глазах проверяющих из МОКа возникающие время от времени энергетические катализмы. Логика проста и понятна: кто будет соревноваться в новостройках, если там внезапно отключат свет? Так же трудно представить, что иностранные инвесторы, посмотрев «положительные новости», ринутся в страну, которая руками экологических контролеров заставляет зарубежных партнеров продавать государственным компаниям свой бизнес.

Тот же «шпионский» скандал вокруг смерти Александра Литвиненко в Лондоне, в котором оказались, как по сценарию, задействованы практически все укоренившиеся в сознании западной аудитории за многие годы стереотипы (КГБ, отравление, ядерные материалы, олигархи, Кремль, «русская мафия»), стал своего рода «лакмусовой бумажкой», которая выявила мобилизационный потенциал этих образов для СМИ. Обнаружилась и уязвимость российской политики в информационной сфере.

Итогом освещения в ведущих западных СМИ сюжетов, посвященных т.н. «энергетическим войнам» России со странами ближнего зарубежья, стало мнение о том, что Россия потерпела немалые имиджевые потери. В заочном споре «СМИ vs Россия» стороны нередко придерживались прямо противоположных позиций. Это лишило их возможности для ведения диалога, который, между тем, позволил бы, в частности, российской стороне с наименьшими потерями для себя преодолеть кризисные ситуации и сохранить за собой возможность влиять на формирование как смыслового, так и эмоционального контекста освещения событий.

Критический взгляд ряда иностранных СМИ на так называемые «нефтегазовые» войны был во многом предопределен не столько антироссийскими настроениями, как принято считать, сколько недостаточной мотивированностью предпринятых мер. Парадоксальным образом СМИ и не пытались оспаривать право России выстраивать отношения со своими партнерами на новой экономической основе. Всех интересовали в основном мотивы этого решения и его последствия. Приводимые в дальнейшем аргументы не способствовали снижению уровня ажиотажа и напряженности в информационных материалах иностранных СМИ, потому что не относились к сути поднимаемых ими проблем.

К примеру, до серии разразившихся кризисов имидж России как «надежного поставщика» в сознании и дискурсе журналистского сообщества практически отсутствовал. В выпусках новостей ведущих мировых СМИ практически ничего про бесперебойные поставки нефти и газа из России до наступления января 2006 года не сообщалось. А после кризиса говорить об этом стало затруднительно. Довод о переходе на рыночные отношения, подготовленный, видимо, для нейтрализации ожидаемой волны критики, оказался вытесненным на периферию по двум основным причинам: из-за самой стилистики информационной кампании; из-за отсутствия к моменту ее начала ранее сформированных среди иностранных журналистов мнений о вероятных причинах происходившего.

Много материалов в современных СМИ можно найти о других аспектах всё той же проблемы – дело не столько в возникающих угрозах и кризисах, сколько в способах реагирования на них государства.

Известно, например, что восприятие России в мире связано, помимо всего прочего, и с состоянием здоровья ее населения. В отношении соматических заболеваний, которые носят возрастной характер или связаны с загрязнением окружающей среды, а также ее негативным влиянием на человека, состояние здоровья российского населения есть дело внутреннее. Оно мало интересно экспертам и рядовым гражданам за пределами российского государства. Можно удивляться поразительно высокой смертности, высокой заболеваемости мужчин в России, но это мало что меняет в ее международном восприятии. Такого рода социально-медицинские проблемы обычно остаются в пределах государства. В отношении социально опасных инфекционных заболеваний уровень инфицированности российского населения не есть дело только внутреннее. Эпидемическая ситуация по ВИЧ/СПИД в России тревожит многие государства мира.

Наибольшая обеспокоенность проявляется в Западной Европе. Образ России на Западе, в связи с эпидемическими переменами, явно не благоприятный.

В заключение кратко обозначим ещё один поучительный аспект управления создания имиджа со стороны государства. Если оставить в стороне идеологическую оболочку, то не трудно заметить, что СССР был весьма полезным примером того, как мощная, целенаправленная и оплачиваемая работа по созданию образа великой державы оказала мощное влияние не только на современников, но и «разогнала» волну исторической инерции на десятилетия. Образ сверхдержавы и сейчас не покидает российских граждан и мировое сообщество. Тем более что буквально рядом и чуть ли не ежедневно можно сталкиваться с памятниками воплощённого в советское время приближающегося будущего. Символами новой страны стало московское метро – недра косной природы пронизаны сообщающейся системой подземных сияющих дворцов. Как демонстрация мощи страны, раскрепощения и справедливо направленной стихии до сих пор воспринимается 128-километровый искусственный канал Москва-Волга. «Сухопутная» Москва стала портом трех морей: Балтийского, Белого и Каспийского.

Таким образом, важно усвоить, что имидж не тождественен пиару. Пиаром нельзя решить какую-либо проблему, не изменяя те или иные аспекты жизни по существу. Рано или поздно это обернётся просто информационным шумом, о котором быстро позабудут.

Лекция 8.

Старо-новые мифы о России. Роль культуры, городской среды и повседневности

История профессионального изучения мифа насчитывает уже два с лишним столетия. Ученые признали за мифом статус реальности, властной и ощущимой. Мифы стали рассматриваться как важная часть культуры, один из познавательных механизмов нашего сознания, выполняющей, подобно идеологии или научным теориям, регулирующие функции. Последнее особенно важно потому, что мифы потеснили идеологию. В свою очередь, идеология стала обращаться к ним и эксплуатировать мифическое.

В основе идеологических систем (доктрин) лежит принцип определенной схематизации, упрощения, моделирования сложных духовных и социальных процессов. Мифы также опираются на ритуальные повторения. Они имеют логическую структуру, отличную от позитивного мышления: не соблюдается закон «исключенного третьего», суть подменяется происхождением, событиям приписывается обязательная направленность, соседство во времени принимается за причинно-следственную связь.

Если научные теории пытаются что-то прояснить через исследования, проверку, опыт, то мифы повторяют канонические объяснения. Теория стремится к формулировке закона, который всегда под вопросом, который может быть опровергнут. Миф не дает такой возможности. Конечно, идеальна та ситуация, когда мифы и научные теории уравновешены. Преобладание мифов создает опасную ситуацию. При доминировании иррационального мышления легче манипулировать сознанием, а, следовательно, и поступками людей.

И в мире, и в России в настоящее время мифы не только возродились и, как в свое время идеология, отвлекают от приближения к подлинной истории, но и образовали странные смешения старых и новых мифов. Эти старо-новые мифы выполняют, в первую очередь, функции поддержки, идентичности, ориентации, а также защиты и размежевания. Будучи сами по себе нейтральными, эти функции, в зависимости от содержательного наполнения, могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на реализацию указанных функций. Мифы способны смягчать удары кризисов, позволяют справляться со всеми противоречиями и сложностями реформ. В то же время необходимы разоблачение или критика очевидных всплесков мифологизации общественного сознания. Хотя бы потому, что с внешней стороны мифы используются для достижения определенных целей, для установления власти над другими людьми.

Но с внутренней стороны критика мифа (а он базируется не на рациональных доказательствах, а на вере и убеждении) воспринимается многими как личная трагедия, как утрата идеалов и смыслов.

Из множества аспектов данной темы не случаен повышенный интерес именно к политическим мифам, к мифам власти и мифам о ней. Это стало особенностью XX века и начала XXI века. Политические и идеологические мифы создают образы новой реальности, часто становятся «скрепами» и организующим началом в поведении людей. Достаточно вспомнить, как история в тот или иной период избирала в качестве господствующего мифа такие образы власти, как «просвещенная власть», «власть сильной руки», или как государственная идеология разыгрывала мифические образы «России единой и неделимой», «Москвы – Третьего Рима».

Как возникает это хорошо видно на примере превращения советской идеологии в нечто религиозно-мифическое. Начиная с 1917 года, советская Россия транслировала миру о том, что в СССР складывается своя «священная история». У этой истории есть свои «кануны» в виде «революционных событий 1905 года», свои предтечи («революционные демократы» XIX века), свои демиурги и пророки, свои подвижники и мученики, свои ритуалы и обряды. Октябрьская революция, естественно, представляла как акт творения нового мира, и, конечно, дальнейшая история связывалась с постоянной борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними, с «эпохой битв» (Великая Отечественная война). Stalin в этой советской идеологии не просто продолжатель Ленина, а как бы его перевоплощение: «Сталин – это Ленин сегодня».

И здесь важно подчеркнуть рукотворный характер этих мифов, в отличие от мифов традиционных, а значит, и правомерность их расшифровки. Дело не в определении правды или лжи того или иного мифа. Как писал Ролан Барт, миф ничего не скрывает, он ничего не демонстрирует, его тактика – не правда и не ложь, а отклонение.

В восприятии России в мире также сложились свои мифы – политические, литературные, бытовые. Одни складываются в рамках литературы о путешествиях. При кажущейся простоте задачи описания бытовой стороны жизни другого народа, в действительности, это исключительно сложный процесс, требующий вживания в обстановку. Поскольку организация быта в России с точки зрения западной цивилизации стоит на достаточно низком уровне, то европеец, как правило, не идет на бытовое сближение. В основе литературного мифа – отождествление художественного мира русской классической литературы и российской реальности, как таковой. Предполагается, что по литературным коллизиям можно судить о жизненных реалиях, что литература тождественна последним. Творцами этого мифа о России чаще всего выступают сами русские. Западная позиция здесь, в известном смысле, пассивна: выбирается лишь понятное, укладывающееся в утвердившуюся ранее доминанту.

Политический миф базируется на представлении России страной политического деспотизма. Устойчивость столь нелестного суждения часто объясняют якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству.

Сознание западного обывателя в абсолютном большинстве случаев категорически отвергает мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству крайне непривлекательного и осуждаемого там политического строя. Поэтому признания, сделанные в свое время Арнольдом Тойнби, являются редким исключением из правил: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться... игу коренной власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако ... русские научились терпеть ее оттого, что, без всякого сомнения, считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями».

Западный миф о России, взятый в единстве политической, литературной и бытовой составляющих, расцведен множеством вырванных из контекста деталей российской истории. Вместе с тем, нередко люди, разделенные между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко отличавшихся

общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же недостатки. Наиболее частую критику у них вызывают слепое копирование, заимствование внешних форм.

В качестве другого общего недостатка россиян выделяется их неспособность к коллективным действиям. Индивидуализм западного мировоззрения удивительным образом сочетается со сплочённостью при достижении общественно значимых целей. У нас же дело нередко обстоит наоборот: декларации о единстве и соборности так и остаются декларациями, в то время как способность к совместным выступлениям и поддержке друг друга крайне низка.

Необходимо отметить, что сегодня нередко мы сами удивляем мир попытками реанимировать старые мифы. Так случилось недавно с сериалом «Сталин.live». Его авторы, сомневаясь в возможности обеления вождя, предложили зрителям просто поиграть в мифы. Каким образом? Сталина превращают чуть ли не в святого, игнорируя реальную подоплеку его отношений с церковью. А ведь известно, что не глубокое внутреннее перерождение Сталина, а, прежде всего, внешнеполитический расчет заставили его изменить позицию в религиозном вопросе в 1943 году. Заключительный этап войны и ситуация в Европе требовали новых средств усиления влияния Сталина в стране и в мире. Значительная роль в решении этой задачи была отведена РПЦ и ее международным связям. В ответ сталинское руководство готово было создать "благоприятные условия" для РПЦ внутри страны.

Соглашение с церковью выполнялось своеобразно. В течение четырех лет – с 1944-го по 1947 год – верующие просили открыть на свои средства 4418 церквей и молитвенных домов. Это разрешение было получено только на 1270 церковных зданий, да еще с многочисленными бюрократическими проволочками. А параллельно началась обратная кампания – против служителей церкви. В 1946 году ЦК ВКП (б) обвинил их в замаскированной антисоветской работе и назвал кучкой ловких дельцов. Все данные, свидетельствовавшие о реальном уровне религиозности населения, тщательно скрывались. Но авторы сериала «не увидели» этих фактов.

Социологи недавно заметили: чем выше статус событий войны,teleologически организованных как цепочки событий, ведущих к предзаданной Победе, тем сильнее уходит память о сталинских репрессиях. Чем круче триумф, тем сильнее вытесняются из массового сознания ответственность государства за развязывание войны, заплаченная цена, негативные последствия просчетов и ошибок. На это работают не только военная и религиозная, но и семейная канва сериала. Расчет авторов фильма о Сталине понятен: если не получится с возвеличиванием героя, то уж сентиментализация его отношений с родными сработает непременно.

Что же делать с подобными приёмами? Как нам кажется, можно предложить «сыграть в игру» по правилам настоящего Сталина, а не того, которого НТВ предложил нам «живьем». То есть показать вождя с его «революцией сверху» и раскулачиванием, превращением чрезвычайных мер в постоянный инструмент управления страной, террором, голодомором и ГУЛАГом. И пусть каждая серия заканчивается подписанием сотен шифровок на уничтожение, на депортацию, на отправку в лагеря миллионов людей. А еще было бы справедливо, если бы вымышленный Сталин попросил прощения у тех, кто все это пережил, и у тех, кто продолжает жить с этим страшным и беспощадным прошлым.

Авторы сериала избрали миф в качестве познавательного инструмента советской реальности. Не потому ли, что с попытками отделения настоящего от преступлений прошлого, с новой ложью о старых преступлениях, как показало 60-летие Победы в Великой Отечественной войне, так ничего и не получилось? Монополия на сталинистское прочтение истории просто неэффективна. Ведь сохраняется профессионализм учительского корпуса, в семьях живёт подлинная память о преступлениях, и она не может быть никем приватизирована.

Одним из самых значительных факторов формирования образа и имиджа России являются культура, в самом широком её прочтении, и реальная повседневность, с её привлекательными и отталкивающими сторонами. Они могут в определённых ситуациях перевешивать влияние, к примеру, неблагоприятного развития отношений между странами.

Если говорить о культуре, то известно, к примеру, что положительный образ России в глазах японцев держится сегодня только на плечах представителей русского искусства. Ростропович и Спиваков, Гергиев и Кисин, Ананиашвили и Чхартишвили – российская культурная экспансия в Японии сегодня ограничивается этими именами. Правда, в последнее время японцы благодаря соотечественникам-славистам познакомились с переводами современных российских литераторов, в частности, Пелевина и Сорокина.

Если говорить о реальной повседневности, то здесь показательны результаты проведённого в начале XXI века независимым исследовательским центром РОМИР обстоятельного и комплексного исследования «Образ Москвы». Его задачей являлся анализ восприятия иностранными гражданами, живущими и работающими в столице, специфики жизни Москвы, выявление позитивных и негативных факторов, связанных с архитектурой, экологией, городской инфраструктурой и влияющих, по мнению экспертов, на общее восприятие иностранцами условий жизни в Москве. Инициатором проекта выступило Правительство Москвы. Данное исследование по богатству полученных данных и разнообразных наблюдений, пожалуй, не имеет себе равных. Поэтому стоит поговорить о его итогах поподробнее.

Итак, в качестве экспертов, чьё мнение легло в основу анализа, выступили представители крупных зарубежных, торговых представительств, сотрудники посольств, культурных фондов, информационных агентств и средств массовой информации, исследовательских организаций, университетов. Исследование опиралось на качественный анализ данных, полученных в ходе неформализованных экспертных интервью.

В первую очередь экспертам предлагалось рассказать, с чем ассоциируется для них русская и российская культура, назвать имена культурных деятелей, работавших в разное время в различных областях искусства и культуры, которые вспоминаются в первую очередь, если речь заходит о русской культуре.

На первом месте по числу упоминаний стоит русская литература – о писателях, о литературных произведениях, о литературе вообще вспомнил 31 эксперт из 40 участников исследования. По словам одного из экспертов, «литература – это слава России». Чаще всего речь идет о классической литературе XIX века, о «золотом веке», причем явно выделяются 2 наиболее известные экспертом писателя – Достоевский и Толстой. Другие часто упоминаемые имена – Пушкин и Чехов. Пушкин иногда воспринимается как знаковая фигура «начала» русской литературы. Из писателей и поэтов XX века эксперты смогли вспомнить следующих: Есенин, Бунин, Маяковский, Блок, Николай Гумилев, Мандельштам, Булгаков. С современной литературой эксперты знакомы значительно хуже: из ныне живущих писателей, кроме Солженицына, лишь однажды был назван Владимир Сорокин.

На втором месте среди различных областей и явлений российской культуры стоит российская музыкальная культура. Причем, здесь речь также идет почти исключительно о классической музыке. Многие эксперты указывают на то, что «русская музыка, то, что было создано в XIX веке русскими композиторами, очень повлияла на развитие европейской музыки», «без классической русской музыки не было бы современной классической музыки».

Из композиторов, с которыми ассоциируется русская культура в целом, чаще всего вспоминают Чайковского, Мусоргского, Шостаковича, Шнитке. Кроме того, некоторые эксперты упоминали церковную музыку (хоровое пение) и народные песни.

На третьем месте по числу упоминаний экспертами идет российское театральное искусство в самом широком понимании - и как русская театральная школа (ассоциируется, в первую очередь, с именем Станиславского, реже с экспериментальным театром - двое экспертов вспомнили Мейерхольда), и как специфическое направление в драматургии (в этой связи обычно также вспоминают Чехова).

Некоторые эксперты объединяли российское театральное и киноискусство, но в качестве «значимых имен» с точки зрения российской культуры в целом они назвали только две фамилии – режиссеров Эйзенштейна и Тарковского.

Российское изобразительное искусство в целом меньше репрезентирует российскую культуру. Исключение здесь составляют художники-авангардисты: Малевич, Кандинский, Шагал. Авангард – это вклад России в мировую культуру; как выразился эксперт из Японии, «авангард не мог бы сформироваться в отрыве от революции, от революционного сознания, он просто не мог возникнуть нигде, кроме России».

Кроме перечисленных областей, российская культура ассоциируется с народными традициями и обычаями – народные праздники, православные церковные праздники, матрешки, а также с русской кухней – борщ, блины, барабанки, водка.

Эксперты упоминают также российскую науку: историческую [Рецепты соления рыбы](#) космические исследования. Российская культура ассоциируется также с известными музеями Москвы и Санкт-Петербурга – [Третьяковская галерея](#), Музей имени Пушкина, Эрмитаж.

Подводя итоги этого раздела можно сказать, что для иностранцев, живущих в Москве, российская культура репрезентируется прежде всего произведениями и авторами "золотого века", классической литературой и музыкальной культурой.

Иностранцы проявляют интерес и к современным формам культуры и искусства: «Меня очень увлекает поиск новых прочтений, нового взгляда, новых путей в искусстве», «Современное искусство часто несет в себе что-то неожиданное, это захватывает». Кроме того, у ряда экспертов есть в Москве знакомые художники, театральные деятели, музыканты, и это усиливает интерес экспертов к тому, что происходит в этих областях культуры и искусства: «Мне нравится встречаться с художниками, бывать в их студиях»; «Москва – город художников, я люблю наблюдать за их работой».

Высказывания экспертов о классическом искусстве, представленном в культурной жизни Москвы, всегда очень уважительны, но интерес к классике проявляется менее эмоционально.

Для экспертов, представляющих крупные компании и посольства, одной из форм участия в культурной жизни Москвы являются также посещение благотворительных вечеров и аукционов.

Из московских театров самым известным оказался Большой театр – его упоминают примерно две трети экспертов. Однако, несмотря на то, что многие эксперты говорили, что «видели практически все его спектакли», «ходили очень часто, смотрели все», в ответ на просьбу перечислить названия конкретных запомнившихся постановок большинство экспертов могут вспомнить лишь два балета – «Лебединое озеро» и «Щелкунчик». Из драматических театров лидируют Малый театр (в первую очередь, различные исторические пьесы – «Царь Феодор Иоаннович», «Царь Петр и Алексей»), Театр на Таганке (перечисляется практически весь репертуар, многие эксперты просто говорят о том, что им «нравятся все пьесы в постановке Любимова»), «Сатирикон» («Сирано де Бержерак», «Служанки», «Шантеклер»), Ленком (постановки Марка Захарова и Петра Штайна), театр Маяковского («Белая гвардия»), МХАТ («Игроки»), ТЮЗ («Дама с собачкой»).

О концертах музыки неклассических направлений в Москве (в основном – джазе и рок-музыке) могут рассказать далеко не все эксперты. Хорошо осведомлены об этом немногим более четверти участников исследования, зато они действительно хорошо разбираются в этом вопросе. Слушать джаз и рок-музыку живущие в Москве иностранцы чаще всего ходят в различные клубы: «Китайский летчик Джоа-Да», «Бункер», «16 тонн», «Свалка», «О.Г.И.». Из более или менее известных российских групп и исполнителей, выступления которых довелось услышать экспертам, они назвали следующие: «Аквариум», «Машина времени», «Сплин», «Аукционы», «Ночные снайперы», «Тату», Земфира.

За эстрадной поп-музыкой живущие в Москве иностранцы практически не следят и концерты музыки этого направления посещают крайне редко, однако имена наиболее популярных российских эстрадных исполнителей части экспертов известны: Пугачева, Киркоров, Линда, Орбакайте, Газманов. Эксперт из Латвии смог также назвать Лещенко, Кобзона, Гурченко, Леонтьева.

По уровню проведения и организации крупных культурных мероприятий все эксперты ставят Москву в один ряд с крупнейшими культурными центрами мира: «Думаю, Москву можно сравнить с крупнейшими городами мира по богатству культурной жизни»; «Подобное можно увидеть и в других

городах мира, но, пожалуй, только в крупных мировых центрах, таких как Лондон, Париж, Нью-Йорк, к которым теперь принадлежит и Москва».

Сопоставление с мировыми культурными центрами (это в основном Лондон, Париж, Берлин и Нью-Йорк) идет чаще в пользу Москвы («если сравнивать с Лондоном, в Москве более бурная культурная жизнь, если говорить в целом»; «качество спектаклей, на мой взгляд, в Москве лучше»; «в других странах тоже ставятся балеты, есть подобные спектакли, но в Москве они на особо высоком уровне»; «в Москве богаче культурный выбор»). Однако там, где речь заходит о нетеатральной культурной жизни, часть экспертов считают, что в организации крупных культурных мероприятий Москва пока уступает другим культурным центрам: «когда здесь что-то празднуют, отмечают какие-то события, это происходит слишком помпезно, нет чувства меры» (эксперт из ФРГ), «в Париже и в Нью-Йорке таких событий больше по количеству и по числу людей, которые их посещают» (о проведении международных фестивалей, эксперт из США); «часто ощущается недостаток денег у организаторов культурных мероприятий» (эксперт из Великобритании).

Сравнивая Россию и другие страны, выражают удивление по поводу того, что в России активная культурная жизнь сосредоточена в столице, а в остальных городах «крайне редко что-нибудь происходит, и уровень не выдерживает сравнения». Один из экспертов также много говорил о том, что, по его мнению, в Москве за последние годы исчезла самодеятельность (в отличие от западных стран, где такие формы участия людей в культурной жизни наоборот развиваются). Он также считает, что многих работающих в Москве иностранцев могло бы заинтересовать такое изучение русской культуры на собственном опыте – пение русских песен, участие в любительских постановках спектаклей и т.п.

Позитивные оценки архитектурного облика города в целом преобладают, однако можно заметить, что у ряда экспертов, считающих, что отличия Москвы от других крупных западных городов настолько велики, что их нельзя сравнивать, восприятие особенностей архитектурного стиля Москвы вызывает определенные трудности, и порой это выражается в резко негативных оценках городской архитектуры в целом: «Плохо, когда современные здания стоят рядом со старыми, это портит вид; но мне нравится, что в городе много старых церквей, везде, не только в центре»; «Облик города несколько странный, бессистемное смешение стилей, нет единства».

Однако таких резко негативных высказываний немного. Большинство экспертов, даже если им непросто воспринять своеобразие московской архитектуры, видят причину этого в крайней непохожести Москвы на большинство крупных западных городов: «Москва странный, непростой город, нужно время, чтобы его полюбить», «Специфику Москве придает обилие православных храмов, очень красивых и декоративных; ... но по-настоящему поражает соединение стиля модерн и русского православного наследия, здания в стиле арт-нуво, рубеж 19-20 века; настоящий шедевр – «Метрополь»»; «Москва очень русский город, здесь все так намешано, но в этом как раз проявляется русская специфика».

На вопрос о том, какие скульптуры и памятники, установленные в Москве им нравятся, большинство экспертов затруднилось ответить, а ответившие называли мемориальный комплекс на Поклонной горе в целом, композицию Шемякина «Дети - жертвы пороков взрослых»; по словам эксперта, «интересно, когда скульптура изображает идею, концепцию, а не конкретного человека», памятники на Новодевичьем кладбище: Хрущеву – работы Эрнста Неизвестного, памятник Высоцкому, скульптуру «Рабочий и колхозница», памятник Гагарину.

Экспертам было предложено оценить экологическую обстановку в Москве по сравнению с другими крупными мегаполисами. Только 5 человек из 40 участников исследования считают, что в Москве экологическая ситуация хуже, чем в других крупных городах развитых стран. Чаще всего такое мнение основывается на недостаточной информированности и на подозрениях, что власти скрывают данные о том, что происходит с экологией: «Думаю, что экологическая ситуация плохая, но об этом нет информации»; «У жителей нет истинной картины о загрязнении, а это само по себе о многом говорит; в других странах, например, выпускают каждый день сводки: уровень загрязнения, состав атмосферы в разных районах и так далее, а в Москве этой информации нет»; «Высокий радиационный фон, причем информации об этом не дается». Вторая причина негативных оценок московской экологии – состояние машин, высокая

загазованность на улицах города: «Не очень хороший воздух, машин много старых»; «В других странах – более строгий контроль состава выхлопных газов автомобилей; в Москве еще используется некачественное горючее для машин, поэтому мне она напоминает Мехико, там такая же ситуация».

Следующий блок вопросов был предназначен для того, чтобы выяснить мнения экспертов об условиях жизни в Москве, качестве жилья, уровне сервиса, качестве общественного транспорта и состоянии дорог, о ценах и ассортименте московских магазинов. Экспертам предлагалось оценить различные характеристики бытовых условий Москвы по пятибалльной шкале, а также прокомментировать эти оценки, рассказать о проблемах, с которыми им приходилось сталкиваться в различных сферах.

Участникам исследования было предложено оценить качество московских квартир и гостиниц, уровень цен, качество обслуживания, комфортабельность и безопасность жилья в Москве.

Таблица 1. Оценки качества квартир и гостиниц Москвы (средние баллы; оценки давались по пятибалльной шкале, где 1 - "очень плохо", а 5 - "очень хорошо").

	Квартиры	Гостиницы
Цены	2.0	1.6
Сервис, качество обслуживания	2.0	4.1
Комфортабельность	3.5	4.5
Безопасность	4.4	4.9

Наибольшие претензии экспертов вызывает уровень цен на жилье в Москве: «Квартиру дешевле купить, чем снять, ненормальная ситуация, во всем мире – наоборот»; «Культура аренды квартир еще отсутствует». Когда речь заходит о соотношении цены и качества при аренде или покупки квартир, это, по мнению экспертов, также является минусом Москвы: «Цена на аренду очень высокая, а качество домов, даже новых, не очень хорошее, часто способы строительства просто неправильные». Еще одна проблема – отсутствие правовой базы урегулирования отношений между хозяином квартиры и квартиросъемщиком: «Нет правовой поддержки, здесь очень просто могут прекратить договор, и суды ничего не дадут»; «Хозяин может в отсутствие нанимателя прийти в квартиру, без предупреждения, считает, что он у себя дома».

Что касается гостиниц, то тут эксперты дают ценам еще более низкую оценку. Практически все они отмечают, что в Москве «отсутствуют гостиницы среднего класса, нет гостиниц уровня 3*, среднего уровня».

Ещё один блок вопросов касался всего комплекса транспортных проблем.

Таблица 2. Оценки транспортной ситуации в Москве (средние баллы; оценки давались по пятибалльной шкале, где 1 - "очень плохо", а 5 - "очень хорошо").

Личные автомобили		Общественный транспорт		
бензин	Цены на	4.2	Цены на билеты	4.7
дорог	Качество	3.1	Сервис, качество обслуживания	3.9
дорогах	Заторы на	1.7	Регулярность движения	4.3
	Безопасность	2.8	Безопасность	4.5

Как отмечают эксперты, цены на бензин в Москве намного ниже европейских, так что в этом отношении эксперты оценивают ситуацию позитивно. Некоторым экспертам представляется сомнительным

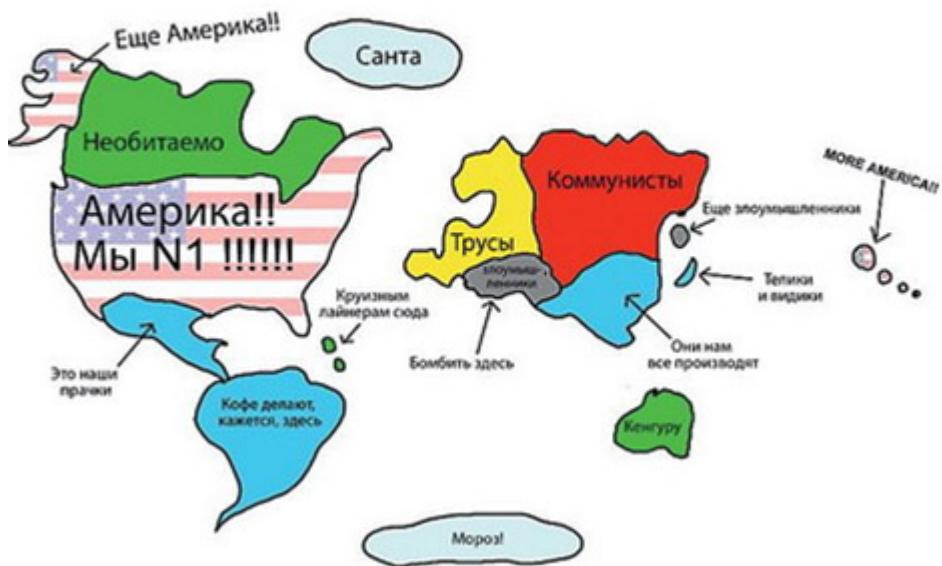
качество бензина, которое они покупают на московских АЗС; другие жалуются, что «трудно найти дизель, вообще АЗС нужно больше, а то очень неравномерно распределены». Состояние дорог, качество покрытия эксперты оценивают как «довольно приличное», оговариваясь, что «состояние дорог улучшается, но в основном лишь на главных магистралях». Большие претензии вызывает организация дорожного движения, которая, по мнению большинства экспертов, является главной причиной постоянных пробок на улицах Москвы: «Организация движения транспорта ужасна: одностороннее движение вокруг Кремля, синхронизация светофоров, нет указателей»; «Многие предпочитают пользоваться общественным транспортом, а не ездить на машинах из-за постоянных пробок»; «Часто ломаются светофоры, а дорожная милиция в Москве только деньги собирает, регулировщиков очень мало».

В заключение мы хотели бы привести в сокращённом виде показательный и забавный рассказ из личного блога арт-директора американской группы Nine Inch Nails Роба Шеридан. Это 27-летний фотограф, график и дизайнер из Голливуда, о своих впечатлениях от поездок по миру он рассказывает читателям. В августе 2007 года он посетил Россию.



«Теперь уже ни для кого не секрет, что я много езжу по миру. Я много где побывал и видел все, чего обычно ждут от дальних странствий: старинную архитектуру, экзотическую пищу и всякое такое. Но езжу я по работе, бываю в основном в столицах и, не имея времени копнуть глубже, избрал следующий способ познания культур: я ищу безумную дичь. Штаты стали таким постным местом, таким пустырем безвкусицы, такой пустыней корпоративной, если можно так выразиться, безлиости, что любая возможность отыскать безумное заграничное говно для нас — как дар свыше. Тревожит меня, однако, то, что дичь сейчас в дефиците даже за пределами США. (Вот удобная карта для тех, кто не совсем уверен, где это находится.)

Мир по американски



Недавно я впервые побывал в России, и поездка эта оказалась очень приятной по той же самой причине: с большим облегчением я убедился, что и в Европе пока еще хватает безумного шита (и пусть остальная Европа не жалует Россию драгоценным титулом европейской страны, географически Москва и Санкт-Петербург расположены строго в границах европейского континента).

Американцу Россия представляется местом странным. Здесь пленку словно крутанули назад: страна с переменным успехом пытается прийти в себя после векового хаоса и беспредела, ничего толком не работает, никто не успел открыть для себя прелест пользования дезодорантом, зато процветает коррупция. Из больших городов — ни ногой: на окраинах творится такое, о чем лучше не знать, к тому же там могут похитить. Паспорта обязательны — без них иностранцев похищает коррумпированная полиция...

Из Москвы в Петербург нам пришлось лететь: друзья предупредили, что на трассе можно встретить вооруженных мужчин — и готово, похитят опять... Я бродил по центральным улицам Москвы и Петербурга и обнаружил, что места эти удивительно приятные... То есть, конечно, воду из-под крана пить пока нельзя, но не все же сразу...

Относительно русских существует масса стереотипов, но, по крайней мере, один из них — совершенная правда: бухают. Сразу после работы — а иногда и раньше — они собираются на улицах и хлещут пиво и водку так, словно завтра конец света. В первый же вечер в России мы с приятелем шли по подземному переходу неподалеку от Красной площади и встретили совершенно пьяного чувака, который плясал под чудовищное техно и адски вопил. На голове у него красовалась русская меховая шапка, расстегнутая рубаха обнаруживала бледное потное пузо, подергивавшееся в такт музыке. Вот и он, собственно.



Чувак повис на мне и что-то прокричал по-русски. Он, похоже, ждал, что я отвечу, но поскольку русские фразы меня посещают не чаще, чем месячные, я несколько засмутился. В общем, в итоге я не придумал ничего лучше, чем передать камеру другу и включиться в русские импровизированные танцы. Русский нахлобучил на меня эту здоровую шапку, и секунд сорок пять мы отжигали, как мало кто до нас.



Я до сих пор до конца не уверен, из чего состоит русская кухня, однако, как и ожидалось, мясо играет в ней важнейшую роль. Мог ли я пройти мимо ресторана с такой прямолинейной вывеской? Как только мы ее увидели, вопросов, где мы будем обедать, больше не возникало. Официанты щеголяли в странных охотничих нарядах из меха, стены усеивали мертвые звери и оружие времен первобытного строя. В целом все это было похоже на болезненную сходку хищников, где, пока поедаешь одних, другие примериваются к тебе самому. Стену над нашим столиком украшали лютые белки, а по соседству стоял реально пугающий волк.



Меню оказалось еще причудливее интерьера.



Я, собственно, собирался избегать плоских шуток, но, черт побери, «Бобер под брусничным соусом» — это лучший эвфемизм... Я, конечно, отведал. То есть на самом деле сначала я заказал медведя, но медвежатина кончилась. На медведей, видите ли, большой спрос.

Оставался бобер. Вам, должно быть, интересно, что же за брусничный соус такой. Но, боюсь, даже попробовав, я не приблизился к пониманию этого феномена. Тем не менее, могу с полной уверенностью утверждать, что бобрятина — самая гнусная и тошнотворная дрянь из всего, что я имел несчастье совать себе в рот.

Мне страшно понравилось, как русские адаптировали уважаемую традицию матрешечного дела к нуждам XXI века. На сувенирных лотках выставлены самые разные куклы, крашенные вручную, от эксцентричных до абсолютно, фантически нереальных. Оцените, к примеру, мое последнее ценнейшее приобретение — куклу Джорджа Буша-младшего в ковбойской шляпе модели «я всех вас вертёл», так замечательно характеризующей нашего славного президента.



Это, впрочем, только начало. Как ни странно, Усама бен Ладен также увековечен матрёшкой, причем внутри у него греются прочие тираны и террористы.



Есть в продаже и многочисленные советские диктаторы, политики (британские и французские), есть даже матрёшка Билла Клинтона со всеми его многочисленными пассиями внутри. Но ничто не сравнится с подборкой из мира музыки.



Если бы ко мне в далеком-далеком детстве явилась небесная фея и пообещала, что на жизненном пути мне выпадет счастье встретить настоящую матрешку, укрупненную портретом Бон Джови ручной работы во всей его трэш-красе 80-х, если бы она сказала, что когда я эту матрешку вскрою, на свет явится еще одна — с глупой одутловатой рожей Ричи Самборы, я сказал бы ей: «Нет, фея-волшебница, ты врешь и не краснеешь, потому что жизнь не может быть так хороша». И что вы думаете — вот она. Дальше — больше. Ибо как бы я ни восхищался матрешкой Бон Джови, я не знал, что моим следующим открытием станет...



многоликая Матрешка Майкла Джексона (также известная как величайшая поделка, когда-либо созданная человеком). Взгляните! Возрадуйтесь его величию! Лично мне больше всего нравится, что лишь последняя, самая махонькая куколка изображает Майкла, когда он еще был черным.

Обладай я неограниченными средствами, я, скорее всего, скупил бы все эти причудливые матрешки — а России, слава богу, есть что предложить. Там, между прочим, были еще Бритни Спирс, Элвис, Мадонна, Коби Брайант, Metallica, AC/DC, Depeche Mode и бог знает кто еще. Сверхъестественная дичь в ассортименте.

А вот бессистемная подборка фотографий безумного русского шита.



Это, похоже, дико крутые русские музыканты.



Главное, оцените ужасающего чувака наверху. Он хочет съесть вашу душу. Радует и Кевин Смит, согласившийся помочь им с бонгами.



В приблизительном переводе эта русская футболка означает: «Я не пью с геями». Пожалуй, это вообще лучшая русская футболка.



Кстати, о гомофобии: забавно, что русские полицейские, часто критикуемые за жестокое обращение с гомосексуалистами и дискриминацию геев, носят форму, на которой «НОМО» написано задом наперед...



А вот у Джессики Симпсон, похоже, настали тяжелые времена — вынуждена работать в русской эскорт-службе..



Плохо себе представляю, для чего им понадобилось это чучело трансгенного урода. Очень странная и неприятная зверюшка. По-моему, такой только детей пугать.



Вы только гляньте, каким крутым кажется себе этот чувак с Йодой на бицепсе.



Эта статуя стоит прямо на улице — с ней фотографировались дети.



В России, как и в Германии, встречается немало весьма неоднозначных нарядов. Я видел довольно много женщин, которые выглядели так же, как кушетка моей бабушки.

Пожалуй, на этом наш тур по России закончился. Я абсолютно уверен, что точно воспроизвел все аспекты жизни этой большой страны, но если по какой-то причине вам этого недостаточно, я сделал еще пару туристических фоток Москвы и Санкт-Петербурга.

P.S.

Да, чуть не забыл — всего через несколько часов после трагической встречи с бобром в ресторане я обнаружил среди сувениров вот эту футбольку. Не представляю себе, что тут написано, но она показалась мне настолько уместной, что я и ее немедленно приобрел».



Итак, в этой лекции мы рассмотрели сложные, порой парадоксальные переплетения мифического и реального, культурного и бытового, объективного и субъективного, которые оказывают влияние на имидж России. Трудно предположить, что из этого способно оказывать большее или меньшее влияние. Очевидно одно, что мифы, культуру и повседневность в самых разных их проявлениях творим мы сами, а значит, несём ответственность за то, как нас воспринимают в мире.

Лекция 9.

«Русский мир» и диаспора, соотечественники за рубежом

К числу немаловажных факторов конструирования образов России относятся «Русский мир» и диаспора, а также стратегии поведения наших соотечественников в зарубежных странах. Поэтому попытаемся раскрыть содержание этих понятий и наполнить их конкретным содержанием.

Впервые в новой России термин «Русский мир» официально прозвучал на Конгрессе соотечественников в Москве несколько лет назад. Новый стимул к использованию этого понятия и сближению выходцев из России дало объединение Православной церкви в 2007 году. О феномене «Русского мира», его истории и перспективах сегодня много пишут и говорят, хотя существует довольно большое количество мнений, что понимать под этим термином.

Председатель комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности и свободы совести, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков исходит, прежде всего, из вклада России в мировую цивилизацию и культуру. Далеко не всем странам и народам удается, по его мнению, породить феномен глобального размаха, который можно было бы назвать «миром». Такими мирами, наряду с Россией, обладают только Испания, Франция и Китай. То есть просто большой поток миграции не гарантирует возникновения за рубежом родственного социума. Например, из Индии выехало очень много людей, но расовая, кастовая разнородность и быстрая ассимиляция в новых местах не породили феномена, который можно было бы назвать «индийским миром».

Те, кто не раз бывал за границей, видимо, обращал внимание на то, что у эмигрантов теряется «этническая актуальность». Всех приехавших из России называют русскими, вне зависимости от того, кто он по национальности – чуваш, украинец, узбек, казах или татарин. Диаспора воспроизводит свое единство на основе главной отличительной черты – русского языка. Тот, кто утрачивает эту черту, теряет и свою принадлежность к «Русскому миру». Именно язык, русскоязычная культура, и ощущение своей связи с Родиной объединяют людей.

Феномен «Русского мира» появился благодаря трем волнам миграции. Первая – дореволюционная. Она составила порядка 4,5 миллиона человек, из которых не более 500 тыс. были украинцы и белорусы. Вторая – так называемая белая миграция 1918–1922 годов. После революции из России выехало 1,5–2 млн. человек. Тогда подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно после 1917 года за границей появилась традиционная российская диаспора, и родился «Русский мир», поскольку эта волна миграции вобрала в себя все его характеристики – язык, православие, идентичность. Третий поток переселенцев из России мигрировал в последние десятилетия Советского Союза и достиг своего пика в 1991 – 1992 годах, после его распада.

Историки эмиграции подчёркивают то обстоятельство, что белая эмиграция существовала и сохранилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время Второй мировой войны из почти 9 млн. пленных и вывезенных на работы к 1953 году вернулось около 5,5 млн. человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тыс. так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Правда, из этих 300 тыс. только меньше половины были с территории СССР в его старых границах. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении, точнее, в невозможности возврата, СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, поддержание языка и мизерных связей с родиной (уже после Хрущева).

Не менее, а более идеологической была небольшая, но политически громкая эмиграция из СССР в 1960-1980-е годы в Израиль, США, затем в Германию и Грецию. В 1951-1991 годы из страны выехало около 1,8 млн. человек (в 1990-1991 годы – по 400 тыс.), из них почти 1 млн. евреев (две трети – в Израиль, треть – в США), 550 тыс. немцев и по 100 тыс. армян и греков. Эмиграция продолжалась и в последующие годы, но несколько меньшими темпами.

Какое число российских соотечественников живет в дальнем зарубежье? Само число 14,5 млн. выехавших из страны мало что говорит, ибо более двух третей жили на территориях, которые включались в состав Российской империи или СССР, а сейчас не являются частью России. Восточнославянский компонент в этом населении был невелик до прибытия основной части белой эмиграции и перемещенных лиц. После этого русских выехало мало. В целом русских в дальнем зарубежье около 1,5 млн. человек, в том числе в США – 1,1 млн. Что касается лиц, имеющих «русскую кровь», то их в несколько раз больше.

Возникает вопрос: кем считать представителей других этнических групп? Выходцы из России создали основные этнические общности в двух странах: в США 80% евреев – это выходцы из России или их потомки, в Израиле не менее четверти евреев – выходцы из России. Этнический состав, культурный багаж и установки эмигрантов были разными, и поэтому не все из них составили «Русский мир». Случай с еврейской миграцией, которая во все эпохи составляла существенную часть мигрантов, а в конце XX века это было большинство всех уехавших из СССР и Российской Федерации (наряду с российскими немцами). Формально российские евреи и немцы совершали акт воссоединения или возвращения на историческую Родину, но по сути это был отъезд из страны русских по культуре людей. Давние эмигранты-евреи адаптировались в новых обществах, многие потеряли язык и какую-либо связь с Россией, в том числе и эмоциональную. Потомки первого премьер-министра, выходца из Одессы Голды Меир в Израиле едва ли могут быть отнесены к представителям русского мира, как и сотни американцев и канадцев русско-еврейского происхождения, дедушки и бабушки которых приехали из России. Но далеко не все евреи «воссоединились» или «вернулись», и тем более далеко не все евреи отвергли Россию.

Перестройка и открытие страны позволили не отвергать страну исхода. Не обязательно было стараться освоить иврит и забыть русский, а также друзей и родственников в Москве или в других городах. Можно было сохранить квартиру и даже работу, а недавно выехавшие израильские евреи контролируют во многом деловые связи между двумя странами. Сохраняется мощное русскоязычное информационное поле. Аналогичная ситуация, но с большей аккультурацией в пользу американской культуры складывается среди новейшей еврейской эмиграции в США.

Очевидна правота В.А. Тишкова в том, что во многих случаях было бы дикостью проводить этническую различительную между зарубежными соотечественниками-эмигрантами, как это в одно время изо всех сил пытались сделать российские законодатели. Им хотелось «зарегистрировать» российскими соотечественниками только тех, у которых вне России нет «своей государственности» (это русская певица Вишневская), и не считать соотечественниками тех, у кого есть своя государственность вне России (это, видимо, ее муж Ростропович).

В какой-то мере вопрос о трудных случаях принадлежности к «Русскому миру» касается российских немцев. Миллион человек, выехавших из России и Казахстана на «историческую родину», во многом продолжают принадлежать к «Русскому миру». Русскими считают их местные немцы, да и они сами. Может быть, только дети, научившиеся говорить без акцента на немецком языке, и, забыв русский язык, перестанут соотносить себя с Россией и отойдут тем самым от русского мира.

Итак, «Русский мир» представляет собой не просто статистическое множество мигрантов из России. Это одна из форм культурного поведения и идентичности, то есть ощущения, лояльности и избранного служения.

По поводу вопроса о том, как, и когда сформировался «Русский мир» существуют разные мнения. Так, председатель комиссии Общественной Палаты по вопросам глобализма и национальной стратегии развития Андраник Мигранян считает, что «Русский мир» сформировался во многом благодаря СССР, когда проводилась целенаправленная политика по продвижению и популяризации советского образа жизни. Кроме того, «Русский мир» жестко привязан к государству, а не к нации или религии, в отличие от еврейского или армянского, где доминирующим фактором является историческая память.

Научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин заметил, что главным объединяющим фактором для русских за рубежом все же является культура, и именно на базе культурных ценностей нужно возрождать общность «Русского мира». Политолог Александр Ципко, в свою очередь, настаивает на том, что «Русский мир» держится на исторической памяти, которую СССР значительно подорвал. По его мнению, феномен «мира» появился благодаря мигрантам, которые покинули Россию после 1917 года и бережно хранили традиции и религию своего народа. Самая большая проблема «Русского мира» нашего времени заключается в том, что он умирает в самой России. Историческая память у молодёжи хуже, чем у тех, кто вырос при Союзе. Следовательно, без восстановления в исторической памяти опорных точек внутри страны, невозможно проецировать наши ценности за рубеж.

Среди других факторов проецирования образа России вовне эксперты называют русскую культуру и такие её проявления, как русский сегмент Интернета, русскоязычные поп-музыка и литература, которые по-прежнему популярны на постсоветском пространстве. Существуют и эмоциональные факторы – например, тяга людей к поиску собственных корней, которая иногда заставляет «стопроцентного американского профессора» держать в бумажнике фотографию бабушки, эмигрировавшей из Могилевской области.

Активно обсуждается сегодня и вопрос: ассимилировались ли русские в странах СНГ, действительно стали лояльными гражданами своих государств и никак не связывают свое будущее с Россией? Последние исследования показывают, например, что 54% населения Украины, 76% – Армении, 53% – Казахстана, 71% – Киргизии и 45% – Молдовы надеются на защиту России и хотели бы иметь двойное гражданство. Не меньше граждан этих государств выступают за наделение русского языка статусом второго государственного.

Не случайно поэтому, что в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июня 2007 года был создан Фонд «Русский мир». Среди заявленных целей – популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также поддержка программ изучения русского языка за рубежом. Исполнительным директором правления Фонда был назначен Вячеслав Никонов, известный московский политолог, президент фонда «Политика». В попечительский совет организации вошли видные политики и деятели культуры: от главы внешнеполитического ведомства Сергея Лаврова до режиссера Никиты Михалкова.

А в ноябре 2007 года состоялась презентация фонда «Русский мир». Она прошла накануне Дня народного единства, нашего новоприобретенного праздника. В Интеллектуальном центре МГУ собралось множество высоких гостей, политиков и деятелей искусства. Над сценой на широкой растяжке реяли знаменитые слова Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...». Впрочем, речь шла не только о сохранении «великого русского слова». Речь шла и о неисчерпаемых политических возможностях фонда. Вячеслав Никонов, вначале заверив об отсутствии политической составляющей в деятельности организации, а потом, по сути, ее признал: «По одному вопросу мы все-таки займем политическую позицию. По вопросу признания статуса русского языка». Согласно международному праву, если хотя бы одна треть налогоплательщиков в стране говорит на том или ином языке, этот язык может (и должен) быть официально признан (это не значит, что в этом случае язык должен быть возведен в ранг государственного или официального, но он должен быть именно официально признан). Чего в некоторых странах бывшего Советского Союза, как известно, по отношению к русскому языку не наблюдается.

Глава думского Комитета по международным делам Константин Косачев выступил с докладом о современном положении России и о том, что нужно переходить к стратегии активного влияния на международные процессы. В конце концов, в странах ЕС проживают до десяти миллионов русских. Понятно, что далеко не все симпатизируют нынешней российской власти, но каждый симпатизирует своей национальности, своей родине. О том, что власть возлагает на фонд большие надежды, свидетельствовали события следующего дня, когда на приеме в Кремле по случаю празднования Дня народного единства Владимир Путин отдельно поприветствовал участников первой ассамблеи «Русского мира», которые были в числе приглашенных. Вручив медали Пушкина русистам из Молдавии, Болгарии, Румынии, Армении и Украины, президент несколько раз специально отметил, что новый праздник является общим для россиян и соотечественников за рубежом.

Когда мы говорим о диаспоре и пытаемся соотносить её с «Русским миром», следует сразу подчеркнуть, что эти явления не совпадают, хотя и близки. Массовая эмиграция неизбежно влечёт за собой возникновение культурно-родственного населения за пределами государства. Однако диаспора становится русской диаспорой, когда осознает и воспроизводит свое единство во внешнем мире на основе главной отличительной черты, а именно на основе языка и культуры, связи с Россией в смысле лояльности и привязанности. Очевидно, что для постсоветских эмигрантов и, в первую очередь для тех, кто никуда не уезжал, а от кого «мигрировали» границы собственной Родины, доминирующими факторами остаются язык, религия и гуманитарно-политические связи с Россией.

Диаспоры могут иметь сильную заинтересованность в том, как внешняя политика родного государства влияет на их будущее. Диаспорам небезразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода – улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда присутствует желание иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания.

Понятно, что неблагоприятный имидж России снижает стремление российских эмигрантов заявлять себя как «русские» в странах пребывания. Естественно, что такое внешнее отрицание ведет к внутренней коллизии по поводу идентичности: стоит ли пестовать в себе то, чем трудно гордиться открыто, что не помогает, а, наоборот, мешает. По этим мотивам диаспора может пытаться изменить политику родных государств, как им представляется, к пользе для себя и для этих государств. Работа на благополучие и на позитивный имидж родного государства – это наиболее распространенный и, казалось бы, вполне естественный вариант поведения диаспоры. Но известно, что это далеко не всегда так.

Правомерно спросить: почему многие выехавшие из страны в разное время и на разной основе более или менее едины в скептическом или даже в отрицательном отношении к родине? Если речь идет о

политических миграциях времен революции и Гражданской войны, периода сталинских репрессий или брежневских гонений диссидентов, то здесь можно найти аргумент в пережитой травме и в несогласии с режимом и его политикой. Но почему отношение сохраняется, когда нет репрессий, когда имеет место добровольный выезд, и когда в принципе страна исхода сделала очень много для выехавшего (дала образование, стартовый капитал, богатую историю, культуру и язык)?

На наш взгляд, здесь имеет место воздействие общественной среды и политики принимающей страны. Россия выполняет для многих стран роль такой большой внешней угрозы, или же эта возможность держится про запас – даже при личной дружбе президентов. Диаспора реагирует на эту ситуацию и выбирает вариант негатива, а не позитива в отношении к России. Иногда от этого проигрывает, но чаще выигрывает, ибо в стране пребывания такая позиция поощряется работой, грантами и сочувствием, а в стране исхода не наказывается. Финансист А.А. Гайдамак убеждён, что сегодня российская эмиграция по духу своему полностью разделяет идеологию России, и это надо развивать. Поэтому создание организационной структуры, которая объединяла бы всю российскую эмиграцию во всем мире, позволит ускорить очень естественные процессы, которые идут на пользу, как российской эмиграции, так и самой России. По-настоящему мощная диаспора может быть только у сильного, развитого, богатого государства. И сегодня, когда Россия развивается, идет вперед, мы как никогда должны быть вместе. Эмиграция хочет и может внести свой вклад в укрепление позиций России в мире, разделить национальный успех России и знать, что часть этого успеха является заслугой эмиграции. Но для этого надо найти способы преодоления предвзятого отношения и к образу России, и к выходцам из России. Если молодая российская женщина находится в Европе, пишет Гайдамак, то (с подачи СМИ) это обязательно «проститутка», если мужчина бизнесмен, то он точно «представитель русской мафии». И этот стереотип годами вдлбливается западными средствами массовой информации.

Если возникнут организации эмигрантов, которые будут ратовать за достоинство, положительный имидж России и россиян, то они по-иному смогут реагировать на появление в прессе ничем не обоснованной критики, которая задевает россиян и Россию, вплоть до обращения в судебные органы. Эти организации могут правильно рассказывать о России в различных средствах массовой информации, защищать соотечественников от несправедливых обвинений, отстаивать общечеловеческие права. Нельзя дискриминировать бизнес и культуру только потому, что они русские. У наших соотечественников за границей должны быть равные права с гражданами тех стран, в которых они проживают.

В мире известен опыт создания подобных организаций. К примеру, за границей Франции живут несколько миллионов французов. Они объединены в общенациональную организацию, которая называется «Союз французских граждан за рубежом». У этой организации есть свои представительства во всех посольствах Франции. Они имеют право выдвижения своих представителей в Национальное собрание – в парламент Франции. Это очень сильная структура, которая не воспринимается как зарубежная организация. Благодаря ей французы, которые живут за рубежом, не оторваны от общественно-экономической жизни Франции. Данному примеру может последовать российская эмиграция. Совместное использование знаний и возможностей эмигрантов пойдет только на благо России, поможет оставаться единым народом, иметь общие цели и общие интересы.

Важным фактором создания имиджа России являются стратегии поведения соотечественников на «чужой земле». На отдых за рубеж с целью туризма выезжает менее 5% россиян, то есть менее 6 млн. сограждан. По данным исследований российских туроператоров, из тех, кто регулярно отдыхает за границей, 15,7% представляют топ-менеджмент российских и западных компаний, 36,5% – менеджеры среднего звена и 47,8% – менеджеры, занимающие начальные позиции. По свидетельству экспертов туристического рынка, в летний период российские туристы по-прежнему предпочитают отдыхать в Турции, в зимний – в Египте.

За этими общими цифрами масштабов зарубежного туризма скрывается масса легенд и анекдотических подробностей о наших соотечественниках: русские отбирают лежаки на пляжах, в гостиницах вырезают напольные покрытия под кроватью и прихватывают с собой, на балконах коптят рыбу, около бассейнов разводят костры и греются в обществе девушек легкого поведения.

Одновременно создаётся впечатление, что русские вытесняют других иностранных туристов. Так, в Турции таблички «Мы говорим по-русски» все чаще встречаются в ресторанах и магазинах, причем, немецкий текст идет под русским. Немецкие дети, играющие в детских комнатах, на втором плане, ведь здесь есть дети русских с их капризами. Исконно немецкие кафешки, такие, как «У Вилли», уступили место кабакам с такими названиями, как «Пивнушка Чингиз-хана». Владельцы и продавцы ювелирных магазинов владеют русским.

Шеф одной из гостиниц даже составил шутливый документ, к которому сам относится довольно серьезно. Текст там таков: «Англичане во время отпуска не переносят немцев. Немцы не терпят англичан. Французы не любят англичан и немцев. Бельгийцы частично недолюбливают французов, частично голландцев. Против итальянцев никто ничего не имеет, пока они шумят себе в дальнем конце территории отеля. Никто никогда не имеет что-нибудь за или против скandinавов. ВСЕ ВМЕСТЕ – ПРОТИВ РУССКИХ!».

Если выбрать некоторые наблюдения из различных СМИ о русских туристах, то могут получиться такие зарисовки:

«В стандартном представлении бывший советский гражданин – это человек низкого роста и крепкого телосложения с конституцией танка Т-34. Руки как у борца за приз в балагане, лодыжки – как печные трубы у таежной избушки. Этот тип начинает пить еще утром и засыпает на своем лежаке после обеда. Он дымит, как сибирская баня, всегда и везде. Он никогда не извиняется. Вежливость – это привилегия дворянства и буржуазии, обе эти категории при советской власти были искоренены. Что не сделало Ивана симпатичнее. Жировая складка на животе, как у тюленя, свисает над треугольником плавок, когда он тяжело ступает по дрожащему под ним причалу. Его жена – крупная женщина, которая выглядит как красноармеец в юбке из фильма времен холодной войны. Она выкрикивает команды своему потомству: «Давай, давай!». Это не мешает ее полному московскому потомству успешно воровать сваренные вкрутую яйца к завтраку из чужой плошки, которую люди из другого номера поставили для себя в буфета».

«Есть и другой тип Ивана. Это образ сотрудника московской фирмы «Инкассатор». Мускулистый, толстогубый, лысый. У него всегда тяжелый взгляд. Над соском левой груди выведена татуировка с номером группы крови. Вид у него такой, будто он служил в отряде особого назначения и на его счету несколько операций по освобождению заложников, причем все операции закончились неудачно (для заложников). За ним, словно на поводке, следует длинноногая газель Натали. Ее ноги растут сразу из подмышек. Ее готовый к атомному взрыву бюст определенно стоил спонсору толстой пачки 100-долларовых купюр».

Помимо этих, существует еще с полдюжины разных типов русских отдыхающих, которые мало приметны среди представителей других национальностей. В отеле «Alladin» на египетском курорте Хургада надо делать вид, что ты говоришь по-русски, тогда все будет в порядке!», -- пишет Клаудия из Дортмунда. Причина проста: русские постояльцы хоть и дают прикурить персоналу, но и не скучаются на чаевые и аккуратно платят. «За едой они ведут себя, как свиньи», -- жалуется Хорст, отдыхающий в 'Phaselis Princess'. Он приехал по путевке агентства «Tui» из предместья Ростока. «На них просто не надо обращать внимания. Ну, нет у них культуры. Если кто-то из них отмечает день рождения, то они сдвигают в столовой все столы и стулья, так что для нас уже не остается свободных мест. Они много покупают, в том числе золото. У многих из них женщины выглядят, как их дочери». «Женщины по вечерам ходят на шпильках и одеваются, как в оперу», – говорит тот же Хорст.

Хорошо известно, что нигде так не ждут русских праздников, как на дорогих европейских курортах. В разные времена русские богачи умели поражать мир. Началось это еще со времен Петра I. Как только он «прорубил окно» в Европу, там сразу же появился необычный русский след. Дело дошло даже до того, что один англичанин, посетивший Россию в конце XVIII века, заявил, что русские богачи обобрали Европу для составления собственных коллекций. То есть, заработав деньги в России, они не только познавали мир, но и скупали на Западе все, что пригодится для страны. Отсюда и рождение определенного имиджа: русский богатей воспринимался в мире главным образом не как прожигатель жизни, а как патриот страны, жаждущий ей блага и заботящийся о ее международном престиже.

Но, как говорится, меняются времена и меняются нравы. Нынешние богатые – люди с другой ментальностью. Богачи в первом поколении, они стремятся наверстать упущенное «голодными предками», жить на широкую ногу и по-прежнему поражать мир. В Куршевеле, например, когда в январские дни он становится почти русскоязычным городком и превращается в место выездного заседания российской деловой элиты. За элитой помимо телохранителей непременно следует группа телохранительниц – впоследствии самолету олигарха в местном аэропорту приземляется и самолет с русскими проститутками.

В этом смысле Куршевель не так уж показателен – подобные сцены наблюдаются на многих дорогих европейских курортах. Девушки, которые, как правило, даже не знают, куда их привезли, высаживают в аэропорту и потом, как гуманитарную помощь, разбирают и развозят по заказчикам. Местные жители искренне недоумевают: зачем ехать в Тулу со своим самоваром, если жрицы любви из числа аборигенов ничуть не хуже, только дешевле? И уж совсем им не понять, почему эти странные русские селятся непременно в Куршевеле, если в километре от него курорты ничуть не хуже, но тоже дешевле. Естественно, местная полиция не дремлет и проводит рейды в рамках борьбы с проституцией.

Целая группа крупнейших отечественных бизнесменов, отдыхающих в Куршевеле в 2007 году, оказалась в центре скандала. Французская пресса вынесла тему задержания российских олигархов на первые полосы газет, дав России очередную возможность испытать Геростратову славу. В то же время в сообщениях зарубежной прессы о куршевельском скандале не было ни грана удивления. Дело оказалось как бы привычным.

Кто же они, на самом деле наши русские туристы? На эту тему время от времени разгораются нешуточные дискуссии в Интернете. Обратимся к некоторым её материалам и, в частности, письму простого туриста Евгения Красильникова, который выступил против разнообразных клише или обобщений. Он, например, пишет: «Наоборот, за границей я всё время встречаю хороших и интересных людей, которые ведут себя культурнее, чем многие "цивилизованные" отдыхающие из стран Западной Европы. Может быть, мне просто очень сильно везёт? Этим летом я отдыхал на Сицилии, в отеле *Citta del mare*, где я много общался с иностранцами (в основном итальянцы, французы, немцы). Хотя я не могу сказать, что знаю английский в совершенстве, но всё же я знал его лучше, чем кто-либо из иностранцев, с кем мне довелось разговаривать (я старался быть объективен). Это к слову о том, что русский турист знает только русский и исконно русский язык. Да и как собеседники русские были более интересными. Конечно, я понимаю, что есть туристы, поведение которых далеко от идеала. Но они есть в любой стране. В семье, как говорится, не без урода. В Питере, например, поведение пьяных финнов уже вошло в поговорку. Или, например, в том же *Citta del mare* один итальянец повадился ходить на завтрак в одних плавках! Мне доводилось наблюдать и пьяные выходки немцев, и агрессивность итальянцев. Каждый может вспомнить что-то подобное».

Участники дискуссии предлагают разобраться в мотивах поведения наших туристов. Ведь после падения «железного занавеса» они не знали и не понимали как себя вести. Это приводило к агрессивности и пьянству, а большое количество денег рождало чувство вседозволенности, желание, так сказать, выпендриться перед иностранцами. Однако сейчас за границей трудно встретить человека, оказавшегося за пределами России в первый раз, и все, как правило, уже знают как себя вести и ведут себя в соответствии с ситуацией. Так что стереотип о том, что русские ужасно ведут себя за границей, относится к 90-м годам и сейчас уходит в прошлое.

Нам кажется, что сейчас фокус обсуждений всё же смещается в другую сторону – проблему дискриминации наших туристов, а, следовательно, защиты их прав.

Вот выдержка из одного письма: «В отеле в Римини после нескольких дней пребывания всю русскую группу вдруг лишили шведского стола; более того, в ресторане нам разрешалось сидеть только в строго определённом углу всем вместе за одним большим столом. Рядом стоял официант и чуть ли не в рот заглядывал. Согласитесь, есть повод для возмущения! Правда, после разговора между представителем фирмы и менеджером отеля все проблемы уладились. Повод, как выяснилось, был такой: «Русские очень много едят». Кстати, многие «русофобы» говорят, что когда русские видят шведский стол, у них начинается «синдром голодного детства». Нашли к чему придраться. Ну, любят русские люди много и вкусно поесть! Лично я и в России всегда много ем, не буду же я себя специально ограничивать за границей! Обобщая

тему скандалов и недовольства условиями, надо отметить, что тема сыра и мышеловки до сих пор актуальна в русском туризме, хотя уже и не в тех масштабах. Люди уже представляют, какой сервис можно получить за требуемые деньги, и знают некоторые особенности разных стран. Хотя иногда приходится встречаться с некачественными услугами и обманом. Знаю такой пример - во вполне приличном и не самом дешёвом отеле 3* на Крите в постелях обнаружились клопы, а на шведском столе не было фруктов!».

Ещё одно интересное замечание: «Меня всегда удивляли высказывания типа: «Русских за границей – как собак нерезаных. Всегда стараюсь отдыхать там, где их поменьше, и всячески избегаю их. Если вдруг услышу русскую речь, так противно становится». Представьте такую ситуацию: в каком-нибудь месте, где практически нет русских туристов, всё-таки случайно встречаются двое соотечественников, оба туристические русофобы. И оба думают друг про друга: «О, и здесь эти русские варвары, быдло, никуда от них не скрыться!» Хотя оба считают себя правильными, культурными, истинно европейскими туристами. Вообще, читаешь отзывы, и многие жалуются на плохое поведение неких среднестатистических русских за границей. Но хоть бы один сказал: «Я – этот пресловутый русский». Нет же, все правильные и никогда плохо себя не вели. Не видел ни одного человека, который причислил бы себя к «группе некультурных». Мне кажется, что такая туристическая русофobia происходит от комплекса неполноценности. Такие люди почему-то думают, что русские – люди второго сорта по сравнению с европейцами. Отсутствие русских даёт им иллюзию, что они стали частью европейского общества, подняли свой социальный статус. А насчёт того, что кто-то не любит видеть русские физиономии за границей, извините, а какая физиономия у вас? Я встречал людей такого типа и за границей и в России – высокомерные, крайне неприятные люди. В отзывах приводился интересный пример про Лувр. У меня есть сходный опыт. У нас в группе тоже была странная семейка, одежда которой не поражала изысканностью (старые тренировочные штаны с провисшими коленками и т.д. в том же духе). Но, когда я увидел человека, стоящего в очереди за билетами перед нами, я понял что представители «странной семейки» – это просто титаны стиля! Это был самый настоящий панк, обвешанный цепями и кольцами, с красно-зелёным ирокезом на голове и в рваных джинсах. Он жевал жвачку, громко чавкая. Он был родом из США».

Безусловно, взгляд на русских, конечно, сугубо субъективен. Кто-то предпочитает замечать хорошие качества, кто-то – плохие. Кстати, иностранцы не обращают внимания на поведение своих соотечественников и не сравнивают себя с другими. Они ведут себя так, как им хочется, и как это принято в их обществе. Итальянцы, например, всегда очень громко говорят, хотя у нас это считается неприлично. Подавляющая часть русских туристов представляет собой весёлых, интересных и культурных людей, а не варваров и быдло.

Это заключение подтверждается оценками практически всех ведущих отечественных и зарубежных туроператоров. Они отмечают, что россияне «научились себя вести» и «у них появилось чувство собственного достоинства». «Наконец прошла адаптация к системе «все включено». Россияне посмотрели мир, себя показали. Можно сказать, что произошло окультуривание русского выездного населения, причем достаточно быстрыми темпами», – говорит представитель туристической компании «Амарант-Тур» Юлия Черкесова. По ее словам, поведение россиян, в данном случае – культура потребления – формировалось в тесной связке с развитием туристического рынка в России. С ней согласен PR-директор международного туроператора «Тез-Тур» Роман Рыбаков, который считает, что процессы стабилизации в России повлияли на то, что «наши стали вести себя в целом спокойнее».

«Проблемной» статистики, касающейся неприятных ситуаций, в которые попадают соотечественники за рубежом, никто не ведет. Однако, по словам Романа Рыбакова, в процентном отношении к общему туристическому потоку, число людей, которые попали в ЧС (чрезвычайную ситуацию) лежит в пределах 3%-5%: «Тут необходимо разделить проблемы на несколько категорий. Во-первых, проблемы, возникающие по стечению обстоятельств, как правило, это страховые случаи. Влиять на успешное разрешение подобных проблем можно путем выбора хорошо и давно работающего туроператора, который естественно работает только с надежными страховыми компаниями. Во-вторых, я бы выделил ЧП, происходящие по вине самого туриста, в 90% случаев – вследствие алкогольного опьянения. Остальные

10% приходится на человеческое любопытство, типа: «Ой, какой красивый цветочек растет на краю обрыва».

Отмечая позитивные изменения, которые произошли в облике российского туриста, Рыбаков отмечает, что сегодня россиян даже можно сказать любят в тех странах, куда они едут в массовом порядке. «И это понятно – мы везем с собой ощущимые вливания в их экономику. Как показывает практика, россияне тратят на отдыхе в десятки раз больше денег, нежели прижимистые европейцы. Американцы вообще предпочитают путешествовать по стране – выезжают очень мало, патриотизм, как государственная доктрина, дает ощущимые плоды», – заметил представитель компании «Тез-Тур».

Российские политтехнологи объясняют феномен быстрого «окультуризования» отечественного путешественника «проделанной работой над собой». Политтехнолог консалтинговой группы «Бакстер» Дмитрий Гусев рассказывает, что еще пять лет назад все путешествия на отдых за границу начинались со скандала в аэропорту. «Я даже привык к тому, что перед вылетом какая-то группа мужчин обязательно напивалась и начинала драться, ее саживали с рейса в накопителе или уже в салоне самолета. Следующий конфликт обязательно возникал на борту и так далее. Но недавно я совершил многочасовые перелеты в Токио, а потом в Сидней и отметил: на борту одни русские, все трезвые, утывные, никаких конфликтов. Россияне реально стали меньше пить, и вследствие этого у многих выработалось чувство собственного достоинства. Теперь наши за границей ведут себя зачастую лучше немцев и англичан», – заявил Дмитрий Гусев.

Его коллега, политолог Глеб Кузнецов значительно осторожнее в оценках. Он говорит, что кардинальных изменений в облике русских за рубежом пока не произошло: «Чтобы в этом убедиться, достаточно сесть на чартерный рейс в ту же Турцию». Другое дело, что к нашим привыкли, их приняли, поэтому проблем в общении стало меньше. «Что касается заявлений туроператоров о глобальных изменениях в менталитете русского туриста, то я бы расценил их как попытку встроиться в общую повестку стабилизации и патриотизма, которую власть пытается сформировать в стране, нежели как реально наметившуюся тенденцию», – заявил Глеб Кузнецов.

В защите интересов русских всё более активную позицию занимают посольства РФ. К примеру, в 2007 года практически ни одна газета Великобритании не прошла мимо резкого заявления посла Юрия Федотова. Одни СМИ расценили это заявление как чуть ли не начало нового противостояния с Великобританией, другие, наоборот, отдали справедливость прозвучавшим словам. Юрий Федотов открыто обвинил британскую полицию в том, что она относится к туристам из России и вообще ко всем русским (а их живёт сегодня в Великобритании около 400 тысяч) как к бандитам. Британская «русофobia» выражается в самых разных формах, начиная с дискриминации в магазинах и ресторанах и заканчивая серьезными нападениями на русских. Были приведены случаи избиения русских лондонской молодежью, но полиция не начала по этим инцидентам ни одного расследования. При этом нарушения, которые допускают сами русские, пресекаются немедленно с непропорциональным использованием силы. «Одна женщина – заявил посол – совершила незначительное правонарушение – нарушила правила дорожного движения. Ее за это арестовали. Понаехало множество машин, множество полицейских, ее заковали в наручники. Возможно, это результат действия стереотипа, говорящего, что любой русский обязательно связан с мафией... Русские жалуются на отказы в обслуживании персоналом магазинов, ресторанов и такси».

Всё это происходит в условиях, когда Россия становится важным партнером для Британии. Каждый год приезжает около 170 тысяч наших туристов. Ежегодно в британские университеты зачисляется на учебу более двух тысяч российских студентов. Объем торгового оборота между Великобританией и Россией в 2007 году по сравнению с прошлым годом вырос более чем на 7 миллиардов фунтов. На покупку недвижимости в Великобритании с 2000 года русские в общей сложности потратили более 2,2 миллиарда. Это больше, чем представители США и стран Ближнего Востока вместе взятые. О том, что отношение к русским в Великобритании изменилось, говорят и российские эксперты. Алена Мучинская, основательница пиар-агентства «Красная площадь», которое представляет интересы российских компаний за рубежом, считает, что представление о русских «перешло из одной крайности – когда все думали, что дикие московиты только и делают, что копают картошку в поле – в другую».

Таким образом, приведённые в лекции материалы и данные свидетельствуют о том, что «Русский мир», диаспора, русские, находящиеся постоянно или временно за границей, тесно взаимосвязаны между собой, а в целом составляют единый зарубежный фактор образа России. На протяжении десятилетий этот фактор не являлся постоянным, наоборот, подвергался серьезным изменениям, а порой, словно маятник, раскачивался то в одну, то в другую сторону. Для того чтобы наступила долгожданная стабилизация необходимы не только усилия на уровне государственных и общественных организаций, но и личные усилия, ответственность и достоинство российских граждан.

Литература к III теме:

- Березкина О.П., Политический имидж в современной политической культуре. Дис. Докт. политических наук. СПб., 1999.
- Бжезинский З., Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.
- Блажнов Е.А. Паблик Рилейшнз. М., 1994.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
- Галумов Э.А. Международный имидж России. М., 2003.
- Джеймс Дж. Эффективный самомаркетинг. Искусство создания положительного образа. М., 1998.
- Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
- Киселев И.Ю. Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации //Полис. 2003. № 3.
- Миры и мифология в современной России. М., 2003.
- Почепцов Г. Г. Имиджеология. М., 2002.
- РОМИР: социологический опрос, 2002.
- Элери Сэмпсон «Имидж: гид для эффективной самопрезентации». Лондон, 1998.
- Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. 2000. №1.
- Black S. The essentials of public relations. – London, 1993.
- Keohane Robert, After Hegemony, Princeton, 2003.
- Murgenthaler Hans, Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace (4 edition). New York, 1967.
- Mercer L. Reputation and international politics. N.Y, 1996.
- Wang H. National image building: a case study of China. Hong Kong, 2001.

Тема IV. Механизмы создания позитивного и негативного образов России

Лекция 10. Структуры информационной политики и пропаганды

Лекция 11. Рейтинги и бренды как способ представления образа России

Список литературы

Дополнительная часть

Лекция 10.

Структуры информационной политики и пропаганды

Как известно, грамотная имиджевая политика формирует на первых порах доход, затем — репутацию, наконец — авторитет. Почему легче информировать, порой и с упреждением, чем потом оправдываться? Почему необходимо создавать как можно больше позитивных новостей? Какой опыт

информационных технологий XX века пригоден и сегодня? Эти вопросы мы попытаемся рассмотреть в данной лекции.

Современные структуры информации в значительной мере зависят от трансграничного обмена новостями. Четкую грань между информацией для «внутреннего» и «международного» использования в этих условиях провести непросто: любая информация локального характера в любой момент потенциально может стать международной сенсацией. Даже если руководство или владельцы СМИ принимают политически мотивированное решение инициировать информационную кампанию, для ее проведения должны быть соблюдены определенные условия. Они зависят не только от чьей-то воли. Конечный продукт этих усилий должен быть конкурентоспособен, то есть отвечать принятым в профессиональной среде стандартам, или превосходить их, устанавливая, таким образом, новые требования к информации.

Информационный импульс можно считать безрезультатным, если он не передан по цепочке «ретранслирующих» СМИ. При этом их выбор должен быть осознанным, а не обусловленным коммерческим сотрудничеством с пиар-компаниями. Бесконфликтный и лояльный информационный бизнес – это не реальность, а доктрина, ведущая к вытеснению национального сегмента масс-медиа на периферию процессов, связанных с развитием рынка информации и медиа обеспечением на нем имиджа страны. Правила работы средствами массовой информации диктуют не только «национальные интересы», но также рынок и конкуренция на нем.

К этому необходимо добавить и информационные войны, которые способны нанести огромный удар по имиджу страны. Из ста самых мощных экономических субъектов мира, как замечает директор Института экономических стратегий Александр Агеев, более половины – транснациональные корпорации. У них разные цели, поэтому война идет в разных плоскостях: и корпорация с корпорацией, и корпорация с рынками стран. Государство – лишь один из игроков.

Эксперты сходятся во мнении, что сегодня против России развязана большая медийная баталия. Например, когда в 2007 году показалось, что именно первый вице-премьер российского правительства Сергей Иванов становится основным претендентом в преемники президента России, против него в Европе и США была организована масштабная пиар-кампания. Она имела конкретные политические цели, а именно: торпедировать его политическую карьеру. Кстати, игра велась не только иностранными, но и российскими игроками, которые, используя зарубежные СМИ и другие средства коммуникации, воздействовали таким образом на политических конкурентов.

Этот пример подтвердил, что имидж России на Западе – не спонтанный образ, не восприятие ее свободными и склонными к рефлексии индивидами, располагающими всей информацией, необходимой для самостоятельного анализа. Это результат манипуляций общественным сознанием, результат тенденциозных интерпретаций и намеренных фальсификаций.

Исследования, проведенные в последние годы российскими учеными, позволяют заключить, что весьма значительную, если не решающую роль в формировании «этнополитических» стереотипов, «этноконтактных» установок и «этнических» фобий играют господствующие в данном сообществе масс-медиа. Информационное поле формируется в соответствии с тем или иным политическим заказом и посредством соответствующих этому заказу интерпретаций фактов, событий, мнений.

Средства массовой информации поддерживают в умах обывателей некие суждения и ценностные ориентации, востребованные в данном политическом сообществе. Сами обыватели чаще всего считают, что в условиях конституционно гарантированной свободы слова и запрета на цензуру, они способны самостоятельно судить о тех политических феноменах и процессах, которые, почему бы то ни было, вызывают их интерес. Однако все более очевидным становится тот факт, что и в России, и в странах западной «развитой демократии» масс-медиа добросовестно отрабатывают социальный и политический заказ, поступающий от властных структур или от политических контр-элит, финансирующих соответствующие издания. И именно они формируют господствующие в обществе представления, и именно они определяют бытующие среди населения той или иной страны стереотипы массового сознания.

Опыт подобного воздействия формировался не одно десятилетие, некоторые примеры стали просто хрестоматийными в информационной политике. Историк В.Ю. Грушина внимательно проанализировала, как формировался образ **России в общественном мнении Великобритании в период Первой мировой войны**. С августа 1914 года началось целенаправленное создание системы пропаганды для формирования «образа союзника» в общественном мнении Великобритании и России. Для контроля над распространяемой информацией в стране и за рубежом в обоих государствах были созданы бюро новостей при МИДе. Британский военный кабинет признал существование необходимости организации, которая координировала бы пропаганду в Британии, союзных и нейтральных странах и боролась бы с распространением дезинформации. Этим органом стало Бюро пропаганды под председательством главы национальной страховой комиссии К. Мастермана.

Для получения информации при посредничестве бюро пропаганды и МИД в Британию направлялись русские журналисты, а в Россию британские, некоторые из которых получили доступ в действующую армию. С осени 1914 года русская публика получила широкий доступ к английской прессе. На формирование положительного восприятия союзника влияли работы британских и русских публицистов и ученых. В России и Британии были созданы организации, которые поддерживались правительством и имевшие полуофициальный характер. Это «Общество друзей России», открытие которого произошло в марте 1915 года в официальных апартаментах спикера палаты общин. В России были созданы «Общество британского флага», «Общество англо-русской дружбы». В Великобритании были созданы аналогичные общества. При поддержке официальных властей и на базе клубов проводились лекции с целью более близкого знакомства с культурой и историей союзников.

Участие России в войне в союзе с Британией потребовало ломки устоявшегося стереотипа её восприятия английским обществом. На протяжении XIX века она являлась соперницей Британии. В общественное сознание в этот период внедрялся тезис об угрозе для Индии «русской экспансии». В результате целенаправленной антирусской компании британской прессы в стране сложилось негативное отношение к царскому режиму, которое трансформировалось в целом в неприятие России. В массовом сознании английского общества она представлялась как оплот тирании и азиатского варварства и противопоставлялась Европе, как оплоту Демократии, Прогресса и Цивилизации. Созданию такого образа России способствовал сам царский режим.

В ноябре 1914 года Бернард Шоу опубликовал памфлет «Здравый смысл о войне». В нем он утверждал, что Англии помогать России и Японии в борьбе с Германией столь же самоубийственно, как Канаде помогать индейцам-апачам в борьбе против США. Шоу видел разницу между русским народом и авторитарным политическим строем империи. Чтобы стать действительно цивилизованной страной, Россия должна измениться. Поэтому общий вывод памфлета Шоу свелся к следующему: «Победа, недостижимая без русской помощи, была бы поражением западноевропейского либерализма: наш союзник сегодня, завтра может стать врагом. Если мы не можем без помощи России победить Потсдам, то нам следует просто «отдать» Германии лучшее и рассчитывать на союз с Америкой ради нашего места под солнцем».

Шоу не был одинок в своей критике официального курса на союз с Россией. Против правительенной политики выступала группа радикалов из Кембриджа. Радикалы и пацифисты были против союза с царизмом, они объединились в «Союз демократического контроля», проводивший митинги, выпускавший листовки и памфлеты, которые осуждали альянс с Россией и всю политику Антанты.

В британской прессе сразу после начала войны стала разворачиваться масштабная прорусская пропаганда. К делу искоренения вредных стереотипов общественного сознания были привлечены лучшие британские ученые – специалисты по России. Издательский комитет «Виктория-Лиги» предложил самому знаменитому специалисту эру Дональду Макензи Уоллесу сказать веское слово патриарха. Он откликнулся серией статей «Наш русский союзник», которая была издана в виде брошюры для массового читателя. Профессор Эдинбургского университета Чарльз Сароли, также с целью борьбы с русофобскими настроениями англичан, опубликовал книгу «Долг Европы России». По тематике и направленности с этими работами перекликались книга Д.У. Макейла «Дар России миру». Русский корреспондент в Британии Шкловский, который работал под псевдонимом Дионео, писал, что книга имела «полуофициальный

характер». В составлении этой книги принимали участие ученые, такие, как профессор Томсон, Уайтхед, Старлинг. Поэтому, цель книги состояла в том, чтобы «дать широкой английской публике, в том числе и рабочим, самое общее представление о русской литературе, искусстве, музыке, науке. Выявить индивидуальность русского народа и установить, таким образом, дружбу между ним и английским народом».

Профессор Бернард Пэйрс выступил с серией фронтовых репортажей, которые далее были собраны и опубликованы отдельной книгой «День за днем с русской армией».

Самым активным участником прорусской компании был корреспондент «Таймс» Стивен Грэхем. В начале 1915 году была издана его книга «Россия и мир». За его работами внимательно следила британская пресса, в которой регулярно появлялись рецензии на сочинения о России. За годы войны Грэхемом было опубликовано четыре книги.

Наибольший вес в глазах англичан, включая правительство, имел фактор русской военной мощи. Широко в прессе эксплуатировался тезис о русском паровом катке, который, развив стремительное наступление, способен смять немецкие армии и добиться победы в кратчайшие сроки. Характерной чертой прорусской пропаганды стало неимоверное преувеличение ее военной мощи и большое внимание к русской армии. Источник силы армии усматривался Грэхемом в мистическом «русском духе».

При поддержке правительства в Британии создавались общества дружбы, задача которых состояла в распространении среди англичан знаний о России. В конце февраля 1915 года в Лондоне состоялось открытие «Общества друзей России». На базе Англо-русского общества в Лондоне и при поддержке официальных властей в Британии были организованы лекции о России. В 1915 году в Королевском колледже была организована серия лекций «Дух союзников».

28 апреля 1915 года в Лондоне состоялся День русского флага. Его целью было подчеркнуть перед населением Англии значение побед доблестной русской армии и значение ее побед в общей борьбе союзников. В течение 1915 г. дни флага проводились три раза. В ходе мероприятий, организованных Русским обществом и Англо-русским литературным обществом, были прочитаны лекции и проведен сбор денег для раненых. Общая британская акция сбора пожертвований для русских раненых была проведена в мае 1915 года одним из обществ. Акция была поддержана лордом Розбери, который в приветственном послании писал, что мы все должны стремиться служить России и чествовать ее за то, что она со славою держит фронт в одну тысячу миль.

Итак, во время Первой мировой войны в Великобритании был создан аппарат пропаганды, имевший многоуровневую структуру. Его активность демонстрировала большую заинтересованность в восточном союзнике. Цель британских обществ состояла в просвещении, знакомстве общества с культурой и историей союзника. Это, по мнению учредителей, должно было сформировать положительный образ России. Именно эта задача являлась наиболее актуальной для Британии. Однако, несмотря на усилия прессы, так и не удалось создать благоприятного, привлекательного имиджа восточного союзника в глазах британского общества. Так случается. И причиной этого была инерция общественного мнения, которое привыкло воспринимать Россию как врага. Период союзнических отношений был слишком короткий, чтобы изменить стереотип.

Рассмотрим ещё ряд исторических примеров информационной политики.

Видеоряд воздушной атаки на здание Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года заметно пошатнул уверенность в американском обществе. До сих пор остаётся открытым для американцев сакральный вопрос: «Как это могло случиться в США?». Именно прямой режим трансляции, не знающий языковых барьеров видеоряд и «эффект присутствия», обеспечиваемый электронными СМИ, мгновенно создали в мире резонанс, приведший к формированию глобального пространства сочувствия американцам и Америке. Если представить, что события, подобные теракту 11 сентября, произошли в до-телевизионную эпоху, можно предположить, что реакция общественного мнения в мире была бы менее эмоциональной, и геополитические последствия трагедии были бы не столь значительны.

Противоположный пример. Информационно-пропагандистские службы Советского Союза долгие годы накапливали опыт переработки негативной для образа государства в позитивную информацию. Своеобразной точкой отсчёта здесь можно считать трагическую гибель парохода «Челюскин», раздавленного в 1934 году льдами. Это событие было так трансформировано СМИ, что общество восприняло её в состоянии всенародного ликования. Появились даже первые Герои Советского Союза – в связи с успешным окончанием спасательной операции высшая степень отличия была присвоена лётчикам Ляпидевскому, Слепневу, Молокову, Каманину, Водопьянову, Доронину. Одновременно все они были награждены орденами Ленина. Откровенный негатив стал столь же откровенным позитивом, сохранившим пространство уверенности в обществе. Но это было при Сталине.

Леонид Золотаревский, академик-секретарь Международной академии телевидения и радио, лауреат приза «Эмми» Академии телевизионных наук и искусств США, поделился недавно с читателями, как строилась информационная политика и пропаганда в мире СССР во времена Брежнева. Эти занимались мощные организации, обладавшие практически неограниченными средствами и многотысячными штатами – Агентство Печати «Новости» (АПН), Радиовещание на зарубежные страны на десятках языков и Главное управление внешних сношений Государственного комитета по телевидению и радио СССР (Гостелерадио) с большим производственным аппаратом для производства телепрограмм, Дома дружбы и культуры в столицах десятков государств. И это далеко не полный список организаций, занимавшихся (как это тогда называлось) внешнеполитической пропагандой. К этому списку следует добавить многочисленные радиостанции, вещавшие в приграничных районах на зарубежные страны, пропагандистские аппараты в системе МИДа, Интуриста и ряде других организаций. Нацеленные на создание привлекательного образа Советского Союза за рубежом, эти организации в то же время жестко блокировали любую возможность получения и распространения негативной информации об СССР. Они же выполняли функцию надзора за деятельностью иностранных корреспондентов на территории Советского Союза.

Золотаревский ставит вполне правомерный вопрос: а насколько эффективной была пропаганда позитивного облика советского образа жизни средствами внешнеполитической пропаганды? Об этом как раз и свидетельствуют приводимые им примеры.

На протяжении многих лет Гостелерадио отчитывался перед Директивными органами или Инстанцией – так называли тогда на «тайном» бюрократическом языке ЦК КПСС – о проделанной работе в области внешнеполитической пропаганды. Отчитывался исключительно цифрами – сколько отправлено в ту или иную страну фильмов или информационных сюжетов. Цифры были внушительными: количество фильмов, специально снятых для бесплатной отправки за рубеж, исчислялось сотнями, информационных сюжетов – тысячами. Но вот в конце семидесятых годов школьный товарищ, работавший советником нашего посольства в Марокко, ответил на вопрос: а часто ли показываются по местному телевидению наши информационные сюжеты? Выяснилось, что пленки, с каждым рейсом Аэрофлота прилетавшие в Рабат, выбрасывались в мусорный ящик уже на таможне. Материалы об СССР, которые появлялись на местном телевидении, приходили исключительно со стороны международных агентств телевидения.

Аналогичная ситуация существовала во всех капиталистических странах и большинстве развивающихся стран (разница была лишь в том – где выбрасывали прилетавшие из Советского Союза плёнки – либо на таможне, либо самими адресатами). Но победные отчеты с впечатляющими цифрами регулярно шли в «инстанции» и обеспечивали руководителям дальнейшие ассигнования и всевозможные поощрения.

Во время войны в Афганистане в 1979-1989 гг. сюда также поступали многотысячные тиражи пропагандистских брошюр. Их практически никто не читал: во-первых, потому, что 96 процентов населения не умели ни читать, ни писать, а, во-вторых – это было исключительно скучное чтivo. Зато торговцы на базарах утверждали, что плотная бумага, на которой печатались такие брошюры, была исключительно хороша для сворачивания из нее пакетиков, в которых продавались орехи и изюм. Другой случай – тоже в Афганистане – был еще более поразительным. В начале 80-х годов старые черно-белые телевизоры в СССР обменивались в магазинах на цветные. При этом стоимость нового уменьшалась за счет сданного на 20 рублей. Для старых телевизоров «гении» внешнеполитической пропаганды нашли великолепное

применение. Было решено не утилизировать их, а отправить в качестве дара народу Афганистана. «Дорогой подарок, да и сотни тысяч афганцев будут смотреть передачи официального местного и советского телевидения». Более двухсот тысяч телевизоров были доставлены в воюющую страну. Нашиими специалистами были в кратчайшие сроки построены мощные ретрансляторы в Джелалабаде, Кандагаре, Герате и Кабуле. Это давало возможность принимать передачи почти на всей территории страны. Но, увы, никто при этом не подумал о том, что почти нигде на этой территории нет электричества! В результате, в глинобитных домах, лишенных, как правило, элементарной мебели, даренные телевизоры использовались в качестве тумбочек.

Однако в арсенале государства были и действительно эффективные формы ведения внешнеполитической пропаганды, которые постоянно использовались: гастроли выдающихся музыкантов и музыкальных коллективов, балета и оперы Большого театра. Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии месяцами не бывал дома, то же было и с «Березкой», ансамблем народного танца Игоря Моисеева и многими другими. Таким образом, достигались поставленные цели – миллионы людей становились почитателями, друзьями, поклонниками страны, в которой рождалось такое искусство. Огромное влияние на интеллигенцию зарубежных стран оказывали достижения советской науки. Имена великих ученых Капицы, Ландау, Курчатова, Тамма, Семенова оказывали уже сами по себе мощное пропагандистское влияние. Оно многократно усиливалось советскими космическими достижениями: восторг от улыбки Юрия Гагарина, помноженный на бесконечный страх перед ядерной мощью. Всё это обеспечивало создание в широких кругах зарубежной общественности положительного образа великого социалистического государства. И этот результат многократно усиливался тем, что Советский Союз «бескорыстно дарил» развивающимся странам металлургические заводы, огромные плотины и гидростанции. На таком фоне меркли «клеветнические» выдумки о низком и во многом примитивном уровне жизни в СССР.

Сегодня многие эксперты сожалеют, что с наступлением новых времен в запале борьбы со старым режимом вместе с водой с легкостью выбрасывали и ребенка. Сторонники демократических перемен решили: внешнеполитическая пропаганда – порождение тоталитарной системы, и ее надо прекратить. Доля истины в этом была – надо было прекратить приукрашивание действительности, открыть свободный доступ к информации о жизни в стране, предоставить свободу передвижения по стране иностранным журналистам и выезда из страны – российским. Надо было прекратить бессмысленную трату денег на производство специальных фильмов, прославлявших социалистический образ жизни и безгрешную коммунистическую партию, на печатание миллионов бездарных книг и брошюр, которые никто (кроме, разве что, спецслужб) не читал. Но создавалась новая ситуация, на которую до последнего времени мало кто обращал внимание. Государство фактически ликвидировало все средства ведения внешнеполитической информационно-пропагандистской деятельности и сняло с себя заботы о том, как воспринимается новая российская действительность за пределами страны. Результат оказался не только не положительным, но и весьма опасным.

Как показывает опыт, полтора десятка лет свободы получения и распространения информации привели к тому, что российские СМИ быстро восприняли западную традицию ставить сенсационность и «горячие» факты превыше взвешенности и объективности и невольно способствовали (разумеется, вместе с усилиями своих зарубежных коллег) созданию сугубо отрицательного имиджа современной России за ее границами. А стыдливое отрицание необходимости ведения пропаганды положительного образа России, которая расценивается многими как возрождение одной из функций тоталитарного режима, не считается с тем очевидным фактом, что развитые демократические государства, в том числе и США, открыто и зачастую весьма эффективно, ведут внешнеполитическую пропаганду.

Безусловно, в применении тех или иных информационных технологий не следует ожидать мгновенного получения результатов. Председатель Комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов не случайно привёл своим коллегам-сенаторам пример главного героя Агаты Кристи Эркюля Пуаро. Он был гениальным сыщиком, но он не мог преодолеть настороженность по отношению к

себе даже тех английских клиентов, которым спасал жизнь, честь или состояние. Именно потому, что был бельгийцем.

Совершенно очевидно, что отрицательная установка англичан на континентальную Европу, а Европы – на Россию сложилась не вчера. Поэтому, хаотичными пиар-акциями эту устойчивую, подкрепленную временем традицию резко переломить не удастся. Из этого совсем не следует, что мы должны на себя «махнуть рукой». Однако надо понять, что, настаивая на своей самобытности, пробиться на европейские рынки трудно с любыми деньгами.

Некоторые российские пиар-компании почему-то беззаботно верят в слабую информированность тех, чьи сердца, голоса или акции хотят завоевать. Они считают, что одних лестных публикаций в западных СМИ и удачной наружной рекламы хватит, чтобы внушить клиентам если не любовь, то уважение к нашей стране. Но на Западе тот же туристический имидж Москвы или Петербурга только этим улучшить нельзя.

Помимо самокритики и тщательного разглядывания себя в зеркале, нужно еще уметь имидж продвигать. У нас пока что своим имиджем за границей занимаются частные компании, да и то разрозненно и время от времени. И о них на Западе судят по образу страны. В этом смысле имидж государства сегодня главней частного. И продвигать его следует дружно, как говорят в МИД РФ, многовекторно.

В этом отношении правомерно прислушаться и к комментариям известного телеведущего Владимира Соловьёва, который считает, что англосаксонская пресса сильна тем, что работающие там люди уже давно не журналисты в классическом понимании этого слова, а агитаторы и пропагандисты – «они занимаются не только морализаторством, но и завоеванием новых земель, выполняют миссионерскую функцию для новой религии, которой де-факто является либеральная демократия».

Англосаксонская пресса, бесспорно, выполняет заказ элит и оправдывает определенные ожидания своих читателей. Есть востребованность образа врага и вечных историй, когда хорошая капиталистическая модель побеждает жуткую социалистическую. Таково действительно мышление «постхолодной войны» -- победитель должен доказать правомерность своей победы. Необходимо также учитывать, что существуют финансово-экономические рычаги, подогревающие нелюбовь к России. Пугающий образ России часто используется коммерческими компаниями. Ясно, что после истории с Сахалином-2 должна была начаться антироссийская компания – потому что такой крупной корпорации, как Shell, стало не очень хорошо.

Арсенал приемов, используемых современными СМИ в процессе создания общественного мнения, достаточно велик. Это может быть замалчивание одних фактов и выпячивание других. Это и публикация ложных сообщений, и пробуждение в аудитории определенных эмоций с помощью визуальных средств или словесных образов, это и апелляция к системе ценностей определенного общества и т.д. Кроме того, к эффективным приемам воздействия относятся использование совпадения интересов, внешнее сходство события с внушением, увязка новых стереотипов со старыми, прием подмены стереотипов, выпячивание чувств отдельных групп, стимулирование столкновений и т.д.

Подобные эффекты достигаются сочетанием различных средств. Например, *вербальных* (средства номинации различных объектов, явлений, процессов, выбор средств вербализации грамматических значений и т.д.) и *невербальных* (форма и особенности подачи языкового материала: использование только текста, сочетание текста с фотографиями или рисунками, применение схем, графиков, карикатур для реализации авторской интенции, преобладание определенной цветовой гаммы, выбор размера и гарнитуры шрифта и т.д.).

Однако необходимо учитывать еще одну особенность подачи материала в современных средствах массовой информации – фон, на котором рассматриваются те или иные явления жизни общества. Это связано с такими фундаментальными свойствами человеческого восприятия, как селективность и контекстная обусловленность. Во-первых, в процессе коммуникации субъекты восприятия должны осознавать, что имеют дело не с фактами как таковыми, а с интерпретацией этих фактов. А во-вторых, одно

и то же событие в различных исторических или культурных ситуациях может быть интерпретировано совершенно по-разному.

Следует отметить, что специалисты неоднократно предпринимали попытки каким-то образом классифицировать многообразие различных информационных технологий и способов пропаганды. О некоторых из них мы уже говорили в этом и предыдущем блоках наших лекций. Например, организация празднования тех или иных значимых «круглых дат», способных привлечь лидеров разных государств и многомиллионную аудиторию по все планете. Эффект дают также: усиление новости за счет присутствия влиятельных людей (при условии участия глав государств, известных политиков и бизнесменов, можно не предпринимать каких-либо мер по привлечению журналистов, они все равно придут); сочетание новости с общественно важной проблемой (экологические проблемы, терроризм и др.); использование интриги, сенсации; использование информационного повода (примером может служить перезахоронение останков императрицы Марии Федоровны в сентябре 2006) и др.

Институт анализа пропаганды США вообще предложил семь основных приемов пропаганды:

-приклеивание ярлыков (*name-calling*).

Данный прием связывает страну с каким-либо негативным смыслом. В результате этого, у аудитории складывается негативное отношение к данной стране не на основе рациональных выводов, а из-за негативного отношения к используемому символу. Примером может служить такой ярлык, как «страна третьего мира».

-сверкающие неопределенности (*glittering generality*).

Это приём, обратный вышеописанному, заключается в использовании слов с положительной коннотацией. Он строится на использовании представлений аудитории о чем-то, что имеет для нее безусловный авторитет или престижность, и перенос этого отношения на что-то иное. Данный прием опирается на использование широко известных символов для того, чтобы вызвать необходимые эмоции.

-перенос (*transfer*).

Этот прием строится на использовании представлений аудитории о чем-то, что имеет для нее безусловный авторитет или престижность, и перенос этого отношения на что-то иное. Данный прием опирается на использование широко известных символов для того, чтобы вызвать необходимые эмоции.

-свидетельство (*testimonial*).

Перенос авторитета к человеку или организации, озвучивающей определенную точку зрения.

-подтасовка карт (*card stacking*).

-фургон с оркестром (*band wagon*).

В основе этого приема лежит апелляция к «стадному» чувству, когда аудиторию призывают делать что-то, так как все это делают.

К числу распространённых относится выявление **лидеров мнений**. В соответствии с определением Г.В. Пушкиревой, лидеры мнений – это люди, чьи суждения, оценки, утверждения воспринимаются аудиторией как значимые, заслуживающие доверия. Как правило, каждый лидер мнения имеет определенную аудиторию, т.е. определенный круг слушателей, который всегда готов согласится с ним. Среди таковых можно выделить экспертов (люди, которые воспринимаются как специалисты в данной области; к их мнению относятся как к компетентному) и престижные лица (звезды кино и эстрады, известные писатели, актеры, спортсмены и пр.).

Одним из основных средств распространения информации, в том числе политической, в настоящее время является *Интернет*. Это средство массовой коммуникации отличается от остальных СМИ преимущественно способом распространения и предоставления информации, большей точностью измерения эффективности пиар-кампаний, большей скоростью в получении характеристик по ходу проведения той или иной акции, лучшей возможностью оперативного реагирования в соответствии с получаемыми в ходе акции показателями эффективности.

Возможности интерактивного взаимодействия были по достоинству оценены пользователями Интернета, число которых с каждым днем неуклонно растет. Общение в Интернете приобрело совершенно иные свойства, чем в реальной жизни, оно может происходить между географически удаленными субъектами. Так, сайт радиостанции «Голос России» сегодня признан одним из лучших в сети Интернет. Редакторы крупнейшей Интернет-энциклопедии «Британика», проводившие в сети отбор наиболее интересных страниц, оценили оперативность и точность информации, размещенной на сайте, авторитет авторов, дизайн, простоту в общении. По всем критериям сайт «Голоса России» признан самым удачным, он дает наиболее полное представление о жизни России. Радиовещание и возможности сайта предлагают на выбор 32 наиболее распространенных языков в мире.

Политолог И.С. Суворова предлагает развивать концепцию «электронного правительства», что позволит повысить эффективность, как внутренней работы государства, так и престижа России в глазах мировой общественности. Электронное правительство рассматривается как способ управления, присущий информационному обществу и опирающийся на возможности телекоммуникационных технологий и ценности открытого гражданского общества. Во многих странах "электронное правительство" только создается, а в некоторых странах оно давно и успешно функционирует. Однако сегодня "электронное правительство", за редким исключением, пока еще не стало реальностью. По мнению Суворовой, в идеале электронное правительство должно состоять из трех основных модулей: G2G (government to government) – правительство правительству; G2B (government to business) – правительство бизнесу; G2C (government to citizens) – правительство гражданам. Первый этап процесса создания правительственной сетевой инфраструктуры в России характеризуется созданием Интернет-сайтов федеральных органов исполнительной власти. По поручению Президента Российской Федерации в Правительстве Российской Федерации был подготовлен и утвержден Перечень регулярной обязательной информации для размещения федеральными органами исполнительной власти в российском сегменте сети Интернет. Следующим этапом является развертывание в сети Интернет инфраструктуры, предоставляющей пользователям возможные сервисы сугубо информационного характера, работающие с пользователем во внешнем информационном контуре.

Сегодня, в рамках работ по созданию Интернет-портала Правительства Российской Федерации создается более совершенная инфраструктура системы информирования общественности о деятельности органов государственной власти. Создается инфраструктура сетевых механизмов диалога (взаимодействия) правительства (ведомств) и граждан (сообществ) в виде специализированных он-лайновых форумов по тем или иным общественно значимым проблемам. Создаются он-лайновые сервисы для журналистов и редакции средств массовой информации. Для пользователей создан справочно-информационная база данных правительственные документов, интегрирующие тексты более 17 тыс. правительственные документов с интерфейсами, обеспечивая удобный поиск.

И, наконец, надо сказать несколько слов о непривычных пока для нас лоббистских центрах. Бывший канцлер Германии, а ныне председатель наблюдательного совета Северо-Европейского газопровода (СЕГ) Герхард Шрёдер предложил российским властям создать лоббистскую структуру по продвижению интересов России на Западе.

Предложение создать лоббистский центр в Германии впервые прозвучало на неформальных переговорах с помощником российского президента Виктором Ивановым, когда тот в середине февраля приезжал в Берлин по приглашению Германского комитета по внешней политике. По замыслу экс-канцлера одним из центральных направлений деятельности новой структуры должно стать формирование позитивного имиджа России в немецких СМИ и сопровождение совместных российско-немецких проектов, в том числе и балтийского газопровода.

Итак, информационные процессы по продвижению образа страны требуют определённой совокупности скоординированных действий, формирующих отношение к стране. Но и последняя способна формировать естественную коммуникационную среду, которая соответствует потребностям общества и состоянию экономики. Объективная образная реальность влияет, как мы показали, на деятельность внешнеполитических субъектов информационного процесса. Если эти субъекты искажают реальность, то

возникает искусственная коммуникационная среда, способная проецировать только мифы. Эффективность продвижения позитивного образа страны вовне начинает снижаться, начинают восстанавливаться старые стереотипы.

Лекция 11.

Рейтинги и бренды как способ представления образа России

Рейтинги и бренды в анализе реальных образов и имиджа России – сравнительно новые понятия при рассмотрении темы нашего курса лекций. Тем не менее, они способны внести много новых красок и наблюдений, связанных с продвижением позитивных представлений о нашей стране. Попробуем разобраться в этом, используя результаты различных современных измерений и т.н. «брендирования» у нас и за рубежом.

В прошлом году компания E-generator.ru разработала систему оценок отношения иностранных средств массовой информации к России, в результате чего появилась возможность составления рейтинга русофобии анализируемых СМИ. Материалом исследования лингвистов Константина Белоусова и Натальи Зелянской из Оренбурга стали статьи иностранных средств массовой информации, переведенные авторитетным сайтом ИноСМИ, специализирующимся на освещении наиболее значимых публикаций мировых СМИ. Все статьи были тщательно отобраны и сгруппированы по тематическим блокам. Центральным из них стало отношение иностранных СМИ к председательству России в «Большой восьмерке» (2006 год). Эта тема позволяла выявить весь спектр отношений к России, всех реакций на несомненный политический успех страны.

Система оценок складывалась из ряда показателей, основанных не на внешнем облике высказываний о России, а на содержании (смысле) этих высказываний. Все параметры образовали три группы:

- положительные высказывания,
- обоснованная критика,
- необоснованная критика.

К положительным высказываниям были отнесены: позитивное отношение к России журналиста, позитивное отношение к России общественности, позитивное отношение к России экспертов, позитивные прогнозы, конкретные позитивные факты, попытка встать на сторону России, смягчение критической позиции, сопоставление с положительно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями, сопоставление с цивилизованным миром. После того, как все статьи по данной теме были проанализированы, т.е. было подсчитано количество случаев, относящихся к тем или иным параметрам, полученные данные формализовались.

Одним «позитивным» параметрам (сопоставление с цивилизованным миром, положительно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями, смягчение критической позиции) приписывалось значение, равное 1, другим (позитивное отношение к России журналиста, эксперта и общественности, позитивные прогнозы, конкретные позитивные факты и попытка встать на сторону России) – значение, равное 2 (т.к. в этом случае более четко просматривается «заинтересованное» отношение к России). Заметим, что сопоставление с положительно оцениваемыми историческими лицами/культурными героями во всех случаях было не явное (например, Рузвельт упоминался исключительно в связи с цитированием его Путиным и т.д.), поэтому и оценка фактов по данному параметру была умеренной. То же самое явление наблюдалось и на примере сопоставлений с цивилизованным миром.

«Негативные» параметры маркировались следующим образом: использование статистики для выражения критической позиции, как и упоминание об объективно негативных фактах, оценивались значением -1. Негативная оценка экспертов, общественности и журналиста, негативные прогнозы экспертов, общественности и журналиста, безапелляционные критические утверждения экспертов и журналиста, сопоставление с нецивилизованным миром и отрицательно оцениваемыми историческими

лицами/культурными героями оценивалось как -2. И, наконец, сопоставление с образами зла, призыв к силе, «чтение в сердцах» тайных мотивов и целей, ирония (скепсис) маркировались числом -3.

Некоторая непропорциональность в зеркальных оценках: положительно оцениваемые исторические лица/культурные герои оценивались 1, в то время как их противоположность маркировалась числом -2 объясняется тем, что позитивные образы, как уже отмечалось выше, являлись скорее позитивным фоном, нежели характеристикой, в то время как негативные образы выступали явной оценкой.

В итоге численно выраженные показатели суммировались, и полученное число являлось оценкой негативного/позитивного отношения автора статьи (а вместе с ним и самого издания) к России. Результат – рейтинг русофобии иностранных СМИ представлен в таблице.

Рейтинг русофобии иностранных СМИ:

"Newsday", США	-43
"The Financial Times", Великобритания	-34
"The Wall Street Journal", США	-34
"Le Monde", Франция	-30
"Time", США	-29
"Les Echos", Франция	-27
"Embassy", Канада	-19
"Los Angeles Times", США	-18
"Christian Science Monitor", США	-15
"The Boston Globe", США	-13
"Postimees", Эстония	-11
"The Economist", Великобритания	-9
"La Repubblica", Италия	-7
"Japan Times", Япония	-6
"The Washington Times", США	-5
"The New York Times", США	-4
"Le Figaro", Франция	-3
"Stratfor", США	-3
"Lietuvos Rytas", Литва	0
"The Guardian", Великобритания	5
"USA Today", США	5
"United Press International", США	6
"The Scotsman", Великобритания	10
"Asharq Al Awsat", Арабская пресса	11
"ExtraPlus", Словакия	13
"The Conservative Voice", США	26
"Toronto Star", Канада	27

Видно, что в целом отношение к России в мире негативное: суммирование всех значений даст число -207. Лишь некоторые из СМИ идут «наперекор» общей тенденции. И данный путь, как это ни странно, связан со стремлением разобраться в происходящих процессах.

В этом году те же лингвисты Константин Белоусов и Наталья Зелянская представили анализ отношения к «русскому миру», складывающемуся в качественной британской прессе: в газетах *The Independent, The Times, The Telegraph, The Observer, The Guardian*. Исследование британской прессы о России производилось методом сплошной выборки на основе изучения электронных версий периодических изданий во временном диапазоне 1998-2006 гг. В поиск вводились слова *Russia* и *Russian*. Последнее, имеющее, как известно, значения «русский» и «российский» для простоты переводилось как «русский» -- таково бытование его значения в западном массовом сознании.

Анализ материала (свыше 500 статей) позволил выявить основные стереотипы, сложившиеся в британской прессе при обращении к «русской тематике». Обнаруженные стереотипы – это стереотипы британского менталитета, отражаемые и формируемые, в первую очередь, авторитетными национальными СМИ. Стереотипы помогают британской общественности ориентироваться в мире, особенно при контактах с «русским миром».

В процессе анализа выяснилось, что одним из наиболее распространенных стереотипов, явно или подспудно присутствующих в подавляющем большинстве статей, где описывается или упоминается Россия, оказалось ВАРВАРСТВО русских. Британцы смотрят на Россию (национальный характер, менталитет, культуру, историю и др.) как на варварскую страну.

На «объективный» характер складывающихся представлений о России указывают данные соцопросов, которые время от времени публикуются в СМИ. Так, например, *The Observer* приводит данные опроса специальной Службы – National Brands Index – среди представителей разных народов мира с целью выявить индекс популярности тех или иных наций. Согласно ему, Россия – «предпоследняя в списке, она оценена как склонная к насилию, нестабильная, продающая мало стоящего, за исключением оружия и нефти». Существенно, что отношение к русским вынесено в первую строчку наряду с восприятием американцев, итальянцев и британцев: «Американцы невежественны, русские склонны к насилию, итальянцы забавны – а британцы умны, вежливы, заслуживают всяческого доверия и честны, правда, слегка скучны». То есть ведущей характеристикой россиян оказывается в массовом сознании мирового сообщества (в опросе участвовало пять миллионов человек) НАСИЛИЕ и, очевидно, СКЛОННОСТЬ К НАСИЛИЮ.

Другой оттенок варварства России выделяют те авторы статей, кто пишет о ее «ДИКОСТИ» – savage. Например, в комплиментарной, в целом, статье «Где симфония заставила умолкнуть пушки» (*The Observer, Sunday October 16, 2005*) такой эпитет применен к Санкт-Петербургу: *красивый, иногда варварский (дикий, жестокий), всегда пышный, загадочный Санкт-Петербург*.

Кстати, слово «дикий» фигурирует и применительно к русскому человеку – пограничнику с автоматом Калашникова на российско-финской границе: «...контрольно-пропускной пункт, злой (отвратительный, угрожающий) сержант принялся тыкать в одну из наших групп своим Калашниковым, зловеще (яростно) крича и **дико** жестикулируя».

Правда, как выяснилось, совсем не обязательно при описании дикости русских упоминать вообще это оружие (отметим, что Kalashnikov – русскоязычное заимствование в английском языке), т.к. главная опасность со стороны «русского мира» таится в другом. По мнению западных историков, наполеоновская и царская армии, равно как и гитлеровская и Советская армии – именно так, попарно (!) – были побеждены ... ПАРАЗИТАМИ. «...Ужасные потери, которые понесли наполеоновские солдаты, объясняли голодом и свирепым холодом русской зимы. Но, согласно новому исследованию французских ученых, знаменитая Великая Армия, к декабрю 1812 г. уменьшившаяся с 600 000 – 700 000 солдат до 30 000 /.../ была поистине срублена под корень паразитами... как и, в свою очередь, царская армия, войска гитлеровских захватчиков и, наконец, Советская армия.

То есть, во-первых, стоит европейцам вторгнуться в Россию, на них нападают полчища вшей и блох – не то с русских войск на европейцев, не то синхронно на тех и других с **mouzhik'ov** и **babushkas**, и уничтожают весь цвет армии (было в Великой Армии Наполеона 600 000 – 700 000 солдат и офицеров, а осталось в 12-15 раз меньше: остальных вша поела да блохи сгрызли). Во-вторых, как вообще тогда могли существовать в России царская и советская армии – ведь они, следя логике статьи, тоже должны были погибать от паразитов?

По частоте употребления в контексте со словами *Russian* и *Russia* «БРУТАЛЬНОСТЬ» России – еще один синоним варварства – является едва ли не ключевым, «устойчивым эпитетом». В рецензии «Жизнь с брутальным медведем» (*The Observer*, 17 June 2005), посвященной книге анонимного автора «Женщина в Берлине» (*A Woman in Berlin* by *Anonymous*), – а по сути тенденциозному и однобокому ее пересказу, в одном заголовке читатель встречает сочетание двух стереотипов – *a brutal bear* (брутальный медведь). В статье повествуется о вакханалии насилия, устроенной Красной Армией в Берлине в 1945 году: «Анонимный автор этих воспоминаний жил в Берлине в апреле 1945 года, когда в город вошли солдаты Красной Армии. За этим последовала **вакханалия насилия**». Как это свойственно текстам жанра *features*, заключительные фразы воплощают кульминацию, квинтэссенцию содержания всего материала. В данном случае, особенно в перекличке с заголовком, это – подспудное **отрицание человеческой природы русских**, солдат и офицеров Красной Армии: «Однажды она повернулась к Анатолию, который насиливал ее, защищая от других насильников, и сказала ему по-русски: «Ты медведь». Она знала, что использовала нужное русское слово – медведь... Но Анатолий подумал, что она ошиблась. «Нет, ты неправильно говоришь, – поправил он ее. – Медведь – это животное. Коричневое животное, которое живет в лесу. Он большой и рычит. А я человек». Конечно, ведь насилие – это так по-человечески».

Тема взаимоотношений России с другими странами часто сочетается с темой «НЕХОРОШЕГО ПОВЕДЕНИЯ» России на внешнеполитической арене: от инициирования «брутального» разделения Европы после Второй мировой войны до трений со своими бывшими «со-узницами» по Союзу. Приведем один лишь пример: «На протяжении холодной войны Европа была центром мира. Линия глобального подразделения проходила через сердце Европы. Перед лицом советской **угрозы** Соединенные Штаты, самая могущественная страна мира, чувствовали, что могут действовать в органичном союзе с Западной Европой, западном альянсе, который вызывал к жизни слово «западный» в современном его смысле. Коммунистическая **угроза** /.../ и т.д.» (*The end of the west, Guardian, Thursday December 4, 2003*). В статьях же о странах СНГ или бывшего соцлагеря вообще очень часто упоминается Россия в связи с прошлым этих стран в контексте репрессий против народов, давления, подавления.

О варварском отношении в России к личности, к правам человека, к собственным согражданам и к гражданам других стран читателям английских газет с завидным упорством напоминает такое русскоязычное заимствование, как **gulag** ('тюремный лагерь, использовавшийся в Советском Союзе в прошлом, где заключенные содержались в очень плохих условиях'). Исследование языка английских газет методом контент-анализа – поиск ссылок на слово *GULAG* в одном контексте со словами *Russia* или *Russian* – дает небезынтересную статистику: *The Guardian* – 453 результата за 1998 – 2006 гг.; *The Telegraph* – 236 (2001 – 2006); *The Independent* – 150 (2005 – 2006); *The Times* – 22 (за 2006 г.). В контексте со словами *Russia* и *Russian* также оказываются выражения *Soviet-style*, *Soviet-style regime*, *etc.* – правда, гораздо реже (около 70 упоминаний во всех качественных британских газетах за интересующий нас период). См., например, об Украине: «...больше не контролируется режимом в советском стиле. Они обнаружили, что «оранжевый» фронт может устраниć пророссийского г-на Януковича».

Кроме указанных стереотипов, связанных с **варварством**, Москву, отличает ИЗБЫТОЧНОСТЬ ВО ВСЕМ, ИЗЛИШЕСТВА: «Москва огромна, избыточна и гламурна... Это идеальное место для того, чтобы увидеть те излишества, которыми Москва столь славится... При всех ее излишествах... она отмечена советской суворостью и скорбностью...»; контрасты поражают своим размахом: «Это город подозрительных мужчин и надменных женщин, высокого искусства и «низкой» жизни, домашнего борща, бабушек... и побрякушек («стекляшек»). Блеск «стекляшек» – *blings*, – которые неоднократно упоминаются как атрибут Москвы и достояние москвичей: «Красивые люди выгуливают свои побрякушки», – на фоне угрюмости и

неприветливиости людей – «едва глядящие на тебя мужчины в темных пальто» – и серых зданий сталинских времен лишний раз свидетельствует о неумеренности, излишествах, избыточности демонстрируемых русскими качеств.

Не вполне цивилизованно (с проявлением необузданности, стремлением к излишествам) ведут себя русские в статье *France: Побывав в подлинном Куршевеле (The Telegraph, 16/01/1999)*, также под рубрикой Travels. «Официанты, которые сначала подают меню, напечатанное на французском, английском – и русском языках. **Шумная** группа москвичей сидит за соседним столиком, **ложками упсывая** икру». Отметим, однако, что тон повествования о русских здесь нейтральный, как это было характерно для упоминаний России и русских в британской прессе в 1998-99 гг., а потому стереотип их невоспитанного, варварского поведения неочевиден и неназойлив. Тем более что всего несколькими годами позже тема русских в Куршевеле и особенностей национального отдыха за границей приобретет гораздо более громкое звучание – теперь уже не только в западной прессе, но и в отечественной. Но это тот случай, когда мы сами подкрепляем стереотип, присущий западному менталитету.

Угрюмость, серость и строгость, суровость, свирепость как элементы **Soviet-style** и как одно из проявлений ВАРВАРСКОЙ НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ русских ко всему прекрасному и высокому очень часто фигурируют в одном контексте со словами *Russia* и *Russian* – от объективного замечания: «Правила оформления визы не такие строгие, как в бытность СССР [...] (Запад отправляется на Восток: Добро пожаловать на крымское побережье [...] Саймон Колдер сообщает, почему британцы меняют место отдыха: Средиземноморье – на черноморское побережье Болгарии, Румынии и Грузии)» до подчеркивания сомнительных «прелестей» «брутальной» советской архитектуры, сохранившейся в городах России и бывшего СССР. Например, в статье из рубрики Travels: «Где в 2005 жарко» встречаем: «Не упустите возможность, если вы хотите обнаружить новые для себя места для проведения отпуска, издатели путеводителя – первые помощники в этом. Опираясь на книги, взятые наугад с книжной полки, Том Холл выбрал 20 мест, где можно получить неплохую встряску в 2005 году». Туристов завлекают в Калининград и Минск тем, как **хорошо сохранился там советский дух**. А довольно мрачное впечатление: тяжеловесность сталинской архитектуры, подавляющая громоздкость скульптур Ленина и объектов, носящих его имя, – составляют в глазах автора особую прелест, экзотику: «Тяжеловесные здания в советском стиле подавляют город, в то время как большая и разрушающаяся статуя Ленина... Тот же аромат эпохи вы найдете в Минске; впечатляющие коммунистические сооружения ... были возведены под личным руководством Сталина... Отгороженный от остальной России новыми странами Евросоюза, Калининград, когда-то известный как Кенигсберг, предоставит возможность почувствовать, какова была жизнь за Железным Занавесом».

В текстах группы features, посвященных настоящему России, также нередко подчеркивается ВАРВАРСКОЕ ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ РУССКИХ К БЫТУ: не только прошлое России грязное, но и в современной России много грязи: ветхие дома, оборванцы, попрошайки, грязь на улицах и дорогах. В основном этот стереотип подкрепляется телевизионным видеорядом, что отмечают побывавшие за границей и повидавшие «их» телевидение наши соотечественники. Приведем один пример из статьи *Холодный комфорт (The Guardian, Sunday April 27, 2003)* – рецензии 2003 г. на фильм шведского режиссера о постсоветской России. «Мы видим Россию – **депрессивное, оказавшееся без руля место**, где обанкротившееся коммунистическое общество было вытеснено незрелыми формами капитализма; **отвратительная, нечистоплотная квартира**; скитания, нищета, неприкаянность героев – девочка-подросток вынуждена проституцией добывать средства к существованию, а иногда она **лежит, плача, в грязи**». Правда, справедливости ради, корреспондент замечает вскользь: «Это ужасная история, но очень типичная для того, что происходит сегодня повсеместно». Но ассоциации-то у британского читателя возникают именно с Россией, а не с абстрактным «везде»... См. также, напр.: «Три тысячи сто миль от Москвы; грубо мощенная камнем дорога поднимается вверх, и все ... Заброшенная в открытой степи, стоит группа серых зданий, **покрытых комьями грязи**. Добро пожаловать в Краснокаменск, город **на окраине цивилизации**. Почти два века прошло с тех времен, как царь Николай I ссылал восставших аристократов, известных как декабристы, в ... подобные отдаленные места, сети трудовых лагерей, называемой Гулагом» («Добро

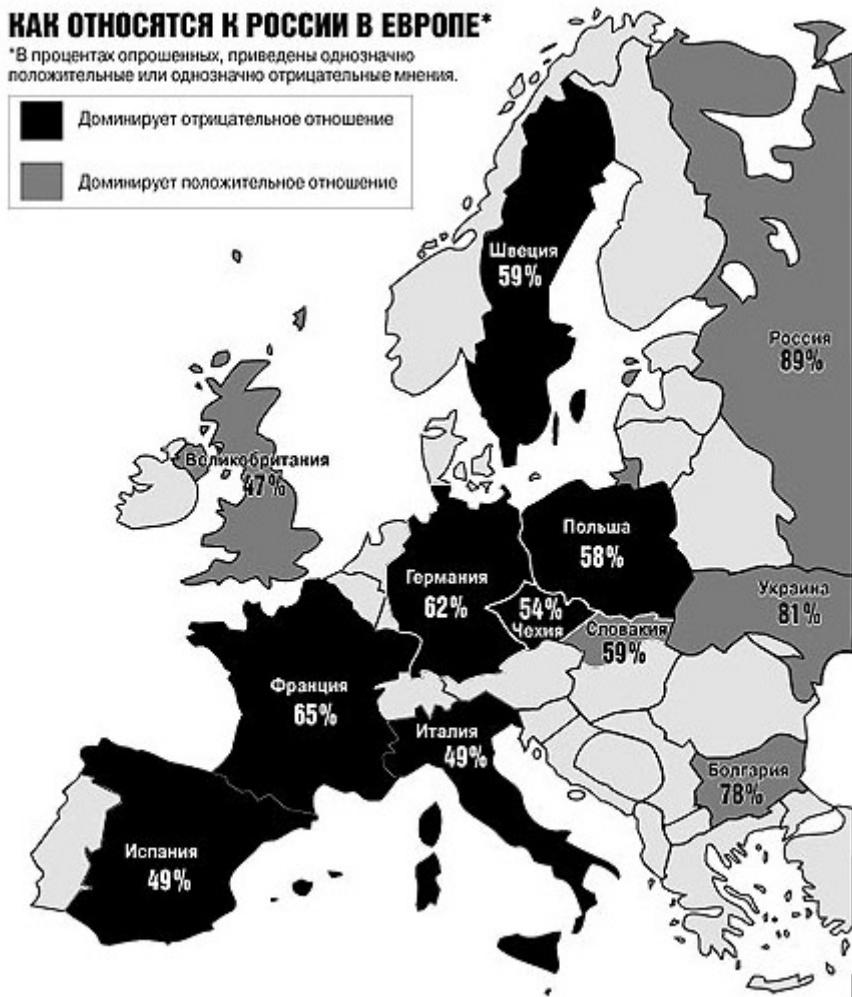
пожаловать в исправительную колонию ЯГ 14/10. Теперь дом одного из самых богатых людей России», *Guardian, Tuesday October 25 2005*).

ПЬЯНСТВО – еще один компонент объемного образа невежественного, грубого, неокультуренного русского. Как пишет Т. Добросклонская, «...в материалах иностранных корреспондентов, пишущих о России, постоянно присутствует ряд тем, которые связаны со стереотипным восприятием России в западном мире. К подобным темам относятся, например, такие как пьянство, отсутствие западной вежливости на дорогах и русская манера отвечать по телефону» – отметим, что у отечественной исследовательницы английской прессы пьянство (невольно?) оказывается в одном ряду с невоспитанностью русских – ибо это действительно разные стороны одного и того же стереотипа. **Vodka**, вошедшая, как и **gulag**, в английские словари, обычно если комментируется, то как очень крепкий, грубый, варварский напиток. Ср., напр. рекламную статью о Северном Кавказе: «Опасно? Вы еще водку не пробовали!» (*The Telegraph, 21/02/98*), – само название которой подчеркивает, что путешествие в «горячую точку» планеты не более опасно, чем «горячительный напиток». В британских СМИ в материалах о России упоминание водки и пьянства возникает регулярно: в одной только газете *The Times* ссылок на слово *vodka* – 2136.

Таким образом, представление о варварстве русских можно считать не только сложившимся, но и детально разработанным. И об этом нам надо знать при анализе проблемы современного представления о России в мире. Реальная картина лучше, чем наивные упования о лучшем восприятии.

Однако, как можно будет убедиться дальше, англичан-русофобов в соответствующем рейтинге – меньшинство.

«Московский комсомолец» в июне 2007 года поместил красноречивую карту под названием «Кто больше всего не любит Россию?».



Мировой «рейтинг нелюбви» составили благодаря Мадлен Олбрайт (бывший госсекретарь США при президенте Клинтоне), возглавляющей Pew Global Attitude — американский проект по исследованию мирового общественного мнения.

В прежние времена американские социологи в основном были озабочены изучением отношения остальных жителей планеты к себе. Но затем было решено измерить еще и степень непопулярности других мировых держав. Результаты оказались для нас далеко не блестящими, а во многом — и неожиданными. Как оказалось, из 47 исследованных стран больше всего не любят Россию в Японии. Плохо к нам относятся 67% жителей Страны восходящего солнца. Лозунг возвращения «северных территорий» является в Японии чем-то вроде национальной идеи. И упорные отказы России сделать это вряд ли способствуют повышению нашей популярности.

Более удивительно то, что к нам отрицательно относятся и в странах, которые принято считать наиболее близкими к России: забитых нашими бывшими соотечественниками Израиле и Германии, «всероссийской здравнице» Турции. Из шести исследованных стран ЕС количество русофилов превысило число русофобов только в одной стране. Как ни странно, это Великобритания. Очевидно, шумиха вокруг убийства Литвиненко была воспринята здесь как еще одна шпионская история в духе романов Ле Карре. Другого объяснения просто не существует.

Впрочем, для России есть и неплохие новости. Среди жителей США и Китая — сверхдержав, способных при желании создать для нас максимальное количество неприятностей, — нелюбовь к России не очень-то распространена. А на Украине русских и вовсе любят 81% населения. Однако привязанность к Москве вовсе не значит, что украинцы не хотят в Евросоюз. Положительно к этой организации относятся 77% жителей страны Ющенко—Януковича.

Однако наиболее интересные выводы вытекают из показателей, которые можно сравнивать. За последние четыре года рейтинг бывшего Президента внутри России, несмотря на колебания, в целом вырос — с 76% до 84%. А в большинстве стран Запада произошло просто обвальное падение. В 2003 году говорящего по-немецки Путина положительно оценивали 75% жителей Германии. Сейчас этот показатель составляет всего лишь 32%. В Испании число сторонников ВВП упало с 31% до 7%, в США — с 41% до 30%.

Еще один крайне тревожный показатель: большое количество иностранцев крайне озабочено энергозависимостью своих стран от России. На политическом уровне отношения Москвы и Рима можно назвать почти безоблачными. Но 71% итальянцев опасаются потенциального энергошантажа Москвы. Среди хорошо относящихся к России англичан тот же самый страх испытывают 66%, среди немцев — 58%.

Главный вывод такой: степень отчуждения между Россией и Западом увеличивается. Конечно, в 90-х годах мы и западники возлагали друг на друга слишком много наивных надежд. Но сейчас процесс взаимного отторжения, похоже, зашел слишком далеко.

На рейтинг русофобии, безусловно, влияют и ежегодные доклады правозащитной организации Freedom House по поводу свободы прессы. Как говорится в пресс-релизе по поводу публикации исследования, «агрессивные попытки российского правительства изолировать независимые медиа-голоса, перемежающиеся планами регулировать Интернет», стоят в ряду наиболее тревожных тенденций 2006 года. Администрация президента РФ, пишут авторы доклада, объявила о планах создать механизм контроля за интернетом. Таким образом, Россия может примкнуть к странам вроде Китая, Вьетнама и Ирана, где большое количество журналистов и так называемых кибер-диссидентов подвергается уголовному преследованию. Россия также попала в группу стран, в которых положение СМИ за последние пять лет существенно ухудшилось. К таким государствам относятся Венесуэла, Таиланд, Эфиопия, Филиппины, Аргентина и Уганда.

СМИ в 10 бывших республиках Советского Союза признаны Freedom House несвободными. Пресса Украины и Грузии, по мнению авторов исследования, является частично свободной. В общем рейтинге свободы СМИ Россия занимает 165-е место из возможных 195. В 2005 году исследователи поставили ее на 158-е место. Ухудшение показателей, в частности, объясняется законодательными

ограничениями работы СМИ и отсутствием надлежащего расследования преступлений против журналистов, поясняется в докладе.

На фоне далеко неблагоприятных рейтингов «русофобии» и «русофилии» вполне положительна динамика по так называемой «брендъёмности» России, хотя и здесь наблюдается много упущений и рисков. Три года назад английский исследователь и специалист по улучшению имиджа стран Саймон Анхольт опубликовал рейтинг брендов 25 государств, который был составлен совместно с американской компанией Global Market Insight. Исследователи предложили гражданам десяти государств оценить "брендъемность" различных стран по нескольким позициям. Согласно данному исследованию, Россия заняла предпоследнее место, обогнав лишь Турцию. Не только Китай, но даже ЮАР, Египет и Мексика оказались более привлекательными для иностранных граждан, нежели Россия.

В общественном мнении России и Запада тогда ещё не сложилось четко очерченного и адекватного образа современной России. Все представления о нашей стране были весьма фрагментарны, противоречивы и плохо оформлены. Кроме того, интерес к России в мире нельзя сравнять с временами «холодной войны» или начала

1990-х. Снижение интереса приводит к упрощению восприятия. Чем меньший страна вызывает интерес, тем большую силу обретают стереотипы, а клиширование образа меняет его далеко не в лучшую сторону.

Однако измерения последних двух лет показывают, что в этой сфере происходят серьёзные изменения. К примеру, бренд «Сочи-2014» прогремел рекламой на всю Европу

На паневропейском ТВ – не эфирных каналах, вещающих одновременно на несколько стран, поставлен рекламный рекорд: впервые российская компания вошла в топ-10 рекламодателей. В первом полугодии этого года заявочный комитет «Сочи-2014» потратил на этом носителе более чем 5,7 миллионов евро. Согласно оценки исследовательской компании TNS Media Intelligence доля [рекламы «Сочи-2014»](#) составила 1,7% от всех затрат на паневропейском ТВ, включающим в себя BBC World, CNN, Discovery, Eurosport, NBC Universal и другие не эфирные каналы, вещающие на несколько стран одновременно. Затраты этого рекламодателя сопоставимы с бюджетом Nokia.

В пресс-службе «Сочи-2014» подтвердили, что размещали рекламу на CNN, BBC, Eurosport, Euronews, поскольку «около половины голосовавших членов МОК – европейцы». Креатив для этой кампании разрабатывало агентство FCB MA, входящее в рекламную группу Media Arts. По словам вице-президента Media Arts Group Олега Волкоша, Медиа-стратегией и размещением рекламы за рубежом заявочный комитет занимался самостоятельно. При этом он отметил, что это была первая широкомасштабная кампания России за рубежом. По данным Media & Marketing Europe, за исключением «Сочи-2014», российские рекламодатели, в частности телекоммуникационная компания «Роснет» и группа «Ренова», пока представлены только на канале Russia Today.

Управляющий директор агентства Medialect Эдуард Роднянский признает, что заявленные 5,7 миллионов евро – это «внушительная сумма для кампании за рубежом». Российский рынок рекламы на не эфирном ТВ незначителен. Поэтому мониторинг рекламы на нём пока просто не проводится. На рынке эфирного ТВ годовые затраты на рекламную поддержку одного бренда эксперты оценивают минимум в 5 миллионов евро. По оценке агентства OMD Media Direction, крупнейшим рекламодателем на ТВ в России является Procter & Gamble с бюджетом 117 миллионов долларов, которые компания тратит на продвижение нескольких десятков брендов.

Сейчас уже говорят о том, что рекламный рекорд «Сочи-2014» может побить компания «Русский стандарт». Во второй половине 2008 года рекламная кампания трех ее водочных брендов стартует в этом месяце во Франции, Германии и Великобритании. Рекламироваться будут «Оригинальная», «Платиновая» и «Империя». По словам PR-директора «Русского стандарта» Престона Менденхолла, рекламный бюджет во Франции составит 4 миллиона евро, в Германии – 2 миллиона евро, Великобритании – более 7 миллионов евро. В кампании будут задействованы ТВ (в ЕС допускается телереклама алкоголя), наружная реклама и пресса.

Мы привели эти примеры и цифры для того, чтобы обратить внимание еще на один аспект – деловая репутация страны сродни репутации бренда. Потребители разных стран предпочитают покупать товары у надежных, стабильных компаний, ради поддержания собственной репутации заботящихся о качестве своих товаров и услуг. Компании и инвесторы предпочитают заключать сделки и инвестировать в страны с надежной репутацией, где соблюдаются права собственности и риск глобальных потрясений минимален. Сегодня бренд только одной компании Coca-Cola оценивается в сумму от \$70 млрд. до \$100 млрд. При этом рынок не прощает ошибок при появлении малейших признаков нестабильности – стоимость бренда Ford упала более чем на \$9 млрд. (32%) в течение одного только 2002 года.

Точную стоимость бренда «Россия» оценить сложно, но потенциальный урон может быть значительным. Вкладывая усилия в создание и поддержание собственной репутации, Россия также может значительно увеличить свою экономическую привлекательность. Не заботясь о своей репутации, экономическую привлекательность легко потерять.

Как полагает вице-президент инвестиционного фонда Delta Capital Management Кирилл Дмитриев, можно искать сложные макро- и микроэкономические модели восприятия России, но часто все происходит на удивление просто. Чем больше положительных сообщений, создающих ощущение стабильности, тем большее количество компаний и инвесторов интересуются возможностями в России, тем больше заключается соглашений, тем больше приток капитала в страну и сильнее рост экономики. Для роста необходим капитал, а капитал приходит при наличии стабильности и соблюдении правил игры.

Журнал *The Economist* считает, что Россия могла бы получать как минимум на \$10 млрд. больше иностранных инвестиций в год именно за счет повышения уровня стабильности бизнес- и политической среды до уровня других восточноевропейских стран. Неопределенность приведет к тому, что значительное число инвестиционных сделок не произойдет или будет отложено. Улучшение делового климата в России, например, вызвала интерес British Petroleum к созданию совместной компании с ТНК. Эта сделка позволила повысить эффективность производства, снизить стоимость привлечения заемных средств и освободить значительные денежные средства для инвестиций в другие (не нефтяные) секторы экономики. История с ЮКОСом обошлась стране в десятки миллиардов долларов, а может еще больше. Инвесторы не способны воспринимать передел собственности как однократный — неуверенность остается на долгие годы. Позитивная репутация России нужна не им (иностранным капиталистам), а всем гражданам России. Любой удар, нанесенный по репутации страны, напрямую отражается на экономическом росте и благосостоянии людей.

Ученый из Петрозаводского университета О.Ч. Рейт справедливо пишет: «Стране трудно изменить свой имидж. Инерционность восприятия предопределяет некоторые «граничные условия». Последние, однако, можно учесть при формировании кратко- и среднесрочных бренд-программ. Но это все-таки тактические придумки. Чем больше страна, тем многомернее и многоцветнее ее восприятие. И «больше» означает здесь не площадь территории и акваторий, количество природных ресурсов, численность населения, золотые запасы Центробанка и минимальное время подлета боеголовок до целей потенциального противника. Имидж характерен тем, что он существует, пока в него верят».

Поэтому О.Ч. Рейт привлекает наше внимание к изучению опыта «многомерностей». В частности, реализацию макропроекта «Cool Britain» – «Классная Британия». Этот проект был инициирован «новой» лейбористской партией. Усилия Тони Блэра, в то время претендующего на роль самого амбициозного премьер-министра современности, авангардиста Дэмиена Херста, стремящегося, по его собственным словам, «сделать из искусства «электрошок» для обывателей», и культовой рок-группы «Oasis», однако, не принесли ожидаемого результата.

Конечно, Блэр вернул лейбористской партии способность побеждать на выборах, но именно в 1998–1999 гг. большинство британцев оценивало его как «поверхностного политика, имеющего талант к театральности и саморекламе». Самая известная работа Херста «Физическая невозможность смерти в уме чего-то живущего» была впервые выставлена уже в ставшем далёким 1991 году. Акула в контейнере из стекла и стали, плывущая в растворе силикона и формальдегида, вызвала в художественных кругах Великобритании сенсацию. Позже авангардное творение было признано культовым, и последний владелец

купил ее за 6,5 млн. фунтов стерлингов. Вершина успеха «Oasis» пришлась на 1997 год. Их третий альбом «Be Here Now» достиг первой позиции в британских чартах и стал самым распродаваемым в Великобритании. За первый день продаж было реализовано около пятисот тысяч копий. Но именно 1998 год ознаменовался для группы братьев Галлахеров началом серии творческих кризисов и уходом нескольких участников коллектива.

В ноябре 2001 года британский министр по делам культуры, СМИ и спорта Т. Джоуэлл объявила о провале «Классной Британии», потому что в ходе этой кампании «было признано, что наша национальная культура – нечто неупорядоченное, изменяющееся и сложное». Проект завершился. Но имидж проекта остался! Политическая жизнь страны продолжала пополняться знаковыми событиями. Победа эксцентричного левого кандидата Ливингстона на выборах мэра Лондона, протесты по поводу увеличения налогов на топливо и частичной приватизации лондонского метро, резкий рост недовольства состоянием железных дорог и госпиталей, прибавка основной ставки государственной пенсии всего на 75 пенсов – все это впоследствии повредило имиджу Блэра как премьер-министра. У правительства было достаточно серьёзных неудач, за которые, однако, Блэр несет персональную ответственность. Сегодня очевидно, что это, прежде всего, Ирак – поддержка американцев во главе международной [антитеррористической] коалиции.

Кто-то, наверняка, найдёт символичным то, что в ноябре 2006 года вышел сборник лучших хитов Oasis под названием «Stop The Clocks». Кто-то обратит внимание на то, что такая икона как «Битлз» может уже и не один из самых ярких феноменов мировой культуры 60-х гг. XX века. Коммерциализация имиджа достигла (за-) предельных точек: «экс-битл и экс-модель достигли наконец «мирового соглашения» по разводу, Хизер Миллз получит от сэра Пола Маккартни «откупные» – 178 миллионов евро, по 5184 евро за каждый час их четырехлетнего брака» – сообщали мировые/глобальные СМИ в ноябре прошлого года.

Другой сюжет. 1999 год. Госдепартамент США, возглавляемый тогда Колином Пауэллом, предложил перейти от простой «продажи» США к реальному брендингованию внешней политики. Продвижению демократии требовались «тонкие» инструменты наводки и доставки. Известный американский PR-специалист Шарлотта Бирс пошла по пути интенсивных, кажущихся практически нескончаемыми, рекламных кампаний в зарубежных СМИ. Через пятнадцать месяцев с момента начала реализации имиджевого проекта маркетинговые и социологические замеры показали, что большинство тех, на кого были направлены орудия политического позиционирования, прежде всего в странах Ближнего Востока и Латинской Америки, и без того разделяют американские ценности демократического устройства и справедливого распределения доходов. «Проблема» возникала как раз с нарушением этих ценностей и механизмов распределения со стороны самих Соединённых Штатов. Ещё через два месяца госпожа Бирс была вынуждена уйти в отставку.

Ситуация критически осложнилась после событий 11 сентября 2001 года «Неожиданность» антитеррористического дискурса привнесла новое измерение в процесс формирования странового имиджа Америки и, на самом деле, продемонстрировала отсутствие способностей официального Вашингтона оперативно модернизировать модели внешнего бренд-строительства. Это проявилось, прежде всего, через определение образа врага, который по определению представлялся единым в отношении всех, кто разделяет в той или иной степени американские/западные ценности. Именно здесь и нашли своё выражение противоречивые следствия политизации и десуверенизации дискурсивного антитеррористического пространства.

С начала так называемой «war on terror» в США образ врага политизировался, что в практических категориях означало опознание его фигуры исключительно через акт политического, а не морально-ценостного выбора. Суть действия на своём завершающем этапе сводилась к жесту суверенного решения, «назначающего» тот или иной суверенитет, но ни в коем случае не тот или иной политический режим «ответственным» и «виновным». В этих условиях процесс политизации дискурса означает номинирование, а жест суверена – достижение внутриэлитного соглашения. В реальной системе политических координат это, безусловно, оправдывает иракскую и афганскую военные кампании. Но только для «внутреннего потребления», которое, в свою очередь, в условиях современного этапа глобализации

(проявляющегося, наряду с другими вещами, через глобальные СМИ и индивидуальные масс-медиа – блоги) перестаёт быть только «внутренним». Повторяется ситуация, при которой отторжение вызывают не собственно американские ценности, а «штыковые» методы их насиждения.

Такая ситуация способствует проявлению феномена «подавления истории». Наиболее полно он предстаёт при наблюдении дискурсивных разрывов в политической, экспертной и медийной репрезентации складывающейся реальности. Примером «подавления истории» посредством применения дискурсивных практик может служить формула, предложенная Джоном Эдвардсом, одним из действующих кандидатов в президенты США от демократической партии, 23 мая 2007 г. Характеризуя необходимость обновления военной и внешнеполитической стратегии, Эдвардс сформулировал запрос на «*post-Bush, post-9/11, post-Iraq*», а одной из основных причин указал следующую: «Война с террором – слоган, спроектированный исключительно для политики, а не стратегия, позволяющая «делать» Америку безопасной/благополучной». Триединый запрос на «пост-» означает попытку «подавления» и персонифицированного, и пространственно-временного измерений десуверенизации, понимаемой как изменение традиционных ценностей суверенитета, отрижение приоритета понятия «суверенитет» над прочими, что рано или поздно создаёт условия для расширения набора правил, регулирующих систему международных отношений.

Что объединяет рассмотренные кратко примеры? Имидж страны реализовывался исключительно через имидж власти. Если в сознании авторов-разработчиков положение «страна – это власть» являлось практически аксиоматическим, то для «нишевых» аудиторий знак тождества, а тем более равенства между страновым имиджем и образом «монополии легитимного насилия» просто отсутствовал. Консервативная «ориентация» на государственный суверенитет представлялась в качестве некоторой универсальной (порой табуированной) опоры, а верность и преданность веберовскому «праву творить насилие» требовали неизменности и непоколебимости суверенитета как предельно предсказуемого политического института.

На основе опыта, пускай (пока) и небольшого, по строительству и продвижению имиджа «новой» России, следует отметить ещё одно важное положение. Оно заключается в попытках постоянной инвентаризации символов прошлого. По сути дела, поиск российских/русских вечных ценностей напоминает попытки конструирования (с целью последующей продажи на экспорт) российского/русского вечного двигателя.

В этих условиях дело в принципе не может двигаться далее квази-идеологических постулатов. Примером попытки «инвентаризации» может служить следующее положение руководства «Международного пресс-клуба. Чумиков ПР и консалтинг»: «Стержнем политического брендконструирования являются старые символы. Под брендом «Россия» всегда понимались купола соборов, березки, бескрайние просторы полей, водка, продукты сельхозпроизводства, матрешки, балалайки, сувениры народных промыслов. За рубежом говорили о «загадочной русской душе», которая выражалась в русской классике литературы и искусства, «Русских сезонах», Большом и Мариинском театрах, красоте русских женщин, которая спасет мир. В советскую эпоху это трансформировалось в бренды «Водка столичная», «Золотое кольцо», ансамбль и магазины «Березка», сувениры Хохломы, Жесткова, Палеха, икру красную и черную, крабы «Чатка», масло «Вологодское». Загадочная русская душа сделала СССР космической державой, а советские спортсменки наполнили содержанием понятие красоты. Красные флаг, звезда, серп и молот, Октябрь, Аврора и силуэт Ленина прочно вошли в сознание как советские символы-бренды. Сейчас многое из этого продолжает работать, как, например, красное знамя Российской Армии и Гимн на музыку Б. Александрова, а что-то навсегда ушло в небытие вместе с Советским Союзом».

Однако такое простое перечисление выхолащивает сущностное, ценностное наполнение политики России. В отсутствие чётко артикулируемых политической и внешнеполитической стратегий, эффективных механизмов самоопределения страны (государства, суверенитета, нации, но не (только) власти) перед лицом глобализирующихся вызовов даже самый благоприятный имидж «на экспорт» становится политической пустышкой. Когда же последовательное отстаивание национальных интересов дополняется инновационными формами укрепления международного статуса России, имидж начинает выполнять исключительно продуктивную функцию.

Свободное от прежних штампов и стереотипов сотрудничество должно акцентировать стремление России к переменам. По большому счёту частности бренд-стратегий не столь важны. Они могут и должны меняться. Если сегодня бренды Maria Sharapova или/и Anna Netrebko воспринимаются наряду со «старыми» лицами Эрмитажа и Юрия Гагарина, дополняемыми «новыми» образами российских компаний – лидеров глобализации («БиЛайн», «Российский алюминий», «Лукойл», «Норильский никель») и такой уникальной услугой как космический туризм, которую предоставляет уже несколько лет только наша страна, то этому не надо препятствовать. Это позволит нам самим лучше и глубже понять, что такое суверенитет, чем был Советский Союз, и почему его нет сейчас. И, значит, позволит органично преодолеть те гипертрофированные имиджи России, что препятствуют пониманию и принятию современного, устремлённого в будущее образа страны. Ведь имиджи существуют, пока в них верят.

Литература к IV теме:

- Вуйма А. Черный PR. Защита и нападение в бизнесе и не только. СПб.: БХВ, 2005.
- Гуров Филипп. Продвижение бизнеса в Интернет: все о PR и рекламе в Сети. М.: Вершина, 2008.
- Борисов Юрий. Забыть Герострата // Игры в «Русский M&A». М., Спец-адрес, 2005.
- Старицкий Дмитрий. Черный пиар в корпоративных конфликтах // Слияния и поглощения. 2003. № 2
- Ющук Е.Л., Кузин А.В. Противодействие черному PR в Интернете. М.: Вершина, 2008.
- Невзлин Л. Б. Паблик рилейшнз. Кому это нужно? М., 1993.
- Аги У., Кэмерон Г. и др. Самое главное в PR / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2004.
- Басина Наталья. Пропаганды нет! // СИО. 2005. № 3.
- Вокруг России. М.: РИА «Новости», 2007.
- Беркитт Х., Зилли Дж. Маркетинг победителей. Секреты лучших маркетологов мира. М.: Бизнес и экономика, 2008.
- Чаудхури А. Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя. М.: Бизнес и экономика, 2008.
- Берроу С., Мосли Р. Бренд работодателя. Лучшее из бренд-менеджмента. М.: Экономика, 2008.

Заключение

Лекция 12. Мировые «rossika», славистика и русистика, советология и россиведение: влияние профессионального изучения России на общественное мнение

Список литературы

Дополнительная часть

Лекция 12.

Мировые «rossika», славистика и русистика, советология и россиведение: влияние профессионального изучения России на общественное мнение

В нашей заключительной лекции закономерно рассмотрение вопроса о том, а какую же роль играют профессиональные исследования России за рубежом. Что происходит с академическим знанием, связанным с изучением нашей страны? Сыщен ли их голос специалистов в СМИ?

Начнём с «rossiki», как наиболее старой попытки иностранцев систематизировать знания о нашей стране. В принципе, *rossika* – это псевдолатинское слово, изобретённое в Европе в XVII веке для обозначения *всех вещей и понятий, связанных с Россией*. Европейская «rossika» изначально включала в себя воспоминания, путевые заметки и исследования, написанные европейцами в XV-XX вв. Эти сочинения

начали привлекаться учеными-историками еще в XIX в. для изучения России. Кроме того, путешественники – очевидцы различных периодов, сами того не подозревая, создали не только бесценный исторический материал, но и систему стереотипов восприятия и оценок России, впоследствии ставшую важной гносеологической установкой в процессе описания России иностранцами.

Европейцы, приезжающие в Россию, уже имели определенные представления и стереотипные установки о ней и поэтому следовали в своих наблюдениях за этими моделями, которые сформировались в их сознании до личного столкновения с русской действительностью. В результате они искали подтверждения своим представлениям, и одни темы и явления привлекали их особое внимание, а другие оставались ими незамеченными. Поэтому когда они сами писали о России, то тем самым предоставляли как своим современникам, так и последователям готовую базу уже для их восприятия России и русских. Стереотипные модели «обрастили» уже личными впечатлениями, которые либо опровергали их начальные представления, либо подтверждали. Последнее встречается, как правило, гораздо чаще, поскольку основным свойством стереотипа является его высокая резистентность и низкая изменяемость под влиянием поступающей информации. Таким образом, европейская «rossika» на протяжении нескольких веков предлагала определенный круг тем, их изложение и интерпретацию, которые стали базисом для восприятия и современной России на Западе, что делает эти источники чрезвычайно полезными для постановки и решения некоторых культурологических проблем.

Следовательно, изучение системы восприятия России и русских иностранцами прошлого необходимо и сегодня. Недостаточно исследовать и отчасти понять то или иное устойчивое представление в его современном «звучании». Важно проследить его истоки и причины его укоренения в сознании другого народа на протяжении нескольких периодов истории взаимоотношений стран. Ведь совокупность стереотипов влияет на создание «национальной картины» в сознании одного народа по отношению к другому и на межнациональное восприятие, которое проявляется в конкретных ситуациях, в личном общении и даже в политической сфере.

Те актуальные культурологические проблемы русской цивилизации, истории и культуры, которые представлены в записках иностранцев («rossike»), можно объединить названием «социокультурная проблематика». Содержание европейской «rossiki» можно условно разделить на два информационных пласта: конкретно-исторический и социокультурный. Конкретно-исторический включает в себя разного рода бытовые описания и темы: города, дороги, климат, стоимость товаров, привычки и обычаи народа (чем питались, как молились, что читали и пр.) и другие сведения, позволяющие составить картину ежедневной жизни народа и общества. Социокультурная проблематика содержит в себе уже не конкретное бытописание, а отвлеченные, обобщенные рассуждения авторов о сути русской цивилизации и общества.

Несмотря на тот безусловный интерес, который представляет этот анализ России иностранцами для ученых различных направлений научного знания, он крайне редко привлекается в исследованиях по истории, культуре и философии России, чему есть несколько объяснений. До 1917 г. записки иностранцев о России были известны как ведущим историкам, так и широкому кругу просвещенных читателей, которые использовали их как пособие по истории собственной страны, нередко «отретуированной» русским правительством. Но при этом как историков, так и общественность интересовали больше конкретные исторические события и бытовые подробности жизни русского общества прошлых эпох. Рассуждениям о сути России уделялось мало внимания, поскольку они считались неинтересными и предвзятыми. Эта «предвзятость», а вернее, критичность высказываний иностранцев о России является второй причиной, почему эти источники не получают должного признания и сегодня.

Ситуация с подробным изучением сочинений иностранцев о России XVIII века осложняется еще и тем, что этот период характеризуется обилием отечественных источников, что незаслуженно ограничило необходимость в использовании «rossiki». Если исследователи истории России XV-XVII веков с готовностью привлекают любой источник, касающийся этого периода, поскольку собственно русскоязычных материалов недостаточно, то XVIII век позволяет во многом игнорировать иностранные источники. Поэтому этот пласт историко-мемуарной литературы относительно плохо изучен.

Современные историки часто не доверяют сообщениям иностранцев и не считают целесообразным привлекать их в качестве источников по истории России.

По сравнению с советским периодом сейчас увеличивается степень их востребованности наукой, однако, рассуждения европейцев о русской цивилизации, их социокультурная проблематика по-прежнему остаются малоисследованными и малоизвестными. А именно этот аспект является первым опытом культурологического анализа России, в значительной степени повлиявшим на становление русской общественной мысли и философии XIX-XX вв. Изучение социокультурного аспекта сочинений иностранцев важно для понимания причин современного восприятия России и русских на Западе.

Неотъемлемую часть «россики» составляют, например, французские сочинения. Особенно богатый материал предоставляет последняя треть XVIII в., когда сложились традиции написания сочинений о России, имевшие до этого не слишком оформленный характер в отличие, например, от уже созданного основательного корпуса английской и немецкой «россики». Французские сочинения о России XVIII в., начиная с Ж. Шапп д'Отроша, заняли со временем важное место в ряду таких основополагающих сочинений о России, как записки С. Герберштейна, Дж. Флетчера, А. Олеария. Кроме того, французская «россика» XVIII в. стала не только «пособием» по узнаванию России во Франции того времени, но и основой для более поздних сочинений, о которых мы уже говорили – к примеру, для знаменитой книги А. Кюстина «Россия в 1839 г.».

Известно, что появление первого собрания иностранной литературы о России связано с эпохой 1812 года. Уже в 1813 году директор Публичной библиотеки Петербурга А.Н. Оленин писал: «Настоящее время, столь обильное славными для России происшествиями, требует от начальства сей библиотеки особенного попечения о собрании сколь возможно полнейших сведений о нынешней войне между Россией и Францией...». Первые закупки и иные приобретения 1813-1815 годов, в том числе через посредство учреждений цензуры иностранных книг, фактически положили начало целенаправленному формированию коллекции зарубежной "россики", как стала именоваться иностранная литература о России и собственно отдел, в который она выделилась по инициативе Модеста Корфа в 1850 году (до этого времени относящиеся сюда издания откладывались в отделении истории).



Адам Олеарий. Обстоятельное описание нового восточного путешествия. Шлезвиг. 1647

Создание "Россики" стало предприятием общенационального культурного масштаба, его значение и размах вышли далеко за пределы самой Публичной библиотеки. На ноги было поставлено все: учебная поддержка крупнейших историков (Сергея Соловьева, Николая Устрялова и других), книгопродавцы и антиквары в Петербурге и в европейских столицах, иностранные университеты и библиотеки, с которыми Императорская публичная библиотека имела тесные связи и вела обмен, зарубежные ученые, все виднейшие коллекционеры и библиофилы. Сотрудники Библиотеки совершили ряд командировок в европейские страны. Сам Корф ездил в эти «библиографические поездки» трижды — в 1851, 1856 и 1861 годах.

В плане комплектования россика, наряду с Русским отделом, имела привилегированное положение. Для неё не были установлены твердые нормы ассигнований. Книги для будущей коллекции не

только выявлялись и выделялись, не только покупались и поступали по обмену, не только приходили в дар — их одновременно включали в карточные каталоги.

И непрерывно шли дополнения. В 1852 году в Публичную библиотеку была передана Эрмитажная библиотека. Через несколько лет — огромная библиотека Генерального штаба. В 1853 году у книгопродавца Брифа приобрели коллекцию редких печатных изданий, касающихся России. В 1860 году более тысячи редких книг принес в дар сенатский переводчик Сенниций, тогда же поступило и подаренное библиотекарем шведского короля Клеммингом богатейшее собрание брошюр, касающихся России и относившихся к началу XIX веков.



Современное состояние русской монархии в Европе и Азии... Эрфурт. 1749

Уже к началу 1854 года формирование коллекции было, в основном, завершено. В этот момент она включала 10 с лишним тысяч названий. Но уже через 10 лет состав коллекции увеличился почти втрое. 29391 название включено в изданный в ноябре 1873 года каталог. Алфавитный каталог коллекции "RUSSICA", уникальный проект Императорской публичной библиотеки, состоял в том, чтобы собрать воедино все опубликованные на иностранных языках книги и документы, содержание которых в той или иной мере касалось России и всех аспектов нашего государства.

Через пять лет после выхода его в свет 1-й Международный библиографический конгресс признал его «бесценным и единственным в своем роде трудом». Сорок лет спустя отделение насчитывало уже 230 тысяч сочинений, став крупнейшим иностранным собранием Публичной библиотеки. Оно включало научные и исследовательские труды, касающиеся истории, религии, различных аспектов культуры, всевозможных отраслей науки, а также переведенных на иностранные языки книги русских писателей, произведения, в основу которых легли впечатления зарубежных путешественников о России, альбомы гравюр и литографий, некоторые важные государственные документы и договоры.



Точное известие о ...
крепости и городе Санкт-Петербурге.
Лейпциг. 1713



Описание коронации Анны Иоановны. 1731

В известном смысле этот период — канун Первой мировой войны — был апогеем расцвета россии. За годы революции и гражданской войны иностранное комплектование было непоправимо

нарушено. Пожалуй, единственным крупным приобретением Россики этого времени стала покупка библиотеки известного историка и библиографа К.А. Военского (1919) с богатым и тщательным подбором иностранных книг по военной истории, главным образом наполеоновских войн. Ликвидация отделений и образование единого Иностранных фонда в соответствии с реформой 1930 года, продиктованной, прежде всего, идеологическими соображениями, привели к тому, что комплектование Россики по существу прекратилось. Она свернулась в замкнутую, историческую коллекцию.

Последующее развитие Россики стало осмысляться главным образом на путях библиографического и книговедческого освоения ее колосального информационного потенциала. Так, еще в 1960-е годы А.Л. Гольдбергом и И.Г. Яковлевой начала осуществляться продолжающаяся и по сей день обширная программа публикации материалов по отечественной истории из иностранных каталогов Публичной библиотеки.

Издания, поступившие в библиотеку до 1930 года, отражаются в электронном каталоге «Россика».

Славистика – это не одна наука, а целый комплекс наук о языках, истории и культуре славянских стран, среди которых центральное место занимает Россия. Мы же говорим «славяноведение», а русский язык, историю и культуру у нас изучают отдельно. На Западе понятия «славистика» и «русистика» частично перекрываются.

Славистикой профессионально и комплексно начали заниматься в 1920-х годах в Германии, а затем и в других европейских странах. В 1960-е она буквально расцвела в США. Сейчас уже можно говорить, что славистика стала всемирной наукой. Кстати, вся русская классика находится в Интернете по-английски и по-испански, не говоря уже о языках славян.

Есть и узкое толкование славистики в университетах, где она всего лишь отрасль филологии (лучше подошло бы французское *Lettres*, которое шире «филологии» и включает и историю, и философию), занимающаяся славянскими языками. Русским языком занимается уже мелкая специализация внутри славистики – «русистика».

Сама академическая модель функционирования знания о *Lettres*, как она сложилась в Европе королей и империй, во Франции, прежде всего, предполагает моноэтнический имперский взгляд на способы порождения этого знания. Язык тождественен государству, литература на этом языке – достояние и выражение гения нации, объединённой в Империю, и аборигены новых территорий имеют возможность стать людьми, только приобщившись к национальному гению Империи, воплощённому в её великом языке и не менее великой литературе.

Российская ассимиляционная культурная политика следовала более или менее этому лекалу, структура воспроизведения знания скопировала французские образцы – и с тех пор особых изменений не произошло. Как не произошли эти изменения, строго говоря, и в системе европейских институтов воспроизведения знания, остающегося в области «гуманитарных» наук моноэтническим империализмом. Университет – символ такой модели, и европейская славистика, и русистика в частности, -- лишь элементарный элемент этой гигантской системы. И не просто элементарный. *Сами проекты «языка» и «литературы» – сердцевина моноэтнического культурного империализма.* Те технические аппараты знания, посредством которых некоторый массив коммуникационных практик обосновывается в «русский» или «английский» язык, а некоторая совокупность письменного закрепления этих коммуникационных практик наделяется статусом «литературы» -- приводной ремень «Аппарата Захвата», посредством которого осуществляет свою колонизационную деятельность система этнокультурного империализма.

Ответственна ли славистика (русистика) за формирование образа России на Западе? Время от времени возникают дискуссии вокруг этого вопроса, однако, большинство экспертов склоняется к тому, что этот образ формируется всё же средствами массовой информации и людьми, зачастую вообще никогда в России не бывавшими и русского языка не знающими. Участие славистов в средствах массовой информации – минимально, и даже если какой-нибудь профессор Принстона или Йеля выступит по CNN со своим экспертным мнением (или профессор Сорбонны по TF1) по какой-нибудь текущей проблеме, то уж никак не

это определит формирование общественного мнения. К тому же, не надо забывать о таких трудностях, как консерватизм бытовых стереотипов, укоренённость идеи европоцентризма и идеи американской исключительности, прямолинейный перенос традиций и методов изучения своей страны на другую, наконец, известные ограничения в распространении сложных научных знаний в контексте СМИ.

Теперь обратимся к немного подзабытой у нас *советологии*. В зарубежной науке и публицистике термин «советология» (sovietology) имел широкое распространение в середине прошлого века. Этот термин обозначал *научное направление, посвященное изучению политики, истории, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза*. Оксфордский словарь отмечает его первое употребление 3 января 1958 года в лондонском еженедельнике «Observer». В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. На рубеже 1950-60-х годов, как писал Д. Армстронг, основатели американского изучения СССР всё еще отвергали определение «советология», отдавая предпочтение более банальному «изучению российского региона». А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что «советология» -- ужасное слово, но как можно его не использовать?". К такой позиции был близок и Стивен Коэн, для которого «советология – неэлегантное, но полезное слово».

В зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали с уничижительными определениями.

В близком значении иногда использовался термин «кремлинология» (kremlinology), внутренняя форма которого подчеркивала повышенный интерес соответствующих специалистов к дискурсу советских лидеров, которые жили и работали в Кремле. Поэтому *кремлинология нередко определяется как исследование дискурса советских (а теперь и российских) политических лидеров*.

Вместе с тем следует отметить, что советология и кремлинология – это еще и обозначения соперничающих научных направлений. Классические советологи акцентировали эвристичность своих методов и достоверность прогнозов, тогда как кремлинологи подчеркивали, что их внимание к деталям приносит весьма существенные результаты. Например, советологи гарвардской и чикагской научных школ скептически относились к «кремлинологам», сосредоточившим внимание на мельчайших изменениях в языке, поведении, образе жизни «хозяина Кремля» и его ближайшего окружения. Так, «гарвардцы» считали поспешными выводы кремлинолога М. Раша, указывавшего на становлении «культы Хрущева» на основании того, что в газете «Правда» от 1955 года привычную подпись «первый секретарь» вдруг написали с заглавных букв («Первый Секретарь»), а в речи Хрущева обнаружились «тиpичные словечки Сталина». Кремлинологи же любят вспоминать, как они, уделявшие пристальное внимание протокольности коммунистической элиты, обратили внимание на то, что как-то в Большом театре среди большевистских лидеров не оказалось Берии, и сделали вывод о его смещении. Скептики говорили о том, что, может быть, Берия не любит балета, но через несколько дней Берия был объявлен предателем.

В вышедшем в постсоветский период исследовании этапов развития рассматриваемого научного направления М. Малиа представляет советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением «изучение региона», а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием «советология» (10). По мере накопления исследований и дифференциации научных интересов появились политическая, экономическая, социологическая, юридическая и иные виды советологии. Несмотря на позднее «терминологическое оформление» указанных исследований под наименованием «советология», точкой отсчета для этого направления стало возникновение на политической карте мира Советской России и ССР, потому что первые советологические исследования появляются сразу после возникновения советского государства.

Ряд наших специалистов сегодня внимательно изучают даже лингвистическую советологию, предметом которой служат языковая политика в ССР, особенности советского тоталитарного дискурса, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. Вполне закономерно, что основное внимание советологи уделяли русскому языку как языку «межнационального общения», который никогда не признавался государственным, но реально был таковым все годы существования советской власти. Выделяется даже четыре этапа существования лингвистической советологии. Первый относится к периоду с 20-х гг. до конца Второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем,

что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах. Следующий этап приходится на период «холодной войны», когда идеологическое противостояние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления. Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения миновала, но сохранялась острые идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах. Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России.

Исследования российского политического языка, по-видимому, уже выходят за рамки советологии и в последние годы нередко обозначаются зарубежными специалистами как «постсоветология» (post-sovietology).

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на клевете на социалистическое государство, а советологи – малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. Вместе с тем всегда были специалисты, которые изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

До 1970-х годов в советологии лидировали концепция тоталитаризма и теория конвергенции двух систем – капитализма и социализма. Затем, в конце 70-х годов возникла концепция ревизионизма (А. Шлезингер, Дж. Гэддис), а в 80-е получило распространение представление о миросистеме как единой основе мирового развития (К. Дейч, Д. Сингер, М. Каплан). Естественно, всё это внимательно изучалось в Советском Союзе, хотя и не всеми. Работы западных учёных хранились в специальных хранениях крупных библиотек и доступ к ним имели лишь проверенные специалисты. Основная их задача сводилась к тому, чтобы раскритиковать советологов и разоблачить их «фальсификации». В ряде академических институтов возникли специальные сектора, возник поток диссертаций по «буржуазной фальсификации», хотя их авторы часто не знали иностранный язык или не имели доступа к оригинальным западным исследованиям. Среди наиболее известных трудов по разоблачению идеологических противников назовём несколько знаковых работ. Прежде всего, это коллективный труд ведущих специалистов Института истории СССР АН СССР под названием «Против фальсификации истории» (М., 1959), Б.И. Марушкина «История и политика. Американская буржуазная историография советского общества» (М., 1969), «Буржуазные концепции культуры: кризис методологии» (Киев, 1980), А.Н. Тура «Буржуазная советология – важнейшее направление антисоциализма. Несостоятельность методологических основ буржуазных «моделей социализма» (Минск, 1987), В.В. Борщкова «Поле битвы идей. Советская литература за рубежом» (М., 1988), «Буржуазная советология: основные направления и тенденции» (М., 1988) и др.

Россиеведение, естественно, наследовало всё то, что наработали советология или «кремлинология».

После распада СССР, собственно, и стало возникать то, что сегодня получило название «мировое россиеведение». Некоторые советологические центры в США и Западной Европе попросту

прекратили свое существование из-за прекращения финансирования. Цель достигнута, Советского Союза больше нет. Новое направление исследований появилось как в результате изменения внешнего фактора – изменением самого объекта изучения, так и обострения борьбы, прежде всего, в США, между тоталитаристским и ревизионистским направлениями. Причем, эта борьба быстро зашла в тупик. А причиной этого стал тот факт, что никто из представителей названных течений не смог предсказать крушение СССР, а значит, подтвердить свою состоятельность. Известно, что тоталитаристы лишились своей монополии в изучении России, а ревизионистское направление утратило свой авторитет. Однако, к примеру, журналист П. Черёмушкин считает, что американский историк и политолог Стивен Коэн всё-таки предсказал распад СССР.

Оказавшись в кризисе, мировое россиеведение стало искать пути выхода из него, во-первых, через освоение методов и данных других гуманитарных наук – социологии, политологии, социальной антропологии и психологии, во-вторых, через обращение к этнокультурным идеям. Можно назвать ещё одно популярное в 90-е годы направление. Тот же Стивен Коэн в книге «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России» (М., 2001) подробно проанализировал развитие *транзитологии*, в основе которой присутствует идея догоняющего (Запад) развития России.

Обратимся к основным идеям, которые разрабатывает западное россиеведение, и к основным дискуссиям, которые ведутся сегодня вокруг современной России.

По-прежнему, профессионалы внимательно прислушиваются ко всему, что говорит патриарх французского россиеведения Ален Безансон. Так или иначе, многие из его коллег возвращаются к поставленному им вопросу: сумеет ли Россия стать одним из полюсов в многополюсном мире? Для самого Безансона это отнюдь не очевидно. Запад в течение последних десяти лет бережно обходился с Россией в силу уверенности, что, пережив нынешнее «смутное время», она вновь станет той величайшей державой, которой оставалась на протяжении трех столетий. Поэтому нужно было стараться не «унижать» ее, мириться с ее капризами, преуменьшать масштаб преступлений, творящихся в Чечне. Кроме того, если смотреть geopolitically, то Россия вот уже четыре столетия занимает пространство, являющееся самым «сердцем Евразии». И важно, чтобы эта имеющая первостепенное значение территория контролировалась цивилизацией, все-таки более близкой Европе, чем тюрко-монгольская или китайская.

Но если посмотреть чисто по-человечески, считает Безансон, то кажется маловероятным, чтобы Россия вновь стала величайшей державой. В период между 1763 и 1815 годами Франция утратила этот статус и никогда впоследствии не сумела его себе вернуть. Не удалось это ни Великобритании после 1918 года, ни Германии после 1945-го. Сегодняшнее состояние России никоим образом не гарантирует, что она будет способна прочно удерживать «сердце Евразии», которое она лишь занимает, но не заполняет. Если она сумеет установить у себя нормальный политический и экономический режим, то скорее проявит тенденцию отойти на свою исконную центральную территорию – единственную, которую она в состоянии успешно развивать и эксплуатировать.

Таким образом, как бы парадоксально это ни звучало, Россия сможет стать одним из полюсов в многополюсном мире, к которому стремится Запад, лишь при условии, что она не станет «западной», а будет по-прежнему играть роль великой державы, «вымученную, бессмысленную и губительную для нее самой».

«В России не было либеральной демократии при Ельцине, и при Путине она не скатилась к тоталитаризму. Но давнее, с религиозной подоплекой, опасение Америки 'потерять' Россию снова занимает центральное место в ходе дискуссий», -- считает известный профессор Стивен Коткин. Почему Россия все время выводит ангlosаксов из себя? -- спрашивает он. Советский коммунистический режим рухнул, империя «распустилась». Затем пришел черед великих надежд и провалов девяностых: достаточно вспомнить «полупутч» и танковую атаку на парламент в 1993 г., референдум по новой конституции с «подправленными» результатами, сомнительную приватизацию, войну в Чечне и дефолт 1998 г. Но после всего этого, в декабре 1999 г. Ельцин попросил прощения у сограждан, досрочно ушёл в отставку - и назначил исполняющим обязанности президента своего премьера и бывшего шефа тайной полиции В.В. Путина. К ужасу многих Ельцин предсказал: этот никому не известный разведчик – именно тот человек, что

«объединит вокруг себя тех, кто возродит великую Россию». Невероятно, но факт: все произошло именно так.

И теперь западные россиеведы называют это жесточайшим разочарованием, или даже пугающей перспективой? Возвышение Путина – закулисный ход, организованный ельцинской семьей (как в буквальном, так и в политическом смысле), движимой не столько патриотизмом, сколько инстинктом самосохранения – войдет в историю как один из самых позитивных элементов неоднозначного наследия первого российского президента. Теперь уже Путин, как и его покровитель, лично подобрал себе преемника. Конечно, Путин не планирует коротать время между дачей и больницей, как это делал Ельцин в последние годы своего президентства. Тем не менее, в характерной хитроумной манере Путин сумел соблюсти конституционное ограничение относительно двух президентских сроков. В мае 2008 года Д.А. Медведев взял в свои руки громадные полномочия президента (подарок Ельцина) в условиях, когда российское государство больше не одолевает разброд (подарок Путина).

Почему это стало поводом для почти единодушного неприятия на Западе?

Пропасть непонимания между Россией и Западом разверзлась из-за двух весьма сомнительных мифов. Во-первых, на Западе хаос и всеобщее обнищание при Ельцине приравнивается к утверждению демократии, пусть и несовершенной, которую Путин в дальнейшем уничтожил. Но если какие-то завоевания можно так легко ликвидировать, они, вероятно, были не так велики, как их изображали. Тем не менее, миф о сворачивании демократии Кремлем объединяет тех, кто испытывает ностальгию по «холодной войне», кому «не хватает врага», с новым поколением специалистов по России, многие из которых в девяностые всерьез участвовали в иллюзорном проекте «построения демократии» в этой стране, и теперь испытывают разочарование (и остались не у дел). Согласно второму мифу, бытующему уже в России, КГБ был единственным институтом, унаследованным от советской эпохи, что устоял перед коррупцией, сохранил патриотизм, и способность восстановить порядок. В результате либерализация российской экономики ставится в заслугу «шпионам» из путинского окружения, хотя на самом деле она стала результатом усилий его помощников, не связанных со спецслужбами.

Каждый из этих мифов чрезвычайно раздражает другую сторону. Когда подавляющее большинство россиян соглашается, и даже аплодирует, концентрации власти, англо-американские наблюдатели усматривают в этом не только незнание истинного положения дел, но и приверженность авторитаризму. (К сожалению, россиянам никогда не удавалось ощутить на вкус сочетание подлинной демократии и верховенства закона с повышением жизненного уровня). Когда же зарубежные ученые и публицисты превозносят ельцинскую Россию, чей национальный доход едва дотягивал до 200 миллиардов долларов, подвергавшуюся унижениям на международной арене, и клеймят Россию путинскую, с ВВП в 1,2 триллиона долларов, вернувшую себе статус мировой державы, большинство россиян подозревает, что налицо здесь не просто непонимание, но и злой умысел.

Признание того, что Путин унаследовал недееспособное государство, одолеваемое воровством инсайдеров и произволом региональных властей, не означает оправдания его некоторых методов управления, порой контрпродуктивных. Притом, что многие российские чиновники честны и компетентны, госаппарат по-прежнему отличает слишком высокий уровень коррупции (что, впрочем, характерно и для большинства других стран мира). Функционеры высшего звена, пользуясь служебным положением, прибрали, и продолжают прибирать к рукам лучшие коммерческие активы. Чиновничество на всех уровнях сегодня ищет собственной выгоды, копируя репрессивные методы и манипуляции Кремля. Но в то же время в России растет экономическое благосостояние, рост потребления толкает вперед рыночную экономику, формируется средний класс, гордящийся своими достижениями. Это сочетание относительно закрытой, нестабильной политической системы с относительно открытым, стабильным обществом может показаться невероятным – но оно вполне реально.

Что происходит, когда в большой стране, занимающей важное место в мире, динамично развивается свободная рыночная экономика, интегрированная в мировое хозяйство, а политическая система остается недемократической, и никаких сдвигов здесь не происходит? Это непростая задача для экспертов. Люди из коридоров политологии и обществоведения убаюкивают себя аргументами о том, что

экономический рост без верховенства закона по определению неустойчив (правда, возникает один вопрос – а как же Китай?), или о том, что развитие рыночной экономики в конечном итоге неизбежно приведет к политической либерализации. На практике, однако, Россия далеко не единственная страна, где проводятся манипуляции с выборным процессом и отсутствует верховенство закона, но рыночная экономика при этом динамично развивается. В России права частной собственности не гарантированы, но сама частная собственность уже получила широкое распространение.

Приспособление концептуального инструментария к, казалось бы, невозможной по определению российской ситуации уже началось, но идет оно медленно и мучительно. «Когда я работала в Москве в 1994-1995 гг. на Национальный демократический институт (National Democratic Institute), американскую неправительственную организацию, я и представить себе не могла подобное развитие событий, -- призналась недавно на страницах American Scholar Сара Мендельсон (Sarah Mendelson), специалист по России и старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies). Мы думали, что находимся на переднем крае демократической революции. Но это было не так. Мы были свидетелями рыночной революции». Это запоздалое осознание сути происходящего пока не нашло широкого распространения. Преобладают мысли по поводу того, как «Запад в очередной раз «потерял» Россию», и призывы «сопротивляться» Путину.

Эдварда Лукаса (Edward Lucas), по его собственным словам, КГБ однажды депортировал из страны. Дело было в 1990 г., когда британский гражданин Лукас, уже после того, как Литва провозгласила независимость, но еще до официального «роспуска» СССР, въехал в эту республику по литовской визе. Насколько мне известно, аресту за свои убеждения он не подвергался. Тем не менее Лукас, технически не являясь диссидентом, озвучивает совершенно «диссидентские» аргументы. Это типичный пример того, как из-под пера весьма компетентного журналиста – Лукас работает корреспондентом Economist в Центральной и Восточной Европе – может выйти не слишком убедительный полемический опус вроде его книги «Новая «холодная война»: Почему Кремль представляет угрозу и для России, и для Запада» (The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West). Россия, утверждает автор, развязала настоящую войну за влияние во всем мире, опираясь на свои гигантские сырьевые ресурсы и финансовые средства, но грозному медведю пытаются противостоять лишь США и Британия; Германия же вступила с ним в сговор, а Китай, возможно, даже «сотрудничает».

Впрочем, сам же Лукас и опровергает собственный тезис о возврате к «холодной войне». Он отмечает, что Восточная Европа теперь свободна. Россияне могут свободно выезжать за границу. В самой стране царит потребительский бум. Военной угрозы Россия не представляет (на оборону она расходует в 12 раз меньше, чем США). Как отмечает Лукас, «прежняя «холодная война» действительно завершилась». Что же касается «новой идеологии» в России, которая и привела Лукаса к выводу о начале новой «холодной войны», то, по собственному признанию автора, «ее основные ингредиенты не новы: обостренное чувство особого предназначения страны, предпочтение стабильности свободе и сильная неприязнь к лицемерию и поверхностности Запада». Сам же Лукас и добавляет: «аналогичные взгляды бытуют во многих странах, помимо России». Тем не менее, настаивает он, «по сочетанию и остроте [этих взглядов] Россия выделяется на общем фоне». Раздражение вызывает то обстоятельство, что Россия способна подкрепить делом эти разделяемые многими странами взгляды. В отличие от Германии и Японии, потерпевших поражение во Второй мировой войне, Россия «не покаялась» и ведет себя «дерзко».

Добавим к этому другие высказывания: «Представители Кремля регулярно устраивают истерики в международных организациях. Они блокируют осуществление программ в странах, которые не нравятся Москве». И вот еще: Россия запугивает малые страны, Россия заигрывает с диктаторами, Россия использует свои рычаги влияния для скупки лучших активов за рубежом, Россия нанимает лоббистов и «агентов влияния» в других странах. Что ж, силовая политика выглядит малоприятно, но разве только Россия ее проводит – и так ли уж она эффективна? «Кирпичик за кирпичиком, -- пишет Лукас, -- Кремль строит свою сферу влияния». Так ли это? Автор излагает новую «теорию домино»: Если России сойдет с рук шантаж на Кавказе и Балканах, придет очередь Восточной Европы, потом Западной, потом Арктики. Впрочем, напуганный читатель может найти утешение в самой же книге Лукаса. Кремль, отмечает он,

«постоянно перегибает палку». В другом месте, охая по поводу многочисленных трубопроводных проектов Кремля, он затем делает вывод: «Главный вопрос для Европы в следующем десятилетии скорее всего будет звучать так: что делать, когда России не хватит газа для поставок?» Такое вот страшное энергетическое оружие. Россия «оказалась у разбитого корыта», пишет Лукас, «она готова удовлетвориться тем, чтобы на нее просто обратили внимание». И дальше: «Она компенсирует свою реальную слабость, делая вид, что она сильна».

Итак, Лукас, видя притворство Москвы, тем не менее, продолжает: «К оружию!». «Восточная Европа, -- неоднократно предупреждает он, -- находится на линии фронта новой «холодной войны». Невероятно, но факт: он даже вспоминает Чемберлена и Мюнхенскую конференцию 1938 г. Те же страны, те же уроки, заявляет автор. Самое интересное, что Лукас с необычной откровенностью пишет о нынешних восточноевропейских государствах. «Парадокс, -- отмечает он, -- заключается в том, что эти плохо управляемые, капризные, нетерпимые страны расположены на передовой линии, которую Запад пытается защищать». Другими словами, Лукас бьет тревогу по поводу новой «холодной войны», хотя те самые страны, которые, по его словам, подвергаются серьезной опасности, входят в состав ЕС и НАТО. Он что, Устава НАТО не читал? Лукас даже требует «немедленно начать конфронтацию», поскольку, «если мы не выиграем новую «холодную войну» на собственных условиях, нам придется ее вести в то время и в том месте, что выберет противник». Лукас доказывает, как Кремль скрывает «реальность – беззаконие, жестокость, алчность» за декоративным фасадом выборов. Лукас даёт трезвый анализ ельцинского периода. «Необходимость «генеральной уборки» назрела и перезрела», -- подчеркивает он, называя хаос девяностых «идеальной средой . . . для закулисного путча наследников КГБ». Далее автор отмечает, что «олигархов выбрали мишенью вполне заслуженно», хотя его и смущает избирательный характер этой кампании. И уж совсем точно его замечание о том, что пост-ельцинская Россия – это страна, «в которой простой гражданин может надеяться на исполнение своих личных желаний за счет способностей и упорного труда»; «Никогда еще в истории России большинству ее жителей не жилось так хорошо и свободно». Но одновременно Лукас утверждает, что по сравнению с «путинизмом» «ельцинская эпоха выглядит уже не так плохо», а сам Путин «предал» идею предшественника о «дружбе» с Западом.

Многие эксперты сегодня не пытаются преуменьшить экономические достижения России. Они сравнивают новую Россию с динамично развивающимися Бразилией и Индией. Осознаётся и позитивное значение России для Европы, поскольку Россия – один из самых перспективных рынков мира, по масштабам значительно превосходящий все другие страны Центральной и Восточной Европы вместе взятые. Однако, противореча самим себе, эти эксперты заявляют: «западные бизнесмены без малейшего стыда следуют туда, куда указывает их кошелек» и «трудно винить немецкие компании в том, что они действуют в интересах своих акционеров».

Из всего этого, судя по всему, можно сделать сразу два вывода. Во-первых, призывая европейские страны преодолеть разногласия друг с другом и с Соединенными Штатами, он, сам того не желая, демонстрирует, что единого «Запада», в том смысле, что обычно вкладывается в это понятие, возможно, уже не существует. Во-вторых, не исключено, что российский «авторитарный капитализм» -- совсем не тупиковый путь. И остальному миру, возможно, придется сосуществовать с богатеющей авторитарной Россией.

Нравится это или нет, эффективную геополитику в XXI веке уже невозможно осуществлять, вынуждая других становиться такими, как США: она должна приспосабливаться к появлению новых великих держав, отбросить иллюзии и признать российские реалии, отказаться от наивной идеи о том, что Запад способен повлиять на внутриполитические процессы в России.

В книге «Миссия Америки и «империя зла»: крестовый поход за «свободную Россию» с 1881 г. до наших дней» (The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" since 1881), Дэвид С. Фоглсонг (David S. Foglesong), профессор Университета им. Ратжерса (Rutgers University), показывает, что начало деятельности миссионеров, экономических советников и активистов-общественников, пытающихся нести в Россию слово божье, капитализм и демократию, положили еще ветераны американского аболиционистского движения. «Очарованность» Россией у американцев возникла

после убийства террористами царя Александра II в Петербурге в 1881 г.: вскоре после этого Джеймс Уильям Бьюэл (James William Buel), журналист из Миссури и автор популярной биографии бандитов Джессса и Фрэнка Джеймсов, проехал по всей империи, собирая материал для книги. «Цивилизация быстро распространяется на восток, -- писал он, -- и, со штыком ли, или с псалтырью, она пройдет маршем по всем уголкам царских владений».

Фоглсонг показывает, как многие влиятельные американцы раз за разом указывали на возможность, даже необходимость, распространения «словес истины» в России, а затем, когда она не превращалась в некое подобие США, в ужасе отстранялись и начинали обвинять во всем несносный русский национальный характер или лидеров страны -- вплоть до Путина. Выдающееся достижение автора состоит в том, что он демонстрирует: еще задолго до «холодной войны» Россия стала для Америки «заблудшим братом» -- объектом несбыточных ожиданий, покровительственного снисхождения и источником уверенности в своей правоте на пути к собственной цели (без особых практических результатов, достигнутых в самой России).

Таким образом, автор помещает в нужный контекст и саму «холодную войну» -- период, когда публицисты вроде Уильяма Ф. Бакли-младшего (William F. Buckley Jr) и политики вроде Рональда Рейгана провозглашали «крестовые походы», чтобы поднять боевой дух Америки. Россия в те времена была не только угрозой, но и средством для осуществления чисто американских целей (некоторые сосредоточивались на борьбе с «порождением коммунизма» в США -- «социальным государством»; другие после вьетнамской катастрофы хотели «воздородить веру в то, что Соединенные Штаты - благородная страна с особой исторической миссией»). Раскрывая присущее американцам «пьянящее ощущение богоизбранности своей страны», Фоглсонг помогает объяснить эйфорию, сменившуюся разочарованием, по отношению к постсоветской России в 1990-х и начале XXI века.

В 2006 г. Стивен Сестанович (Stephen Sestanovich) из американского Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations) подготовил нашумевший доклад под сенсационным заголовком «Неверный путь России: что могут и должны сделать США» ("Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do"); он вышел за подпись двух политиков -- Джона Эдвардса (John Edwards) и Джека Кемпа (Jack Kemp). В этом документе констатируется: попытки Вашингтона подключить Москву в качестве партнера (младшего) к реализации глобальной программы США провалились. Поэтому в докладе рекомендуется политика «избирательного сотрудничества» в тех вопросах, где еще есть надежда заставить Россию действовать по американской указке. При этом в нем отмечается, что в осуществлении своей давней миссии -- «спасении» России от авторитаризма -- Америка столкнулась с серьезными затруднениями. Тем не менее, несмотря на важное значение России для США, а в соответствии с аналогичной логикой доклада, как раз из-за него -- демократизация этой страны должна оставаться одной из внешнеполитических задач Вашингтона. «Не ограничиваясь словесными заявлениями относительно свертывания демократии в России, -- предлагается в документе, -- США должны увеличивать, а не сокращать ассигнования в соответствии с Законом о поддержке свободы, уделяя особое внимание организациям, борющимся за проведение свободных и честных парламентских и президентских выборов в 2007-2008 гг.».

Еще больший резонанс вызвала статья Майкла Макфола (Michael McFaul) и Кэтрин Стонер-Вайс (Kathryn Stoner-Weiss) «Миф об авторитарной модели: путинская «твёрдая рука» сдерживает развитие России» ("The Myth of the Authoritarian Model: How Putin's Crackdown Holds Russia Back"), опубликованная в этом году в журнале *Foreign Affairs*. Она прозвучала как боевой клич для упавших духом американских поборников «распространения демократии», жаждущих восстановить позиции, утраченные из-за Ирака. Соавторы пытаются доказать, насколько авторитарен путинский режим по сравнению с ельцинской «электоральной» демократией (весьма красноречивая оговорка), и насколько мало этот авторитарный режим причастен к экономическим успехам России.

Но их аргументы -- простая подмена понятий. Дело здесь не авторитаризме, а в ряде важнейших мер по либерализации экономики (радикальном пересмотре налоговой системы, сокращении бюрократической волокиты, введении частной собственности на землю), а также поддержании жесткой финансовой дисциплины и макроэкономической стабильности. Авторы замалчивают эти радикальные шаги;

не упоминают они и о том, что в любой стране второй срок президента редко характеризуется продолжением смелых реформ. Макфол, похоже, не понимает, что его непрошенная забота о России полностью вписывается в русло столетней традиции провального «евангелизма», выявленной Фоглсонгом. Более того, соавторов (они оба работают в Стэнфорде) не упрекнешь в склонности к самоанализу: они приписывают «параноидальному национализму» откровенное заявление Путина о растущем «потоке денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела» -- а ведь он говорил о действиях, в которых Макфол принимает участие, и которые он рекомендует.

То, что Макфолу и Стонер-Вайс приходится вести свое сражение за распространение демократии на экономическом «поле», явно не усиливает их аргументацию. Утверждая, что расширение государственной собственности в последние годы привело к ухудшению экономических показателей России, они недооценивают один факт: до самого недавнего времени рост в стране во многом достигался за счет того, что она выжимала последние капли из вложений, сделанных еще в советские времена -- теперь осуществлять эту тактику стало уже невозможно. Если вывести за скобки двух энергетических гигантов -- «Роснефть» и «Газпром», расширение государственной собственности в сфере бизнеса выглядит не слишком радикальным. Кроме того, многие российские государственные компании, включая и упомянутых энергетических гигантов, либо уже сокращают, либо должны сократить долю государства в своих активах до 51%. (В 2007 г. российские компании провели IPO на общую сумму в 33 миллиарда долларов, в основном на зарубежных биржах). Наконец, российские государственные корпорации, при всей сомнительности их методов, не почли на бюрократических лаврах, а тешат свое это (и повышают прибыльность) за счет активной скупки активов.

Конечно, масштабное заимствование для финансирования этих приобретений, наверное, не самая разумная стратегия роста (в США, по крайней мере, она доказала свою несостоятельность). Однако, как указывает Дэвид Вудрафф (David Woodruff) из Лондонской школы экономики, российские государственные компании способны выполнить свои международные финансовые обязательства, правда, только за счет расширения доли рынка и повышения прибылей. И если они окажутся не на высоте этой задачи -- что ж, законы капитализма неумолимы.

В качестве самого убедительного, по их мнению, аргумента, Макфол и Стонер-Вайс ссылаются на то, что показатели роста других постсоветских государств часто оказываются немного выше российских, конкретнее они указывают, что по его темпам Россия в 1999-2006 гг. занимала лишь 9 место среди 15 республик бывшего СССР. Различия в показателях, а значит и разрывы между местами в рейтинге невелики. Куда важнее другой факт, на который они не обратили внимания: народное хозяйство всех этих стран тесно взаимосвязано, поэтому следует учитывать влияние роста гигантской российской экономики на другие, куда меньшие по масштабам. Так, в 2007 г. для граждан как минимум полдюжины бывших советских республик Россия была главным источником доходов. В этом году более 30% ВВП Таджикистана составляли денежные переводы таджиков, работающих в России. Для Молдовы объем таких переводов, по оценкам, тоже приближается к 30% ВВП, для Киргизстана составляет более 20%, а для Грузии и Армении -- 10-20%. И так далее в том же духе. Представим, что произойдет на Украине, если миллионам ее граждан, сумевшим найти работу в России, вдруг пришлось бы вернуться домой, и пополнить армию безработных. Сравнимый уровень экономической зависимости можно обнаружить, наверно, лишь у тех стран, чьи жители работают в США и отсылают заработанное на родину. Российские экономические показатели и политика дают немало поводов для критики, но сверхвысокие темпы роста в Казахстане в этом смысле не аргумент.

На деле, однако, Макфолом и Стонер-Вайс движет не интерес к экономическим проблемам, а якобы насущная необходимость распространения демократии с точки зрения внешней политики США. С этой точки зрения в том же русле лежат тезисы Роберта Легволда (Robert Legvold), редактора вышедшего в прошлом году сборника статей «Российская внешняя политика в XXI веке и тень прошлого» (Russian Foreign Policy in the Twenty-first Century and the Shadow of the Past). Написанное им предисловие к книге -- давно назревший манифест о пользе истории при изучении современной России. Однако, побуждая аналитиков исследовать прошлое России, Легволд одновременно призывает саму Россию «избавиться от собственного прошлого», под которым он подразумевает авторитаризм. И, главное, он настаивает, что

заинтересованность США и ЕС в характере внутриполитического устройства России вполне «легитимна», поскольку оно непосредственным образом отражается на соседних странах. Источником российской внешней политики, по мнению Легволда, являются не национальные интересы страны, а характер ее политической системы. Это типичный пример проекции вовне одного из основополагающих представлений Америки о самой себе, о том, что США действует на мировой арене исходя не из своих национальных интересов, а из демократического характера своего политического строя.

Не все авторы статей, вошедших в сборник, согласны с Легволдом в том, что российский «абсолютизм» не годится для эпохи глобализации. Дэвид Макдоналд (David McDonald), к примеру, считает, что российский абсолютизм содержит достаточно эффективный инструментарий, который и сегодня может пригодиться для экономического и культурного развития страны, хотя здесь очень важно не перегнуть палку. Общий тон сборника, однако, вполне укладывается в рамки выявленного Фоглсонгом «крестового похода» -- проекции американской идентичности на Россию, что продолжается с 1881 г. Фоглсонг цитирует Дэвида Лоуренса (David Lawrence), основателя US News and World Report, который еще в 1958 г. подытожил основополагающее кредо американского истеблишмента следующим образом: «В мире не будет безопасности, пока на земле существуют авторитарные режимы». Этот тезис открывает широчайший простор для «миссионерской» внешней политики (и неизбежно связанного с ней лицемерия).

Из-за нераскрытых убийств российских журналистов и арестов политических активистов многие наблюдатели стремятся, как минимум, выставить экономический бум путинской эпохи результатом простого везения, дескать, Россию держат на плаву только высокие цены на нефть и газ, заложенные природой в ее недра миллионы лет назад. Что ж, возможно, Россию действительно ждет спад. С точки зрения повседневных функций государства Россия управляет плохо, что придает ей уязвимость в случае кризиса. А мир глобализируется, в нем все взаимосвязано, и если китайский бум потеряет импульс, образовавшаяся гигантская воронка со страшной силой потянет Россию вниз. Впрочем, что бы ни ждало нас впереди, уже ясно одно: таких мощных авторитарных государств с рыночной экономикой, как Россия и Китай, мир не видел уже давно. Однако сегодняшние авторитарные Россия и Китай не агрессивны в военном плане. И что бы не писал Эдвард Лукас, эти страны вряд ли потерпят поражение в какой-либо войне и подвергнутся оккупации, чтобы кто-то вроде Майкла Макфола и Кэтрин Стонер-Вайс смогли устроить очередной демократический крестовый поход наподобие тех, что так скрупулезно описал Дэвид Фоглсонг.

Власть Кремля может показаться неограниченной. Но вот какое интересное наблюдение приводит Стивен Коткин. В XX веке лидеры демократических Соединенных Штатов находились у власти в среднем по 6 лет. Для авторитарной России в тот же период аналогичная цифра составляет примерно 10 лет. Если же не брать в расчет долгий период сталинской диктатуры, она вообще упадет до восьми. Тем не менее, в авторитарных государствах передача власти, с точки зрения правящего режима, всегда непростой момент. Одно из многочисленных слабых мест авторитаризма заключается в том, что при нем никуда не годные варианты кажутся привлекательными. Пример тому -- распространенные надежды, что реальным правителем России останется Путин. Однако, какова бы ни была судьба нынешнего «преемничества», кремлевский вариант «китайской стратегии» скорее всего будет осуществляться и дальше: элементы глобализации, способствующие либерализации политического процесса, будут подавляться, а ее экономические аспекты развиваться в максимально возможной степени.

В общем, о сегодняшней Москве, как в свое время о китайском и арабских авторитарных режимах, россиеведы склонны говорить «русские идут». Когда российский капитал, уже весьма заметный в континентальной Европе и Британии, еще большими силами явится на Уолл-стрит, будет ли осознанно, что у России возникнет существенная заинтересованность в том, чтобы дела у США шли успешно? Оценят ли тот факт, что наличие российских активов на американской территории (которые можно конфисковать) даст мощный рычаг влияния на Кремль, которого сейчас у США нет?

Что же касается ЕС, то если для Северной Африки отношения с ним, вероятно, действительно жизненно важны, то для России (и Китая) они имеют куда меньшее значение. Скорее всего, Евросоюз надолго будет поглощен вопросом о вступлении Турции, а Россия, как и Китай, тем временем будут и дальше развивать двусторонние отношения с отдельными европейскими странами. Ее товарооборот со

странами ЕС весьма велик, он в три раза превышает объем торговли с бывшими советскими республиками, а Германия является ее крупнейшим экономическим партнером (в 2007 г. объем товарооборота между двумя государствами достиг 52,8 миллиардов долларов). Тем не менее, сегодня самое важное место для России – это Лондон, как один из мировых центров глобализации. Его значение – одна из причин, по которым Россия пытается такими акциями, как преследование Британского совета, дипломатическими средствами дать понять о намерении твердо отстаивать свой суверенитет по всем пунктам (точно так же в аналогичных случаях поступает и Китай), не нанося при этом ущерб своим реальным интересам.

Впрочем, могущество России на мировой арене американские россиеведы не переоценивают. В будущем на долю США, ЕС и Китая будет приходиться как минимум по 20% общемирового ВВП. Аналогичная же доля России, даже если она займет пятое место среди крупнейших экономических держав мира, не превысит 3%. Кремль будет использовать статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и место в «большой восьмерке» для защиты своих интересов на международной арене, и одновременно стремиться к поддержанию хороших отношений с Китаем в рамках различных форумов. Однако Россия не входит в ЕС, и не является ни союзницей США, ни союзницей Китая. И Брюссель, и Вашингтон, и Пекин воспринимают ее как возможного партнера, но и как потенциального противника. И, главное, если российские компании, будь то государственные или частные, не встанут вровень с наиболее эффективными корпорациями мира, о любых «больших играх» можно забыть. «И сейчас на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики, -- заметил Путин, излагая стратегию развития страны до 2020 г. -- И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики». Он добавил: «Главная проблема сегодняшней российской экономики – это ее крайняя неэффективность. Производительность труда в России остается недопустимо низкой. Те же затраты труда, что и в наиболее развитых странах, приносят в России в несколько раз меньшую отдачу. И это вдвойне опасно в условиях растущей глобальной конкуренции».

И в завершении необходимо сказать ещё об одной тенденции в мировом россиеведении. На Западе, к сожалению, стала формироваться группа экспертов, которая «переквалифицировалась» в самых настоящих русофобов. Перед ними стоит новая задача, а именно, полная ревизия российской истории, начиная с эпохи Киевской Руси. В англоязычной исторической литературе четко обозначился фактический переход к переписыванию всей российской истории. Этому способствовал, в частности, и такой субъективный фактор, как стремление западных политических элит следовать т.н. «программе Бжезинского». Ее главная идея состоит во всемерном углублении раскола между Россией, Украиной и Белоруссией с целью недопущения возрождения союзного государства на территории бывшего СССР. В этих целях уже саму Россию западным историкам (получившим соответствующие гранты) нужно было представить в виде государства-изгоя, «империи зла», оккупанта и т.п., причём, не в отдельных эпизодах, а на всем протяжении своей истории.

В рядах тех, кто занялся тотальной ревизией российской истории, на Западе можно выделить две группы. Во-первых, это представители украинских националистических кругов, в том числе живущие в эмиграции в Канаде и США и, во-вторых, польские историки. На английском языке работы по истории России в последние полтора десятилетия пишут, преимущественно, авторы, относящиеся к этим двум категориям. Неудивительно, что в их работах ревизии подвергаются не только советско-польские отношения, но и история России в целом.

К примеру, единственным законным наследником Киевской Руси сторонники «украинизации» русской истории провозглашают Украину, а ее государственность объявляется, разумеется, следствием благотворного западного влияния. В то же время «Московия» изображается в качестве «узурпатора», «оккупанта», чуть ли не «террористического» государства, перенявшего худшие образцы деспотизма у Орды. «Одна из ключевых имперских мистификаций – тезис о том, что нынешняя Россия якобы имеет какое-то отношение к истории Киевской Руси, кроме того, что отдельные ее территории когда-то были подконтрольны Киеву», -- утверждает украинский историк Александр Палий. И добавляет: «Россия имеет такое же отношение к истории Руси, как, например, история Анголы или Мозамбика к истории Португалии».

Такой «исторический» вывод достигается путем тенденциозного подбора и произвольной интерпретации цитат из древнерусских источников. С помощью них доказывается тезис о якобы имевшей место исконной враждебности северо-западных русских земель по отношению к Киеву и дальнейшей «узурпации» Москвой права считаться русской столицей.

В новейших англоязычных трудах по средневековой истории Россия как историческое единое целое вообще «размывается», вместо слова «Россия» польско-украинские ревизионисты предпочитают использовать слово «Рутения», подразумевая под ним «всего лишь» область обитания восточных славян. Зато польско-литовскую Речь Посполитую (буквально, «республику») авторы Кембриджской истории России именуют не иначе, как «Содружеством» (Commonwealth), подчеркивая тем самым «демократический» характер этого государственного образования. Вместо антитезы Россия - Польша выдвигается другая формула: деспотическая и варварская «Московия» (та самая, что «узурпировала» исконные права Киева) – против демократического польско-литовского «Содружества», органично включавшего в свой состав Украину-Русь!

Вполне естественно, что изгнание поляков из Москвы и воцарение Романовых в 1612 году польские историки интерпретируют довольно специфично: по мнению профессора Варшавского университета Вечоркевича, в тот год «был положен конец надеждам на создание единого русско-польского государства, которое стало бы самым сильным в Европе». Одновременно, по мнению названного польского историка, для России «закрылась возможность пойти европейским путем». И, конечно же, Российская империя послепетровской эпохи прочно ассоциируется с ролью «жандарма Европы». Для доказательства «исконно-агрессивных» намерений России используются откровенно двойные стандарты: например, для обозначения явлений одного порядка применительно к России и к ее западным соседям используются термины с диаметрально противоположной оценочной характеристикой. Так, согласно писаниям англоязычных русофобов, Россия только и делала, что «захватывала», «оккупировала» и «аннексировала» соседние территории. В то время как Польша или, скажем, Англия никого не захватывали, а лишь «приобретали» и «присоединяли» те или иные земли.

Что же касается новейшей истории, то технология «ревизии» сводится к следующему: в бывших республиках СССР и в странах Восточной Европы создан целый ряд институтов по изучению «российской оккупации», центров «памяти жертв» и т.п. На базе этих учреждений, при солидном финансировании с помощью грантов, развернута масштабная работа по сбору антироссийского по сути исторического документального материала по заранее заданным темам: «российская оккупация» сопредельных стран, «геноцид» в отношении национальных меньшинств и населения «оккупированных территорий», «военные преступления». В самих темах исторических исследований заложены четко акцентированные оценочные установки, носящие не столько научный, сколько политический и идеологический характер. Например, речь может идти об «оккупации Россией Казанского ханства» или «голодоморе 30-х годов на Украине как проявлении геноцида украинского народа» или «жестокости Красной Армии на территории Восточной Европы». Тем самым читательской аудитории заранее дается четкая оценочная характеристика России как «преступного», «террористического» государства, испокон веков угнетавшего как собственное население, так и «подчиненные народы» с помощью развитого аппарата спецслужб (первой из которых объявляется опричнина Ивана Грозного!).

Помимо прямой фальсификации исторических фактов, западные фальсификаторы используют прием, который в общественных науках получил название «презентизм», когда то или иное событие оценивается с точки зрения сегодняшнего дня, без учета реалий конкретного исторического времени. Например, жестокость Ивана Грозного рассматривается как проявление азиатчины, дикости, якобы извечно присущих всему русскому народу, в то время как в тот же исторический период в Европе происходили еще более кровопролитные междуусобицы, повлекшие за собой неизмеримо большее количество жертв по сравнению с эпохой правления Ивана Грозного. Однако жестокость западных деспотов трактуется как отдельные личностные патологии. Действия же России в XVII - XIX веках рассматриваются с точки зрения международного права конца двадцатого столетия. Рассмотрение того или иного явления с точки зрения абстрактных понятий вне конкретного исторического контекста и, тем более, вне сравнительного анализа

данного феномена с другими подобными феноменами, происходящими в тот же исторический период в других социокультурных общностях - один из наиболее часто используемых приемов манипуляции общественным мнением. После того, как собрана достаточная «доказательная база», она пускается в научный оборот в виде отдельных научных статей, сборников документов и монографий.

Особо следует остановиться на усиливающихся в англоязычной литературе тенденциях ревизии хода и итогов Второй мировой войны. В последние 10-15 лет объективное знание о войне постепенно заменяется мифами с откровенной героизацией гитлеровской армии. Например, в книге британского историка Энтони Бивора военнослужащие вермахта изображаются в качестве героев, сражающихся против варваров-русских, а сама Сталинградская битва выставляется как моральная победа и подвиг германских солдат. При этом немцы (чьи письма и дневники обильно цитирует автор) оказываются чуть ли не поголовно антифашистами! Зато советские воины в Берлине 1945 года изображаются Бивором («Падение Берлина 1945») в совершенно ином свете. Автор усиленно акцентирует внимание на жестокости и склонности к насилию, якобы органично присущей советским солдатам, а поведение немецких войск в 1945 году, опять же, изображается как неповторимый пример мужества и стойкости. Некоторые авторы в своем стремлении поставить оккупантов и освободителей «на одну доску» доходят даже до утверждений о том, что более 20 млн. советских граждан в годы войны были уничтожены «совместно» немцами, НКВД и Красной Армией!

В качестве примера обратим внимание еще один труд, а именно, вышедшую огромным тиражом (в том числе и в русском переводе) «Историю Европы», известного британского историка, оксфордского профессора Нормана Дэвиса. Поразительно то, до какой степени автор доходит в демонизации России и противопоставлении её европейским странам. Вступление советских войск в страны Восточной Европы в 1944 - 1945 годах Дэвис изображает как некое азиатское нашествие, новое «переселение народов» или набег хана Батыя. При этом в оценках авторов все немецкие оккупанты изображаются не иначе, как защитники Европы от «нашествия» с Востока: «По усеянным трупами полям полчища плохо одетых и плохо вооруженных иванов все шли и шли, пока не перегревались немецкие пулеметы, а пулеметчики больше не могли убивать».

Справедливости ради надо отметить, что Норман Дэвис является экспертом не просто по Восточной Европе, но и по Польше; и даже не просто эксперт, а пламенный поленофил, ненавидящий русских, поглотивших польское «Содружество» от моря до моря. Пока Дэвис рассуждает в своей «Истории Европы» о мамонтах и древних народах, он кажется образцом научной компетентности; но как только он доходит до России, и уж тем более СССР, со страниц его монографии потоком сыплются либо жалобы, либо оскорблений, либо такие откровения, как царь запретил в 1880-м «Анну Каренину», а в 1941-м все белорусы встречали немцев хлебом-солью. Кончается европейская эпопея простым выводом: есть хорошие восточные европейцы – поляки, а есть плохие – русские, историческая миссия которых состояла в том, чтобы вредить Европе всеми наличными средствами.

Поскольку с российской стороны практически нет контраргументов и научная дискуссия не разворачивается, в западном историческом сообществе постепенно создается впечатление о безальтернативности антироссийской по сути точки зрения на историю России. Со временем такая «переписанная» история России попадает из отдельных статей и сборников на страницы общих монографий, школьных и вузовских учебников и, конечно же, энциклопедий. Особо следует отметить роль таких англоязычных сетевых ресурсов, как Wikipedia и готовящийся Citizendium. Ключевые статьи по истории России в них несут на себе четкий отпечаток русофобии и ревизионизма, а сама Россия позиционируется как демоническое «государство-изгой». Причем во втором из упомянутых проектов (в отличие от Wikipedia) ключевые статьи уже не могут редактироваться читателями после того, как они отредактированы группой «авторитетных экспертов» (преимущественно, американских). Что позволяет со временем создать универсальную справочную базу, ориентированную на глобальную аудиторию..

Литература к Заключению:

- История мировой славистики. Сост. Е.Ю. Матвеева. М.: РАН ИНИОН, 2004
- Россика в США. Сб. статей под ред. А.В. Попова. М., 2007.
- Некрасов А.А. Становление и этапы развития англо-американской советологии. Ярославль, ЯГУ, 2001.
- Коэн Стивен. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО, 2001.
- Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет / Ред. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2005.
- Американские советологи. Справочник. М., 1990.
- Мировое россиеведение // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М.: АИРО, 2003.

Дополнение к введению

Образ любой страны представляет собой сложную совокупность разнообразных нематериальных и материальных факторов, комбинация которых может быть довольно изменчива, в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, «страданий» и инерционности исторической памяти, актуальной политики. Создание или изменение образа происходит бессознательно, в результате опыта, и через продуманные и направленные информационные акции.



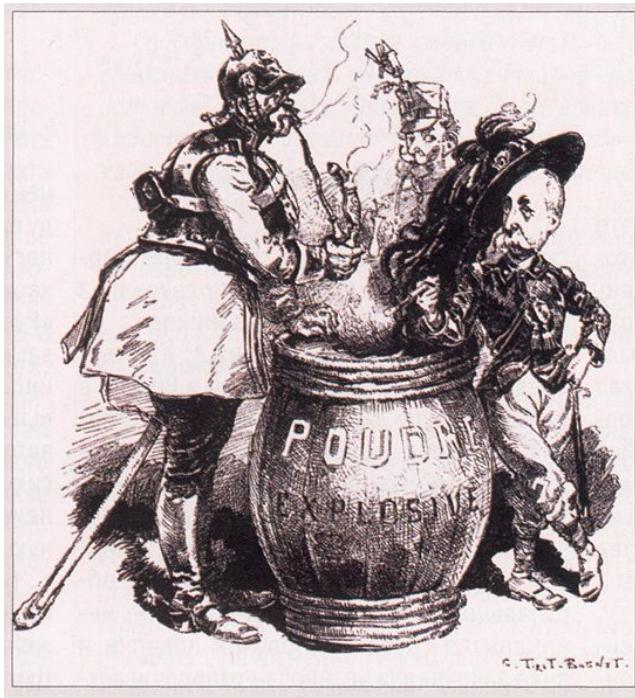
Дядя Сэм



Джон Буль



Русский медведь



Друзья мира (Тройственный союз). Карикатура. Изображены курящие на бочке с порохом Германия (в каске с шишаком), Австрия (высокий офицер) и Италия в шляпе с пером (некоторое портретное сходство с премьер-министром Франческо Криспи).
Художник Тире-Боне (Франция). Конец XIX в.



Русский плакат начала русско-японской войны. **Посидим у моря, подождем погоды.**
Дозволено цензурою. Москва, 28-го февраля 1904 г.

Джон Буль (Англия) и Дядя Сэм (САСШ) толкают японского микадо на войну с Россией. Порт-Артур обороняет "типичный" русский казак, зажав под мышкой крепостное орудие. Ниже стихи:

Посидим у моря, подождем погоды!

Виши, - какие страшные уроды

виднеются из-за японской спины;

Должно-быть, это - его опекуны?..

Заморские покровители!..

Покурить, господа, не хотите-ли -

нашей русской махорочки,

что виднеется на горочке!..

А это - тебе, Японец, игрушка -

наша Российская пушка!..

Ну, скорей - ч tolъ начинай,

к нам на сушу вылезай!

Сойдемся, - брат, по чести;

а все-таки я посижу на этом месте!

Докажу желтолицым врагам,

что Бог на помошь нам!..

Заступником!!!

Автор не известен (в журнале не указан). Время создания 1904 год. Источник Журнал "Родина",

Москва,

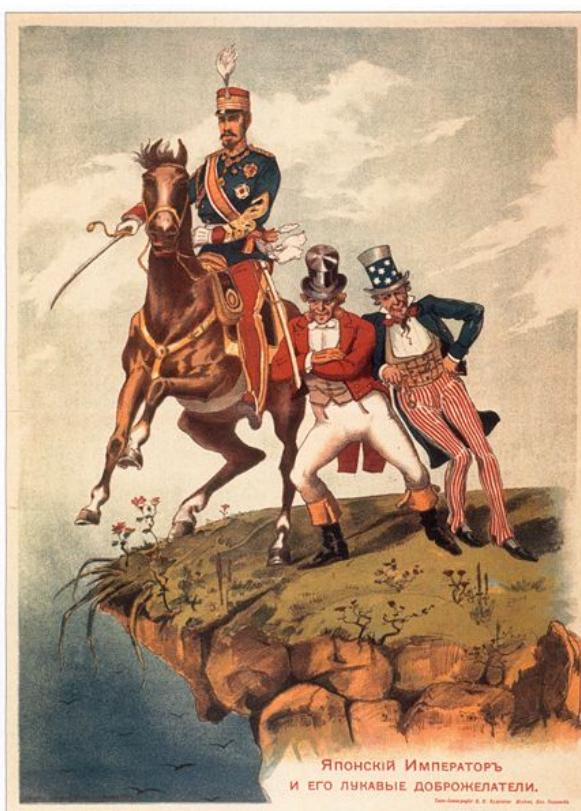
№11

-

2007,

стр.

65.



Русский плакат русско-японской войны **Японский микадо и его лукавые доброжелатели** (Типо-Литография В.В. Кудинова, Москва, Большая Якиманка).

Джон Буль (Англия) и Дядя Сэм (САСШ) толкают конного японского микадо в пропасть.

Автор не известен (в журнале не указан). Время создания 1904 год. Источник Журнал "Родина", Москва, №11 - 2007, стр. 67.



Марианна — олицетворение Франции. Свобода, ведущая народ. Эжен Делакруа, 1830, Лувр



Britannia with the British Lion and Uncle Sam with the American Bald Eagle on a World War I poster.

Rationale: Published prior to the event listed (December 7, 1918), it is surely pre-1923 and would definately be published in the United States.

Дополнительная часть к теме I ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ СВОЕГО, ИНОГО, ЧУЖОГО, ВРАГА

Образы всегда конструируются в сопоставлении. «Мы» и «они» многократно преломляются друг в друге и оборачиваются новыми ракурсами. На это влияют дихотомия «Запад»—«Восток», тенденции глобализации и сепаратизма, «западничество» и «почвенничество», соперничество моделей национальной идентичностей, вообще инерция восприятия. В контексте курса важно изучении феномена чужого, основные концептуальные подходы в разработке феномена «чуждости» в современном знании.

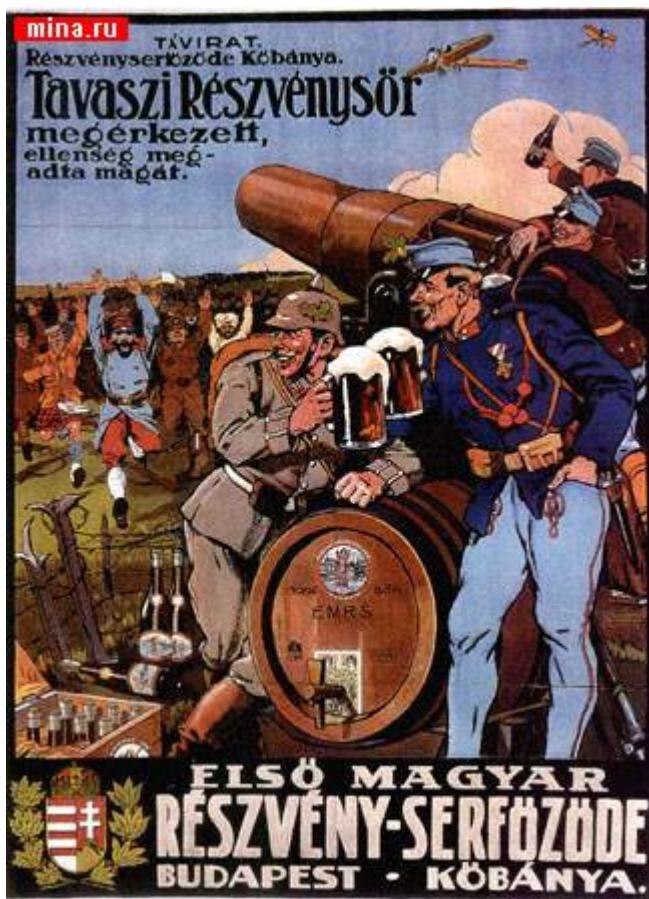
ПЛАКАТЫ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Плакаты Антанты



Плакаты Германии и Австро-Венгрии





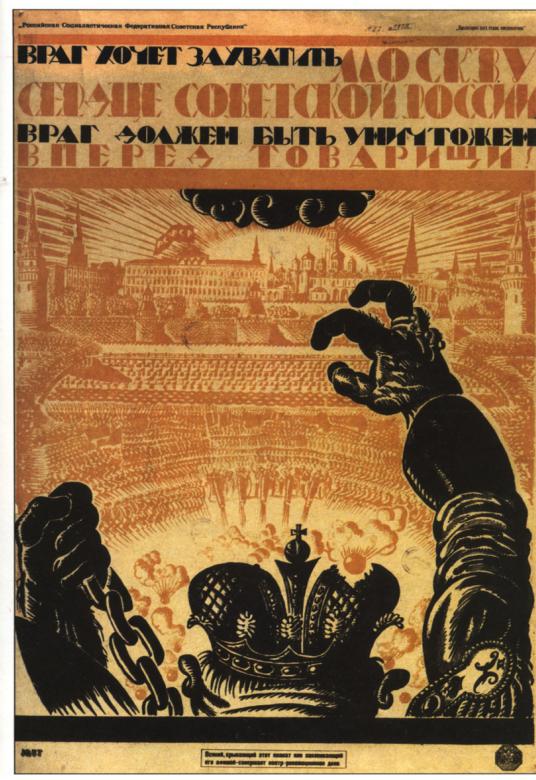
ПЛАКАТЫ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Советские плакаты



Белогвардейские плакаты











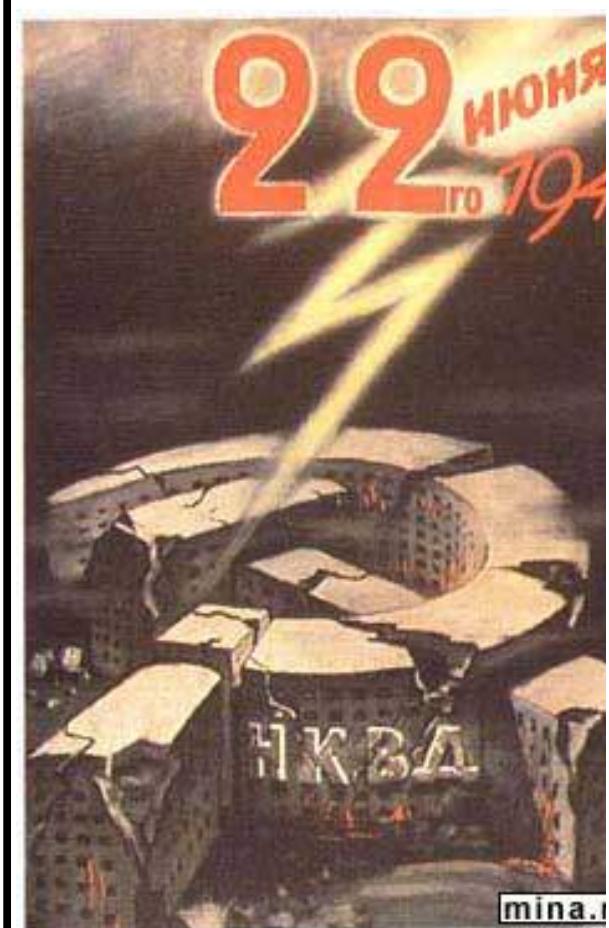


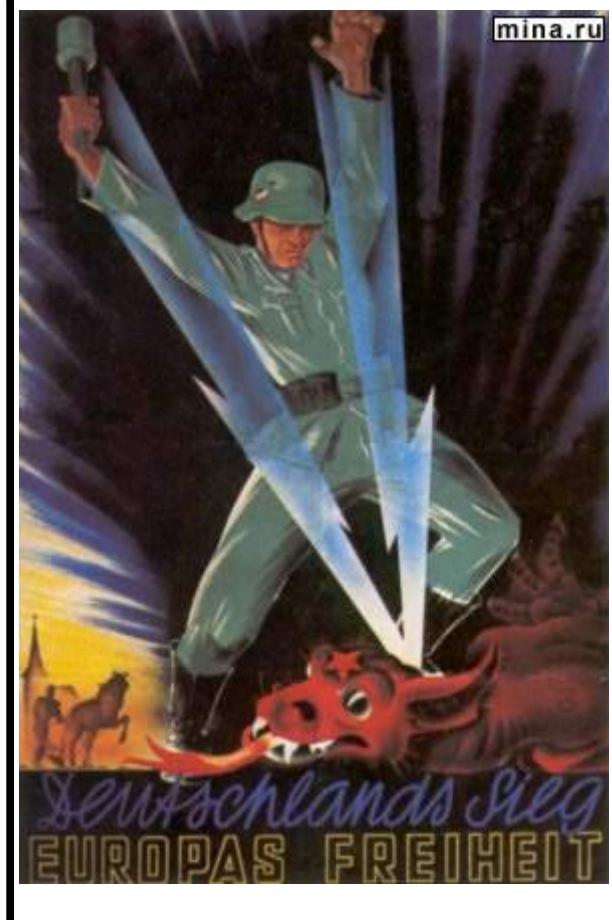
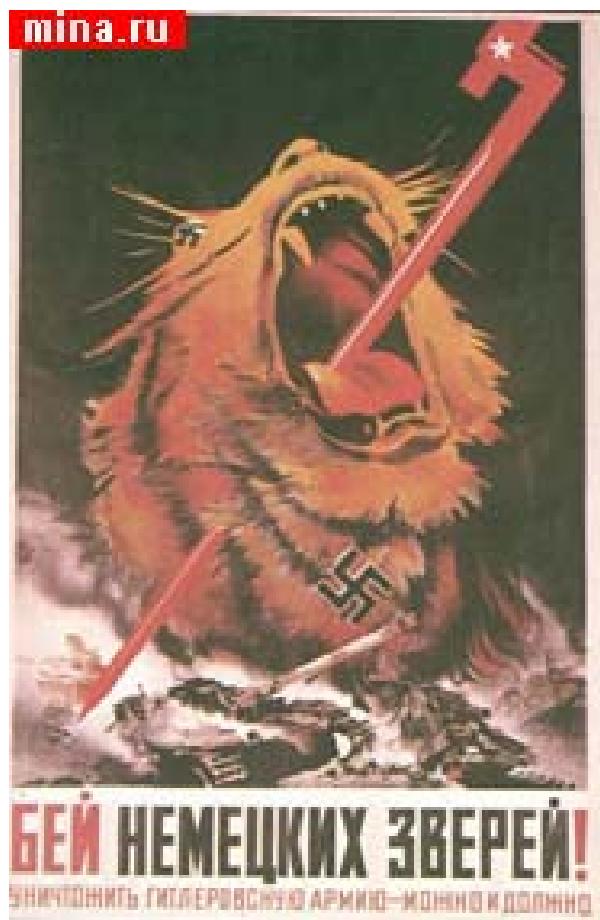
ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПЛАКАТЫ СССР И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

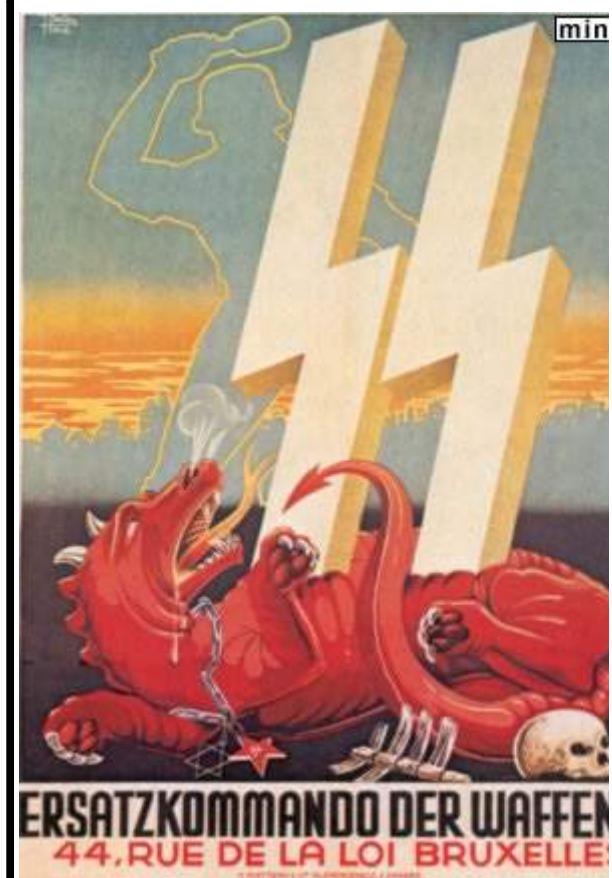
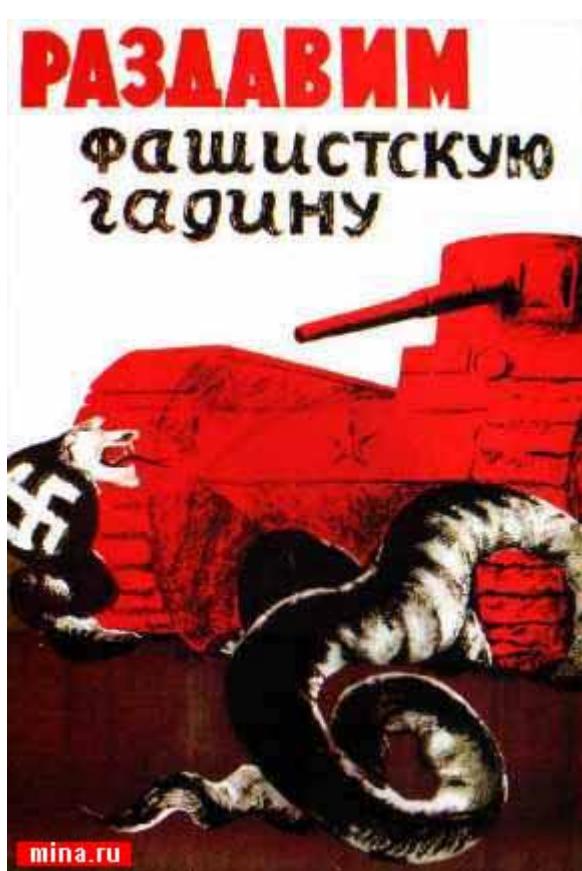
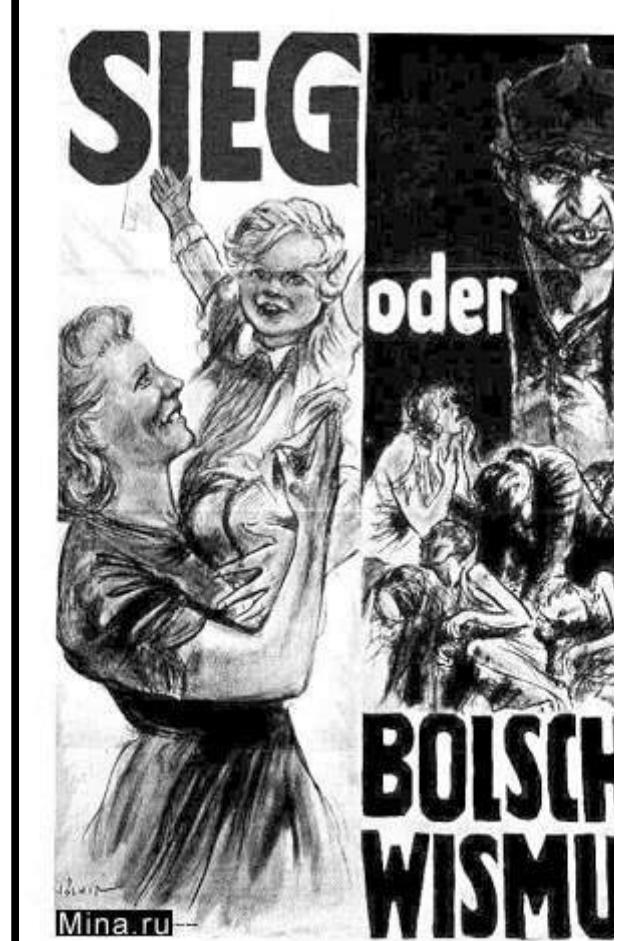
Плакаты СССР



Плакаты Германии









РАЗДАВИТЬ ФАШИСТСКОЕ ЧУДОВИЩЕ



Дременули душогуби,
і нема їм воротя!



Долг платежом красен
Дені фінансів чистінні
Шаху в тіні землі!

Радянські війська відмінно виступили в боях за Україну
Наші війська з Україною

mina.ru



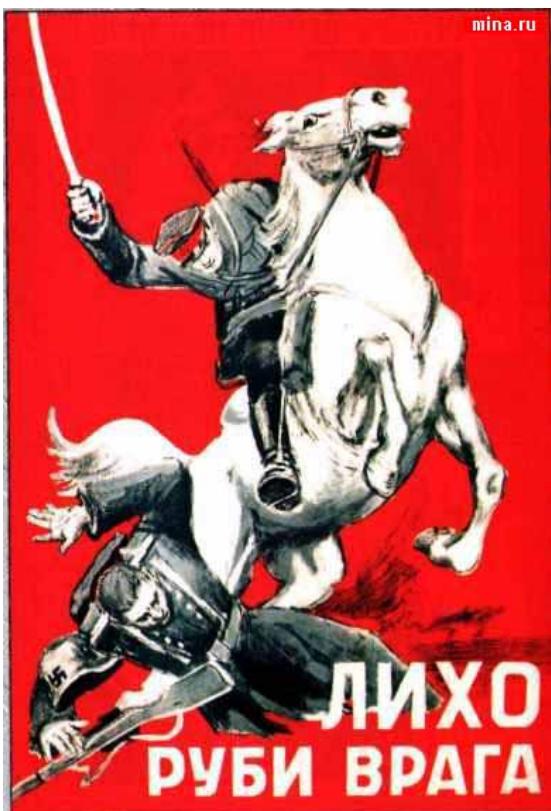
Виловлюйте
бандитів!

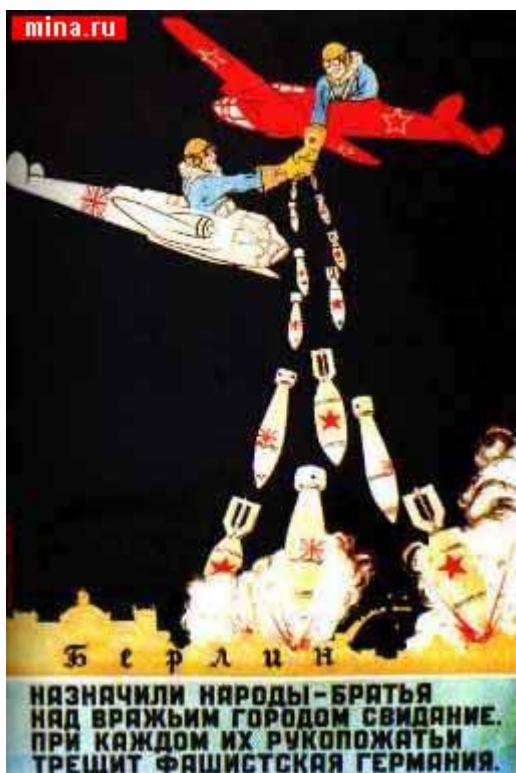
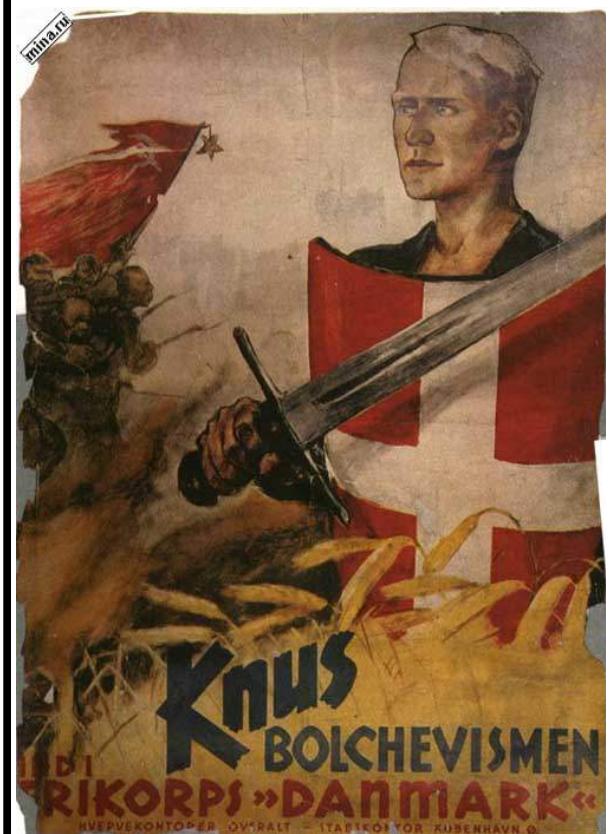
Про всіх підозрілих людей негайно сповіщайте місцеву
німецьку владу, військових начальників або поліцію!



СТАВАЙТЕ ДО БОРОТЬБИ
З БОЛЬШЕВИЗМОМ

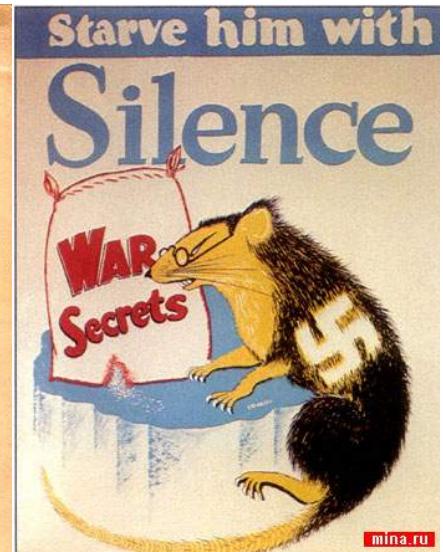






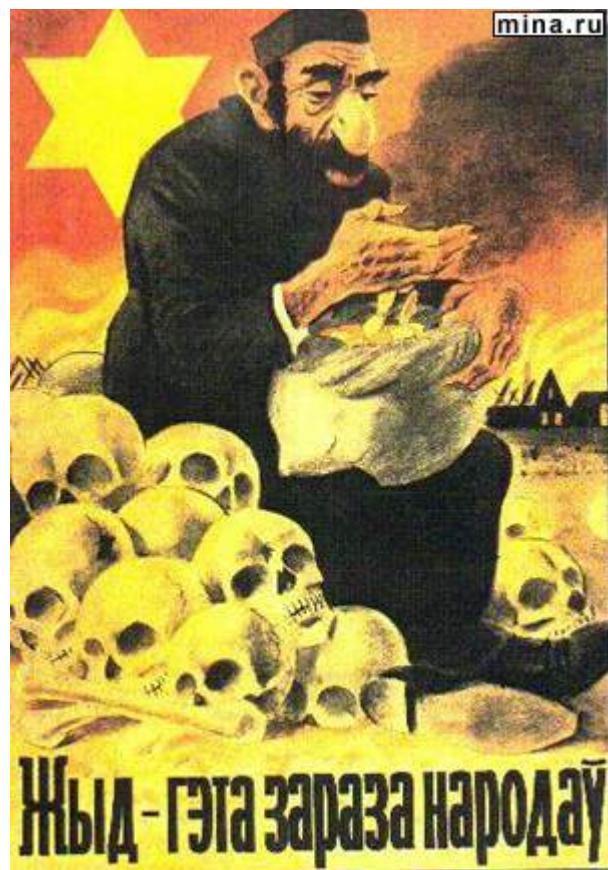
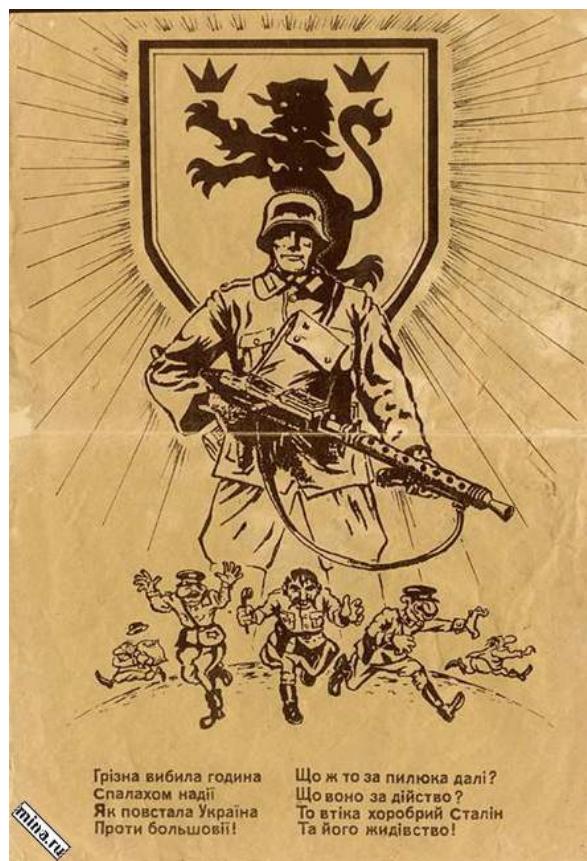


ОБРАЗЫ ТАЙНОГО ВРАГА В ПЛАКАТАХ СССР, ГЕРМАНИИ И США





ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В ПЛАКАТАХ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ



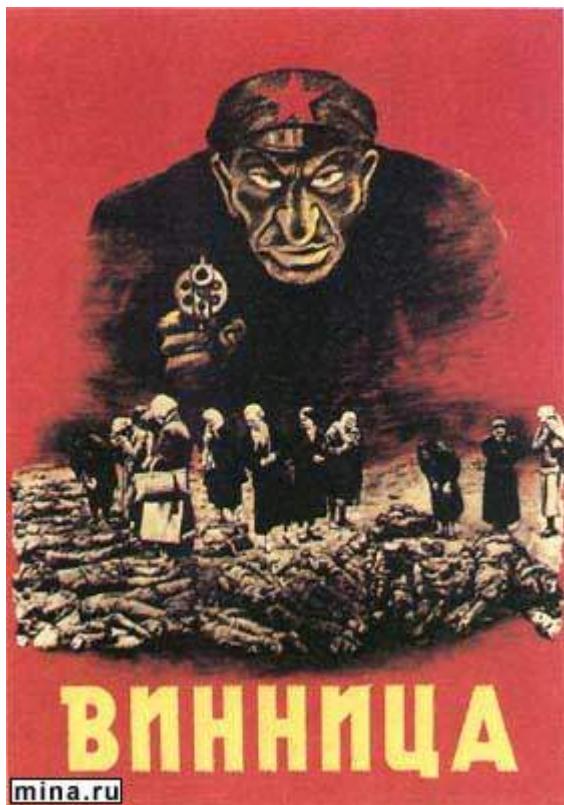


Das Jahr ist zu Ende. Der Kampf geht weiter!



Под эйдловским знаменем..

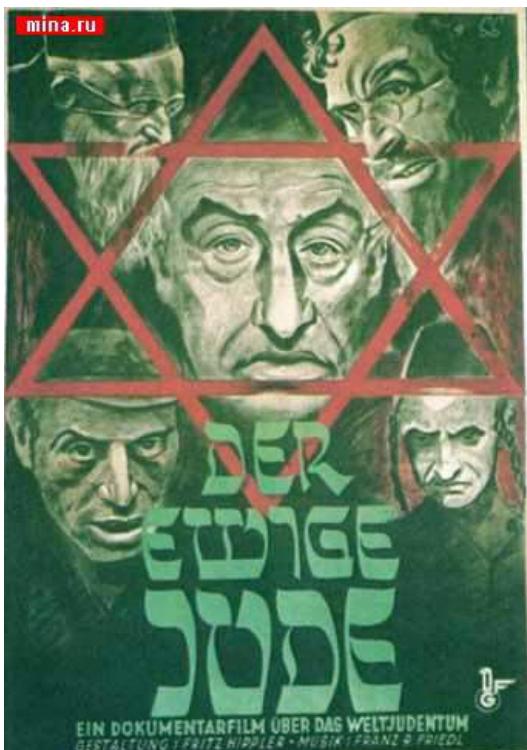




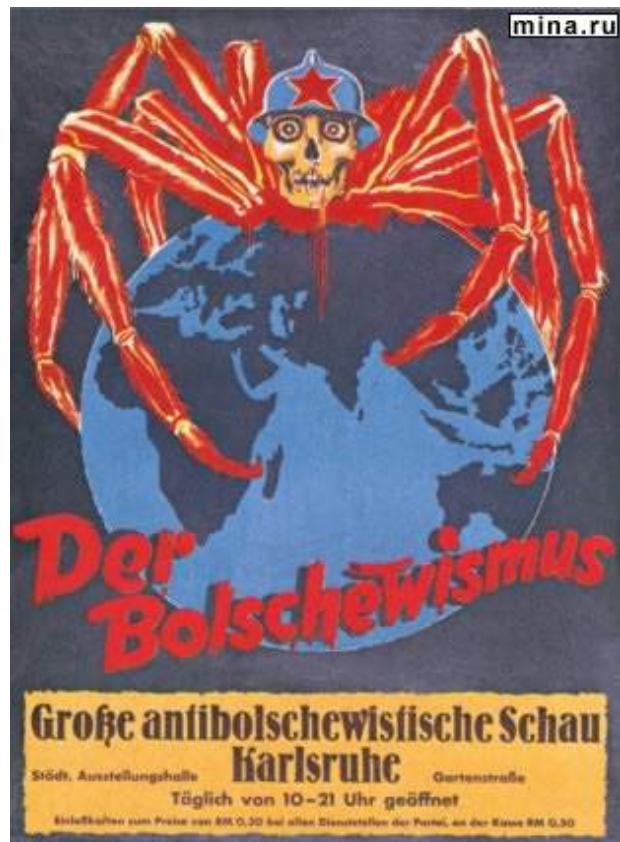
mina.ru



mina.ru



EIN DOKUMENTARFILM ÜBER DAS WELTJUDENTUM
GESTALTUNG: FRITZ HIPPNER - MUSIK: FRANZ FRIEDL



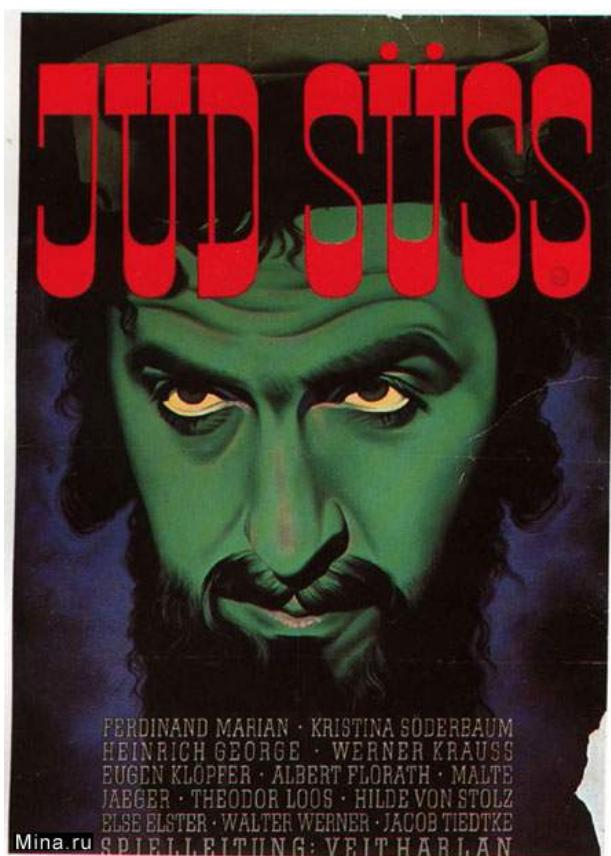
Große antibolschewistische Schau

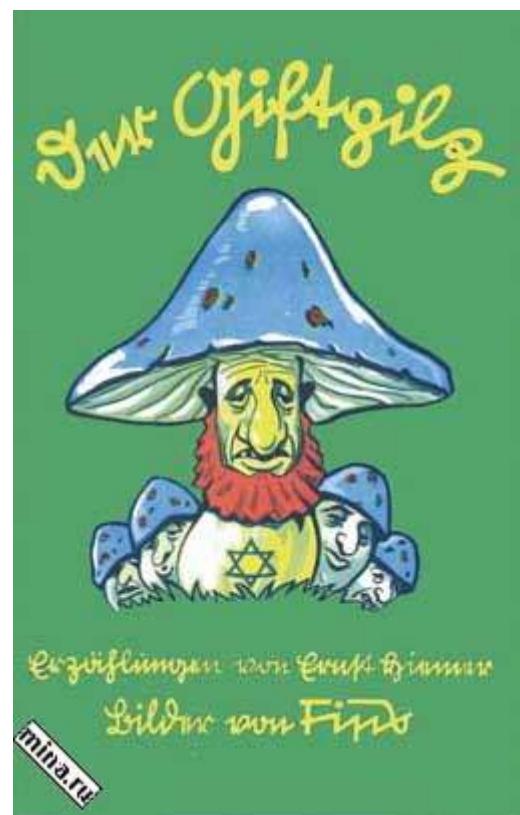
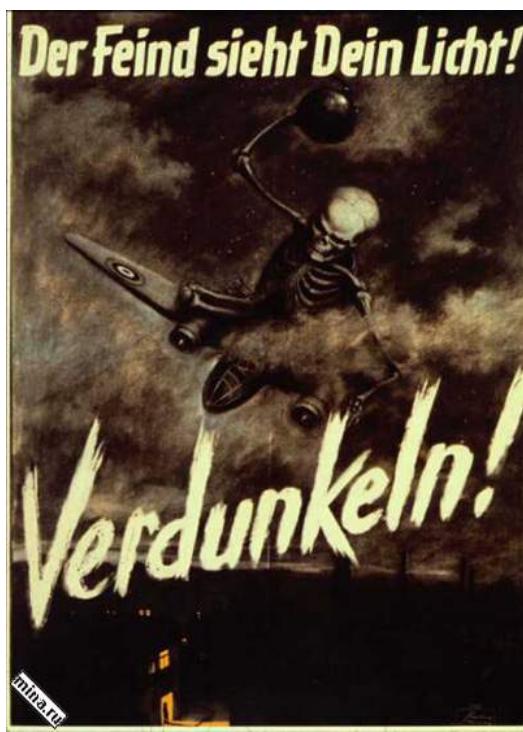
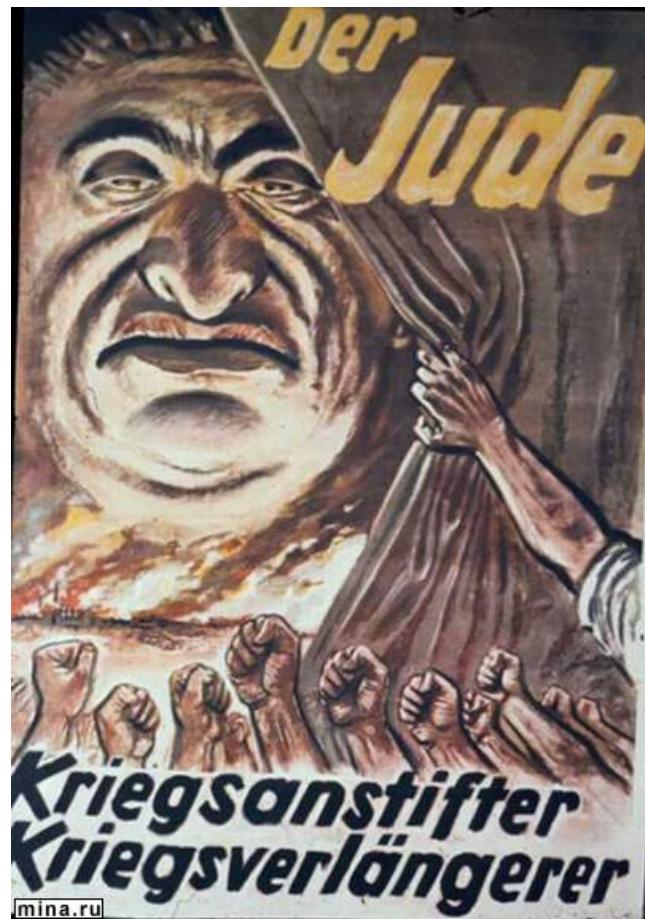
Karlsruhe

Gartenstraße

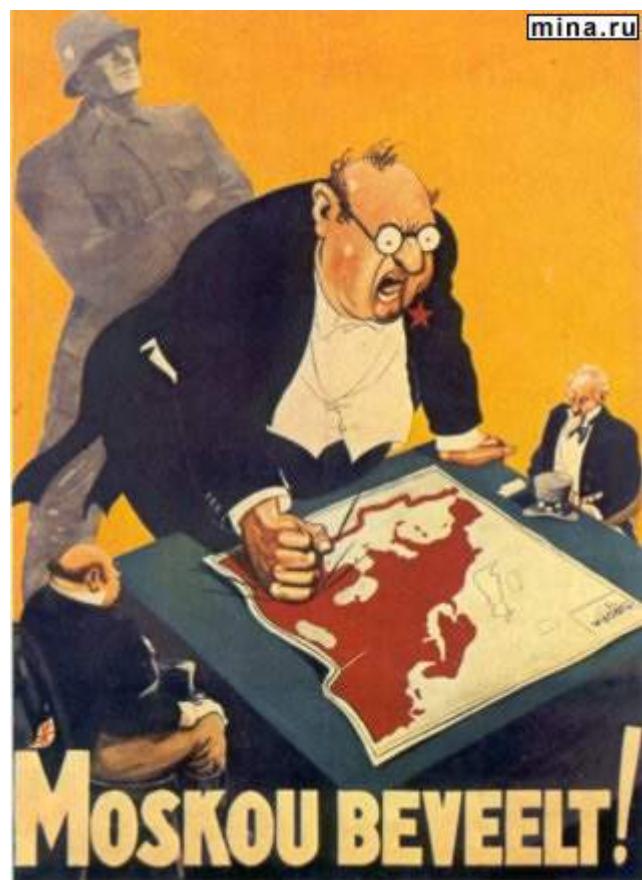
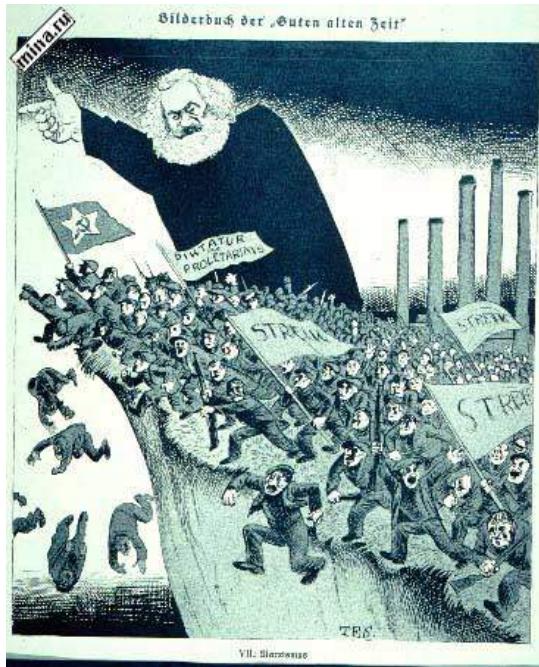
Täglich von 10-21 Uhr geöffnet

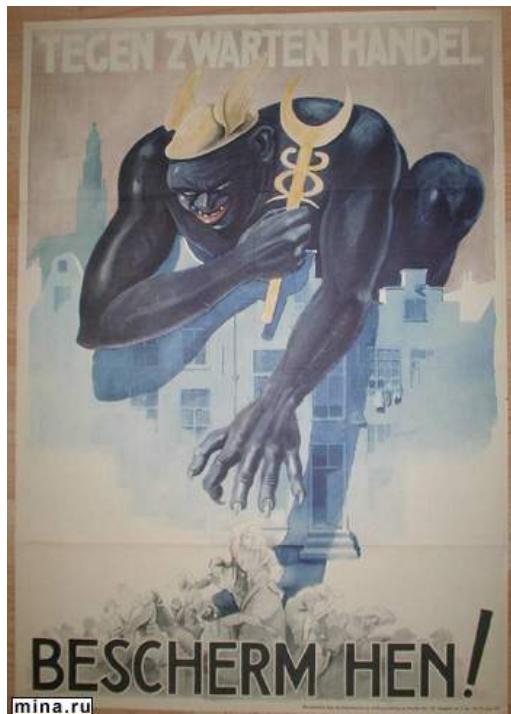
Eintrittskarten zum Preis von RM 0,30 bei allen Dienststellen der Partei, an der Kasse RM 0,30

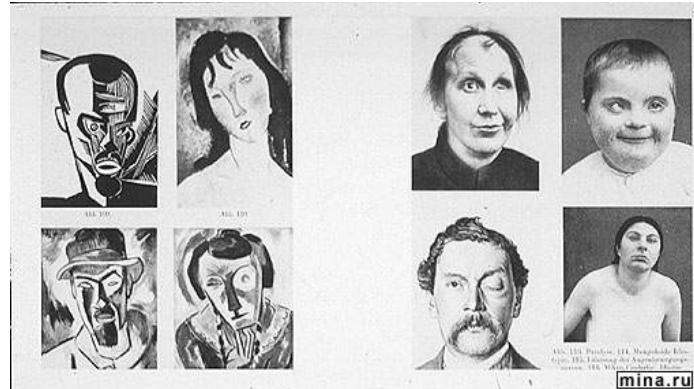
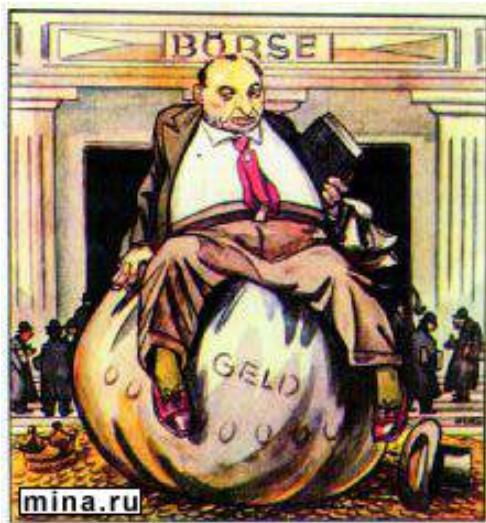




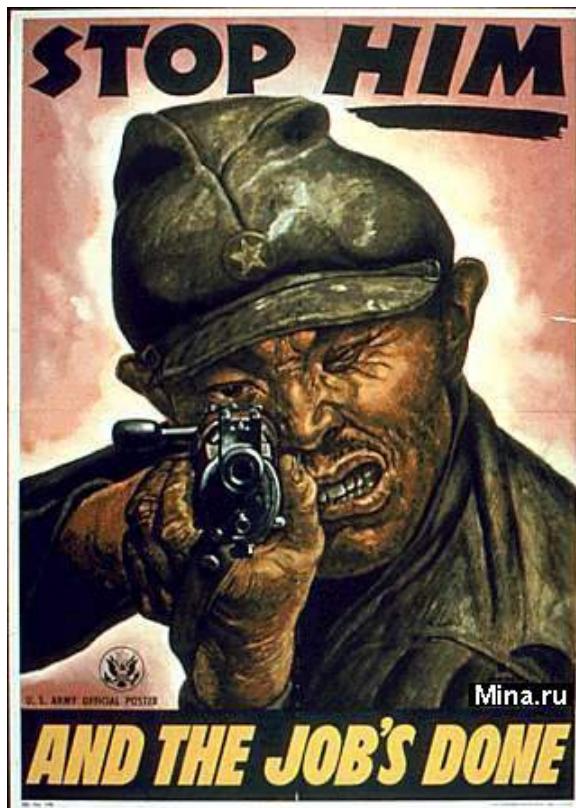






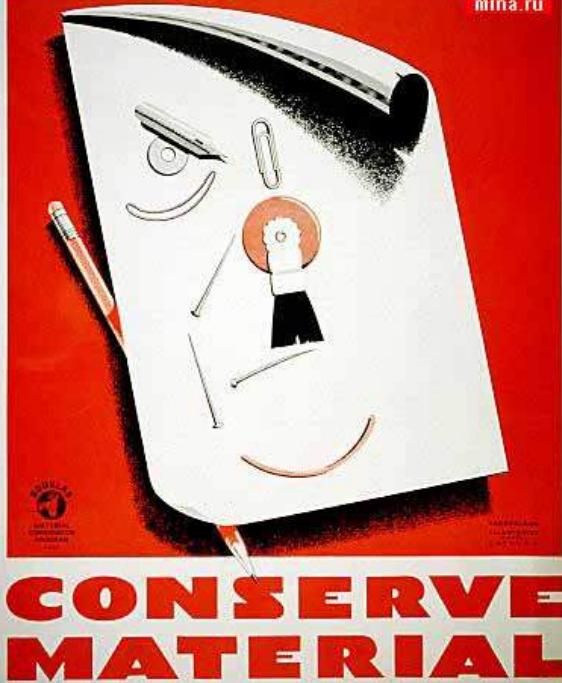


ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В ПЛАКАТАХ США ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



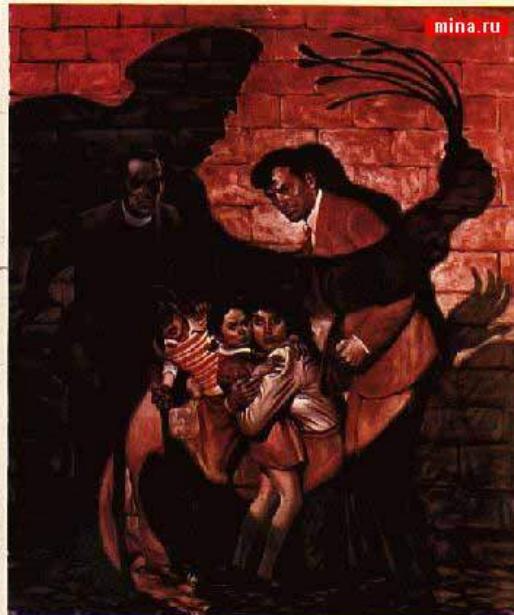
WASTE HELPS THE ENEMY

mina.ru

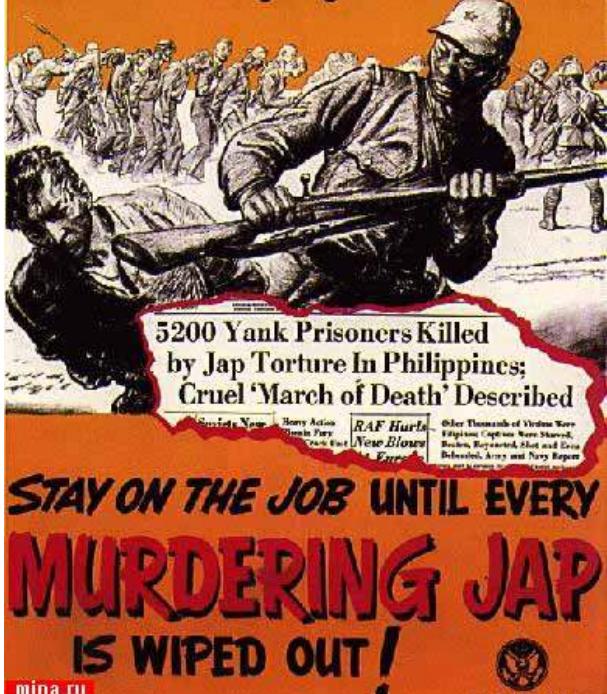


**"THIS WORLD CANNOT EXIST
HALF SLAVE AND HALF FREE"**

mina.ru

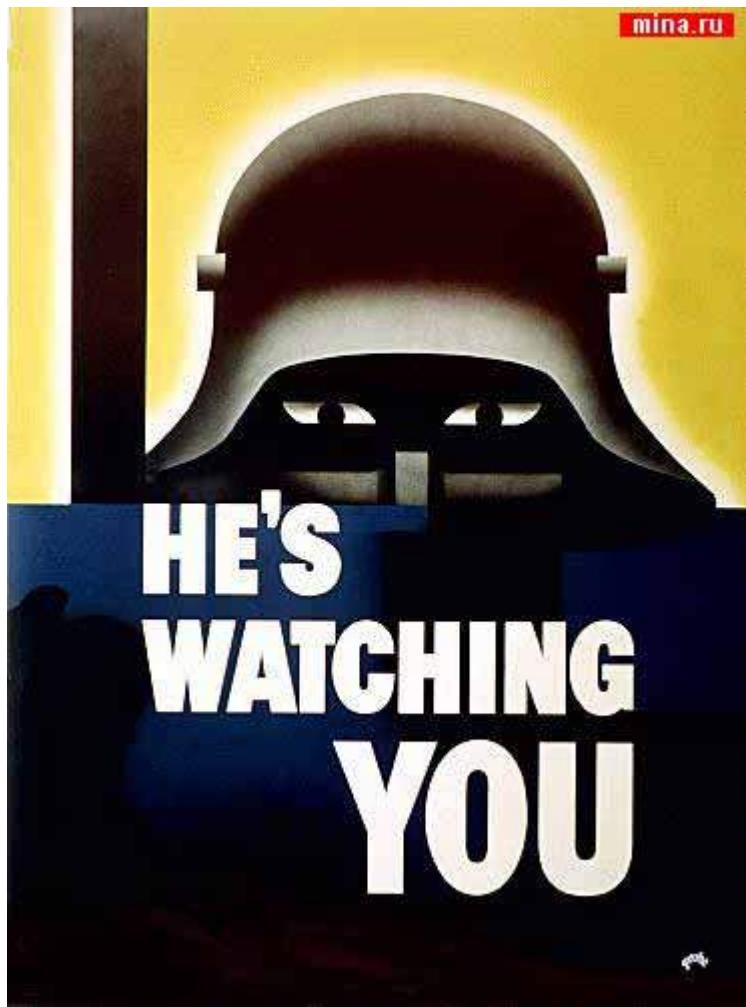


What are *YOU* going to do about it?



Mina.ru





ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В ПЛАКАТАХ КНР



ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В КУБИНСКИХ ПЛАКАТАХ



Дополнительная часть к теме II СТЕРЕОТИПЫ ОБРАЗОВ РОССИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ

В течение нескольких занятий перед студентами будет развернута картина восприятия в мире Киевской Руси, Московского вселенского царства, Романовской России, СССР, складывающихся на протяжении нескольких веков стереотипов о стране и населяющих её народов, появление основных моделей осмыслиения места и роли России в мировом пространстве. Их суть, масштаб, критичность во многом зависели от того, что Россия всегда выдвигала амбициозные исторические проекты с отчётливо выраженным «универсализмом» и «мессианством», отличные, но сопоставимые с тем, что предлагали миру другие государства. Однако образ новой России только начинает складываться.

При освещении причин довольно широко распространенного убеждения, что Запад органически не способен понять Россию (речь идёт о понимании в герменевтическом смысле, т. е. в смысле «вживания», «вчувствования», постижения духа) студентам будет предложена трактовка этого И. Ильиным. Первая — языковая. Русский язык не принадлежит к романо-германской группе. Вторая — Западу чужда православная религиозность. Европа искони шла за Римом — сначала языческим, затем католическим; русскими же воспринята греческая религиозная традиция. Третья причина связана с особенностями мировосприятия и психологической структуры: «Западноевропейской человечество движется волею и рассудком. Русский человек живёт, прежде всего, сердцем и воображением и лишь затем волею и умом».



Карта Московии Антония Джэнкинсона, 1562 г. «Описание России, Московии и Татарии»

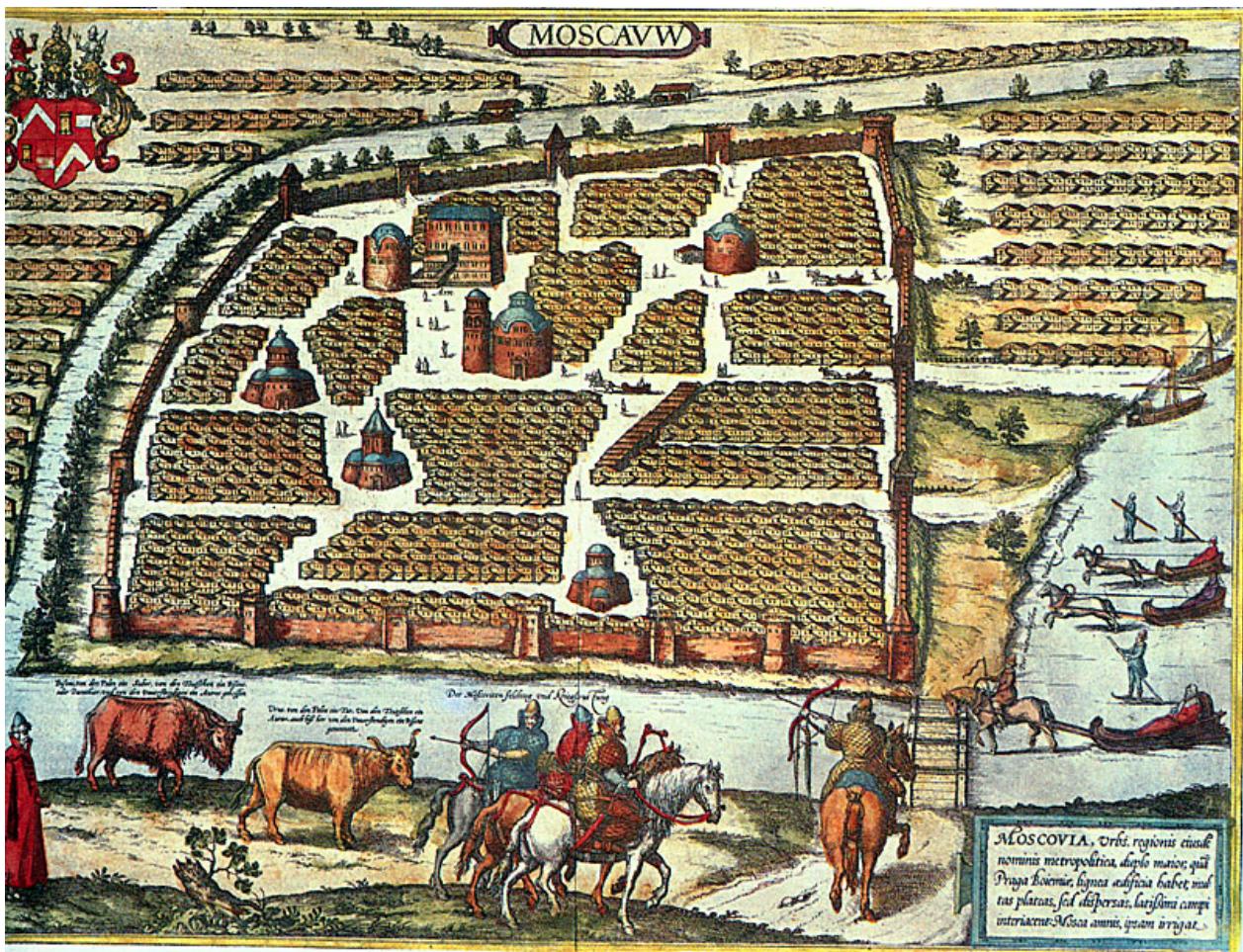
Слева вверху портрет царя Ивана Грозного и надпись: «Иоанн Василий Великий, император России, герцог Московский»



Встреча представителя польского короля и русского посла Федора Ивановича Колычева, 1567

Г.

Фрагмент «Вида города Гродно....». II том издания «Города земного мира». Кельн, 1575–1577.



План Москвы Сигизмунда Герберштейна. II том издания «Города земного мира». Кельн, 1588–1592.



17ha

A Russian family in their house. The mother possibly holding a Cossack.

Cozack

Dance
dancing.

baby.

Originally published/produced in James Carpenter & Joseph Carpenter: London, 1812
Booker: Author: Atkinson, J.A. ; Walker, J
Illustrator: Atkinson, J.A.

Originally published/produced in James Carpenter & Joseph Booker: London, 1812
Author: Atkinson, J.A. ; Walker, J
Illustrator: Atkinson, J.A.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ КАРИКАТУРЫ XIX ВЕКА

Reproduction rights obtainable from www.CartoonStock.com



The Bear and the Bees.—A New Version of an Old Story.

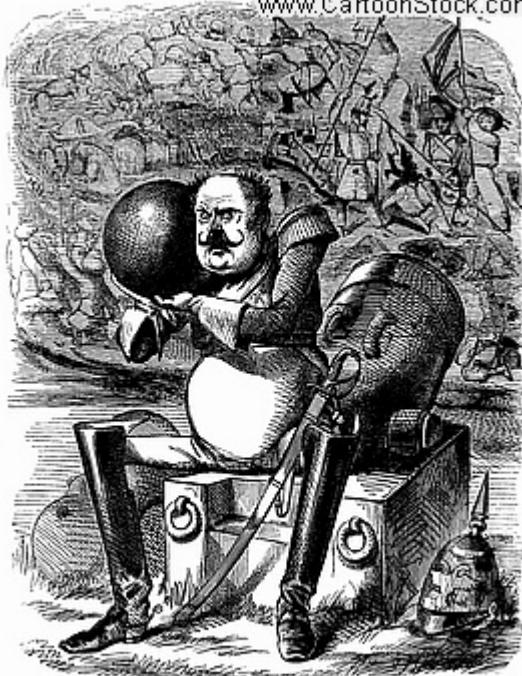


"Only his Play." (!!!)

The Invasion of Turkey by Russia
(Bears and Bees)

The Panjdeh Incident, Afghanistan

Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



What Nicholas heard in the Shell.

Tsar Nicholas at declaration of
Crimean War

Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



"What of the Night?"

Russian policy in Bulgaria, 1886

Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com

Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Bear or Bug-bear?
"They can't be in such a questionable shape?"—*Wolcott*.



"Turning the Tables."

British Russophobia

Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



"What will he do with it?"
STARVING RUSSIAN PEASANT. "Is none of that for me, 'Little Father'?"

France's Loan to Russia

Franco-Russian Alliance, 1891

Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Trying it on!
RUSSIA. "SS—S—E! (Whisper.) I want to speak to you, my dear!"

Russia Attempts to Woo Italy from the Triple Alliance

ОТКРЫТКИ, ИЗДАННЫЕ НА ЗАПАДЕ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ



The “boundary-crossing” nature of European postcards can be seen in these samples from a series that carried the ironic French title “La Grand Russe” (Great Russia). Some versions of the series carried no captions at all; other versions had captions in German. This series is a perfect example of the popular David-and-Goliath theme in which giant Russia is humiliated by “little” Japan

“Russian Soldier Sitting at Port Arthur”

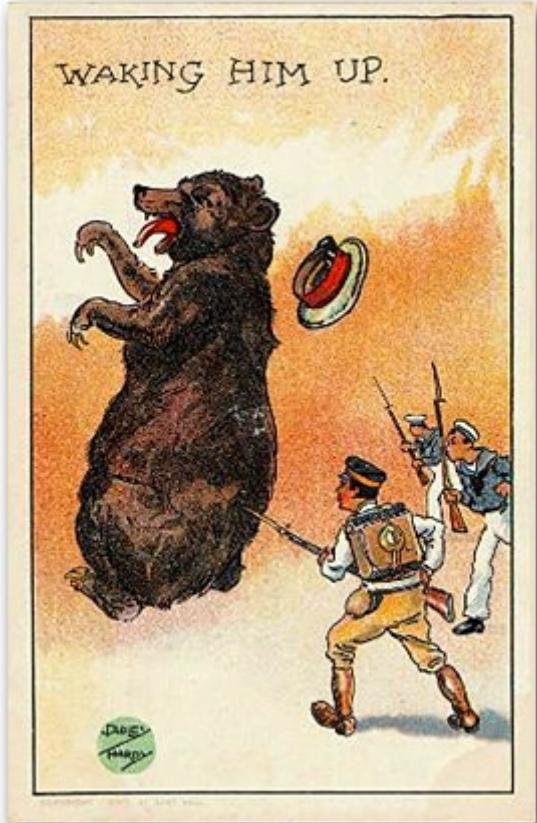
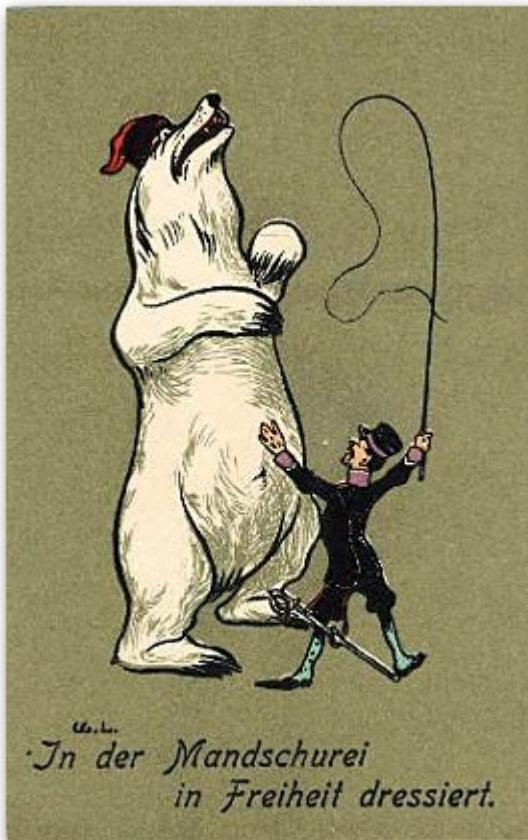
“Little Biscuits at Port Arthur”

“Russian Fleeing from Japanese Soldier”

"Japanese Soldier Riding on a Russian Soldier"

"Japanese Soldier Setting a Fire under a Russian Soldier in a Pot"

"Wounded Russian Soldier with Small Japanese Soldier"

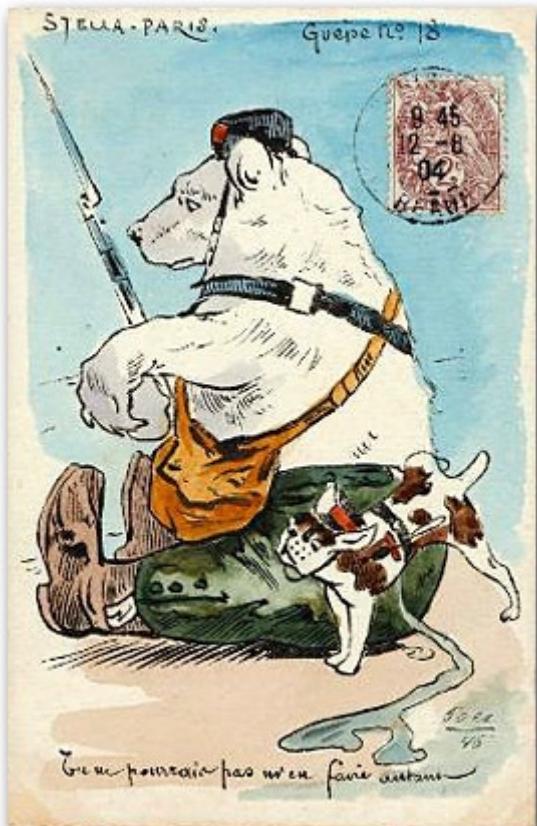


"Great Russia" often emerged in popular graphics as a giant brown bear or huge polar bear—commonly confronting, as usual, a diminutive "Japan." In one particularly irreverent version (right), Japan is rendered as a small dog pissing on the big bear.

"White Russian Bear and Small Japanese Soldier" (above left)

"Waking Him Up" (above right)

"You Can't Do Such a Thing to Me" (right)



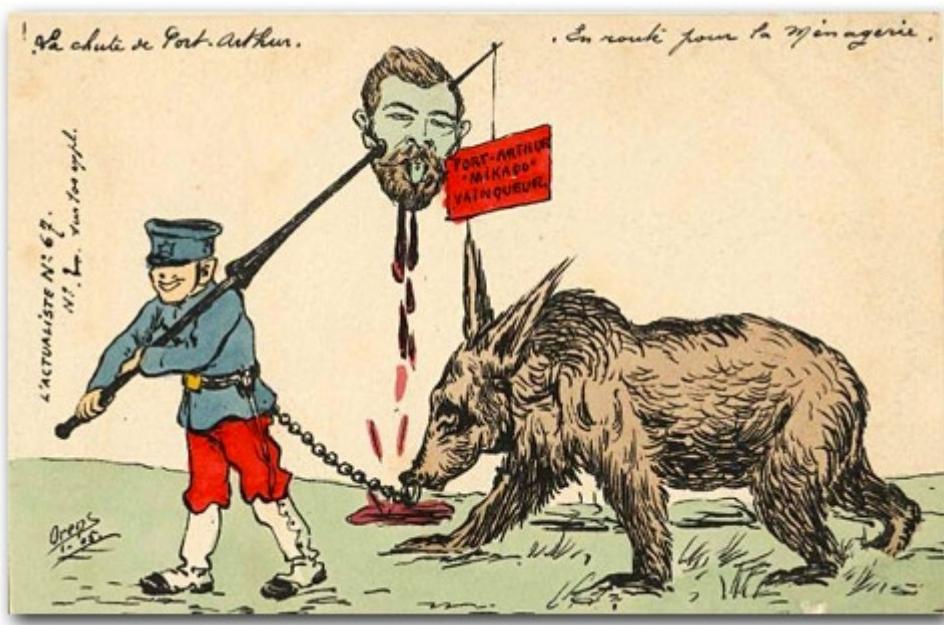


In other graphic renderings of little Japan taking on giant Russia, Russia emerged as a sleeping Gulliver confronted by the Lilliputian Japanese (top). Or, again, the Japanese were referred to as "Tom Thumb" figures—"La Petit Poucet" in the French rendering (center). Whatever the cliché chosen, Japan's victories were clearly a great "surprise" (bottom).

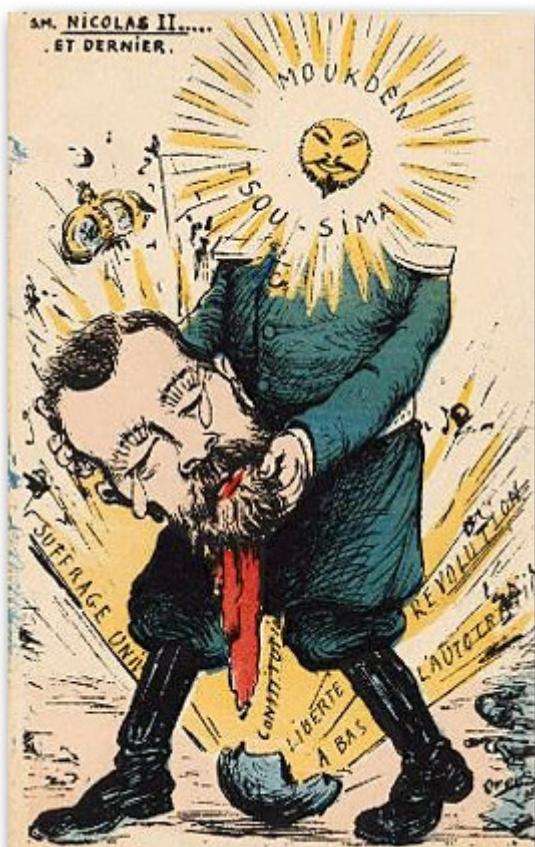
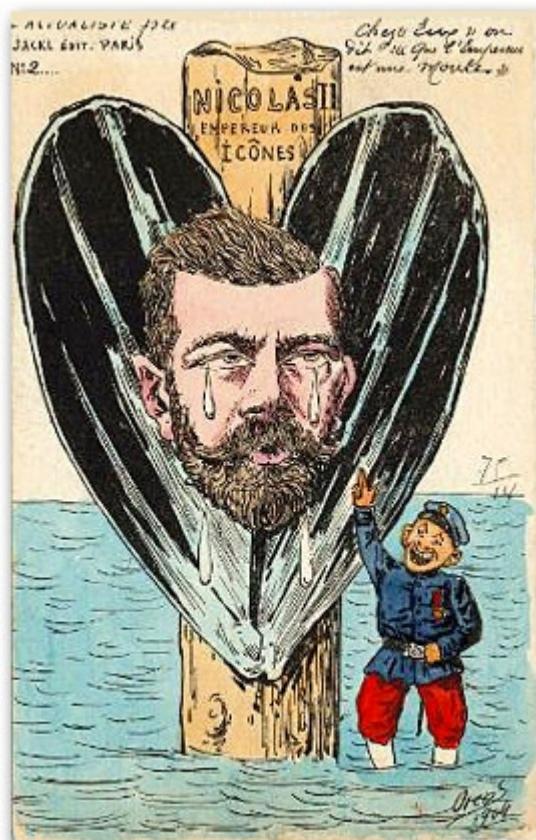
"Map of the Russo-Japanese War Situation"

"Tom Thumb"

"Oh, What A Surprise!"



"The Fall of Port Arthur"



In these harsh French postcards, the pygmy-versus-giant imagery was carried to a grisly conclusion with images of Japan taking enemy Russia's head as a trophy. The decapitated head is highly personalized: it is Nicholas II, Tsar of Russia.

In the stunning graphic at bottom right, Japan is but one of the forces that is destroying the tsarist regime. The head of the "Japan" figure suggests both the Meiji emperor and the explosive emergence of a sun-like Yellow Peril ("Moukden" and "Tsou-sima"—Mukden and Tsushima—are the great land and sea battles in which the Japanese sealed their victory). The bomb exploding at the bottom of the graphic, however, represents revolutionary developments that were simultaneously undermining the tsarist regime from within ("liberty," "revolution," "suffrage," etc.)

Through the new medium of picture postcards, biting political graphics such as these—at which the French were particularly adept—reached a wider international audience than ever before.

"Nicholas II: Emperor of Icons" (left)

"Nicholas the Second...and Last" (right)



Popular British depictions of the "clever little Jap" often reflected the sort of music-hall lampooning associated with Gilbert and Sullivan's comic opera "The Mikado"—as seen in these samples from a particularly sophomoric postcard set.

"Jappy up in the Stilts" (top left)

"Clever Little Jap" (top right)

"Jappy 'Rushing' Him Everywhere" (above)



The anal fixations of the French emerge in a number of scatological postcards. One of these (top) made fun of a truly serious and alarming phenomenon—the prevalence of sometimes lethal dysentery among troops in the field (here the Japanese). Other French postcards depicted Japanese artillery as flatulent bare

posteriors, and even-handedly depicted the opposing armies of "General Oku" and "General Kivatroplatrine" as orchestras making music with their rears.

"Soldiers Fighting with Chamber Pots"

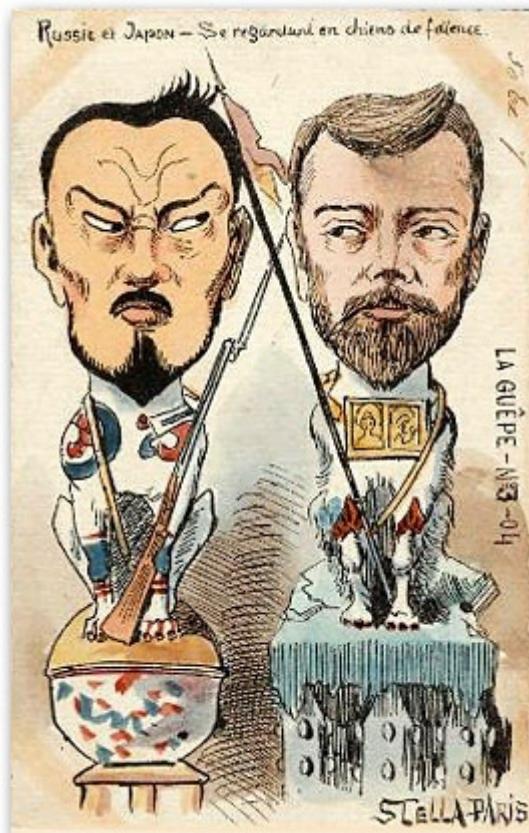
"The Artillery of General Oku"

"The Music of General Oku"

"The Russian Music of General Kivatropolatrine"

Many French artists focused on the tsar and the Meiji emperor as equivalent personifications of their countries, and were scathing in calling attention to the suffering each brought about. Here, for example, the two rulers are rendered as a pair of ceramic dogs, while the tsar alone is portrayed as a lethal despot (riding his hobby horse) who pressed the life out of his own subjects or fed them into the maw of the Japanese foe.

"Russia and Japan as Ceramic Dogs" (right)

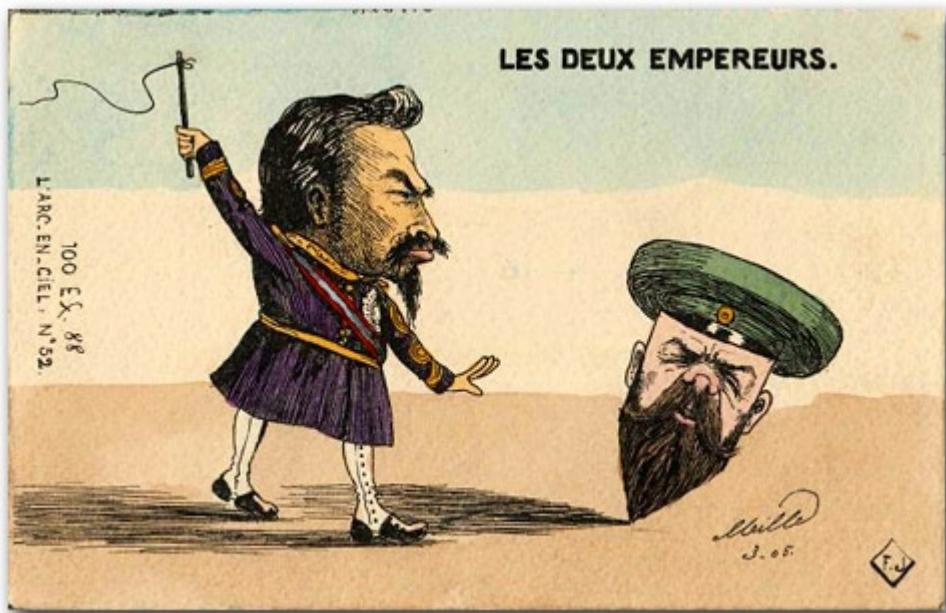




"Nicholas II, the Conqueror" (above right)

"History of the Whole Russo-Japanese War" (above left)

"Prediction for 1905"



In this rendering of "the two emperors", the Japanese sovereign spins the head of his Russian counterpart like a top.



Great Power politics is mocked in these graphics calling attention, in particular, to Great Britain's support and manipulation of Japan's war against Russia, which was also the archrival of England in Central Asia.

"Russ0-Japanese War" (above left)

"Jumping Jack" (above right)

"Yes, I Will Help You When He is Dead!"



Although Georges Bigot, the French creator of this cartoon sequence, actually lived in Japan for a number of years, his renderings of the Japanese were usually uncomplimentary. In this run, England and the United States push the Japanese military into taking on Russia (top). Japan, with China dragged behind by its queue, tramples Korea to get at the Russians (center), and Russia and Japan then struggle for possession of an attractive Manchuria (bottom). The stark contrast between the handsome Russian and runtish Japanese is typical of Bigot's treatment of Japanese even before the war.



In Bigot's wartime version of little Japan versus the Russian giant, it is Russia rather than Japan that emerges ferociously victorious. This was clearly wishful thinking on the artist's part.

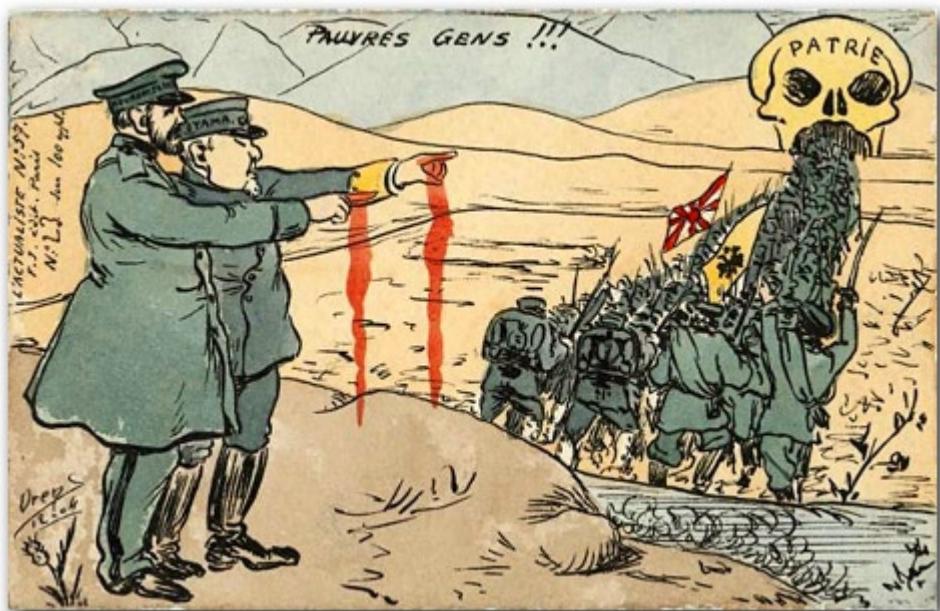


These two French postcards place British support of Japan in the broader context of Britain's global empire, on which, as the saying went, "the sun never sets." "Barnum, Bailey" was a famous circus, and in referring to the Anglo-Japanese Alliance under this label the artist was suggesting that the alliance was a joke—with little Japan (on tall wooden clogs) kissing the outstretched hand of an Imperial Britain that had already brought death (the skulls) to much of Africa and South Asia.

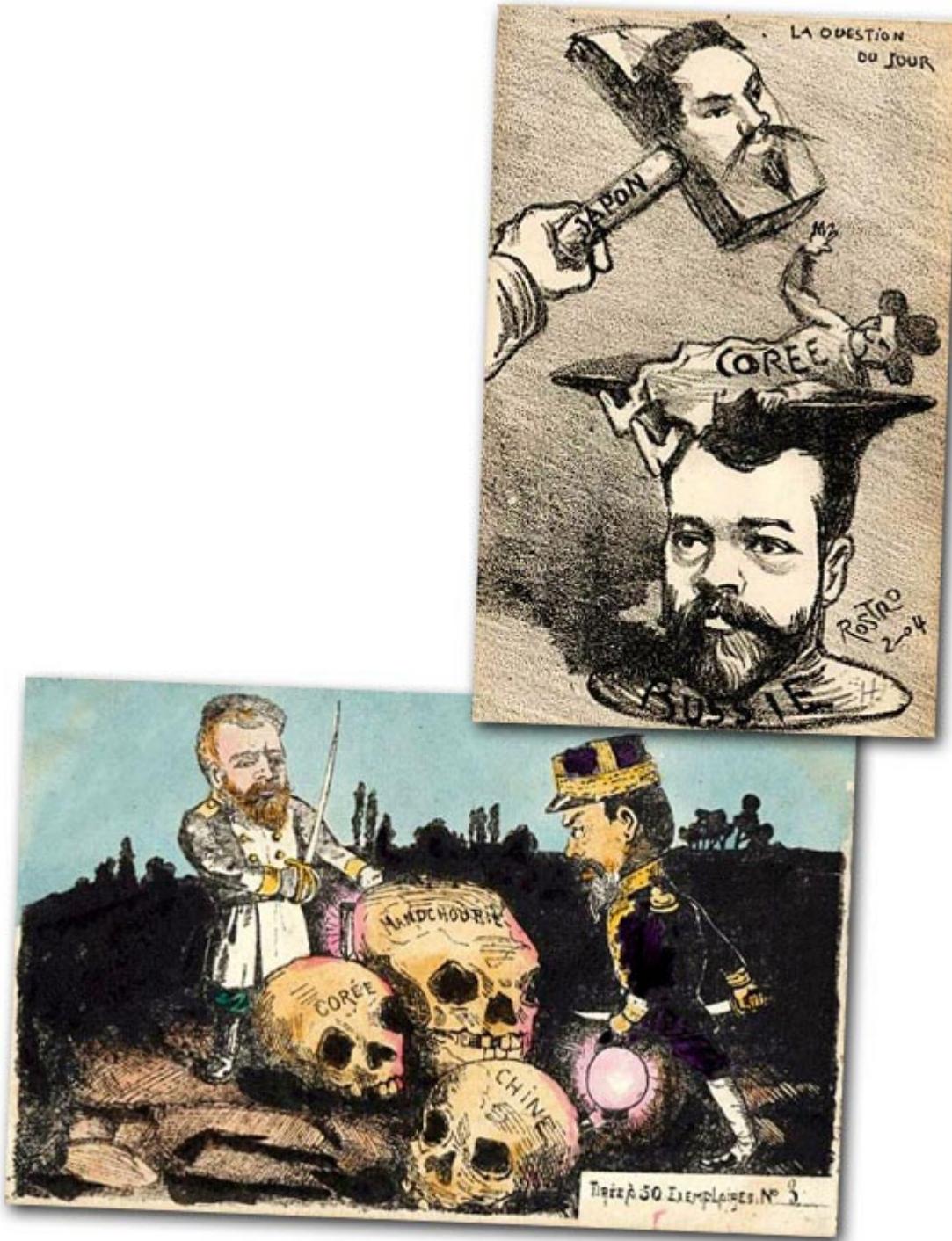
In the bottom postcard, the British stand in Tibet and view the far-away war in Manchuria as "a beautiful spectacle." Here the familiar sun-with-rays military flag of the Japanese has been turned into the sun on the horizon, and the sun in turn into a bloody skull.

"Barnum, Bailey Alliance of Britain and Japan"

"Oh! The Beautiful Spectacle!"



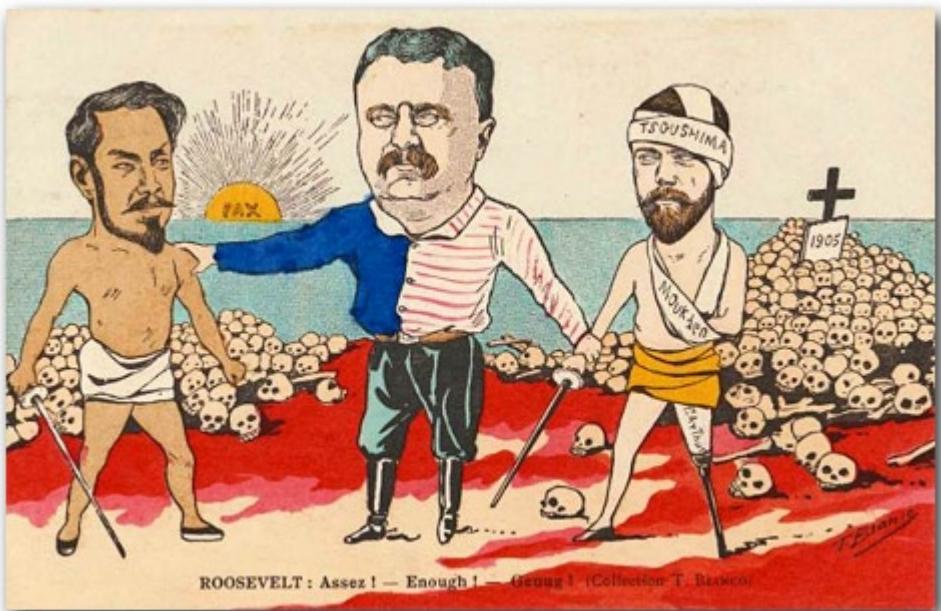
In this evenhanded denunciation of the war, titled "Pauvres Gens!!!" (Poor People!!!), the bloodstained Russian and Japanese generals Oyama and Kuropatkin stand side-by-side commanding their troops to die in the name of patriotism.



Rare sympathy for the peoples of Korea, Manchuria, and China whom Russia and Japan were struggling to dominate is expressed in these French graphics.

"Today's Question"

"The Ones that They are Going to Split"



In this French commemoration of the end of the bloody war, U.S. President Theodore Roosevelt, who brokered the Portsmouth Peace Conference that ended the conflict, stands between the emperor and tsar. Both have exhausted their resources (and are almost naked). Skulls of their war dead are piled up behind them—higher on the Russian side than on the Japanese. The tsar has suffered more harm than the emperor—his wounds being marked with the greatest Japanese victories of the war (Tsushima, Mukden, and Port Arthur). The sun of “Peace” rises on the horizon, and Roosevelt’s single word of admonition is given in three languages: “Assez!- Enough!- Genug!”



This German postcard combines a map with humorous commentary on strategic alliances that lay behind the war. Russia (the bear) is backed up by France (a French hat on the bear’s tail), while Britain (with a warship on its head, reflecting the Anglo-Japanese naval alliance) stands behind feminine Japan.



This French rendering of the war's bloody end appears to come from the same series as the preceding German postcard. Both Russia and Japan have been severely battered and fallen deep in debt. Their allies (and creditors) look on with concern, while vultures feast on the carnage.

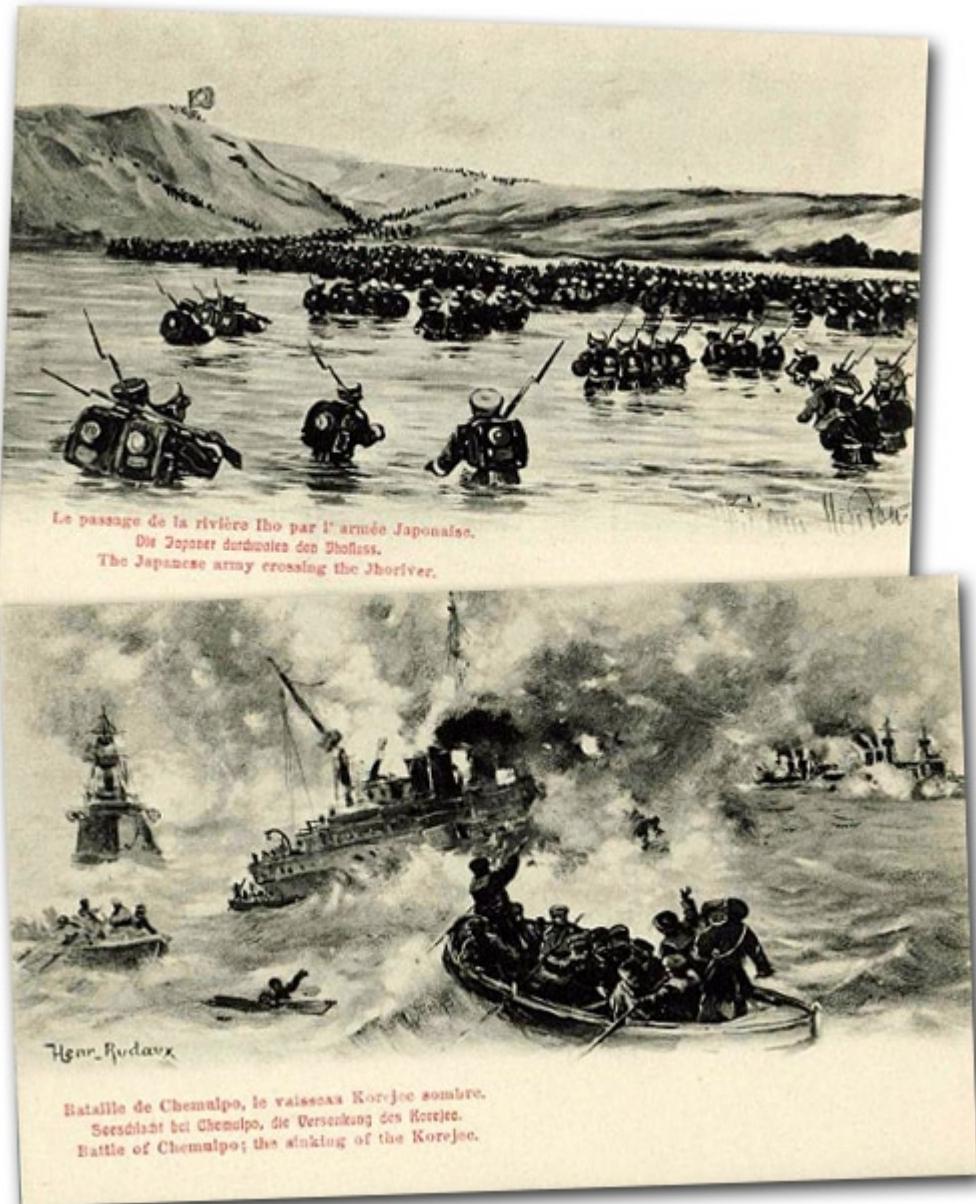


Multi-language postcards included this sophisticated 7-language series, which carried captions in Japanese, Russian, French, Italian, English, German, and Spanish. The country of origin is unclear, but the artistic style is clearly European rather than Japanese.

Two of the great battles of the war are depicted — Admiral Markaroff recoiling on the deck of his flagship, which sank with few survivors in the decisive 1905 Battle of Tsushima; and early stages of the ferocious battle of Mukden, which pitted over 300,000 Russians against a quarter-million Japanese and ended in Japanese victory.

"Death of Admiral Makarov"

"The Battle of Mukden in Manchuria in 1904"



The trans-national audience for war postcards also emerges explicitly in this 3-language series, where the caption is written in French, German, and English.

"The Japanese Army Crossing the Jho [Iho] River"

"Battle of Chemulpo; the Sinking of the Korejec"

ЗАПАДНЫЕ КАРИКАТУРЫ НАЧАЛА ХХ ВЕКА



THE DOOR IS OPEN

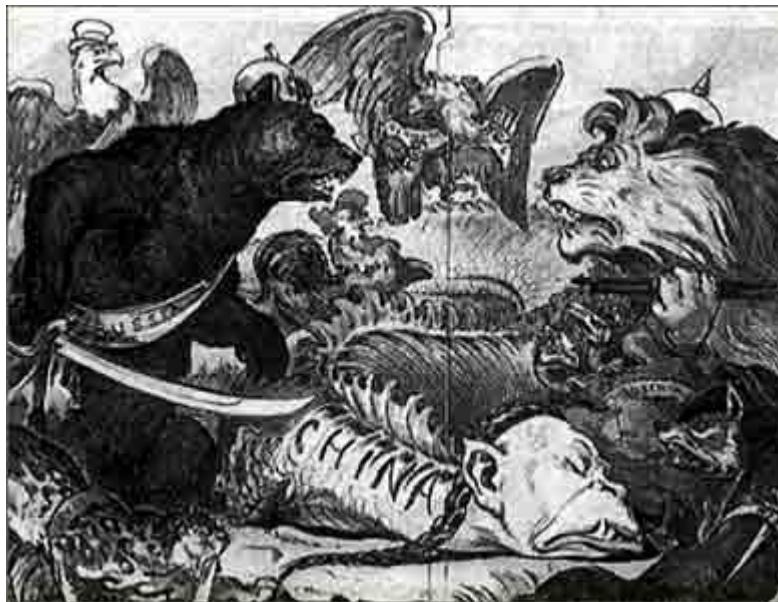


NOT A BEAUTY SPOT.



THE ANGLO-RUSSIAN TROUBLE.
Something else to "smash."





ЗАПАДНЫЕ КАРИКАТУРЫ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СТАЛИНСКОЙ РОССИИ

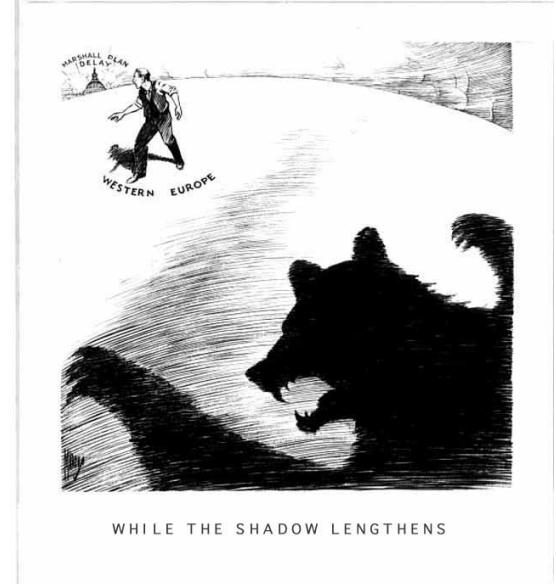




Надпись на плакате: «Мы абсолютно счастливы»

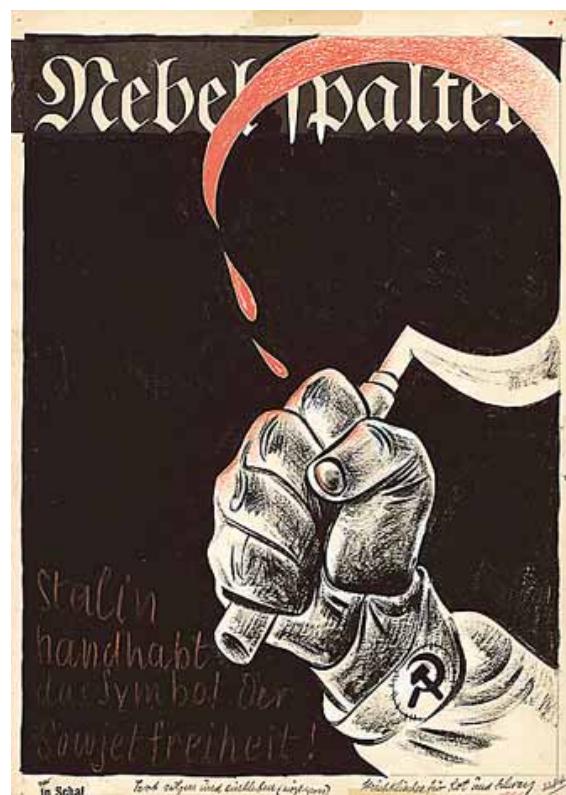


The Wonders of Russian Science





WONDER HOW LONG THE HONEYMOON WILL LAST?





Образ России в русском зарубежье. 1920–1930-е годы



На съезде Коминтерна

Зиновьев. — Я не вижу здесь делегата от папуасов?

Секретарь. — Тов. Гаврильчук наотрез шкурой отказывается продеть кольцо в ноздрю...

Рис. М. Линского. 31 мая 1925 г.

Троцкий «у власти»

Дзержинский. — Тигровые шкуры, в сущности — буржуазный предрассудок; можно пользоваться и льва...

Рис. М. Линского. 8 июня 1925 г.



Чемпионат борьбы на съезде РКП

Бухарин, Сталин, Каменев, Зиновьев

Рис. М. Линского. 4 января 1926 г.



Неделикатный вопрос

Чичерин. —...и ещё отметьте, что мы заключили дружественный союз со всеми народами Европы!

Интервьюер. — Кроме русского?..

Рис. М. Линского. 7 июня 1925 г.



Большевики и интеллигенция

Зиновьев. — Любит... не любит... любит... не любит...

Рис. М. Линского. 9 августа 1925 г.



"Делегация немецких рабочих посетила

Петроград"

(Телеграмма)



Встреча президентов «дружественных» республик

Гинденбург в мундире
комсомольского имени
Стеньки Разина полка

Тов. Калинин в
мундире офицера
прусского полка
“Гусаров смерти”

Рис. М. Линского. 2 мая 1926 г.



Портретная галерея нынешних правителей России

“Всероссийский староста” тов. Калинин на
официальном приеме
Шарж М. Линского. 21 июня 1926 г.



Красная авиация

Сталин, (вслед Сокольникову, Зиновьеву, Лашевичу, Каменеву и Осеевскому)
— От хорошей жизни и полетели...

Рис. М. Линского. 23 августа 1926 г.



К социализму!

— Вперёд, вперёд... гигантскими шагами!

Рис. Mad'a. 9 июля 1931 г.



— Тов. Сталин, красноармейцы взбунтовались...
— Скажите ТАССу, чтобы телеграфировал за границу опровержение...

Рис. Mad'a. 23 ноября 1930 г.



СССР и европейская буржуазия

— Как, товарищ! Ты протягиваешь руку нашему врагу-буржую!?
— Это не для пожатия, я только прошу у него деньги.

Рис. Mad'a. 8 февраля 1931 г.



Бернард Шоу в сказочной стране.

— А теперь покажите мне расстрелы спецов...

Рис. *Mad'a*. 30 июля 1931 г.



Пакт о ненападении.

— У нас в СССР такой бумажный кризис, что мы радуемся каждому клочку бумаги.

Рис. *Mad'a*. 30 августа 1931 г.



Чистка партии.

Партийная чистка, в которой должны принимать участие все члены ЦК...

Рис. *Mad'a*. 16 октября 1932 г.



Женитьба Сталина.

— Свадьба будет очень скромная... Что-нибудь вроде того, как было у герцога Виндзорского.

Рис. *Mad'a*. 10 июня 1937 г.



Новая

радость.

— После ёлок, наш дорогой вождь Сталин небольшая: прежде товарищ Сталин называл вас приготовил для вас другую радость: новый верным псом, а теперь называет просто собакой. расстрел троцкистских изменников-псов...

Рис. Mad'a. 24 января 1937 г.



— Разница, товарищ Ягода, в сущности,

Рис. Mad'a. 8 апреля 1937 г.

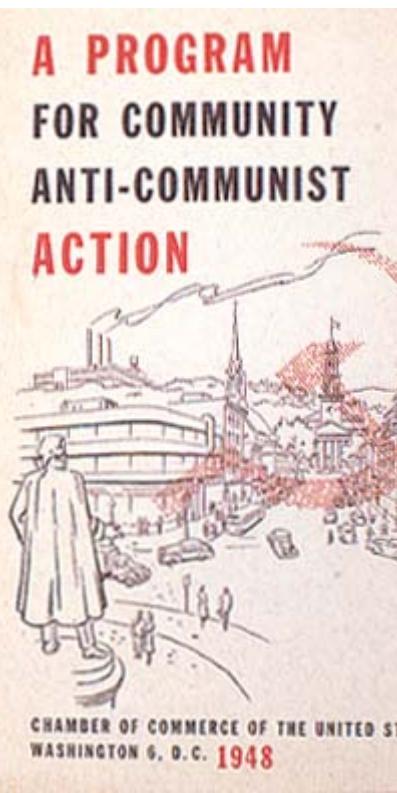
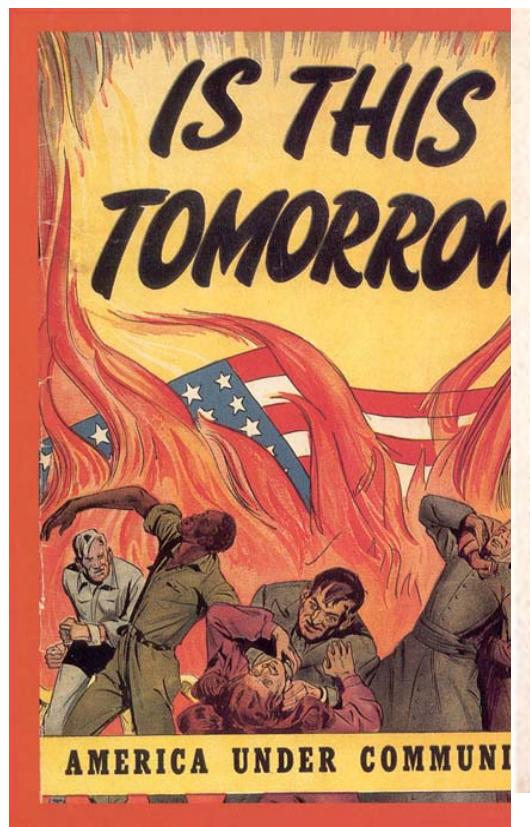
АМЕРИКАНСКИЕ ПЛАКАТЫ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

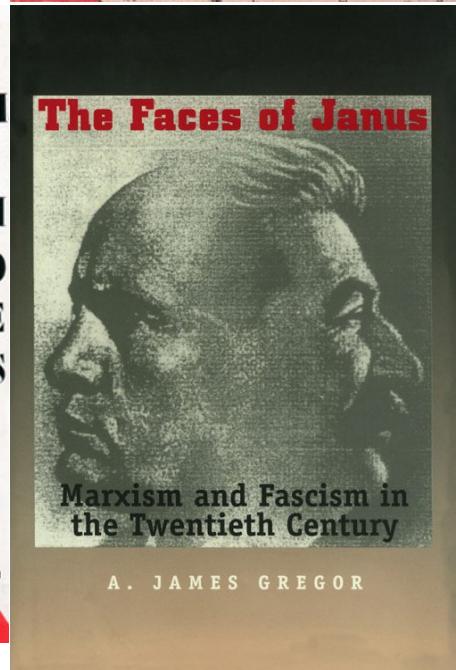
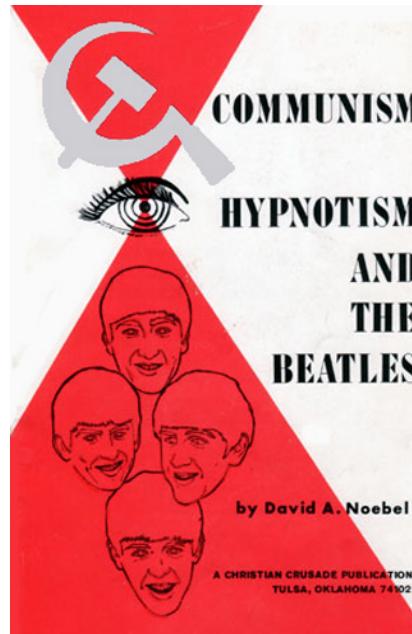
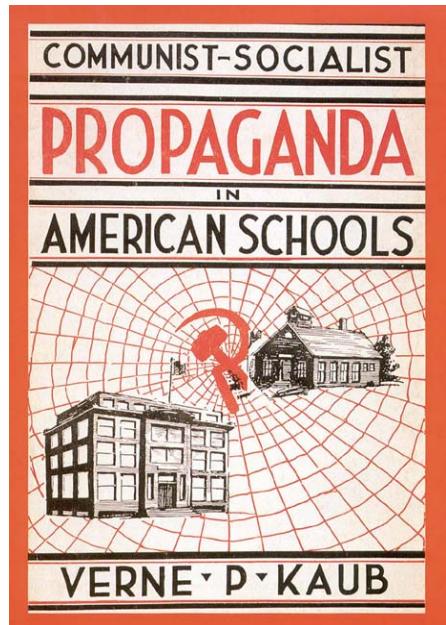
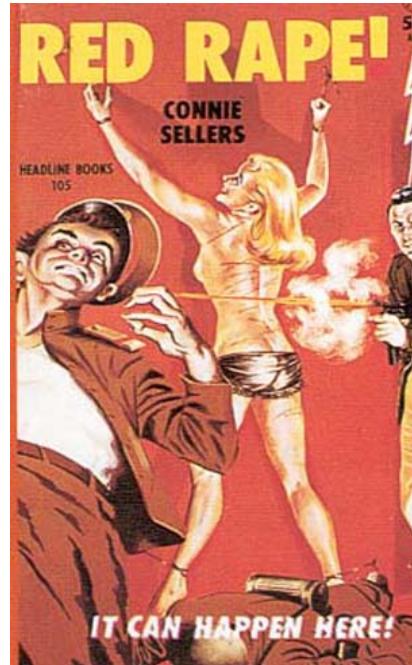
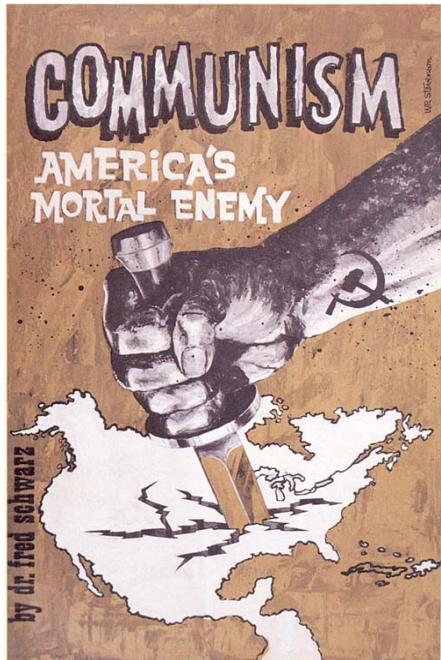






АМЕРИКАНСКИЕ КНИГИ О РОССИИ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ



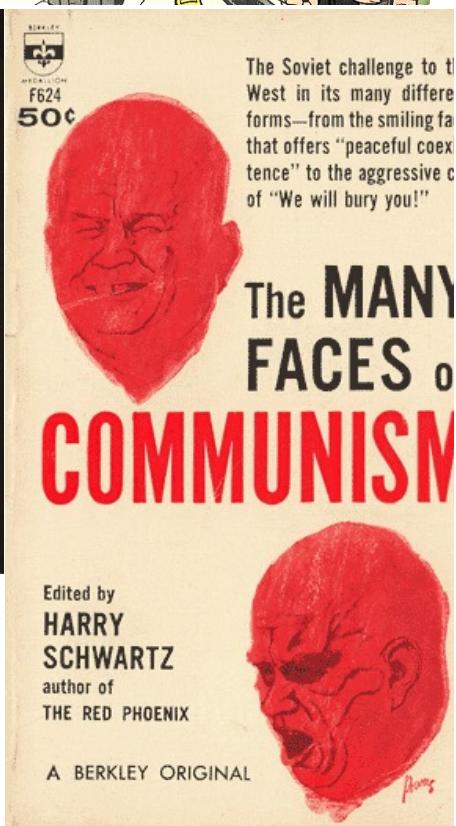
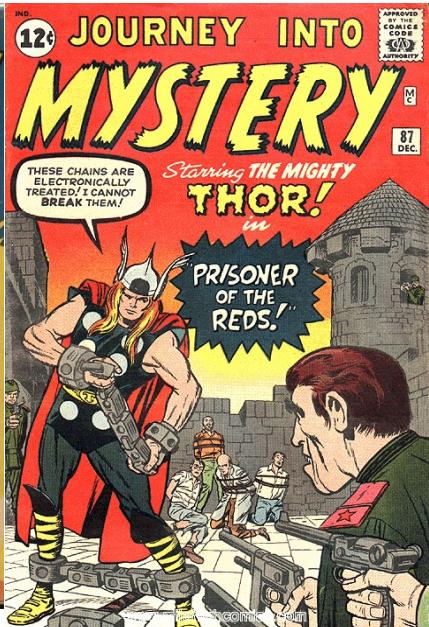
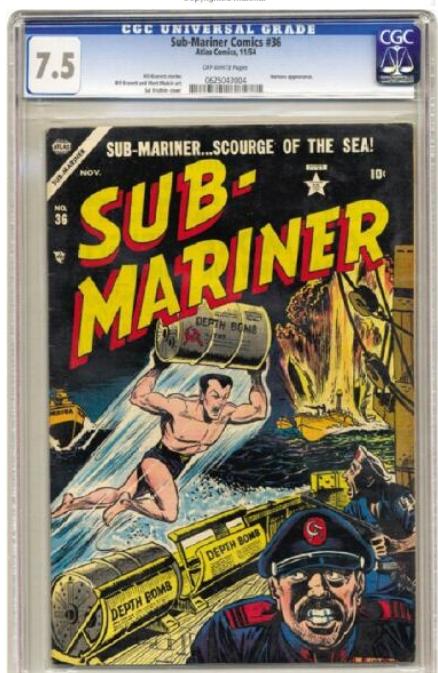


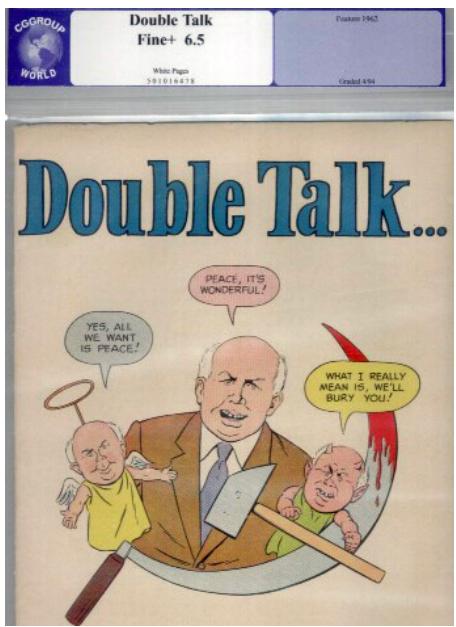
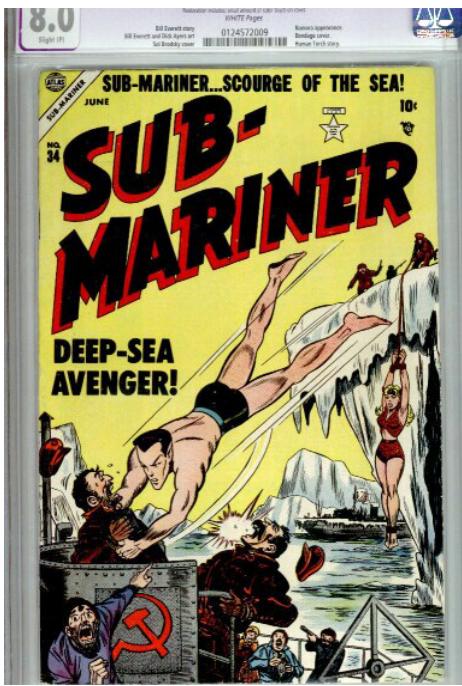


GULAG

A HISTORY

ANNE APPLEBAUM





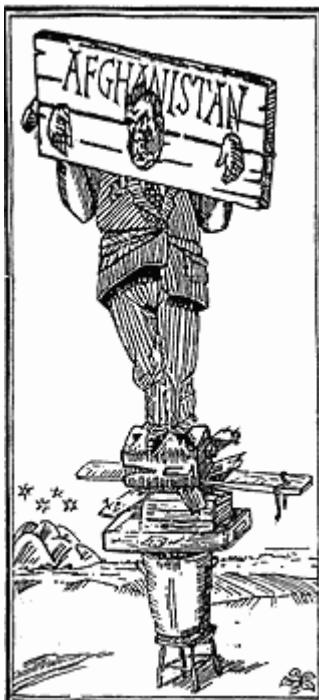
АФГАНИСТАН

Pictures from "Afghanistan-Nytt" magazine (Sweden)



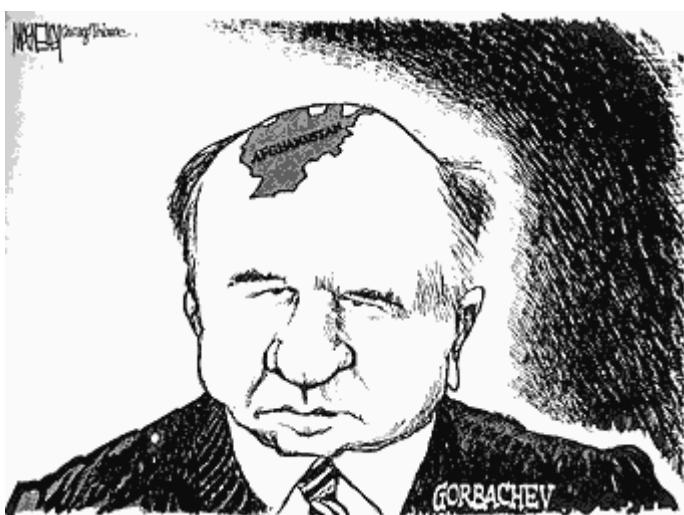
Леонид Ильич в маршальском мундире закусывает афганцами

Marshal L.I. Brezhnev eating Afghans.



Он же, выставленный на всеобщее обозрение и осуждение.

L.I. Brezhnev.



Михаил Сергеевич - вот откуда знаменитое пятно.

M.S. Gorbachev and his famous birth-mark.



"Советская марионетка" Бабрак Кармаль попивает водочку, "Русскую", разумеется.
"Soviet puppet" Babrak Karmal drinking vodka - "Russian", of course.



Вот так, с улыбкой, душманин по-самбистски заламывает русского мишку.
The brave mujahed defeating Russian bear.

ОБРАЗ РУССКОГО И СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЛАТЫШСКОЙ ПРЕССЕ XX ВЕКА



Коммунист (левому социал-демократу): "И чаго ты, болван, ко мне зря подмазываешься? Воть когда я съ тебя, дурака, штиблеты сниму и одену, тогда ты мне их и почишишь!"

Примечание.

Слова коммуниста в оригинале написаны по-русски.



В латгальских школах проводится политика русификации. (Из газет.)

"Какой душистый цветок! Скажут тоже, что латвийская земля не урожайная!..."



Латвия станет мостом для торговли между Германией и Россией. (Из немецких газет.)

"Мост": "Ладно бы они просто ходили, но они вытирают об меня свои грязные ноги!"



Троцкий (приглашая балтийских делегатов на конференцию по разоружению): «Пожалуйста, господа, пожалуйста! Вы видите - сам ангел мира несет почетную вахту! (в сторону «ангела мира»: Болван, не побрился!)»

Примечание.

Последние слова Троцкого в оригинале написаны по-русски.

Рисунки из журнала Svari («Весы»), 1921-27 годы.



Джаз-концерт меньшинств Латвия (с Литвой и Эстонией): «Этот шум они нарочно устроили, чтобы мы не смогли договориться». (Рисунок из журнала Svari, 1921 г.)



Немцы подали просьбу разрешить им создать в Латвии «культурную автономию» которая будет государством в государстве. Такие же надежды лелеют местные русские, жиды и др. (Из газет.)

Фриц (Латвии): «Хорошо ты, хозяйка, нас кормишь. И дальше можешь исполнять при нас, настоящих господах этой земли, обязанности кухарки». (Рисунок из журнала Lapsene («Оса»), 1924 г.)



Латыш (на московской конференции по разоружению): « Ну, пусть будет так, будем

жить как положено соседям. По рукам?»

Русский: «Никак нет, братец, не могу! У меня обе руки заняты. »

Рисунок из журнала **Но-Но!, 1922 г.**



В московской «разоружительной» бане

Делегат конференции (банщику-ангелу мира): «Скажите, отчего ваш господин сам не раздевается?»

Ангел мира: «У него, видите ли, оружие под шубой и его неудобно показывать.»

Рисунок из журнала **Svari, 1922 г.**



Соседская

дворняжка

Московские «Известия» в острой форме обрушились на Эстонию за высказывания её министра внутренних дел о том, что эстонские коммунисты получали деньги от третьего интернационала через советское посольство в Ревеле, заявив: «В новых обстоятельствах, продиктованных нашим международным положением, это обвинение требует от нас таких шагов, которые напомнили бы Эстонии какое место она занимает на политической карте Европы... »

Эстонец: «Этот лай я ещё могу терпеть, но до чего же мне не нравится это его ссср-р-р!»

Рисунок

из

журнала

Svari,

1924

г.



Барахольная

лавка

на

Рождественском

базаре

В этом году на Рождественском базаре продаются хозяйственные товары из Оренбурга, которые стало возможным ввезти благодаря торговому договору.

Продавец: «Покупайте продукты первой необходимости! Пользуйтесь торговым договором!»

Рисунок из журнала Hallo!, 1927 г.



К заключению латвийско-советского торгового договора
Сов. Росс.: «Вот так, соседка, я продам, а ты купишь. Если так - «ро rukam».

Рисунок из журнала Vardotajs ("Знахарь"), 1933 г.



Советская Россия проводит кампанию против Рождества

Чекист (Деду Морозу): «Тебя, такого буржуя, мы не пустим, а мешок отдавай - может там будет чего, что можно экспорттировать.»

Рисунок из журнала Nedelas Revija ("Ревю Недели"), 1930 г.



На страже свободы

Рисунок латышского художника Э.Кейса из газеты *Stimme der Freiheit* («Голос свободы», ФРГ), 1968 г.



Против политики «тотальной русификации»
(Рядом с меню русско-латышский словарь)
Рисунок из журнала Dadzis («Чертополох»), 1989 г.



«Есть ордена - есть проблемы, нет орденов - нет проблем!»
(Высмеиваются льготы для советских ветеранов войны и труда.)

Рисунок

из

журнала

Dadzis, 1990

г.



— Иосиф Виссарионович, ты здесь?
— Здесь, здесь. Только что исчезли Калныньш и Берзиньш!

Рисунок из журнала Dadzis, 1989 г.



Шаг вперёд, два назад
(Вывод российских войск из журнала Dadzis, 1992 г.)
Рисунок из Латвии)
из г.



— Пожалуйста, вам бесплатно!
(Надпись: «Дорожные сумки»)
Рисунок из журнала Dadzis, 1992 г.



Карикатура

на

Рижский

ОМОН

Рисунок из журнала Dadzis, 1991 г.



Продовольственная

программа

(фрагмент).

Рисунок из журнала Dadzis, 1991 г.



«Нулевой вариант...нулевой вариант...нулевой вариант...» (Высмеивается т.н. «нулевой вариант» - идея предоставления латвийского гражданства всем жителям Латвии на момент провозглашения независимости в 1991 году.)

Рисунок

из

журнала

Dadzis, 1991

г.



Надписи: «Плюрализм Демократия Социализм» (слева), «Ведущая роль Центра
Державы» (справа)
Рисунок из журнала Dadzis, 1990 г.



Агония

(Надпись на книге: «Краткий курс»)
Рисунок из журнала Dadzis, 1988 г.



Надписи: «Долой закон о гражданстве!», «Ультиматум правительству», «Долой государственный язык!»
Рисунок из журнала Dadzis, 1989 г.



Карикатура на засилье русских отдыхающих в Юрмале (На чемодане - названия городов (Тамбов, Москва, Тула, Рязань, Киев) и надпись «Я иду через границы с поднятой головой»)

Рисунок из газеты Atmoda («Пробуждение»), 1990 г.



— Отец, они вообразили, что это государство, а не республика!

Рисунок из газеты Lauku Avīze («Сельская газета»), 1989 г.



— Я хозяин этого дома, меня в сорок девятом [депортировали]....

— Ах, хозяин? Где окна, кто починит крышу, почему стены не оштукатурены? Хозяин нашёлся...

Рисунок из газеты *Lauku Avīze*, 1989 г.



В связи с этим мы просим оставить в распоряжении республики прирост дохода бюджета будущего года, и мы со своей стороны часть дефицита союзного бюджета покроем из этих доходов. (Надпись на спине: «суверенная республика»)

Рисунок из газеты *Lauku Avīze*, 1989 г.



«Санкции против Латвии, санкции...»

Россию тяжело задели финансовые невзгоды, которые серьёзно угрожают её экономике.
(Надпись: «1 рубль»)

Рисунок из газеты Lauku Avīze, 1998 г.



«Мы пять лет стоим на краю бездонной пропасти, и наконец начинаем энергично двигаться вперёд!» Россия, как всегда, мучается со своей экономикой. (Надпись на всаднике: «Россия»)

Рисунок из газеты Lauku Avīze, 1998 г.



«MĒS TEVI NOTEIKTI
INTEGRĒSIM LATVIJĀ,
JO MŪSU SADARBĪBA
TURPINĀSIES...»

— Мы тебя обязательно интегрируем в Латвию, потому что наше сотрудничество продолжится...

Надпись на виселице: «Москва=ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе)»



Макс ван дер Стул: Кто эти люди? Мне страшно к ним приближаться

Гунтис Улманис: Это наши постоянные жители. После вашего указания и моего согласия им облегчена возможность получить латвийское гражданство.

(Надпись над дверью: «Бюро натурализации»)

Примечания

Макс ван дер Стул - бывший комиссар ОБСЕ по правам нац. меньшинств.
Гунтис Улманис - бывший президент Латвии.
Надпись на плакате - имеется ввиду «поговорка», приписываемая русским
жителям Латвии: «Убитый латыш - посаженное дерево. Озеленим Латвию!».
Рисунки из газеты *Latvietis Latvijā* («Латыш в Латвии»), 1999-2000 гг.



Мэр Москвы Юрий Лужков оплачивает адвокатов бывших чекистов в Латвии.
Вышинский: «Товарищ Сталин шлёт вам, товарищ Лужков, загробный привет! Спасибо, что
помогаете нашим! »

Рисунок из газеты *Lauku Avīze* («Сельская газета»), 1998 г.



Зверское убийство полковником российской армии Юрием Будановым чеченки напоминает насилие нацистской армии против жителей России во время Второй мировой войны.

Рисунок из газеты *Lauku Avīze* («Сельская газета»), 2001 г.



На латвийские посольства и консульства в России повторяются нападения бандитов, которых никто не ловит.
— Федя, целься без спешки, наша милиция, как принято, приедет через полчаса!



Надписи на плакатах: «Я лох и неспособен выучить язык», «Я дура и не могу выучить язык», «Я уже 40 лет не могу выучить язык!», «Я 50 лет не могу выучить язык», «Я люблю пикет!»

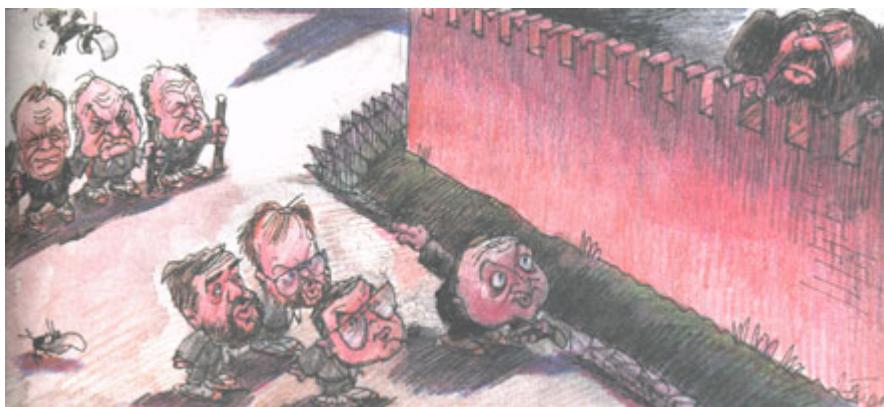


Нацболы расстреливают латышских политиков (У стенки - видные политики того периода, крайний слева — Раймонд Паулс)
Рисунки из газеты Lauku Avīze, 1999 г.



14 июня 1941 года («Выселение антисоветского элемента» из Латвии)

Рисунок из учебника для 5-го класса «Родной край», 1996 г.



Сейм Латвии не принял законопроект о требованиях от России компенсаций за оккупацию.

Латвийские депутаты у Кремля: «Пожалуйста, не сердитесь!»

Рисунок из газеты *Lauku Avīze* («Сельская газета»), 2000 г.



Депутат Янис Юрканс: «России не нравится слово "оккупация". Ладно, не будем использовать это слово.»

Демократическая игра слов: « Что вы, господа, это никакое не изнасилование! Это только

насильственный

Рисунок

из

газеты

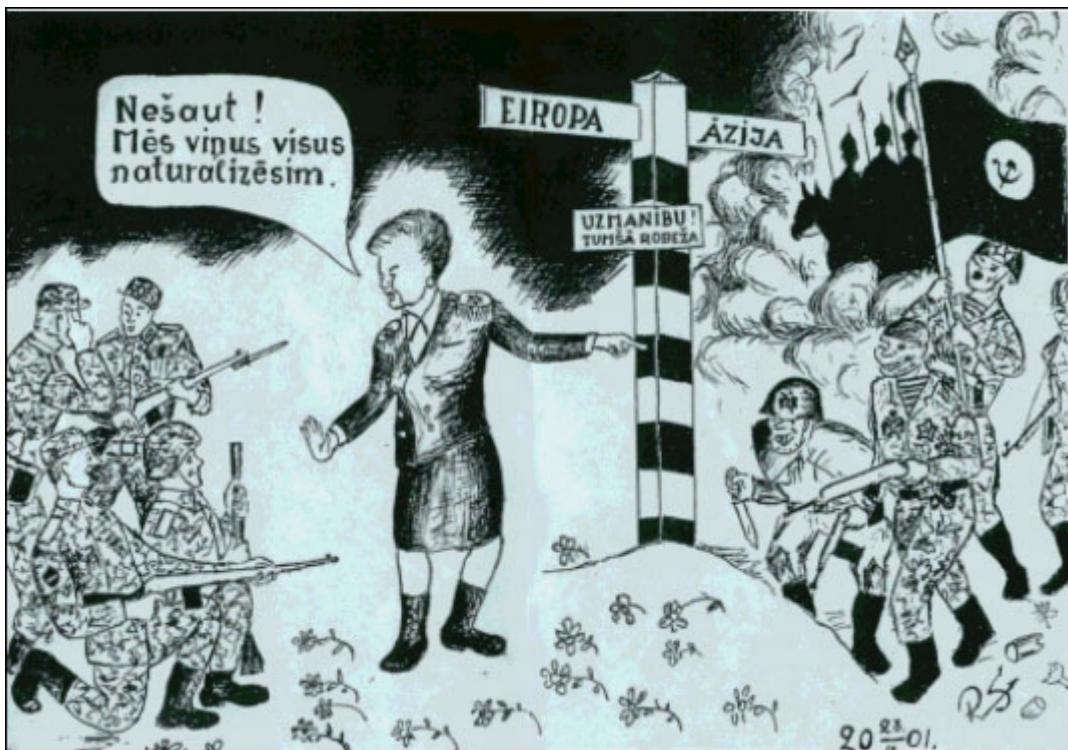
Lauku

захват!»

Avīze («Сельская газета»),

2001

г.



Президент Вике-Фрейберга: «Не стрелять! Мы их всех натурализуем!»

(Надписи на столбе: «Европа», «Азия», «Внимание! Граница тьмы»)
Рисунок с портала Latvians.lv, 2001 г.



Рисунок из газеты «Русское Воскресение», 1992 г.

Дополнительная часть к теме III ФАКТОРЫ И ГРАНИЦЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ

ЗАПАДНЫЕ КАРИКАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА — НАШЕ ВРЕМЯ



© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com: 'in their Eyes'

Tsars in their eyes.



The Russian Steps



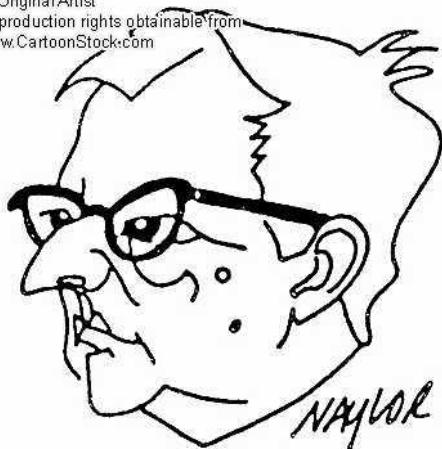
Dog looks in mirror and thinks: 'I'm
Anastasia?'

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Alexander Pushkin.

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Dmitri Shostakovich

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Leonid Brezhnev

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



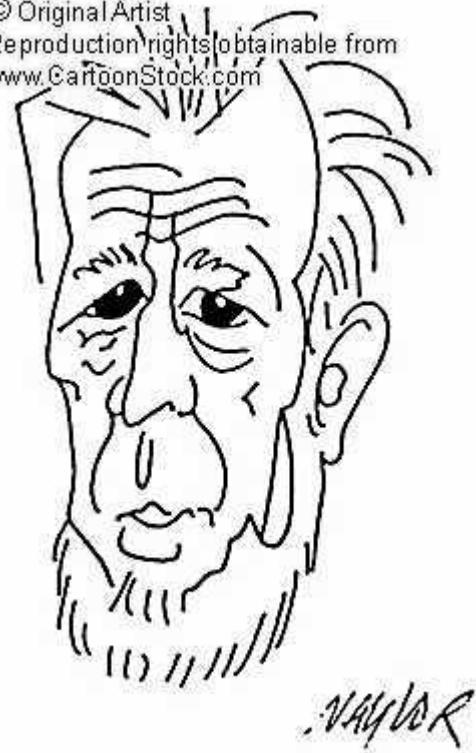
Konstantin Stanislavsky

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



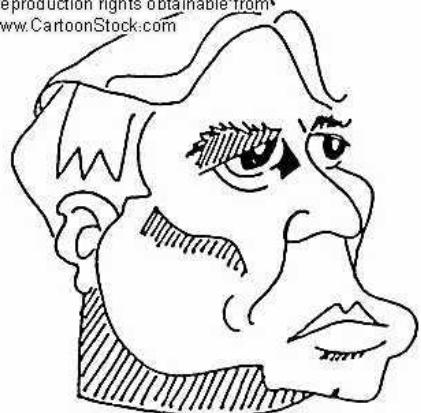
Sergey Rachmaninov

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Alexander Solzhenitsyn

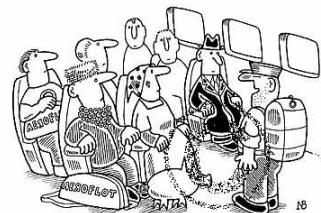
© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Boris Pasternak

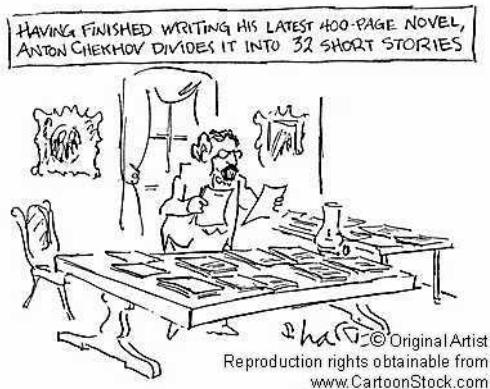


Russian currency crisis

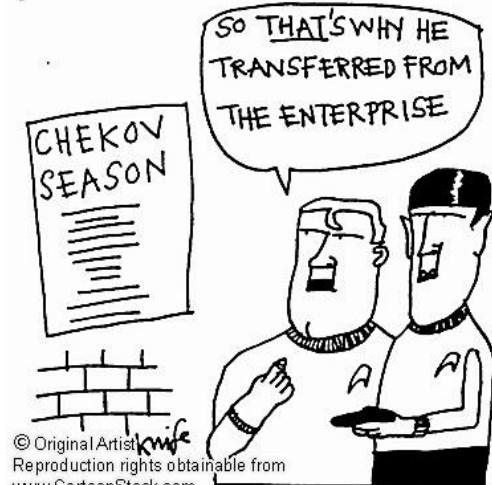


"This is your captain speaking. Welcome aboard Flight 451, possibly to Sverdlovsk."

Aeroflot, "Welcome aboard flight 451, possibly to Sverdlovsk."



Having finished writing his latest 400-page
novel,
Anton Chekhov
divides it into 32 short stories



Theatre Poster - Chekhov Season - "So
that's why he transferred from the enterprise."



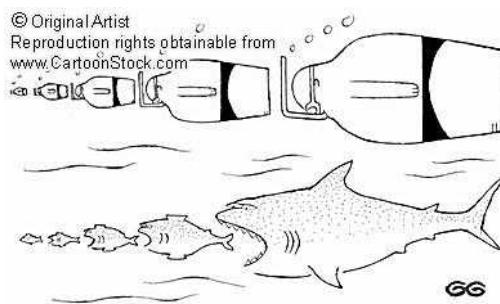
Russian Dating

Russian Dating



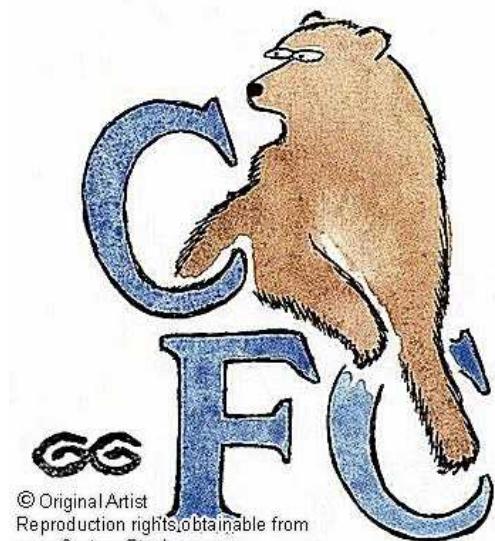
"Congratulations, you're expecting triplets."

"Congratulations, you're expecting triplets."

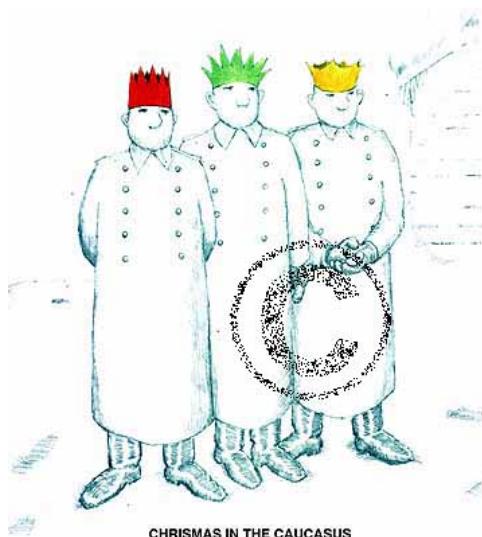


RUSSIAN SNORKELLING CLUB

Russian snorkelling club



Chelsea Football logo with Russian Bear



Christmas in the Caucasus

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com

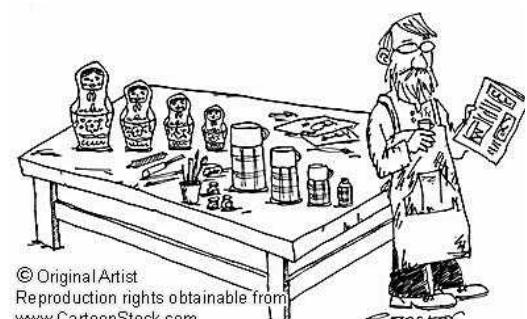


'REMEMBER YOU SAID YOU HAD
NOWHERE TO PUT YOUR RUSSIAN DOLL?'

"Remember you said you had nowhere to
put your Russian doll?"



Rasputin - You don't have to be a mad monk to work here but it helps



Russian doll maker takes a break. His flask

of tea conceals smaller flasks, like Russian dolls.

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



"Well, if you're conducting a state visit to Russia, you should at least learn how to pronounce 'Czar.'"

"Well, if you're conducting a state visit to Russia, you should at least learn how to pronounce 'Czar.'"

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



"You'll be in charge of our diplomatic relations with Russia — I'm appointing you my 'Czar Czar'"

"You'll be in charge of our diplomatic relations with Russia — I'm appointing you my Czar Czar."



"Brilliant... We'll take it"



Perry

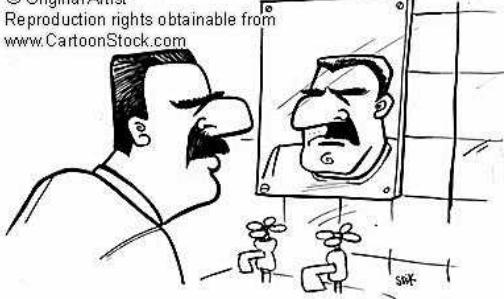
THE INTERNET'S A GOLD MINE DAD, I'VE JUST SOLD YOUR LIVER AND KIDNEY TO A RUSSIAN MAFIA BOSS

Kid selling his Dad's organs to a mafia boss on the internet



Russia's ageing reactors

© Original Artist
Reproduction rights obtainable from
www.CartoonStock.com



Monday morning, and Stalin could feel a new purge coming on...

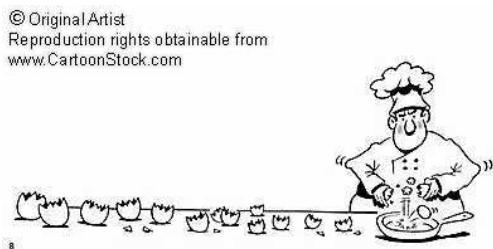
Monday morning, and Stalin could feel a

new purge coming on...



"He and Carruthers are both doing biographies of Tolstoy, and it's a race to the finish."

The Russian Plip Bureau



Chef finds himself perplexed by Russian doll

style egg



"I understand he's thinking of sacking
Lenin next"



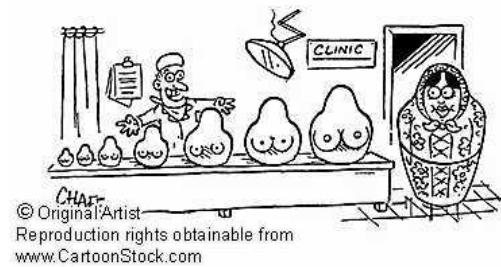
"You're not a Russian assassin, are you?"

'You're not a Russian assassin, are you?'

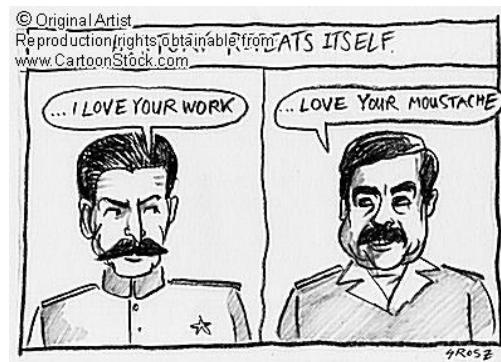


Steppe Aerobics.

Steppe aerobics



Russian doll deciding on what size breast implants to get



'History repeats itself...'



Vladimir Putin



Polar Sovereignty?



"Who said the Russians had no sense of humour?"

'Who said Russians had no sense of



'According to the contract with President Bush I will disarm Russia's most creepy biological weapon...'



'Well... I better take my booty and run before they notice that Russia isn't really in Africa...'

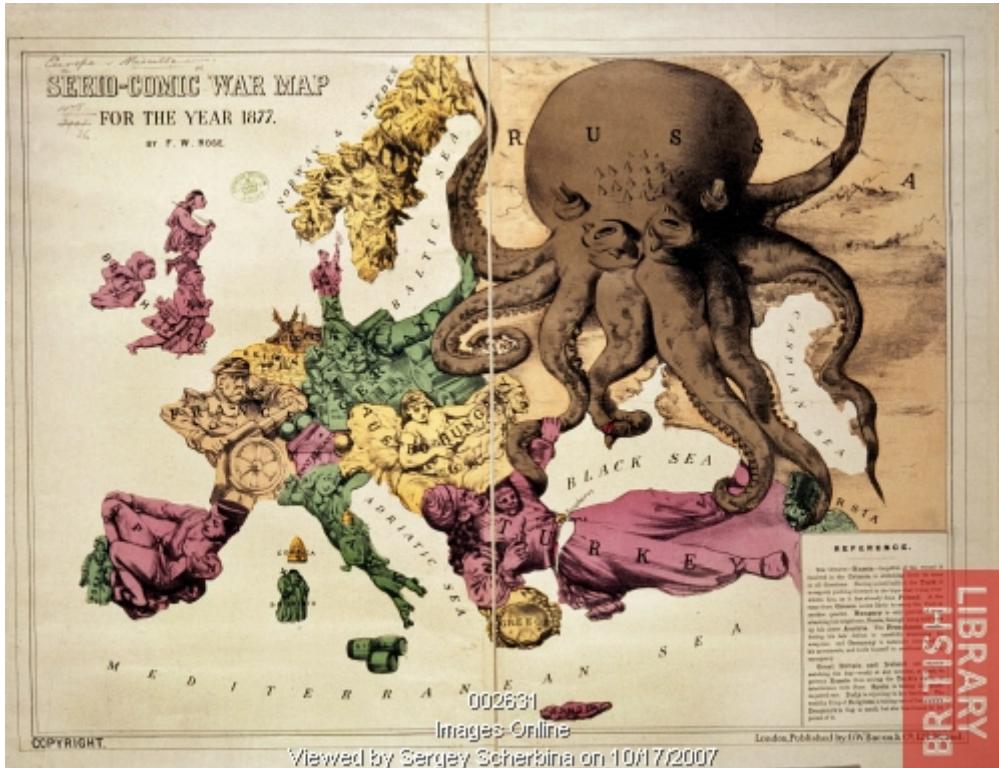
humour?



From the Owner of the Washington Post:

IN THE PAST few days, the anti-Western rhetoric of Russian President Vladimir Putin, which had been rising in pitch for several months, has reached Soviet levels of shrillness. He accused the United States of "imperialism" and "diktat" and threatened to target Europe with new Russian weapons. In an interview with foreign journalists, he cynically mocked Western democracy, saying that U.S. "torture, homelessness, [and] Guantanamo" and Europe's "harsh treatment of demonstrators" have left him as the only "absolute and pure democrat" in the world.

Дополнительная часть к теме IV МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО И НЕГАТИВНОГО ОБРАЗОВ РОССИИ



Юмористическая карта Европы, 1877 г.

Пример интернет-ресурса, информирующего англоязычных пользователей о современной жизни в России и других постсоветских государствах

[English Russia](http://english-russia.com) is a daily entertainment blog devoted to the events happening in Russian speaking countries, such as Russia (Russian Federation), Ukraine, Belarus, Moldova, Kazakhstan, etc. Everyday something interesting happens in the countries occupying 1/6 of the populated world. We are here to inform you about it.

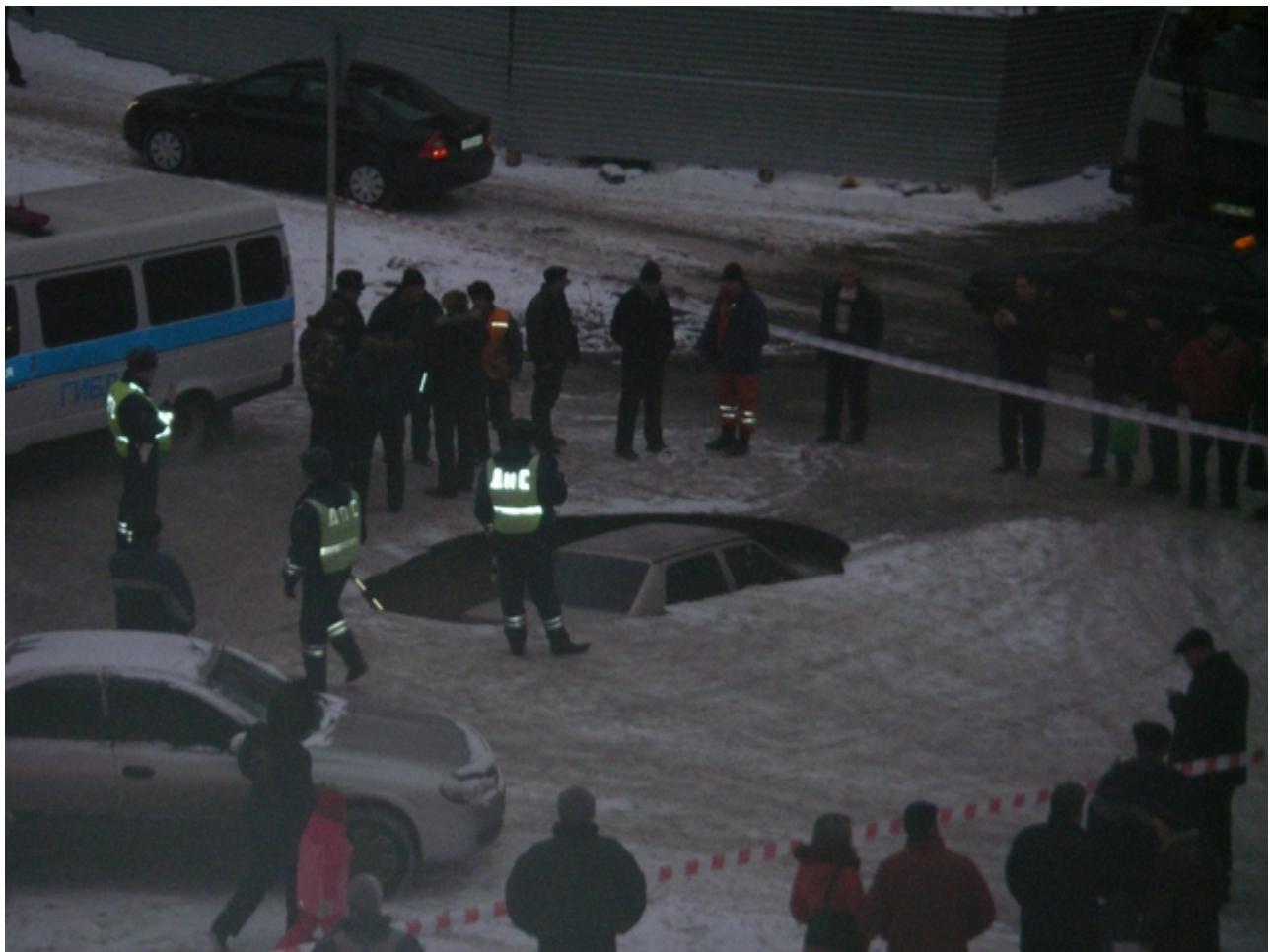
Из фотогалереи [English Russia](http://english-russia.com)

The Pocket Helicopter



In 1971 Communist government of Soviet Russia has order a development of the smallest passenger helicopter in the world that could carry one person and can be folded in the tube that can be carried also by one person. They had plans to use it on the benefit of Soviet Army and Russian intelligent service. Here we can see what they got as a result of this order. It was a Ka-56 "Wasp" helicopter, fully functional and could be used and between uses carried by one man.

Ryazan Sinkhole



Late evening, Ryazan city, Russia. A man was driving his Lada across Ryazan downtown then sudden boom and he finds himself six feet below the road level. And it was a paved road. Later that night they had to implement a crawler power shovel to get him outside.

Kamchatka Bears



Some people say bears wander around the Russian cities begging for food, especially during winter. Of course that's not true, bears don't walk in the cities, but in some Russian areas one can wander around and don't touch people.

Russian Taxis



Some photos from the life of Russian taxi cabs...

The On-Ground Ferry



On these photos you can see something that is called "An On-Ground Ferry" in some parts of Russia. Some roads are too muddy to pass for the regular cars. They have only one way - to use an on-ground ferry - a four wheel drive truck on which they are being put and sit all the way through the muddy passage.

РЕКЛАМА ВОДКИ «КАЛАШНИКОВ» В США

Kalashnikov Vodka was designed and named after Lieutenant-General Mikhail Timofeevich Kalashnikov who is, at the age of 84, still a serving officer and the Head Designer of the Izhmash Engineering Plant in Izhevsk in Siberia and is the founder and the Honorary Chairman of The Kalashnikov Joint Stock Vodka Co (1947) that makes Kalashnikov Vodka.

General Kalashnikov was a Tank Commander in WWII, known in Russia as The Great Patriotic War, and who fought number of battles against the Nazi occupation until wounded which is when he turned his energy to designing.



General Mikhail T Kalashnikov is also the designer of the gun known as the AK47 for which he was made Hero of the Socialist Cause and awarded the Order of Lenin and The Gold Star of the Hammer & Sickle.

AK47 stands for Automatic gun of Kalashnikov 1947. The Red Army adopted it in 1947.

**The traditional toast between Russian officers is
"To Friendship"
In Russian it is pronounced
Za Droozhe-boo and written as "За Дружбу!"**

Пример	интернет-магазина
для	пользователей
www.russianlegacy.com	

Слоган магазина: «Your window to Russia»

Витрина магазина



- Accessories
- Bags & Backpacks
- Headwear
- Scarves
- Sports Jerseys
- Sweatshirts
- T-Shirts & Polos



- Bottle Holders
- Chocolate
- Cutting Boards
- Flasks
- Glass Holders
- Napkin Holders
- Samovars
- Tablecloths & Napkins
- Tea Cozies
- Zhostovo Trays



folk art

- Art Supplies & Blanks
- Bells
- Bogorodskaya Toys
- Books on Folk Art
- Chess Sets
- Decorative Eggs
- Golden Khokhloma
- Guardian Figurines
- Lacquer Boxes
- Music Boxes
- Musical Instruments
- Nesting Dolls (Matryoshka)
- Nesting Eggs
- Painted Computer Mice
- Paintings
- Roly Poly Chime Dolls
- Siberian Birch Bark
- Wood Carving
- US Patriotic Gifts



militaria

- Cockades & Pins
- Headwear
- Soviet Uniforms



porcelain

- Ceramics
- Gzhel
- Porcelain Dolls



shawls & scarves

- Orenburg Shawls
- Pavlov Posad Scarves



soviet collection

- Flags & Pennants
- Lapel Pins & Badges
- Posters
- Propaganda Postcards



tiny works of art

- Brooches
- Earrings
- Hair Barrettes
- Keychains
- Magnets
- Necklaces

- Pins



christmas shop

- Carved Santa Figurines



russian culture

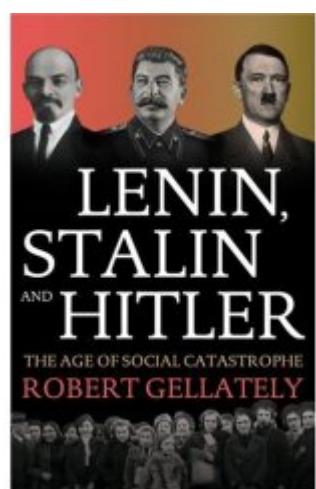
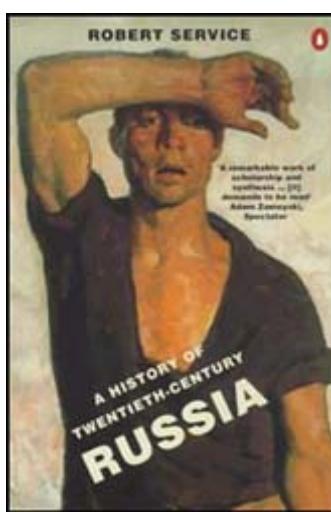
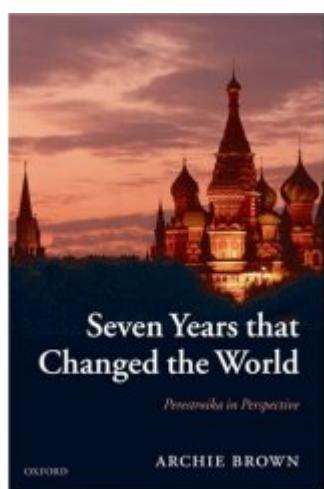
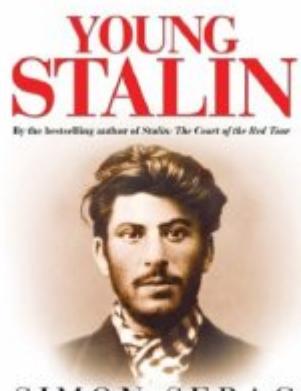
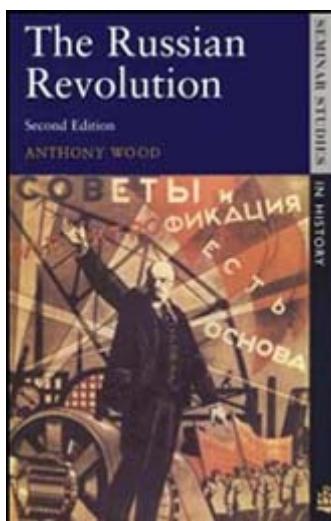
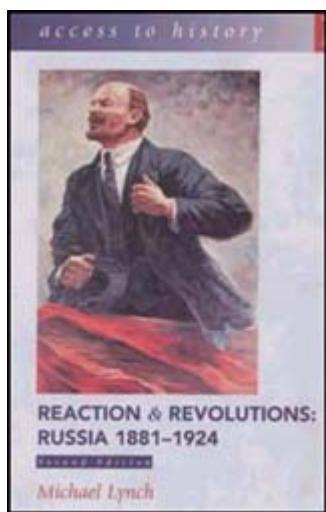
- Russian Art

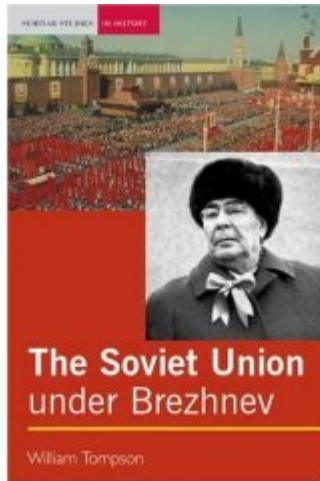
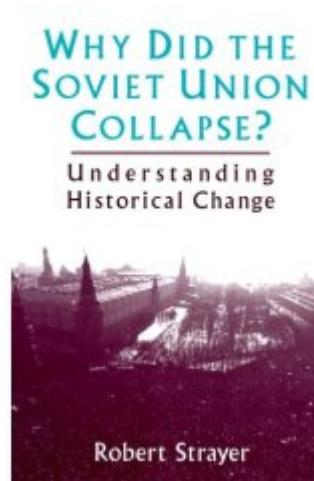
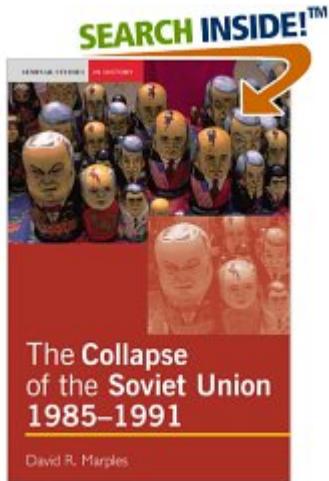
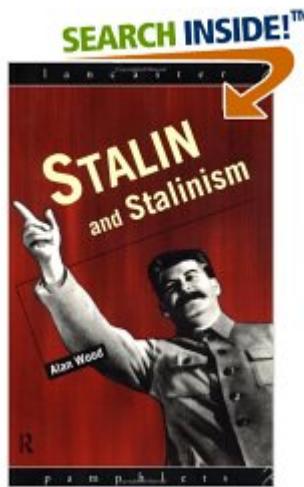
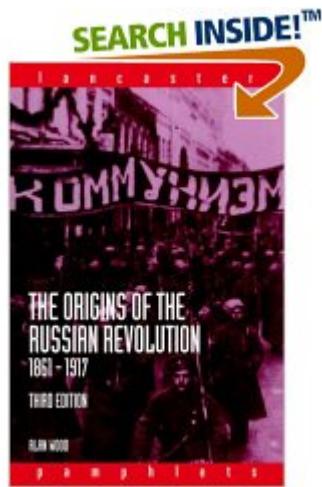
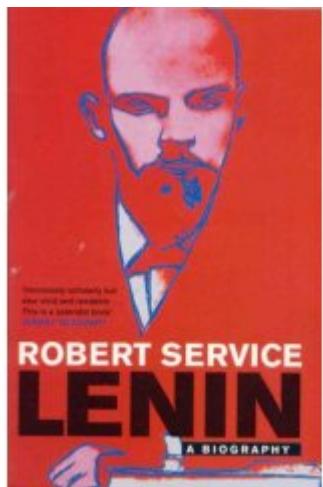
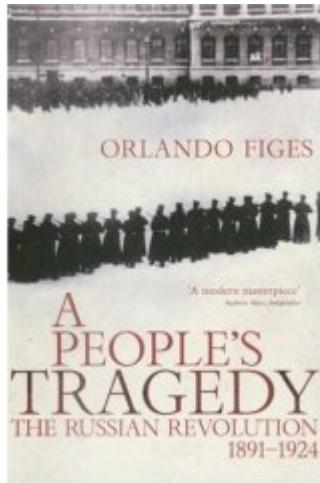
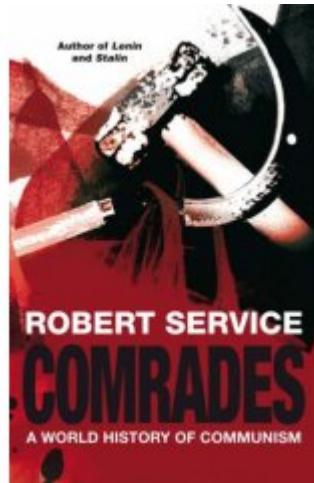
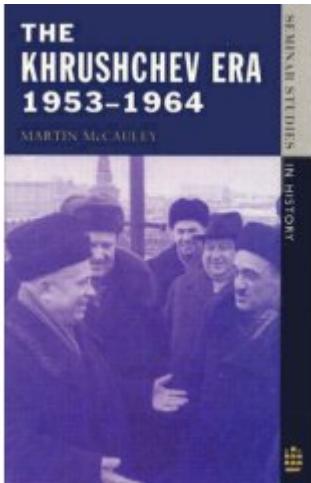
- Christmas Brooches
- Christmas Nesting Dolls
- Christmas Ornaments
- Christmas Eggs
- 2008 Wall Calendars
- Russian Cuisine
- Russian History
- Russian Humor
- Russian Language
- Russian Music
- Russian Poetry
- Shops & Restaurants in USA

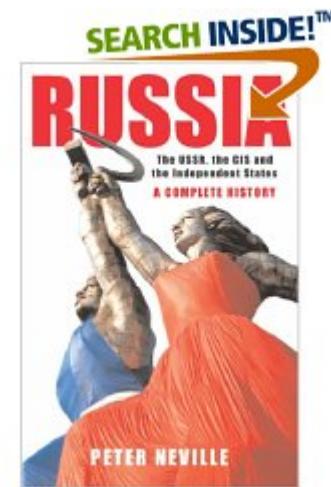
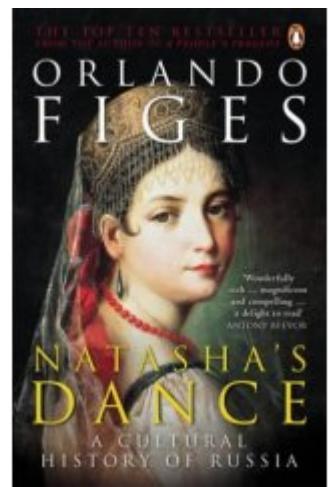
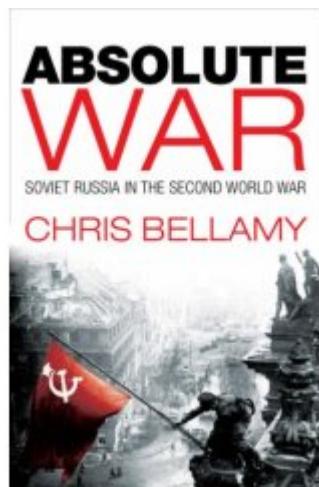
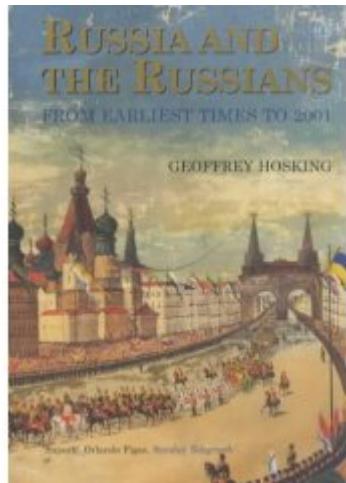
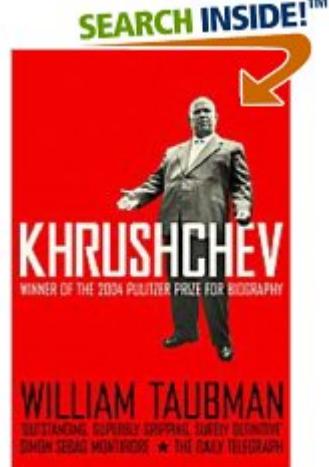
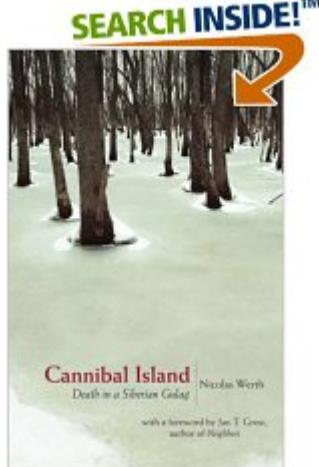
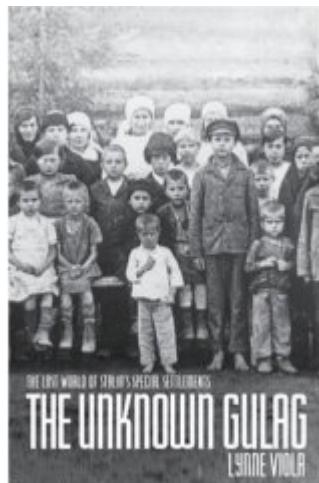
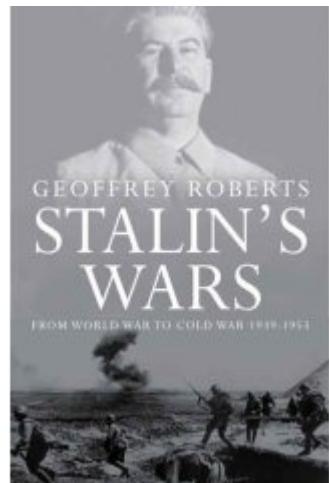
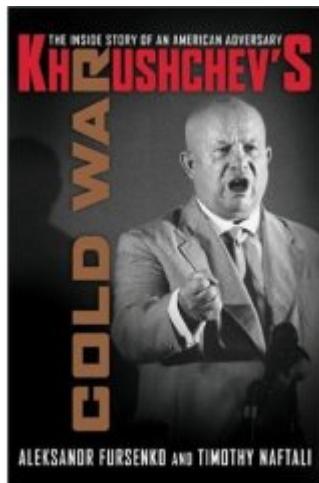
Дополнительная часть к заключению

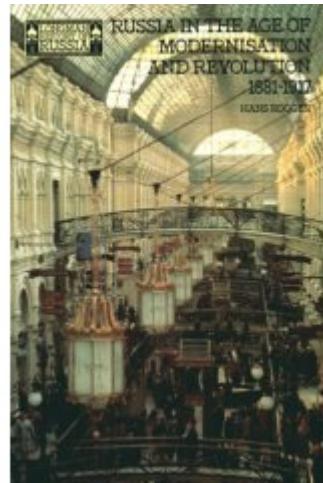
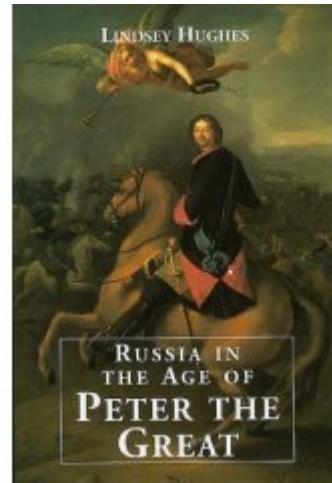
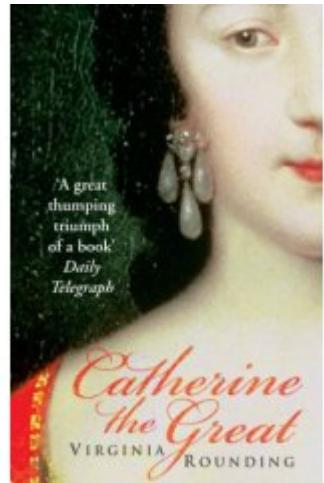
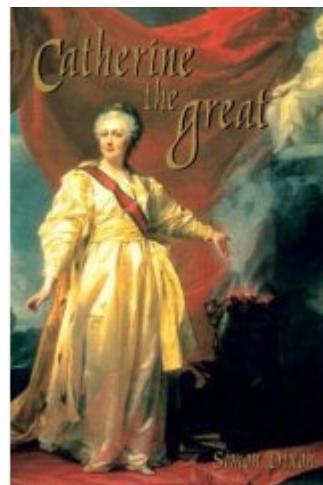
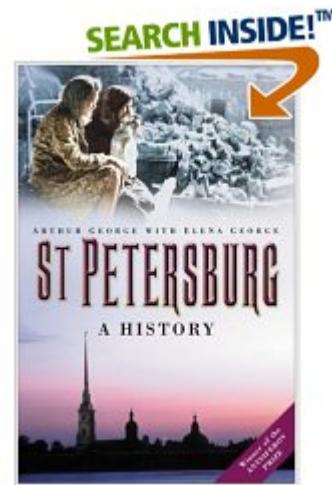
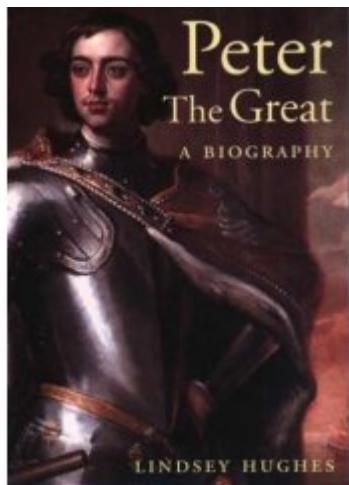
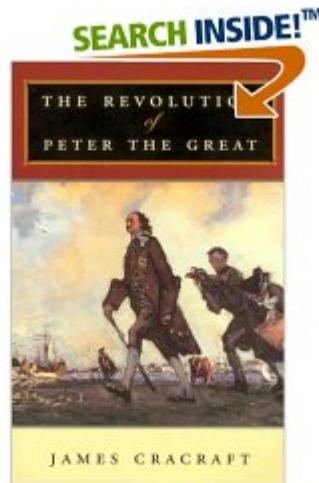
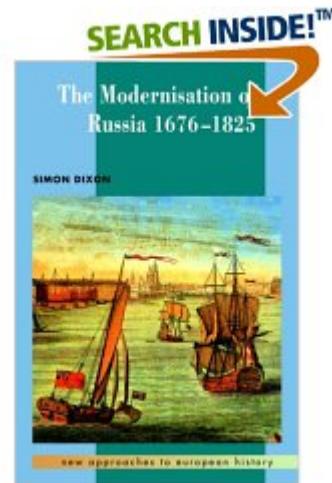
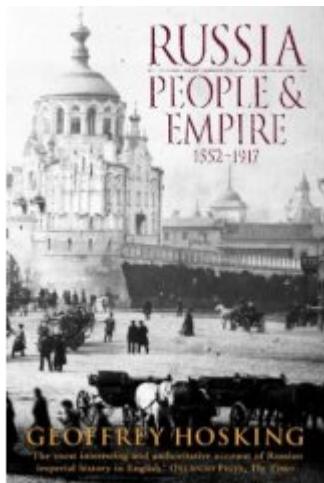
МИРОВЫЕ «РОССИКА», СЛАВИСТИКА И РУСИСТИКА, СОВЕТОЛОГИЯ И РОССИЕВДЕНИЕ: ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

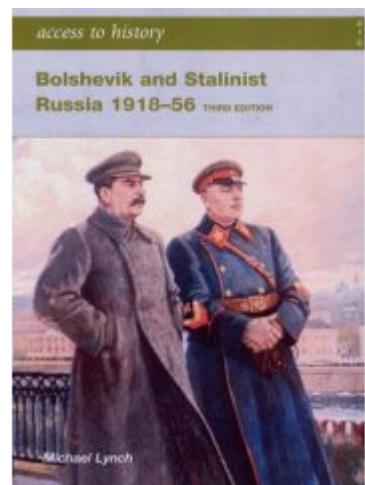
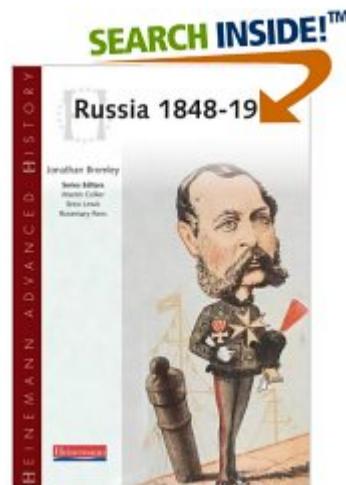
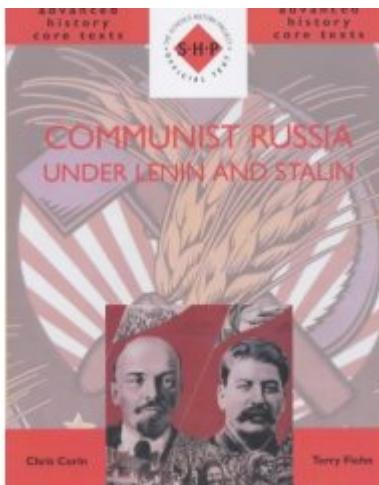
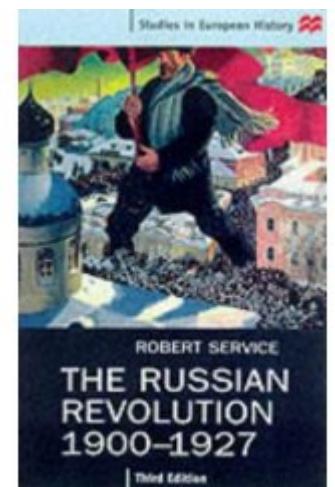
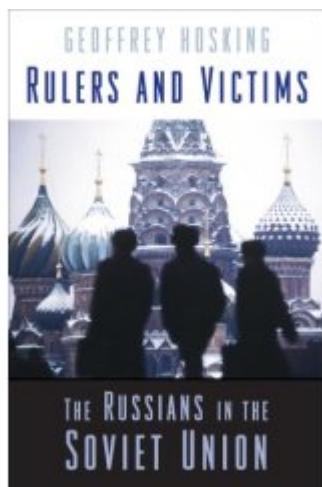
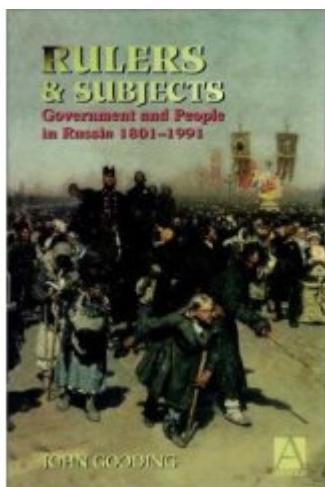
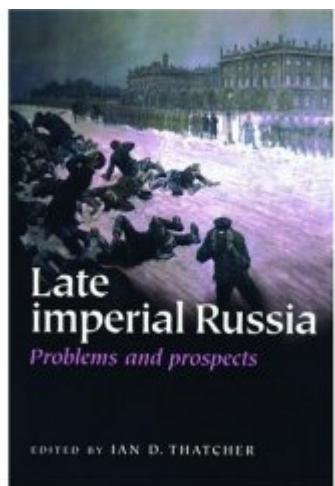
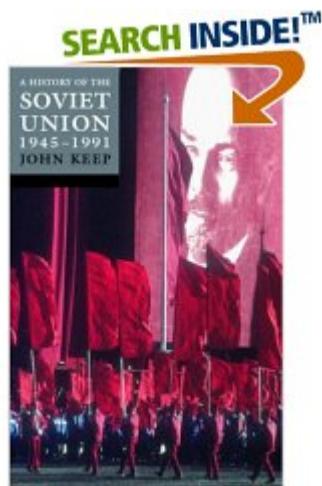
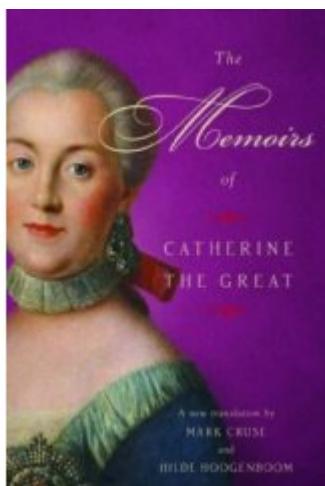
КНИГИ О РОССИИ, ПРОДАВАЕМЫЕ СЕЙЧАС НА ЗАПАДЕ

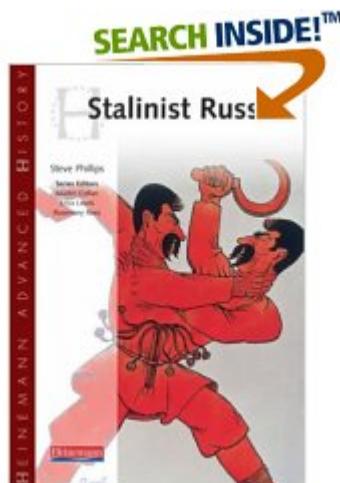
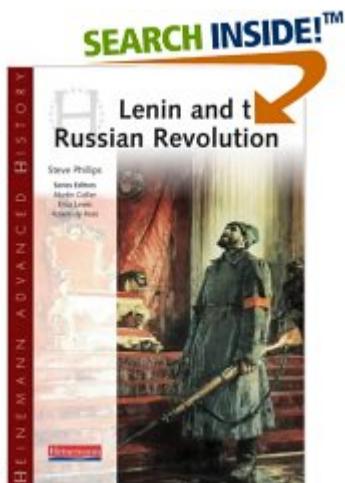












ИТОГОВАЯ АТТЕСТАЦИЯ

Вопросы для обсуждения по темам

1. Изучить имидж современной России в самых братских странах, где проживают единые по корням с россиянами восточные славяне, – Малороссии (Украина) и Белой Руси (Беларусь).
2. Имидж России в Чехии, Словакии и Польше, как государствах ЕС, но бывших странах Варшавского договора (Польша и Чехословакия), вместе с тем, территориях, где проживают исторически братские западнославянские народы.

3. Основные тенденции формирования имиджа России в Прибалтике. Можно ли говорить о доминировании не враждебного, а уже даже вражеского имиджа России? Каковы, согласно прибалтийским СМИ, тому причины?
4. Уровень жизни граждан России, проживающих в Прибалтике, как один из основных показателей имиджа России в Литве, Латвии и Эстонии. Предложите возможные варианты поддержки российских граждан в Прибалтике.
5. Уровень жизни граждан России в странах СНГ как один из основных критерииев, формирующий имидж России в этих государствах.
6. Имидж России в современных СМИ Йемена, Эфиопии и Египта, как 3-ех из более 50-ти стран мира, где СССР исполнял свой «интернациональный долг»?
7. Россия глазами СМИ Северной и Южной Кореи: отношение, контрасты, причины.
8. Изучить имидж России через отношение мировой общественности и иностранных СМИ к российским спортсменам. Олимпиады, Чемпионаты Мира, Чемпионы Европы (ведущие виды спорта), Лига Чемпионов и Кубок УЕФА по футболу.
9. Проанализировать имидж России в политико-экономических рубриках СМИ США в период Холодной войны и момент прихода к власти Б.Н. Ельцина: споры, конфликты, соревнования, интересы, перемены.
10. Лауреаты Нобелевской премии как люди-события, привлекающие внимание иностранных СМИ к России. Изучить контекст, показывающий отношение к Российскому государству в газетных материалах, посвященных нашим лауреатам.

Темы рефератов:

1. Оценка в западных СМИ (как современных, так, по возможности, и XVIII века) и западной исторической литературе деятельности Петра I.
(При исследовании этой темы обязательно рассмотреть отношения между выбранными странами и Российской Империей в к. XVII- 1-ой четверти XVIII века).
2. Российская Империя глазами французских СМИ накануне и во время Отечественной войны 1812 года.
(Особое внимание уделить личности императора Александра I, оценке взаимоотношений Александра и Наполеона).
3. Российская Империя глазами СМИ Великобритании-Франции и Германии в период I Мировой войны.
4. Реакция стран Западной Европы, выраженная через СМИ, на свержение монархического строя в России и на революцию 1917 года с последующим утверждением у власти партии большевиков.
5. Отношение к СССР в кубинских СМИ во время Карибского кризиса 1962 года.
6. Как сравнивают в зарубежных СМИ войны США-Вьетнам и СССР-Афганистан?
7. Имидж России в иностранном кинематографе.
(английский к/ф «Иностранка» в главной роли с Николь Кидман, фильм польского режиссера Анджея Вайды «Катынь», экранизации русской классической литературы).
8. Мнения иностранных государств через СМИ о современной российской молодежи (Какие, по их мнению, увлечения у нашей молодежи? Как влияют субкультуры на её развитие? Имеет ли место такое явление как «русский экстремизм»?
9. Оценка нашего уровня среднего и высшего образования в иностранных СМИ (на примере минимум 5 государств, желательно, представителей разных континентов). Ценятся ли в других странах выпускники российских ВУЗов?
10. Отношение (через иностранные СМИ) к русской интеллигенции, как современной, так и «классической» (XVII, XVIII, XIX, XX вв.).

Список внешних ссылок

1. www.smi.ru
2. www.inosmi.ru
3. www.rian.ru
4. www.rossika.ru
5. www.politru.ru
6. wwwairo-xxi.ru
7. www.thenation.com
8. www.regnum.ru
9. www.rosbalt.ru
10. www.kreml.org
11. www.expert.ru
12. www.itar-tass.ru
13. www.politklass.ru
14. www.newtimes.ru
15. www.russia-today.ru
16. www.russiaprofile.ru
17. www.lenta.ru

Описание балльно-рейтинговой системы

Виды учебной работы	число	Баллов за 1 работу	Максимальная сумма баллов	Минимально допустимая сумма баллов
Активная работа на семинаре	7	3	21	10
Практические работы	7	3	21	10
Заключение по результатам исследования	1	8	8	5
Сообщения / эссе	1	5	5	2
Внутрисеместровая аттестация	1	7	7	4
Итоговый контроль	1	10	10	6
Итого			72	37

Шкала оценок

		Неудовлетворит		Удовлетворит.		Хорошо		Отлично	
Кредиты	Баллы	F	FX	E	D	C	B	A	
		2	2+	3	3+	4	5	5+	
2	72	Менее 25	25-36	37-42	43-48	49-60	61-66	67-72	

Предмет курса и его актуальность

Задача настоящего курса – показать, как создавались и создаются образы России исторической и современной, каким законам или закономерностям подчиняется создание образа страны и народа, что такое этностереотипы, как и почему они возникают, как порождают ксенофобию и как, наоборот, могут помочь в борьбе с ней.

Образ любой страны и народа начинает формироваться в тот момент, когда данный народ приходит в соприкосновение с другими народами. У разных народов неизбежно складываются разные образы одного и того же народа, причем, как правило, не совпадающие с тем собственным образом, который создает для себя данный народ. Все эти образы претерпевают изменения с течением времени и могут сохраняться даже тогда, когда тот или иной народ уже исчезли с лица земли. Тогда они становятся частью исторической памяти или даже переходят на другие народы, которые считаются преемниками.

Каждый язык по-своему описывает мир, определяет особенности его восприятия. С этой точки зрения не существует двух одинаковых образов, даже если они определяются схожими понятиями, поскольку слова, обозначающие эти понятия, в разных языках имеют разное значение. Как известно, одни и те же понятия, синонимы, в различных языках не вполне совпадают. Поэтому каждый язык создает свою уникальную картину мира, которая не может целиком сохраниться при переводе на другие, даже очень близкие к нему языки.

У каждого народа есть свои устойчивые представления как о себе самом, так и об окружающих народах, странах и культурах. Образы стран и народов изучает наука имагология (от лат. *imago* – образ, вид). Она пытается определить, как изменяются образы одних и тех же стран и народов в различных языках и культурах. Имагология формализовала то положение, которое и прежде было хорошо известно литератороведам и искусствоведам. Любое литературное произведение, любой литературный образ, любое произведение искусства имеет бесконечное число интерпретаций, подавляющее большинство которых нельзя назвать ни безусловно верными, ни очевидно ошибочными. Отсюда проистекает принципиальная множественность образов не только явлений литературы и искусства, но и вообще всех явлений жизни.

В настоящее время имагология занимается в первую очередь исследованиями представления и восприятия национальных образов (этностереотипов), а также противопоставления по линии «Свой – Чужой» в пространстве собственной и других культур. По мнению многих культурологов и социологов, имагология теперь и сама активно конструирует новые образы, манипулируя сознанием. Один из основоположников имагологии чешский писатель М. Кундера пишет:

«Потерпели крах все идеологии: в конечном счёте, их догмы были разоблачены как иллюзии, и люди перестали принимать их всерьёз. Коммунисты, к примеру, верили, что пролетариат в ходе капиталистического развития будет нищать все больше и больше, и когда однажды оказалось, что рабочие по всей Европе катят на работу в авто, они готовы были кричать, что реальность жульничает. Реальность оказалась сильнее идеологии. И именно в этом смысле имагология превзошла её: она сильнее реальности, которая, впрочем, давно уже перестала быть для человека тем, чем была для моей бабушки, жившей в моравской деревне и знаяшей всё по собственному опыту – как печётся хлеб, как строится дом, как забивают хряка и делают из него копчёности, что кладётся в перины, что думает о мире пан священник или наш учитель; каждодневно она встречалась со всей деревней и знала, сколько совершено было в округе за последние 10 лет убийств; у неё был, так сказать, личный контроль над действительностью, так что никто не мог убедить её, что моравское земледелие процветает, когда дома нечего было есть».

В этом своем качестве имагология превращается в имиджмейкерство, т. е. в создание средствами рекламы и пиар-технологий образов политиков, бизнесменов, деятелей шоу-бизнеса, товаров и т. п. для успешной продажи на рынке.

По мнению Кундеры, социологи зачастую становятся проводниками влияния имиджмейкеров: «Опросы общественного мнения стали решающим инструментом имагологической власти, которая благодаря им живет в совершеннейшей гармонии с народом. Имаголог бомбардирует людей вопросами: прибыльна ли французская экономика? будет ли война? существует ли во Франции расизм? а расизм – это

хорошо или плохо? кто самый великий писатель всех времен? Венгрия в Европе или в Полинезии? кто из государственных мужей мира наиболее сексуален? А поскольку реальность для современного человека - материк, все менее и менее посещаемый и, кстати, заслуженно нелюбимый, данные опросов превратились в некую высшую реальность, или, скажем иначе, стали правдой. Опросы общественного мнения - это постоянно заседающий парламент, цель которого - продуцировать правду, причем самую демократическую правду, какая когда-либо существовала. И поскольку власть имагологов никогда не окажется в разладе с парламентом правды, она всегда будет жить по правде, и, хоть все человеческое, как известно, недолговечно, я не могу представить себе, что могло бы сломить эту власть».

«Имидж» (англ. Image) – это образ человека, явления, товара, формируемый с целью оказать эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию в желательном для заказчика направлении.

Точно таким же образом создается имидж страны и народа, как для внешнего, так и для внутреннего потребления. Как правило, это делается в политических целях, и в качестве заказчика выступает правительство. В качестве же исполнителей выступают имиджмейкеры (англ. Imagemaker) – творцы образов. При этом образ народа создают как «свои» так и «чужие». «Свои», обычно представляющие партии, находящиеся у власти, стремятся создать максимально позитивный образ страны, как для своих избирателей, так и для внешнего мира. Последнее призвано помочь проведению внешней политики и сделать страну привлекательной для инвесторов. «Чужими» же в данном случае внутри страны могут выступать представители оппозиции, заинтересованные в смене правительства и в смене его.

Однако до создания негативного образа страны в ходе естественной политической борьбы за власть дело доходит сравнительно редко. Как правило, это случается лишь в тех случаях, когда правящий режим является тоталитарным или авторитарным, и сместь его методами парламентской демократии оказывается невозможным. Тогда смена режима оказывается возможна либо в результате массовых революционных выступлений, либо военного переворота, либо, в крайнем случае, в результате внешней военной интервенции, как это произошло с тоталитарными режимами Германии и Италии и военно-авторитарным режимом Японии в ходе Второй мировой войны или с авторитарным режимом Саддама Хусейна в Ираке в результате англо-американской интервенции.

Во всех этих случаях создание негативного образа режима косвенно ведет к созданию элементов негативного образа страны. Цель этих действий – обеспечить внешнюю поддержку свержению диктатур. Внешний же образ «чужой» страны создается сравнительно редко и обычно является негативным. Это происходит в случае, если между странами происходит война или острый внешнеполитический конфликт, вроде «холодной войны», развернувшейся после Второй мировой войны между СССР и его бывшими западными союзниками. В ходе войны максимально негативный образ противника создается, прежде всего, для населения своей страны. Пропаганда же на население враждебного государства обычно не направлена на создание негативного образа Чужой страны и Чужого народа в целом, поскольку в таком случае она не имела бы никакого эффекта. В этой пропаганде упор делается на разделение народа и ведущего войну правительства, которое, естественно, изображается в самых мрачных красках. В пропаганде же на иные страны, не вовлеченные в конфликт, создается негативный образ врага, но с учетом его восприятия иностранцами он отличается от того, который создается внутри Своей страны.

Во время межэтнических конфликтов внутри государства, равно как и во время межгосударственных конфликтов, пропагандой данного государства для внутреннего и внешнего потребления создается образ Чужой этнической общности как некультурной, жестокой, все члены которой наделены всеми мыслимыми пороками, причем, этот образ распространяется обычно на всех без исключения представителей другой национальности

Есть примеры и по созданию положительного имиджа другой страны. Это происходит обычно тогда, когда после долгих лет вражды прежний противник превращается в союзника. Так происходило, например, в отношениях между Францией и Германией в 1950-е годы.

Образы народов также именуются этническими стереотипами (греч. Ethnos – народ, stereos – твердый, typos - отпечаток). Различают эндо (внутренние)- и экзо (внешние)- этностереотипы.

Эндоэтностереотип – это то представление о своем народе, которое свойственно ему самому. Экзоэтностереотип – это то представление о данном народе, которое свойственно другим народам. Естественно, у разных народов оно будет разным.

По мнению американского социолога Уолтера Липпмана, который в 1922 году ввел сам термин «стереотип», человек, пытаясь постичь окружающий мир, создает в своей голове картину тех явлений, которые непосредственно никогда не наблюдал. Позднее, когда он непосредственно сталкивается с данными явлениями, сложившийся стереотип все равно влияет на их восприятие. По Липпману, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает образ тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек получает ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Такие представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума и существующих в данном обществе традиций. Липпман полагал, что в большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов.

Если личный опыт человека противоречит стереотипу, то большинство людей либо просто не замечают этого противоречия, либо считают его лишь некоторым исключением, подтверждающим правило. Только люди интеллектуально продвинутые при столкновении стереотипа с реальностью изменяют свое восприятие окружающего мира.

Даже если человек сам непосредственно сталкивается с данным явлением (например, знакомится с представителем другого народа или живет какое-то время в другой стране), существующий стереотип сильно влияет на его восприятие, и на преодолении е тех его черт, которые не отвечают действительности, все равно требуется определенное время. В ряде же случаев человек предпочитает оставаться в рамках стереотипа, сознательно игнорируя те черты реальности, которые ему противоречат, или, убеждая себя в том, что они имеют лишь второстепенное значение и не должны кардинально менять сложившийся образ.

Кроме имагологов, стереотипы изучают психологи, социологи, социальные (культурные) антропологи, историки, литературоведы и лингвисты. В частности, можно учитывать работы И.В. Следзёвского и его школы, в которых соотносится проблема формирования политической культуры и стереотипов восприятия, роль мифологического сознания, выработки образа врага в условиях социокультурного кризиса. Выход на психологическую основу (когнитивную психологию) имеют и работы школы В.М. Сергеева, в которых изучались рациональные элементы политического сознания. Авторы этой школы, несмотря на расхождения с коллегами школы Следзёвского, склоняются к одному: нельзя понять политическое сознание без обращения к глубинным психологическим основаниям, без изучения природа бессознательного.

Стереотипы фиксируют стандартное для каждой из существующих культур отношение к ценностям общества. Психолог А.Г. Асмолов в книге «Психология личности» подчёркивает двойственность стереотипа как одну из основных его характеристик. С одной стороны, стереотипы выступают как нерефлексируемые способы решения проблемы в рамках социальной группы, с другой, они выступают как социотипическая характеристика личности, проявляющаяся в столкновении с другой культурой.

Не утратила своего значения и концепция психологического развития человека, разработанная советским психологом Л.С. Выгодским при участии его учеников А.Н. Леонтьева и Л.Р. Лuria. В разработке своей культурно-исторической теории они основывались на опыте гештальт-психологии, французской психологической школы (прежде всего, Ж. Пиаже), а также структурно-семиотического направления в лингвистике и литературоведении («формальная школа»). Несмотря на то, что указанная теория традиционно использовалась отечественными учёными при изучении детской психологии, она имеет универсальное значение. Согласно теории, главная закономерность развития психики состоит в интериоризации (принятия информации в свой внутренний мир) структуры его внешней, социально-символической (т.е. опосредованной знаками) деятельности. В итоге прежняя структура психических

функций как «натуральных» изменяется – опосредуется интериоризированными знаками, психические функции становятся «культурными»

На протяжении многих десятилетий ведется полемика об определении понятия «стереотип». Многие исследователи, общественные и политические деятели вкладывают в слово стереотип исключительно негативное содержание и считают, что общество должно работать над преодолением сложившихся стереотипов, негативно влияющих на отношения между странами и народами. Но более обоснованным представляется другое мнение, согласно которому создание стереотипов является неотъемлемым свойством человеческого мышления, помогающим человеку воспринимать окружающий мир.

Сами по себе стереотипы не хороши и не плохи. В принципе надо стремиться очищать стереотипы от тех деталей, которые очевидно противоречат действительности. Однако слишком быстро сменить стереотип невозможно. Даже при помощи самых мощных средств, например, с помощью телевидения. Попытка же агрессивно и быстро навязать новый стереотип может вызвать обратную реакцию в виде стремления сохранить прежний стереотип, даже если он вопиюще противоречит действительному положению вещей. И создать стереотип, полностью отвечающий действительности, никому еще не удалось.

Любые стереотипы всегда кроме черт, о соответствии которых действительности мы ничего не знаем, имеют и детали, несоответствие которых действительному положению вещей. Однако, по всей вероятности, человеческая психика имеет потребность в сохранении некоторых стереотипных черт, независимо от их истинности. Следует помнить, что главное в стереотипе – это его устойчивость, а не соответствие истине. Стереотип может в большей или меньшей степени соответствовать действительности. Однако в большинстве случаев вообще нельзя с уверенностью сказать, в чем он соответствует, а в чем не соответствует

действительности.

Наряду с термином «этнические стереотипы» часто используют понятия национальные стереотипы, этнические предрассудки, этнические представления, национальные образы и национальные характеры.

Во всех этих случаях речь идет об одном и том же явлении. Стереотипы экономят мыслительные усилия человека, позволяя воспользоваться готовым клише восприятия того или иного явления и освобождая от необходимости дополнительных мыслительных усилий для формирования собственного мнения. В условиях современного информационного взрыва человек не имеет физической возможности самостоятельно изучить все больше значимых для него явлений. Объем информации растет значительно быстрее, чем растут наши возможности, в том числе с помощью сверхмощных компьютеров, даже только обработать новую информацию, не говоря уже о том, чтобы ее усвоить и активно использовать. Поэтому он вынужден во все большей мере полагаться на существующие стереотипы. А это открывает большие возможности для манипуляции сознанием, особенно со стороны тех, кто владеет СМИ. При этом способов борьбы с такого рода манипуляциями общество пока не выработало, и нет уверенности, что в будущем их в принципе удастся создать.

Человеческая психика создает и усваивает упрощенные стереотипы, которые особенно ярко проявляются по отношению как к своим собственным, так и к другим странам и народам. Каждый народ имеет свое устойчивое бытовое представление о других народах на уровне обыденного сознания. Об англичанах принято говорить, что они невозмутимы в любой, самой опасной ситуации. О немцах, что они пунктуальные. О францах, что они влюбчивы и легкомысленные. О китайцах, что они трудолюбивы.

Мы говорим «тиpичный американец», «тиpичный англичанин», «тиpичный русский», имея в виду определенный набор свойств, опирающийся на сложившийся в данный момент национальный стереотип. Таким образом, национальные стереотипы, являясь собирательными, условными образами, отражают этнические и культурные особенности народа, специфику национальной психологии и традиции обоих народов, как того, в отношении которого создается стереотип, так и того, который данный экзостереотип создает. В конечном итоге, любой экзостереотип является результатом взаимодействия культур двух народов.

Многие этнические стереотипы, бытующие в современном человеческом сознании, существует уже на протяжении нескольких десятилетий и даже нескольких веков. Еще в 1822 г. А.С. Пушкин так определил свойства народности:

«Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Фактически здесь описаны свойства этностереотипа. Образ мыслей и чувствований составляет глубинный культурно-психологический склад народного мышления. Он менее ощутим, но от него труднее всего избавиться. Обычаи, поверья, привычки, наоборот, лежат на поверхности, и сразу бросается в глаза. Они подвержены гораздо более быстрым историческим переменам.

Имагология также изучает образы мира, складывающиеся у представителей разных народов, а также те изменения, которые претерпевают образы данного народа и культуры при переводе на другие языки. Представление о стране (или ее образ) также смело можно назвать этностереотипом, потому что оно неразрывно связано и определяется представлениями о народе (или народах), которые данную страну населяют. Эндоэтностереотипы, как правило, в целом позитивны, хотя отдельные несущественные недостатки в портрете собственного народа могут быть вполне допустимы, а иногда даже выходят на первый план. А вот экзостереотипы могут быть как преимущественно позитивными, так и преимущественно негативными. Это зависит как от исторической памяти, так и от современного характера отношений между странами и народами.

Этностереотипы как в обыденном языке, так и в научной литературе часто называют национальными характерами. Синонимом национального характера выступают «менталитет» или «ментальность» народа. Понятно, что особенности национального характера, или менталитета, познаются нами главным образом через этностереотипы. При этом эндостереотипы часто идеализируют нравственные качества своего народа, тогда как экзостереотипы часто искажают образ другого народа из-за незнания его обычая и особенностей его быта. В большинстве случаев оказывается невозможным проверить, насколько черты того или иного этностереотипа соответствуют действительности, присущи ли те или иные черты национального характера всем представителям данного народа, их большинству или меньшинству. Только в достаточно редких случаях удается проверить некоторые черты стереотипов объективными данными.

Например, утверждение, что немцы (русские, китайцы, англичане и т. д.) – пьяницы, легко проверяется статистикой потребления спиртного на душу населения жителями той страны, где этот народ составляет большинство, и ее сравнением с аналогичной статистикой для других стран и народов. А вот как проверить, добрый ли данный народ или злой, трудолюбивый или ленивый, гостеприимный или скопой? Очевидно, что данные качества не могут быть свойственны всем представителям данного народа. Ведь в каждом народе есть люди добрые и злые, трудолюбивые и ленивые и т. д. Объективных критериев определения, каких людей больше, равно как и критериев того, кого считать добрым, злым, трудолюбивым или ленивым, не существует. И уровень экономического развития страны, в частности, в показателях душевого ВВП (Валового Внутреннего Продукта), нельзя считать сам по себе показателем высокого уровня экономики данного народа. Слишком многое зависит от особенностей и уровня социально-экономического развития страны, наличия природных ресурсов и других факторов. Можем ли мы определить, например, кто более трудолюбив, средневековый французский крестьянин или современный американский клерк?

К национальному характеру обычно относят уникальные психологические особенности данного народа (нации). Однако объективно можно установить только тип темперамента, свойственный большинству представителей того или иного этноса. Черты же национального характера – это всего лишь этноэндостереотип (если речь идет о представлении народа о своем собственном национальном характере) либо этноэкзостереотип (если речь идет о национальном характере данного народа в представлении других народов). В то же время, если некоторые черты национального характера устойчиво повторяются не только в эндостереотипе, но и в целом ряде экзостереотипов данного народа, то можно с большой долей вероятности предположить, что эти черты действительно являются частью данного национального характера. При этом, однако, нельзя исключить, что большинство экзостереотипов либо отражают

эндостереотип, либо являются производными от одного из экзостереотипов, которые ранее других сформировался у одного из народов, а потом был заимствован другими.

Но, если соответствие этностереотипов действительности практически невозможно установить, это вовсе не значит, что эти стереотипы не следует изучать и на их формирование не следует тем или иным образом влиять. Ведь стереотипы оказывают чрезвычайно сильное влияние на поведение людей, на их отношение к другим странам и народам, а также на отношения к соотечественникам другой национальности, религии или расы. Можно сказать, что разного рода стереотипы во многом формируют складывающуюся у человека картину мира. Опыт также показывает, что практически не бывает стереотипов абсолютно правдивых и абсолютно ложных. Даже в целом верном стереотипе практически всегда имеются отдельные недостоверные детали.

Первое эмпирическое исследование этностереотипов было проведено в 1933 г. в США Д. Кацом и К. Брейли среди 100 студентов Принстонского университета. Они предложили выбрать из списка 84 личностных черт по пять наиболее характерных для десяти этносов и этнических групп групп: белых американцев, афроамериканцев, англичан, ирландцев, немцев, итальянцев, евреев, китайцев, японцев, турок. Кац и Брейли обнаружили высокую степень согласия в приписывании некоторых черт тем или иным этническим группам. Например, 84% испытуемых считали, что афроамериканцы суеверны, 78% — что немцы способны к наукам и т.п. Кац и Брейли дали следующее определение этнического стереотипа: «Это устойчивое представление, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать».

В начале 1950-х годов по инициативе ЮНЕСКО было проведено широкомасштабное исследование с целью определить:

- 1) как представители одной страны воспринимают народы других стран;
- 2) какие факторы определяют их восприятие.

Для опроса были выбраны те страны, где в населении резко преобладают представители одного этноса. Это — Австралия, Англия, Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, США. Таким образом, полученные данные можно было интерпретировать как этностереотипы, характерные для представителей данного народа: англоавстралийцев, англичан, американцев, норвежцев и т. д. Для опроса не годилась, например, Бельгия, где два основных народа, фламандцы и валлоны, имеют почти одинаковую численность.

Участникам опроса предлагалось выбрать из 13 определений те, которые, по их мнению, характеризуют русских, американцев, англичан, французов, китайцев и их самих. Разница между положительными и отрицательными ответами фиксировалась в виде так называемого «знаменателя дружественности».

Этностереотипы также выявляются на основе анализа прессы и художественной литературы. Следует отметить, однако, что этнические стереотипы определяются, главным образом, посредством проведения социологических опросов. При этом, как правило, респондентам предлагается выбрать из предлагаемого набора характеристик те, которые наиболее подходят для того или иного народа. Однако лишь в редких случаях респондентам позволяют дать собственные характеристики народам, не предлагая им заранее никакого списка. Ясно, что в первом случае социологи, так или иначе, сами влияют на формирование стереотипов, задавая определенные клише.

Опрос, проведенный в июне 2005 г. Центром межэтнического взаимодействия «Диалог» среди 505 нижегородских студентов, главным образом, русских, которым предлагалось назвать первую пришедшую в голову ассоциацию, возникающую при упоминании каждой из 10 национальностей, дал такие результаты:

русских	считают,	в	первую	очередь,	алкоголиками,
украинцев	—	—	любителями		сала,
евреев	—	иудеями,	хитрыми	и	жадными,
азербайджанцев	—	торговцами	на	рынке,	прежде
с	чеченцами	ассоциируются		война	и
					всего арбузами,
					боевики,

с татарами – ислам и татаро-монгольское иго, цыган называют кочевниками, живущими в таборе, чувашей наградили нелестным эпитетом бестолковый, удмуртами почему-то самая значительная часть опрошенных (20%) считает оленеводами, живущими в чумах на севере, курдов-йезидов связали в первую очередь с Кавказом, а не с Курдистаном, и назвали беженцами и борцами за свободу.

В целом в стереотипах преобладали негативные или нейтральные характеристики. Что показательно, отрицательной оказалась главная черта этноэндостереотипа – русских. Положительных характеристик почти не было. Получается, что к Своим, по крайней мере, на уровне стереотипов, русские относятся также плохо, как и к чужим. Следует учитывать, что одни и те же качества разными народами в разные времена оценивались по-разному. Например, немецкий практицизм самими немцами оцениваемый, безусловно, положительно, русскими еще в XIX веке оценивался скорее отрицательно. Наоборот, русская бесшабашность, самими русскими воспринимаемая скорее как положительная черта, у европейцев вызывала, как правило, отрицательные эмоции.

Механизмы формирования стереотипов, в том числе этнических, изучены далеко недостаточно. Не очень понятно, насколько стереотипы поддаются целенаправленному воздействию. Ведь формируются они на подсознательном уровне. Теоретически понимание таких механизмов может помочь целенаправленному формированию позитивных или негативных этностереотипов, в зависимости от задач, которые ставит себе государство. Но сегодня уже ясно одно: главную роль в формировании стереотипов играет телевидение, на втором месте стоит киноиндустрия. По мере роста распространения Интернета он также превращается в важное средство формирования этностереотипов, наряду с печатными СМИ. Иногда стереотип может распространяться ни на один, а сразу на несколько народов, имеющих какие-то общие элементы истории и культуры и воспринимаемые данным народом как нерасчлененное целое. Вот, к примеру, взятая из Интернета пародия на негативный стереотип народов Прибалтики у русских в советское время:

«Прибалты живут в Прибалтике. Они все фашисты, по-русски не говорят. Если спросишь у Прибалта, как пройти на вокзал, он делает вид, что не понимает. Или нарочно объясняет неправильно. Прибалты тихие и вежливые. У них темперамента нет. А женщины развратны. Прибалтам разрешается слушать джаз и рок. У Прибалтов хорошее пиво. Они его пьют в специальных пивных барах со специальными пивными коржиками. Прибалты любят порядок. У них всюду чистота. Когда Прибалт видит, как русские бросают мусор, он начинает шипеть что-то по-прибалтийски. Прибалты очень гостеприимны. Они живут на хуторах. Там у них свое хозяйство, никто не пьет, а по воскресеньям все ходят в Костел. Со снабжением у Прибалтов - не так как у нас. У них со снабжением хорошо. Молочные продукты в ассортименте, всякие сырки в шоколаде, колбаса. Прибалты все ездят на машинах по дорогам. У них дороги в отличном состоянии. В войну Прибалты были против нас, а потом Сталин Прибалтов всех сослал в Сибирь. Поэтому потом Прибалтам разрешили слушать джаз и рок. Но все-таки иногда Прибалты убегают за границу на лодках».

Здесь отдельные положительные черты стереотипа призваны лишь оттенить главную отрицательную черту – будто бы существующую ненависть прибалтов к русским и ко всему русскому. Даже такие положительные черты, как хорошее пиво, хорошие пивные, хорошее снабжение мясными и молочными продуктами, возможность слушать джаз, должны подчеркнуть (а в пародии все черты стереотипа выступают особенно резко) то, что все это отсутствовало в советской России, и наличие у прибалтов всех этих благ цивилизации должно было, по логике данного стереотипа, лишь усиливать ненависть русских к прибалтам.

«Естественно, правительства почти всех стран заинтересованы, чтобы их страна и народ имели позитивный имидж в мире. Однако целенаправленная кампания на государственном уровне по созданию позитивного облика страны и народа не могли проводиться раньше конца XIX века. Тот же Милан Кундера

утверждает:

Философы могут убеждать нас, будто безразлично, что думает о нас мир, что действительно лишь то, каковы мы на самом деле. Но философы ничего не смыслят. Поскольку мы живем с людьми, мы не что иное, как то, за кого люди нас принимают. Думать о том, какими нас видят другие, и стараться, чтобы наш образ был по возможности более симпатичным, считается своего рода притворством или фальшивой игрой. Но разве существует какой-нибудь прямой контакт между моим и их Я без посредничества глаз? Разве мыслима любовь, если мы не озабочены тем, каков наш образ в мыслях любимого? Когда нам становится безразлично, каким нас видит тот, кого мы любим, это значит, мы его уже не любим... Наивная иллюзия думать, что наш образ лишь видимость, за которой скрыто наше Я как единственная истинная сущность, независимая от глаз мира. Имагологи с крайней циничностью открыли, что это как раз наоборот: наше Я лишь простая видимость, неосозаемая, невыразимая, туманная, тогда как единственная реальность, даже слишком легко осозаемая и выражимая, это наш образ в глазах других. И что самое худшее: ты не властелин этого образа. Поначалу ты стремишься сам нарисовать его, затем хочешь хотя бы влиять на него и его контролировать, но все тщетно: достаточно одной злонамеренной формулы, чтобы тебя навсегда превратить в жалкую карикатуру...»

Иными словами, в современном мире человек все больше зависит от собственного образа, причем, этот образ все больше создает не он сам, а другие люди, зачастую независимо от действий. Это связано с тем, что объем информации в мире, в результате информационного взрыва второй половины XX века, возрос настолько, что о подавляющем числе явлений, так или иначе связанных с его жизненными проблемами, равно как и о подавляющем большинстве публичных людей, человеку приходится судить на основе средств массовой коммуникации, заключений экспертов и свидетельств очевидцев. Это открывает большие возможности для манипулирования. В результате сегодня, например, уже подавляющее большинство политиков и звезд шоу-бизнеса являются производными от тех вложений, которые делаются в их рекламу.

Но точно так же, как имидж отдельного человека или явления создается, в первую очередь, средствами массовой информации, образы страны и народа зависят от их отражения в СМИ. Если речь идет об авторитарном государстве, где практически отсутствует свобода слова и СМИ находятся под государственным контролем, этноэндостереотип, заданный властью, в большинстве своих черт воспринимается большинством населения. Правда, в повседневном восприятии он оживляется некоторыми негативными и нейтральными чертами. Точно так же этноэкзостереотипы, носящие преимущественно негативный характер, в таких государствах довольно легко внедряются в общественное сознание средствами государственной пропаганды. А вот в тех странах, где существует свобода слова, как эндо-, так и экзоэтностереотипы формируются более или менее стихийно, без существенного влияния государства и с опорой на культурную традицию. Что характерно, представители национальных элит обычно убеждены в том, что сложившийся образ их страны в мире хуже, чем она того заслуживает.

Еще в 1947 году американец Дж. Лунд вывел формулу создания рекламы: AIDA - внимание, интерес, желание, действие (attention, interest, desire, action). Этот принцип, однако, не вполне применим к созданию образа страны и народа. В своем дальнейшем развитии реклама перешла к созданию образов, способных привлечь потенциальных покупателей, но зачастую очень мало связанных с реальными свойствами товара. Точно так же любая внешняя реклама страны и населяющего ее народа (или народов) строится на образах, как правило, базирующихся на традиционных стереотипах. Итак, образами стран и народов занимается наука имагология. Она изучает образы не только стран и народов, но и, в принципе, любых товаров. Таким образом, как это ни парадоксально, образ страны или народа (этностереотип) превращается в товар. В зависимости от заказчиков, этот образ может быть как положительным и отрицательным, однако его конструирование и последующее бытование зависят отнюдь не только от воли заказчика, но и от непредсказуемых особенностей человеческого подсознания и от опыта общения народов.



БАРАБАШ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ

Доктор филологических наук, Почетный Доктор Хэнаньского университета (КНР)

Должность: завкафедрой массовых коммуникаций, доцент

Курсы: "Основы радиовещания", "Современные медиахолдинги".

Образование: в 1986 году закончил УДН им. Патриса Лумумбы по специальности "международная журналистика", в 1989 году закончил аспирантуру аспирантуру УДН им. Патриса Лумумбы по кафедре русской и зарубежной литературы.

Иностранные языки: английский,ベンガル語.

Опыт работы: иновещание (1989-90 гг.), директор по рекламе программы "Тройка, семерка, туз" (АМИК)(1992-93), с 1990 года работает в РУДН (ассистент, старший преподаватель, доцент), с 2002 года завкафедрой массовых коммуникаций.

Научные интересы: радиовещание в системе СМК, реклама и ПР в системе маркетинговых коммуникаций.

e-mail:barabashv@mail.ru



БОРДЮГОВ ГЕННАДИЙ АРКАДЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), член Экспертного Совета РИА «Новости» и ряда Международных научных фондов.

Родился в 1954 году.

Автор свыше 300 научных публикаций, в том числе монографий и книг «История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества» (1992), «Белое дело: идеология, основы, режимы власти» (1998), «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина» (2004), «Чрезвычайный век российской истории» (2004), «Вертикаль Большого террора» (2008) и др. Редактор и составитель документальных сборников «Неизвестный Богданов» (1994), «Тюремные рукописи Николая Бухарина» (1996 и 2008), «Советская военная администрация в Германии» (1994 и 2006), «Советская политика в Австрии» (2006), «Революционная Россия. 1917» (2007) и др.



КОТЕЛЕНЕЦ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России РУДН.

Родилась 2 марта 1952 года в г. Бухарест. В 1974 году закончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности преподаватель истории и обществоведения со знанием иностранного языка. В 1974 году поступила в аспирантуру историко-архивного института. С 1977 года работает в РУДН в должности ассистента, с 1983 года – доцент. В 1978 году защитила кандидатскую диссертацию. В 2000 году защитила докторскую диссертацию на тему: «В.И. Ленин и его политическое окружение в современной историографии». В 2001 году получила звание профессора.

Принимала участие в международных конференциях, проходящих в Японии, Греции, Финляндии, США.

Перспективы дальнейшего исследования: «Современная историография советского периода; проблема политической истории советского периода».

Некоторые публикации:

«Ленин как предмет исторического исследования»; «Харизматический властный союз»; «Частные письма о революции Мартова и Луначарского»; «Научно-методические рекомендации к изучению курса История России для вечернего отделения»; серия статей в 2005 году «Флорида: русские страницы»; японский журнал. Труды токийского университета «Ленин в советской историографии» (на японском языке).